

Михаил Гус

Дуэль в Кабуле

Михаил Гус

Дуэль в Кабуле

РОМАН

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ УЗССР

Ташкент - 1964

P2
Г96

Неутомимый путешественник и исследователь Средней Азии Ян Виткевич был первым русским дипломатом в Афганистане (1837-1838 годы).

Посвящая роман его жизни, автор рисует широкую картину происходящих событий в Европе и на Востоке.

Это было бурное время.

В Индию и другие страны тянулись руки английского капитала, а Россия распространяла свое влияние на Среднюю Азию.

Редактор на общественных началах
М. И. Швердин

Гус М. С.

Дуэль в Кабуле. Роман.

Т., Гослитиздат УзССР, 1964.

336 стр. Тираж 75 000.

P2
Г96

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

НА ПОРОГЕ ЖИЗНИ

I

В четверг 14 ноября 1820 года и учителям и школьникам Академии Монтроз было не до занятий.

Городок Монтроз, приютившийся на восточном побережье Шотландии, между Данди и Эбердином, был взбудоражен прибывшим из Лондона известием: палата лордов отклонила билль о наказании королевы Каролины, жены Георга IV.

Лорды не согласились с королем, возбудившим против жены процесс по обвинению в прелюбодеянии.

Процесс, и сам по себе скандальный, разогрел давнюю ненависть подданных к Георгу IV. Хотя он вступил на престол только в январе этого, 1820 года, однако в качестве принца-регента много лет вместо своего безумного отца Георга III правил Англией и снискал

общее презрение и неприязнь. Всего только за год до процесса королевские гусары врубались в мирную толпу ткачей и других граждан Манчестера, собравшихся на поле св. Петра требовать реформы избирательного права. Более четырехсот человек были ранены и убиты, и бойня в Питерлоо вызвала негодование во всей стране. Народ называл непосредственными ее виновниками принца-регента и его любимца и друга министра Кестлри.

Не утихло еще негодование, вызванное кровавыми событиями в Питерлоо, а министры внесли в парламент билль, которым сводились на нет неприкосновенность жилища, право собрания, свобода печати.

Парламент утвердил этот билль, прозванный в народе биллем о затыкании рта, в декабре 1819 года, а спустя месяц с небольшим Георг III скончался, принц-регент стал королем Георгом IV. Тогда пылкие сторонники свободы решили одним ударом избавить Англию от ненавидимых министров, перебив их, когда они соберутся на обеде. Полицейский шпион донес о заговоре властям, в феврале 1820 года заговорщики были схвачены и казнены.

В апреле в Глазго и в округе вспыхнула политическая забастовка шестидесяти тысяч рабочих. Их главари замышляли поднять вооруженное восстание. Правительственные агенты обманом заманили наиболее решительных и смелых ткачей в ловушку, и их перебили королевские гусары. Стачка прекратилась.

Да, беспокойно было в Англии в первые месяцы королевского правления Георга IV!

В такой атмосфере общественного возбуждения в Англии и за ее пределами Георг IV в годовщину бойни в Питерлоо возбудил процесс против своей жены.

Лондонцы отвечали овациями в честь королевы Каролины. «Король сделался мишенью всех сатир, всех карикатур и всех проклятий»,— доносил в Петербург русский посол князь Ливен.

Небольшой городок Монтроз, как и вся Англия, торжествовал: ненавидимый, презираемый король посрамлен! Шотландцы радовались вдвойне: унижен был потомок немецких принцев, которых Англия посадила на престол вместо Стюартов, королей Шотландии, присоединивших к своей короне и корону Англии.

Вместе со всем городом радовался и ученик Академии Монтроз, пятнадцатилетний Александр Бернс, сын мэра города Джеймса Бернса, троюродный племянник великого поэта Шотландии Роберта Бернса.

Александр родился недоношенным. Родители, боясь, как бы он не умер, поспешили немедленно его окрестить. Ребенок выжил, однако телосложения был такого, что в школе его называли мелюзгой. Шатен, даже чуть рыжеватый, с серыми глазами на широком лице, имевшем легкие округлые очертания, с небольшим ртом, тонкими губами и ямочкой под губой, с подбородком, хотя и округлым, но крупным, отчетливо выраженным,— этот подросток производил впечатление изящества, даже изысканности, и наружностью своею и манерами.

Над всеми его склонностями и увлечениями господствовала страсть к чтению. Александр увлекся историей — вымыслу он предпочитал факты. Природная склонность к исследованию, к поискам истины находила в истории богатую пищу. В трудах Светония, Плиния, Тацита — латынь была одним из главных предметов в академии — в сочинениях английских историков мальчик познавал людей, их нравы, их деяния.

И вот какой вывод сделал Александр из своих чтений и размышлений: «Истина — дочь времени». Это изречение римского писателя II века Аулуса Геллия он записал в своих тетрадках.

Если в его комнатку доносился с улицы бранный клич сверстников, он бросал книги и мчался из дому, чтобы принять достойное участие в жестокой схватке враждующих «партий». Ни физическая слабость, ни природная нелюбовь к спорту и атлетическим упражнениям не останавливали юнца, который гордился своим именем завоевателя мира. Он был храбр...

Однако кулачным боям предпочитал словесные... «Спор — веселое занятие»,— любил он повторять своим товарищам. Для споров учреждено было мальчиками «Юношеское общество дебатов», и в нем Александр произнес речь на им самим предложенную тему: «Является ли более выгодным для приобретения знаний чтение или путешествия!».

Ответ Александра был таков, какого только и можно было ждать от страстного любителя книг: «Чтение — наиболее выгодно для приобретения знаний». В доказа-

тельство он потряс в воздухе книгой. Это было описание путешествий по Африке, совершенных известным исследователем Бельцони.

Но книжным червем Александр не был, отнюдь нет! Импульсивный, романтический характер толкал его в гущу жизни. И когда Монтроз на другой день после получения известия об оправдании королевы Каролины устроил в ее честь грандиозное празднество, Александр Бернс со своим отцом, мэром города, был на почетном месте, откуда так хорошо был виден замечательный фейерверк...

Вернувшись домой поздним вечером, весь переполненный впечатлениями необычайного дня, он не преминул обратиться к своему дневнику.

Развернув тетрадь, Александр обмакнул перо в чернильницу — их он называл своими верными друзьями — и неторопливо и тщательно записал:

«15 ноября 1820 года. Великолепнейшая иллюминация состоялась в Монтроз и в его окрестностях в честь славного триумфа королевы над ее низкими и отвратительными обвинителями».

Просушив написанное, Александр разделся, задул свечу и лег в постель.

2

Вечером 15 ноября 1820 года было шумно и тесно в маленькой квартирке Юзефа Гурчина, учителя крожской гимназии.

Крожи, крохотный городок с полутора тысячами жителей, затерялся в медвежьем углу Литвы. Но тем не менее гимназисты — все горячие польские патриоты — с неослабным вниманием следили за тем, что происходило в Польше, и были охвачены страстным стремлением к возрождению Речи Посполитой — свободной, сильной, славной...

И когда из Вильно в Крожи приехал Адам Сузин, молодой кандидат философии тамошнего университета и друг Томаша Зана, организатора тайных патриотических обществ, на приглашение Гурчина прийти к нему вечером откликнулось так много народу, что стало не повернуться в небольших уютных комнатках квартиры молодого учителя.

Десяток гимназистов старших классов, два гимназических преподавателя, молодой ксендз, секретарь из нижнего земского суда, молодой офицер Литовского корпуса, приехавший к родным,— все они собрались, чтобы услышать новости.

Время было тревожное. С дальнего юга Европы — из Мадрида, Неаполя, Лиссабона — пламя революции своими языками достигало сурового севера.

В столице Российской империи взбунтовался гвардейский Семеновский полк, чьим шефом был сам император Александр. Мятельный полк был обезоружен и заперт в казематах Петропавловской крепости, но и прочие полки гвардии глухо волновались.

Венский конгресс в 1815 году решил судьбу раздробленной Польши. Герцогство Варшавское, то есть собственно Польша, было передано Российской империи для организации управления по ее усмотрению. Западная часть Польши с Торном и Познанью была отдана Пруссии, Восточная Галиция — Австрии, а Краков обращен в самостоятельную карликовую республику. Польша осталась разорванной на куски...

Александр образовал королевство Польское, связанное династическими узами с Российской империей, «даровал» ему конституцию и принял титул «царя Польского». Фактическую власть в Польше Александр передал своему брату — грубому солдафону и жестокому деспоту Константину — как главнокомандующему Польской армией, и изворотливому, циничному, бессердечному Новосильцеву — как имперскому комиссару при польском правительстве и руководителю обширной и разветвленной тайной полиции.

Но польское общество не хотело примириться с тем, что и на Польшу распространена политика «Священного Союза».

Наряду с оппозицией в сейме возникло тайное революционное общество, созданное честным и смелым патриотом капитаном Лукасинским. Оно ставило целью создание независимой и свободной Польши и, взяв за образец устав и формы деятельности карбонариев, вступило в тайные связи с западно-европейскими революционными организациями, с русскими революционными объединениями будущих декабристов и с тайными польскими обществами в Литве.

Свои ответвления в Литве общество создало с тем большей легкостью, что здесь уже существовали вольнолюбивые тайные организации.

В 1816—1817 годах Адам Мицкевич, Томаш Зан и их друзья, виленские студенты, образовали общество «Филоматов».

Мальчиком на школьной скамье Зан писал стихи, в которых призывал юношей становиться под знамена борьбы за свободу Польши. В Наполеоне он, как и многие поляки, видел тогда освободителя отчизны и воспевал его. Университет Зан почитал не только как рассадник наук, но и как школу гражданской доблести и патриотизма.

В 1820 году Зан, уже не студент, а работник университета, превратил «Филоматов» в общество «Променистых» («Лучезарных»). В силу утвержденного ректором устава, цель общества определялась его официальным названием «Друзей полезных увеселений». Параллельно Зан создал тайное общество «Филаретов» («Любомудров»).

Томаш Зан и его товарищи сознавали общность целей с революционерами и карбонариями всей Европы. «Рона, Тибр, потомки Греции чувствуют, кто их гнетет,— говорилось в стихотворении филарета Янковского.— Можно ли сносить такое бедствие?! Польское юношество, достойное сего названия! Когда тиран запрещает нам открыто любить свое отечество, то, облегчая свой жребий, будем любить его тайно...»

Так обстояли дела в Европе и в Польше, когда в Крочах в квартире гимназического учителя Гурчина сошлись два десятка молодых людей, чтобы послушать эмиссара Томаша Зана.

Когда все расселись — кто на стульях, кто на диване, а кто и на подоконниках,— Юзеф Гурчин представил виленского гостя, и Сузин начал так:

— Политические происшествия в Европе и правительстве, под которым находимся мы ныне, удостоверяют нас, сколь необходимы тесная дружба и единение молодежи, дабы, соединив десницу с десницей, возвратить нашему отечеству прежнее его бытие. А что видим мы? Поляк теперь должен скрывать имя свое, которое так мужественно прославляли предки... Северный деспот, захватив в свои когти миллионы детей Польши, пожи-

рает их. Братья, не изменившие своему племени, все, кто любит свободу, кто ждет, когда рассеются мрачные тучи на нашем горизонте, все, в ком не иссякла священная добродетель любви к отчизне! Соединим свои усилия — единоплеменные значит более, нежели многочисленность. Подадим друг другу руки и будем сообщать и бороться во имя того, чтобы восстановить Польшу в древнем блеске и в обладании благами новейшей свободы!

Сузин замолк. Молчали и слушатели, потрясенные еще более, чем словами, пылом, которым дышала страстная речь приезжего. Однако молчание длилось недолго.

— Да живет отчизна наша. Виват!— раздался чей-то возглас, и все вскочили, окружили Сузина, обнимали, целовали.

Сузин сел около стола, жестом пригласил всех поближе придвинуться к нему и уже спокойно начал рассказывать о тайном обществе «Филаретов».

Он даже спел «Песню филаретов», написанную, пояснил Сузин, молодым учителем в Ковно, окончившим Виленский университет, Адамом Мицкевичем.

Для нас же — сила веры
Вернее меры сил!—

с особенным ударением подчеркнул Сузин эти строчки, и аплодисменты наградили и отсутствовавшего автора и певца...

Все так увлеклись, что и не услышали, как скрипнула дверь и в комнату вошел мальчик лет тринадцати, худощавый, стройный, с высоким лбом, глубоко сидящими черными глазами, с крутым, посредине раздвоенным подбородком. Это был гимназист третьего класса Ян Виткевич, отпрыск старинного дворянского рода. Он зимой жил на квартире у Гурчина.

По мнению Гурчина, Ян был еще мал, чтобы участвовать в тайном политическом собрании, и ему пришлось скрепя сердце остаться в задней комнатке. Но сквозь закрытые двери туда долетала громкая горячая речь Сузина, и Ян слышал обжигающие сердце слова. Он не утерпел и решил нарушить запрет своего хозяина и учителя.

Войдя, он скромно остановился у двери. Гурчин оглянулся, нахмурился. Мальчик взглянул на него с мольбой, и Гурчин, помедлив, кивнул головой. Он хорошо знал настойчивый характер Яна.

Между тем Сузин отвечал на вопросы, которыми его закидали слушатели. А их интересовало все, что происходило в Варшаве, в Петербурге, в Вене, Лондоне и особенно в свободном Мадриде, мятежном Неаполе.

«Удастся ли тиранам, съехавшимся в Троппау, задушить свободу?» — этот вопрос был у каждого на устах.

— Англия не допустит! — воскликнул секретарь суда.

— Англия? — рассмеялся Гурчин. — А кто предал Польшу на Венском конгрессе, как не Англия, кто ненавидит свободу так бешено, как не проклятый Кестлри!

Сузин согласно склонил голову и к словам Гурчина прибавил:

— Король Георг IV и его любимец Кестлри опозорили себя бесчестным преследованием королевы Каролины, которую обвиняют в разврате, между тем как вся Европа знает о постыдном беспутстве Георга. Британское лицемерие! Так и в политике: клянутся в приверженности свободе и натравливают Австрию на Неаполь... Англия, быть может, самый опасный враг свободы народов!

Ян внимательно слушал. Байрон был его любимейшим поэтом, он знал наизусть гневные байроновские строки против тирании, лицемерия, коварства.

Ян не мог простить Британии и того, что она томила в заточении Наполеона, так подло обманутого, когда он искал убежища на «Беллорофоне».

...Было уже близко к полуночи, когда Гурчин предложил разойтись, чтобы дать отдых дорогому гостю, да и самим вкусить от Морфея. Учитель словесности Юзеф Гурчин любил красиво выразиться...

Когда все ушли и Гурчин увел Сузина в свой кабинет, Ян удалился в свою комнату.

Он вынул из ящика тетрадь с дневником и в конце записи, отмеченной 15 ноября и сделанной до начала собрания, приписал:

«Силу измеряй намерением, а не намерение силой. Польша разобьет свои цепи и воспрянет к свободе. Мы это сделаем».

Ян бережно просушил написанное, спрятал тетрадь в стол, разделся, задул свечу и лег.

Еще три месяца, и Александру исполнится шестнадцать лет... Академия Монтроз ничего больше не может дать своему не очень примерному ученику, кроме аттестата и благих пожеланий успеха в жизни.

Но как его достичь? Как отвоевать свое место на жизненном пиру младшему из четырех братьев в небогатой провинциальной семье? Старший брат изучает медицину в Лондоне, чтобы затем служить в Индии. Второй брат работает и учится в конторе у местного стряпчего, друга отца. Третий брат посвящает себя духовной карьере. И один лишь Александр не имеет никакой профессии: его не влечет ни хирургия, ни дебри британского судебного крючкотворства, ни служение богу. Да, он чувствует в себе призвание — он стремится к политической деятельности. Не зря же он так погружался в труды историков, неотрывно следя за перипетиями судеб народных, судеб человеческих...

Политика влекла его. Великий Питт уже в двадцать четыре года был премьер-министром. Но те героические времена ушли в прошлое. Теперь низменный Кестлри стоит на капитанском мостике гордого корабля, именуемого Альбионом. Нет, политической карьеры не сделать ему, известному провинциалу...

И еще размышлял юноша, уединившись в своей комнатке-келье. Фабриканты и купцы богатели. Безработные получили работу. Помещики наживались под защитой «хлебных законов», закрывших доступ дешевому русскому хлебу. Фермерам тоже кое-что перепало из тех пенсов, которые городской люд переплачивал на каждом фунте хлеба. Многим что-либо доставалось из плодов победы...

А ему, Александру Бернсу, его сверстникам, младшим сыновьям не только в своих семьях, но и в своей стране, — им где искать своей доли в общей добычке?

За морем, в Индии... Вот куда устремлялись взоры многих и многих юношей, чье честолюбие и энергия не находили для себя достойного поля действия на родном острове...

Член парламента Джон Юм, политическим агентом которого в Монтроз был отец Александра, обещал записать юношу в юнкера пехоты Индии. Вот об этом и шел

разговор поздним февральским вечером между юным Александром и его отцом.

— Ты, сын мой, не склонен к военной карьере, я знаю, и книгу о путешествиях предпочитаешь странствию по дальним странам... Но я небогат, да и наша Шотландия бедна, а там на юге, в Англии, нам, шотландцам, трудно пробиваться, не имея покровительства... Конечно,— продолжал Джеймс Бернс,— мистер Юм наш друг, и он нашел твоему старшему брату место в Индии, сын мой, а не в Англии... Я получил от него письмо,— вот оно — хлопоты мистера Юма увенчались успехом. Ты внесен в списки юнкеров пехоты в Бомбее.

— Маратская империя сокрушена, пиндари обезврежены, Низам Гайдарабадский, как и владельцы майсорские, приведен к покорности,— сказал Александр, ероша волосы.

— О, ты отлично осведомлен в делах индийских!— воскликнул отец.— Это превосходно и...

— Да,— прервал Александр,— я внимательно читал парламентские отчеты. Индия теперь вся стала английской и... я еду в Индию.

14 марта 1821 года под вечер небольшое рыболовное суденышко бросило якорь вблизи Лондонского моста, среди десятков таких же судов: у самого моста, на северном берегу Темзы, раскинулся рыбный рынок столицы Биллингсгейт.

Александр в мартовских сумерках разглядел на берегу длинную фигуру старшего брата Джеймса. Захватив свой сундучок и пожав руку шкиперу, приятелю отца, Александр с борта прыгнул на скользкий от рыбной шелухи причал и, поскользнувшись, очутился в объятиях брата.

Было воскресенье... Над Лондоном стоял гул сотен, тысяч колоколов. А рынок, через который прошли братья, был безмолвен мертвым безмолвием лондонского воскресенья.

Добрых две мили было до переулка в Уайтчепеле, недалеко от лондонского госпиталя. Джеймс, закончивший в клиниках госпиталя курс медицины, поселился в одном из старых, грязных домов, снизу доверху набитых студентами.

Джон Юм, эсквайр, член парламента, утром в понедельник в своей карете привез Александра в Индиа-хауз и представил мистеру Стенли Кларку, члену Совета директоров Ост-Индской комиссии.

Стенли Кларк, оглядев юношу с головы до ног, неопределенно хмыкнул, порылся среди бумаг на столе и, протягивая Александру плотный серый конверт, сказал:

— Вы зачислены в списки юнкеров в Бомбее, куда вам надлежит отправиться в июне сего года. Вам исполнится шестнадцать лет,— Кларк взглянул в другую бумагу,— шестнадцатого мая, не так ли?

— Да, сэр!

— Отлично, вы принесете присягу — здесь, у нас, в зале Совета... Сегодня пятнадцатое марта? Не так ли?

— Да, сэр!

— Отлично! Два месяца с вами будет заниматься профессор Джилхирст. Не так ли?

— Да, сэр,— машинально повторил Александр.

— Отлично! Итак, в этом конверте письмо к профессору Джилхирсту. Отправляйтесь к нему... Адрес указан на конверте, не так ли?

— Да, сэр!

— Отлично! Надеюсь, вы оправдаете ожидания Компании и Совета директоров!

Из мрачного кабинета, куда сквозь плотные шторы на окнах не проникало солнце, Александр вышел в залитую светом приемную. Зажмурив глаза от этого неожиданного перехода от полутьмы на яркое солнце, юноша сказал вполголоса:

— Мистер Юм, я не подведу вас!

Джон Юм, эсквайр, член парламента, ласково потрепал юношу по плечу:

— Вы не первый и вы не последний, кого я направляю на эту стезю. И еще ни разу я не ошибся!

Два месяца Александр в небольшом кабинете профессора Джилхирста штудировал под его руководством то, что надлежало ему узнать еще до прибытия в Индию: парламентскую хартию 1817 года, определявшую отношения между Ост-Индской компанией, как частной организацией, и правительством Англии; основные положения и административную систему управления Индией, ее политическое состояние и внутренние взаимоотношения с пограничными государствами. Ко всему этому

Александр проявлял жадный интерес, пожалуй, чрезмерный для будущего пехотного офицера... Но он верил в свое предназначение — сделать карьеру на политическом поприще...

Профессор Джилхирст, несколько старомодный, в неизменном черном фраке, коротких штанах, стянутых у колен лентами, и черных чулках, был доволен своим учеником. За два месяца Александр так преуспел в языках хинди и бенгали, что старый профессор только разводил руками.

Знакомил он своего питомца и с Лондоном, с его достопримечательностями, музеями. Александру особенно запомнилась прогулка, во время которой старый профессор сперва показал ему трущобы чипсайда — недаром же эти кварталы именовались «Дешевая сторона». А затем, пройдя извилистыми, узкими переулками, они вышли на маленькую треугольную площадь и увидели с одной стороны красивое здание с классическими колоннами, а с другой — черное приземистое здание без окон.

— Это Английский банк,— сказал профессор,— а вон там, с колоннами, биржа. Войдем сюда!

Пройдя через тесный и темный вестибюль, они вступили в длинный но узкий зал, решеткой с окошечками переделанный во всю длину. В зале стоял неумолчный шум, чем-то напоминавший гул морского прибора. Но то не был шум голосов... Александр вслушался: звон металла. Однако совсем не схожий с перезвоном колоколов.

И тогда он увидел: за решеткой десятки кассиров отсчитывали монеты, и золото тускло сверкало меж их пальцев, с легким звоном скатываясь по мраморным столам в кожаные мешки...

— Золото,— торжественно провозгласил Джилхирст.— Оно стекается сюда со всех концов мира... Но Индия шлет его больше всех. Теперь ты видишь, что такое Индия!

Александр кивнул головой, чувствуя, что голосу его нечего делать в этом золотом хоре...

«Почему же,— смущенно думал он,— так мало поразили меня эти стремительные потоки золота? Ведь ничего подобного не приходилось видеть...»

Задумчивость Александра его наставник приписал подавленности зрелищем Океана Золота. Посещение

кладовых Английского банка входило в программу подготовки тех молодых людей, которых Англия — сиречь Сити — предназначала для поддержания и упрочения системы своего кровообращения!

Проницательность на этот раз изменила старому профессору. Он и не догадывался, о чем его питомец размышлял. А думал Александр о том, что не только во имя золота хочет он жить. «Да, Англия — Владычица Золота,— говорил себе Александр.— Но неужто только на золотых скрепах может держаться она, добрая старая Англия?»

Ответа на эти тревожные вопросы не находил Александр Бернс, готовившийся к тому, чтобы совокупно с сотнями, тысячами таких же молодых людей обеспечить безостановочный золотой поток из далекой Индии в это мрачное здание в центре Сити.

— Этот молодой человек далеко пойдет,— по истечении двух месяцев занятий... сказал профессор Стенли Кларку.— Попомните мои слова, мистер Кларк, мы еще услышим об этом Александре!

— Что ж, Александр — это Искандер Зулькарнаин, великий завоеватель Востока, не так ли, профессор?— И, не дожидаясь ответа, Кларк, втихомолку именуемый «Мистер не так ли», продолжал:— Завтра он принесет присягу и седьмого июня отплывает на пакетботе «Сарра» в Бомбей.

Четыре с половиной месяца шла «Сарра» из Лондона до Бомбея — вдоль западного побережья Африки, вокруг Мыса Доброй Надежды, через Индийский океан...

21 октября 1821 года Джеймс, помощник хирурга в военном госпитале Бомбея, и Александр, юнкер пехоты, сошли на берег в Бомбее — с малым количеством денег, но с решимостью проложить путь к славе и благосостоянию.

4

Сверкнула искра вновь.

Испанца смуглого вскипела кровь:

Тот гордый дух, погнавший мавров вспять,

От сна восьми веков сумел восстать.

На той земле, где солнца луч горяч.

Там, где «испанец» значило «палач»,

Где Кортес прошагал Пизарро след.
Там вправду обновился Новый свет,
Вновь стал он юным; загорелся вдруг
В поникшем теле старый славный дух,
Тот самый дух, что гнал персидский флот
От берегов Эллады... Вновь живет
Эллада; грозно распрямляют стан
Илот Европы, раб восточных стран:
На Атосе, на Андах — в двух мирах —
Стяг вольности — один и тот же стяг!

Пламенные строки Байрона на весь мир возвещали, что ошибся Меттерних, когда хвастливо заявил: «Революции приелись, и скоро мода на них пройдет...»

Сердца польских патриотов бились в унисон с сердца-ми мужественных испанских борцов за свободу.

Взоры польской молодежи обращены были и к Греции, где маленький народ мужественно отстаивал свою независимость против турецких полчищ, открыто поощряемых Меттернихом и косвенно поддерживаемых императором Александром.

Новосильцев через разветвленную сеть своих агентов знал, что крепчает в Польше и Литве «революционная зараза». И он писал императору Александру, настаивая на уничтожении польской конституции.

«Демократические и революционные принципы привьют гангрену всему народу и наконец вызовут в нем пламенное желание переменить монархическое, даже отечески-попечительное, правительство на самое тираническое и буйное, основанное на самодержавии народа, то есть на правительство республиканское».

Новосильцев не ошибался: польская молодежь была обуреваема пламенным желанием добиться «самодержавия народа»...

По примеру студентов Виленского университета во многих городах Литвы ученики гимназий создавали тайные патриотические организации. Не составляла исключения и гимназия в Крожач.

Гимназист Янчевский предложил Песляку, Зеленевичу, Ивашкевичу и Виткевичу учредить свое тайное общество.

— Мы назовем его «Черными братьями», — сказал он товарищам, когда они вечером собрались у костела

на горе. Здесь в языческие времена приносились жертвы богине охоты Меджиойме.

— Почему же «Черные братья?»— спросил Виткевич.

— Все мы, поляки,— братья,— сказал Янчевский,— а «черными» мы будем называться потому, что темная ночь опустилась над отчизной, и в ее тьме мы, черные братья, невидимые, будем готовы на все — даже на жертвование жизнью во имя нашего дела...

— Когда принесем присягу? Сейчас, тут? Янчевский, по голосу угадав, кто это спрашивает, горючо, даже запальчиво ответил: .

— Присяги, Стась, у нас не будет! Присяга основана на религии, а религия из одних побасенок только и состоит...

Короткое молчание... И раздается другой голос:

—А печать у нас будет?

— Это ты, Ян?

— Я, — ответил Виткевич. — Предлагаю, — сказал он,— чтобы на нашей печати была мертвая голова и скрещенные сабли. Я нарисую!

— Добудем пистолеты!— воскликнул Песляк. Янчевский вытащил из своей трости острый стилет, на миг блеснувший в ночной тьме, поднял его и сказал:

— Теперь, черные братья, споем «Печаль Сармата», и да будут нашей клятвой эти слова: «Где же любовь к отчизне? Или смерть ужаснее цепей?»

«Братья» собирались у своего товарища Песляка и у гимназического учителя Гурчитса. Устраивали они сходки и в классах по окончании занятий. Читали запрещенную политическую литературу, рассуждали о несчастном положении польской отчизны, о ее былой славе, о конституции 3 мая 1791 года.

Ян Виткевич очень серьезно отнесся к своему участию в тайном обществе.

А политическая обстановка в Польше все более усложнялась.

Из Парижа от русского посла прибыло в Варшаву чрезвычайное сообщение.

Капитан Карский был послан в Париж Лукасинским, чтобы вступить в сношения с французскими революционными организациями. Но Карский почел за лучшее для себя со всеми бумагами и с повинной явиться в Российское императорское посольство. Великий князь

Константин ведение дела о столь чрезвычайной крамоле возложил на имперского комиссара, и Новосильцев с пылом полицейской ищейки принялся за следствие.

В Варшаве Лукасинский и его друзья были арестованы. Многочисленные аресты следовали один за другим во всех концах Польши. А отсюда нити повели в Литву, к тайным организациям, с которыми связано было патриотическое общество.

...В Вильно Новосильцев придирчиво рассмотрел все бумаги и материалы, какими располагала секретная комиссия. Того, на что он рассчитывал, не было: связи с варшавским тайным обществом...

С тем сенатор и покинул Вильно.

Ян Виткевич, на летние каникулы возвратившийся под отчий кров, привез в имение среди многих книг два скромных томика, на обложке которых стояло: Адам Мицкевич.

То были стихи, польская Поэзия с большой буквы, как объявил Ян старшему брату, показывая книжки... Он упивался и музыкой стиха, и силой чувства, и глубиной мысли молодого поэта.

А главное, искал в стихах своего кумира ответа на вопрос: когда же настанет черед Польши поднять знамя борьбы за свободу?

Конечно, и перед Байроном он благоволил по-прежнему. Но тот все-таки был иноплеменник. А Мицкевич — свой, свой до кончиков пальцев, до мозга костей!

Ян повторял крепко запомнившиеся ему строки «Песни филаретов»:

Для нас же сила веры
Вернее меры сил!

Этих строк, как и всей «Песни филаретов», разумеется, не было в книге. А была в ней баллада «Романтики», и в ней слова: «Не премудрость пустая, мне ближе чувство и вера» — находили горячий отклик в сердце Яна.

Вера в Польшу, в ее возрождение. Потому-то безмерно волновала его поэма «Гражина», этот поэтический гимн во славу польской свободы и независимости от чужеземного ига.

Единство сил — вот верный
наш оплот!

— Да, прав поэт,— сказал вслух Ян, закрывая книгу.— В единстве сил народа, в его вере в Польшу — наш оплот...

5

5 ноября 1821 года Александр Бернс был причислен к 1-ому батальону 3 полка туземной пехоты в Бомбее.

19 ноября он участвовал в параде и отметил в дневнике:

«Я начал свою военную карьеру».

Бернс начинал ее в обстановке, которая несколько отличалась от еще столь недавнего бурного прошлого.

Индия, от Майсора на юге Декана до Дели и Непала на севере Индостана, стала английской.

Вице-король Индии лорд Керзон впоследствии писал о положении в стране "в это время:

«Дух тревожной усталости почил над Англо-Индией. Романтика приключений спала. Случайный спор о наследовании в каком-нибудь туземном государстве возбуждал чувство любопытства среди равнодушных сборщиков налогов и дремлющих судей или будил надежды на какое-либо дело в казармах или лагерях. Но усыпляющая монотонность не встречающего сопротивления господства не прерывалась. Гурки были спокойны, сикхи ласковы, и бирманцы не проявляли склонности шевельнуться. Но была ли мертва политическая изобретательность; и разве не мог способный молодой человек, жаждущий карьеры, открыть опасность или изобрести врага, которого можно было бы изобразить ужасным? Александр Бернс, нуждаясь в применении своих способностей, сделал все, что мог, чтобы найти новое применение для энергии».

В 1843 году в поисках счастья прибыл в Индию и поступил на службу Компании молодой француз граф де Варрен. Он оставил нам красочный портрет тех, кто в 30-х и 40-х годах искал и находил применение своей энергии, расширяя и упрочивая власть Англии над «жемчужиной в ее короне».

«Эти лица странствуют на свой собственный счет или на счет правительства; они проводят долгие годы, не видя ни одного европейца, и долгое пребывание среди диких племен придает их внешности нечто почти столь же дикое, как и нравы тех, с кем они были связаны. Иной раз можно увидеть человека с бородой, отращен-

вой за много лет, в наряде, имеющем весьма мало следов Европы, с кожей, получившей свою окраску под южным солнцем, и со взором, усвоившим его огонь. Покрывающие верхнюю губу густые усы, спокойное, но суровое, энергичное, характерное выражение с трудом позволяют признать в таком человеке англичанина; в нем больше от испанца или араба. Его голова имеет лоб обширный и гордый; густые кудри волос слегка посеребрены; можно прочесть на его челе три качества, существенных и необходимых для избранной им роли: дух предприимчивости, отвага, призвание политика. Какое глубокое и интимное понимание человеческого сердца должен он иметь! Через сколько опасностей, волнений, приключений и катастроф должен он пройти! И вот возникает естественный вопрос: как же закончится эта жизнь? Наградями и почестями, воздаваемыми благодарной родиной, или мученичеством? Узрит ли он вновь скромный кров отца своего или вдали от своих станет жертвой кинжала или яда? Таков пионер английского величия! Это Поттинджер, это Стоддарт, это Конноли, это Александр Бернс! Новые Колумбы — открыватели новых миров, прокладывающие новые пути для промышленности, создающие новые рынки для торговли; орудия, которые всегда должны создавать ловкое и великодушное правительство, предоставляя патриотизму двойное воздаяние: богатство и славу в конце карьеры».

Так панегирически нарисовал портрет Бернса и его коллег французский искатель фортуны в Индии.

Взгляните на портрет Александра Бернса, воспроизведенный в его книге «Кабул». Путевые записи в 1836, 1837 и 1838 годах. Как совпадает он со словесным портретом Э. де Варрена!

Но мы забежали вперед, ибо в ноябре 1821 года юный участник военного парада в Бомбее еще не был тем известным всему миру путешественником-разведчиком, каким изображен на этом портрете. Взор шестнадцатилетнего юноши еще не приобрел пронзительности, какую мы видим на портрете, не было в глазах огня, о котором говорит де Варрен, и губы под густыми усами еще не были так сжаты, наглухо замыкая мысли...

Молодой офицер привез рекомендательные письма к генерал-губернатору и другим влиятельным лицам.

«Генерал-губернатор принял меня с большой вежливостью и пригласил на самый великолепный праздник, на каком я когда-либо присутствовал,— писал Александр домой.— Он был исключительно ласков, что было нелегко в обществе, большую часть которого составляли генералы и другие важные лица».

И Бернс искренне сознавался: «Мне очень нравится страна, и у меня вовсе нет желания возвращаться домой. Тут у меня все, чего можно пожелать: много времени для себя, командир — джентльмен, много очень приятных братьев-офицеров».

Юноша из маленького шотландского городка попал в замкнутую, привилегированную касту, в которой обычная офицерская спесь соединилась с чувством презрения к «туземцам» вообще и к солдатам-туземцам в особенности.

Непроходимая пропасть разделяла офицеров и солдат. Строгое взыскание постигало офицера, который позволял солдату в обращении к себе малейшие отступления от требований устава.

Наемник, получавший в десять раз больше наивысшей платы, какую платили рабочим, батракам, слугам,— этот солдат становился вышколенным, послушным орудием в руках своих начальников. Его хорошо оплачивали, хорошо кормили, хорошо одевали, и он знал, что в случае непослушания перед ним выбор: либо быть высеченным, либо заключенным в тюрьму, либо повешенным. Бесполезно было бы говорить этому солдату о чести и славе: он знал, что слава — аристократка в английской армии и достается лишь джентльменам-офицерам.

Компания не жалела денег на своих офицеров. Лейтенант получал 50—60 фунтов стерлингов в месяц, и когда Бернс был произведен в этот чин и назначен полковым адъютантом, он с восторгом писал родителям: «Ни один человек в здравом рассудке не откажется от места с 60—70 фунтами в месяц».

От столь щедро оплачиваемого офицера требовали, чтобы его образ жизни говорил о могуществе и величии той страны, чья армия призвана была держать в повиновении и страхе покоренную страну. До дюжины слуг, несколько лошадей имел офицер; свое жилище он обставлял с восточной пышностью. И еще большая роскошь

царила в офицерских клубах, где за общим столом собирались все — от генерала до младшего лейтенанта. Серебряные сервизы, хрустальные канделябры, золотые вазы с цветами, множество слуг — все это придавало офицерскому собранию воистину королевскую пышность.

Блеск огней, великолепие мундиров ослепляли новичка, впервые попадавшего на такой прием...

О делах служебных, о том, чем занимался офицер с утра на учебном плацу, здесь упоминать не разрешалось: говорили о политике, об охоте, о лошадях...

Итак, не удивительно, что Александр писал о своих товарищах, офицерах 11-го полка бомбейской пехоты: «Никогда, быть может, не было более достойного и приятного собрания людей... и я провожу время очень приятно».

Служба в армии тем более нравилась Александру, что позволяла офицеру без всякой скарденности, ни в чем себе не отказывая, копить деньги. И он посылал домой по 250 и более фунтов стерлингов, «Как это будет приятно моему отцу,— отметил Бернс в дневнике,— ведь он не мог с уверенностью многого ожидать от меня...»

Еще и тем хороша была служба в армии, что давала возможность тому, кто желал, приобретать много знаний в языках, истории, политических отношениях, нравах и обычаях Индии и сопредельных стран. А Бернс к этому и стремился. Он писал домой: «Покинув родную страну и имея склонность к науке, я принялся здесь приобретать возможно больше знаний о нравах, обычаях, законах, религии этой страны».

«Жизнь моя посвящена науке, и мой полковник справедливо решил, что я стремлюсь к политическому назначению»,— писал он отцу.

Очень быстро Александр сдал экзамен на переводчика, что было первым шагом в той военно-политической карьере, о которой он мечтал.

6

День 27 ноября 1823 года стал днем крутого перелома в судьбе Яна Виткевича...

1823 год начался в Европе под зловещим знаком решений Веронского конгресса Священного Союза.

Испанская свобода была задушена. Вождь народа, доблестный Риго, 7 октября 1823 года был повешен на площади в Мадриде...

Участь Греции, так же осужденной в Вероне, сложилась иначе. На помощь ей пришли лучшие люди многих стран Европы.

Байрон летом 1823 года снарядил на свои средства военный корабль «Геркулес» и отправился на Корфу, чтобы подготовить экспедицию добровольцев в Грецию.

И в Польше борьба испанцев и греков за свободу рождала горячие отклики.

Одним из них было «чрезвычайное происшествие» в Виленской гимназии.

3 мая 1823 года гимназист пятого класса написал на школьной доске:

«Да здравствует конституция 3 мая! О, как сладки воспоминания о ней для нас, поляков, но нет человека, который бы доискивался ее... Поляки, восстаньте для защиты вашего великого дела!»

Крамольная надпись стала известна литовскому генерал-губернатору... Он немедленно послал в Варшаву донесение великому князю Константину. Константин передал его Новосильцеву. Новосильцев тотчас выехал в Вильно, чтобы лично руководить розысканием и уничтожением корней и побегов крамолы.

Днем и ночью производились допросы арестованных и свидетелей. Запугивания, провокации, даже побои — все было пущено Новосильцевым в ход, чтобы раздуть дело и представить студенческие и ученические организации как опаснейший заговор, угрожавший самому существованию Российской империи.

О следствии в Вильно, об арестах, о допросах и об их жестоких методах весть быстро разошлась по Виленскому учебному округу и взбудоражила гимназии и училища. Докатилась она и до Крожей, и возбуждение охватило «черных братьев».

— Нужно действовать,— сказал по окончании классов Виткевич президенту Янчевскому.— Нельзя спокойно смотреть, как гибнут наши соотечественники, наши товарищи.

— Что ты предлагаешь?

— Поднимем всех! В Крожах, в Россиенах, в Кейдахах — повсюду пусть раздастся клич: «Смерть тиранам!»

— Хорошо! Приходи вечером ко мне.

Это было 27 ноября 1823 года. В десять часов у Янчевского собрались «черные братья». Последним пришел Виткевич. Войдя в небольшую, освещенную двумя свечами комнату, Ян сбросил мокрый плащ и вытащил из внутреннего кармана куртки тетрадь.

— Слушайте, вот что я написал!

Он развернул тетрадь и, почти не глядя в нее, звенящим голосом начал читать, и глубоко сидящие черные глаза горели необычным для этого спокойного юноши огнем.

«Сородичи! Рожденный от крови польской и не будучи в силах сносить рабства, я призываю свергнуть его! Но о горе! Слезы прерывают речь мою, и я едва могу говорить. Иосиф, князь Понятовский! Возмог ли бы ты допустить, чтобы с отечеством твоим поступали так, как не решился бы поступать ни один великодушный монарх! Во что обратилось отечество твое? Увы, так допустили боги... К свободе, братья, к свободе! Не покоряйтесь варварам, пусть покорятся они вам».

— Виват!— не утерпев, воскликнул Зеленевиц. Виткевич поднял руку, чтобы ему не мешали, и продолжал полным скорби голосом:

«О Наполеон! Я обращаю к тени твоей свой слабнущий голос. Мы видим теперь правду в горести, лукавство в веселии, коварство в почете, но не видим свободы. Воодушеви же поляков, чтобы они не несли ига чужеземного!.. В юношестве польском еще отзывается дух свободы, который не погаснет вовеки; в нем играет еще Костюшкина кровь. Крожское юношество! Да возбудится я в тебе дух свободы! Пожертвуйте, братья, собою для завоевания свободы, умоляю вас во имя отчизны! Будьте же готовы прийти к нам на помощь, когда ее потребуем, а письма эти распространяйте между лучшими, храня полную тайну. Да здравствует конституция и ее могущественная сила — свобода, единство, независимость! Да живет в веках Польша!»

Миг молчания, и все вскочили, окружили Яна, подняли на руки, чтобы качать.

— Стойте, стойте, братья, это еще не все!.. Виткевич помахал в воздухе своей тетрадкой.

— Дайте дочитать до конца.

Его бережно опустили на пол, и «черные братья»

услышали письмо, адресованное директору гимназии Девяте:

«Высокомыслящий пан директор! Дело, в котором народ ждет от тебя помощи, таково: ты знаешь состояние политических обстоятельств и потому можешь знать, чего требует отечество от своих сынов. От особы твоей мы больше ничего не требуем, как только не препятствовать нам, когда мы употребим в дело несколько десятков вверенных тебе юношей. Не разрывай уз единства, не откажи в своей помощи, почтенный муж, но действуй с осторожностью и в тайне. Народ вопиет из глубины пропасти. Разврат, негa и попрание прав есть гибель его. А деспотизм и неволя — наказание тем, кто не радует о его свободе.

Дело свое мы предпринимаем, руководствуясь правотою совести. Мы не боимся, хотя и знаем, что обнаженное оружие сеет страх и смерть».

Янчевский обнял Яна, поцеловал его в губы, прижал его правую руку к своему сердцу.

— Теперь идем! — вскричал пылкий Игнац Зеленевич.— Идем, и пусть знают, что в нас — Костюшкина кровь!

— Куда «идем»? — спокойно спросил Томаш Песляк. — Теперь ночь, все спят.

— Ночь — наш союзник. Мы «черные братья», — сказал Виткевич.— Под ее покровом мы разбросаем наши воззвания по городу. Надобно их переписать побольше.

— Верно, верно,— раздались голоса.— Давайте будем писать.

Янчевский взял из рук Виткевича его тетрадь, поднес ближе к своим близоруким глазам, всмотрелся в написанное и покачал головой.

— Наши почерки хорошо известны в гимназии.

— Я своему младшему брату дам, переписать,— сказал Сухоцкий.— Он не учится в нашей гимназии.

— А я умею писать по-писарски, как в канцелярии, и напишу за эту ночь пять штук,— обещал Томаш.

— Прекрасно, и я тоже напишу два или три листа,— прибавил Ивашкевич.— Только вот что, Ян, добавим к письму пану директору такие слова: «Призывая на вас благословение отчизны, я удаляюсь в южные страны». Пусть думает, что это написал чужестранец, тогда нас не будут разыскивать.

Виткевич улыбнулся:

— И ты надеешься такой хитростью обмануть наших палачей! Нет, Винцент, не хитростью, но мужеством мы вооружимся! Пусть знают, что и мы умеем сражаться и умирать за родину, как гордые испанцы, как храбрые греки... Братья, пятьдесят дней назад подлые палачи удавили в Мадриде рыцаря народного Риего. Он умер за свободу, за отчизну. Славная смерть, славное бессмертие! Враги стоят друг против друга, братья: народы ищут свободы, тираны заковывают их в цепи. Слушайте!

Виткевич вынул из кармана небольшую книжку и начал читать стихи. Ян читал по-английски и, хотя товарищи его и не понимали слов, но он читал так, что строки Байрона звучали, как набат:

Здесь люди встанут круче волн морских,
Тираны усмирить не смогут их!..

27 ноября ночью, под проливным дождем, «черные братья» собрались на горе в небольшой роще у западных стен костела. Янчевский назначил каждому, куда отнести и куда подбросить прокламации. Один листок он прибил на главных дверях костела. Письмо директору гимназии вызвался подсунуть под дверь Сухоцкий. «Братья» крепко пожали руки друг другу, обнялись и молча, по одному спустились с холма в темный, спящий городок. Последним ушел Виткевич.

Утром 28 ноября Крожи переполошились... Обыватели, нашедшие в своих дворах, на ступенях, в щелях окон листки, читали и перечитывали их, показывали соседям, в изумлении качали головами.

Директор гимназии Девята, прочтя обращенное к нему письмо, растерялся. А тут еще сосед принес листок с обращением к юношеству. Директор, напуганный до смерти, приказал сыну переписать обе бумаги. Копии он с рапортом отослал в Вильно ректору университета, а подлинник представил в местный суд.

Доставленные в Вильно крамольные листки от ректора проследовали в следственную комиссию. Новосильцев тотчас же отрядил в Крожи членов комиссии Байкова и Ботвинко. В пути они перехватили письмо, которое один из служащих университета послал в Крожи к учи-

телю Гурчину с предупреждением о едущих в Крожи следователях.

В Крожах Банков и Ботвинко принялись за дело с рвением. Им удалось дознаться, что «подметные письма» составлены и разбросаны учениками шестого класса Янчевским, Виткевичем, Сухоцким. Приведенные на допрос юноши не сумели скрыть от изощренных следователей, что состоят в тайном обществе «Черных братьев» и что «подметные письма» писаны Виткевичем.

Не тратя больше времени, следователи посадили в кибитки арестованных и отправились в Вильно.

Внимательно прочтя обращение к юношеству и письмо Девяте, Новосильцев вызвал к себе их автора.

Когда Виткевич был введен в кабинет, Новосильцев сказал ему на дурном польском языке:

— Я плохо знаю ваш язык, вы не знаете нашего?

— Будем говорить по-английски,— прервал его Виткевич.— Вы его знаете лучше меня!

— А вы тоже владеете языком Шекспира?

— И Байрона!

— Отлично! Английская речь точна и отчетлива, и мы, смею полагать, договоримся... Садитесь! Итак, вы призываете тень корсиканца, чтобы она воодушевила ваших соотечественников. Какое, однако же, трагическое заблуждение! Наполеон был злейшим врагом Польши. «Польша — труп,— говорил он.— Она не должна получить самостоятельного существования, я извлеку отсюда солдат, офицеров, продовольствие, фураж». И он обобрал ваше отечество до нитки, этот великий человек, вверг его в пучину бедствия. Вы не согласны?

Виткевич, сидевший прямо, со скрещенными на груди руками, с крепко сжатым ртом, смотрел в упор на пятидесятилетнего человека, плотного, неуклюжего, с красным лицом и сизым носом картофелевидной формы, с серыми, косыми, бегающими во все стороны глазами, с торчащими из рта остатками зубов.

Услышав обращенный к нему вопрос, Ян сделал почти неприметное отрицательное движение головой и не промолвил ни слова.

— Вы не согласны. Наполеон дал Польше имя «герцогства Варшавского», и польские депутаты сказали, что это оскорбительно для польского народа. Наполеон прикрикнул на них, что дает много больше того, на что

поляки могут рассчитывать. Ему не Польша нужна была, плевать ему было на нее. Ему нужен был трамплин для скачка на восток, и поляки сгоряча подставили ему свою спину....

Виткевич упрямо молчал. Новосильцев начинал раздражаться.

— Или вот еще вы написали: Иосиф, князь Понятовский... Какое заблуждение счесть национальным героем этого жалкого комедианта, этого бездарного генерала и никудышного политика.

— Вы негодяй,— сказал очень тихо, почти не разжимая зубов, Виткевич.— Вы не смеете оскорблять память последнего рыцаря Польши.

Новосильцев саркастически улыбнулся: входило в его расчеты заставить юношу потерять самообладание.

— Напрасно вы пытаетесь оскорбить меня,— сказал он дружелюбно.— Я много старше вас, и слова юнца не могут меня задеть. А вот вас мне искренне жаль! Ну что, в самом деле, вы тут нагородили?

Новосильцев взял со стола переписанное в его канцелярии на превосходной бумаге каллиграфическим почерком «обращение к юношеству».

— «Пожертвуем собой для завоевания свободы...» Очень красивые слова. А дела? Что вы можете сделать, вы — горстка юнцов? Благодарите бога, что ваши безумные замыслы остановлены в самом их начале, а не то и вас постигла бы участь Риго. Или вы хотите залить Польшу кровью, как залита Испания, погубить тысячи и тысячи обманутых громкими фразами юношей, толкнуть в пропасть вашу отчизну? Отвечайте же, если вы честный человек!

— Греция,— сказал Виткевич, в упор глядя на Новосильцева. И повторил с силой:— Греция!

— Греция... Греция прельщает вас, безумцы. Греция — узел, в котором сплелись противоположные интересы главенствующих держав европейских: России, Англии, Австрии — и столкновение их образует вокруг Греции как бы заколдованный круг, в коем греков допускают безумствовать.

Виткевич вскочил со стула, порывисто шагнул к огромному столу и заговорил страстно:

— У Польши есть истинный друг — это польский народ. Мы плоть от плоти, кровь от крови славных отцов

и дедов наших, мы держим в своих руках будущее отчизны нашей. Да, мы, поляки, хотим, чтобы белый польский орел расправил вольные крылья свои.

Новосильцев отпрянул от Виткевича, схватил со стола колокольчик, резко взмахнул им. Два солдата мгновенно возникли в распахнувшейся позади стола двери.

— Попался, голубчик, вывел я тебя на чистую воду!— грубо крикнул Новосильцев.— Взять его и отвести в каземат! Тебя будут судить военным судом, как бунтовщика и изменника, и ты попомнишь, как оскорблять меня!

Кровь отхлынула от лица Виткевича. Дюжие солдаты схватили его с обеих сторон, поволокли к двери.

— Смерть тиранам! — крикнул он.— Да живет Польша!

Военно-судная комиссия во главе с генералом бароном Розеном приговорила Янчевского как учредителя и председателя «Черных братьев» к заключению в крепости на десять лет, затем к ссылке в солдаты без права выслуги. Виткевич и остальные «черные братья» приговорены были к лишению дворянского звания и сдаче в солдаты на Оренбургскую линию без права выслуги.

11 марта 1824 года великий князь Константин утвердил приговор, а в апреле Ян Виткевич, по личному распоряжению Новосильцева закованный в кандалы, отправлен был из Вильно в дальний путь в Оренбург,

ПЕРВЫЙ ИСКУС

I

Восемнадцатилетний Ян Виткевич очутился в Орске. А двадцатилетний Александр Бернс в это время находился за четыре тысячи километров от Орска, в пограничном с Индией княжестве Катч.

Но если для Виткевича, солдата без выслуги в Орском гарнизонном батальоне, будущее было покрыто беспросветным мраком, то перед двадцатилетним лейтенантом Бернсом открывалась карьера, о которой он мечтал с первых дней пребывания в Индии.

И ни тот, ни другой и думать не могли, что через тринадцать лет их пути скрестятся в Кабуле...

* * *

Принимая назначение адъютантом, Бернс честно признался полковнику Кемпбеллу, что хотя его помыслы направлены в другую сторону, однако ни один здравомыслящий человек не откажется от должности, оплачиваемой 60 фунтами в месяц.

Бернс добросовестно выполнял свои обязанности и в штабе полка, и в офицерском собрании за общим столом, где он должен был поддерживать традиционный порядок строгой респектабельности и наблюдать за поддержанием такой пышности, которая невозможна была даже в знаменитом Атендеум-клубе, где коротал свое время сам герцог Веллингтон... А свободное время Бернс посвящал занятиям языком, географией, историей сопредельных с Индией стран.

Его нетерпеливый, импульсивный, романтический характер влек его к полным приключениям и опасностям странствиям по неизвестным землям. Но путешествия бывают разные: с научными целями, для изучения природы и народов, деловые, коммерческие и — самые интересные — странствия с политическими целями. Вступить в сношения с государями и вождями восточных стран, заключать договоры, распространять и упрочивать влияние Англии и тем самым увеличивать ее могущество и славу — вот что влекло скромного адъютанта скромного пехотного полка в Бомбее.

Своему имени Александр не мог не придавать особого значения, находясь так близко от тех стран, которые прошел великий завоеватель древности Александр Македонский — Искандер, или Искандер Зулькарнайн, как его называют на Востоке.

Бернс читал и перечитывал древних историков. По картам он следовал за своим героем... Вот македонянин, покорив Ассирию и Вавилонию, движется дальше на Восток, завоевывает Парфию, спускается к югу, захватывает нынешний Афганистан, подчиняет себе Согдиану, А потом взоры завоевателя обращаются к Индии — к заветной его цели. И вот он переваливает через Гиндукуш, переходит Инд и вступает в Пятиречье — Пенджаб, чтобы отсюда двинуться к Гангу... Увы! Тут усталость войск, их недовольство заставляют Александра повернуть назад...

Александр Бернс тоже останавливается на карте и долго внимательно смотрит: верховья великой реки и Пятиречье между нею и Сетледжем теперь доступны для британской торговли. Но дальше, вниз по Инду до океана,— дальше пути нет. А ведь Зулькарнайн, отказавшись от мысли достичь Ганга, погрузился на корабли и спустился по Инду до его впадения в океан — в Эритрейское море, как он тогда именовался

Как интересно было бы повторить путь Александра!..

Александр Македонский сделал это в 325 году до нашей эры. А сейчас, думает Бернс, склонившись над картой, сейчас идет 1825 год христианской эры... Тоже двадцать пятый... Александр задумывается над этим совпадением. Ведь он в дневнике признался самому себе, что он фаталист — верит в силу рока, тяготеющего над человеком.

Он верит в свою добрую фортуна, и она его снова обласкала. Полк из Бомбея в апреле 1825 года спешно перебрасывают на север в Катч. Катч — небольшое, пока еще независимое княжество, расположенное на полуострове или, вернее, на острове между Гуджератом, пограничной провинцией Индии, и тем самым Синдом, эмиры которого не позволяют англичанам проделать путь македонского завоевателя по великой реке...

Ост-Индская компания давно замышляет прибрать Синд к рукам, но ей все никак не удается сладить с воинственными князьями-феодалами. Они не имеют никакого желания отдаться во власть Компании, проглотившей уже всю Индию. В Катч Компания проникла еще в 1821 году, когда помогла тамошней знати свергнуть неугодного ей короля и посадить на престол его сына. Поскольку он был малолетним, то учредили регентство из пяти человек, из коих одним стал, само собой разумеется, британский резидент капитан Поттинджер.

И вот в апреле 1825 года дурбар Катча, то есть британский резидент, снова попросил помощи против эмиров Синда. Тогда-то и был послан в Катч пехотный полк Бернса и полк кавалерии.

Этот эпизод, в сущности незначительный в истории британского покорения Индии, стал переломом в судьбе Бернса. Он был прикомандирован к штабу бригады полковых войск в качестве квартирмейстера.

«Если будет вторжение в Синд,— отметил он в

дневнике,— перед офицером в отделе генерал-квартирмейстера¹ откроется большое поле деятельности».

Вторжение в Синд не состоялось, так как силы я средства Компании были тогда сосредоточены для ведения войны в Бирме. Но Бернс не обманулся в своих ожиданиях. Он познакомился с резидентом в Катче капитаном Поттинджером, который распознал в молодом лейтенанте человека такого же склада, каким был он сам. Пребывая в Катче, Бернс посвятил много времени составлению карты дотоле неизвестных дорог на север.

В 1826 году из Катча Бернс был возвращен в Бомбей в качестве помощника генерал-квартирмейстера бомбейской армии.

Еще более усилил рвение Бернса сэр Джон Малькольм, в 1827 году назначенный губернатором Бомбейской провинции. Джону Малькольму было уже около шестидесяти лет, и за плечами у него было почти тридцать лет деятельности, в которой переплелись функции дипломата и разведчика. Малькольм «отличался необыкновенным рвением к распространению азиатской географии и литературы»,— так своеобразно охарактеризовал Бернс деятельность своего наставника, направившего его на то поприще, о котором он мечтал...

В возрасте тридцати лет капитан англо-индийской армии Джон Малькольм был в 1799 году послан в Иран, чтобы расстроить замыслы Наполеона против Индии. Бонапарт, потерпев неудачу в Египте и Палестине, задумал нанести удар Англии, создав коалицию Персии, Афганистана и Майсора — для нападения на британские владения в Индии. Малькольм оказался незаурядным мастером «золотой дипломатии» — он подкупал всех, от погонщиков верблюдов до властителя Персии Фатхали-шаха, который славился ненасытной алчностью. В 1801 году Малькольм добился своего: шах заключил свой первый договор с Англией в лице Ост-Индской компании. Шах обязался изгнать французов и впредь не допускать их в Иран, а Англия обязалась оказывать Персии помощь против Афганистана, с которым у шаха были давнишние счеты.

Через восемь лет Малькольму вновь пришлось отправиться в Персию, чтобы снова расстроить наполео-

¹ Соответствует оперативному отделу в современном штабе.

новские планы. Надеясь на помощь Англии, Фатхалишах затеял войну с Россией и потерпел поражение. Обещаний своих Малькольм не выполнил. Англия должной помощи не оказала.

Не только в Персии проявил свои способности этот ловкий и энергичный человек. Он участвовал в последней войне с Маратами, закончившейся полным крушением маратского государства, и был назначен губернатором всех захваченных и покоренных Компанией княжеств Центральной Индии.

Такова была карьера нового бомбейского губернатора, с которым судьба свела Александра Бернса.

Сэр Джон обратил внимание на этого молодого, но уже отлично себя зарекомендовавшего офицера и однажды вечером вызвал его к себе.

— Я готовлюсь пройти по дорогам, по которым совершил свои донкихотские путешествия мой великий тезка,— ответил Бернс на вопрос Малькольма, чем он занимается.

— Донкихотские, говорите вы. Почему же? Бернс порывисто встал со стула и шагнул к большой карте на стене кабинета. Сэр Джон повернул многосвечный канделябр на письменном столе, чтобы ярче осветить карту. Прикрыв левой рукой глаза от ярких лучей, Бернс широким взмахом правой руки очертил огромное пространство между Яксартом и Индом, Персидским заливом и Гималаями.

— Искандер Зулькарнайн, как вихрь, пронесся здесь, и что же получилось? Не успел он закрыть глаза, как его империя распалась!

— Но каков же вывод?— спросил сэр Джон. Бернс невольно усмехнулся, мысль Малькольма была настолько прямолинейна, что от империи Александра непосредственно вела к империи Британской...

— Великому Александру — начну с этого — не удалось перейти Инд и вступить в Индию. Мы в лучшем положении. Мы уже находимся в Индии. Почему же мы не можем включить Инд в орбиту нашей власти?

— И вы беретесь повторить путь македонянина, но в обратном направлении?

— Да, сэр!

Сэр Джон пытливым взглядом оглядел Бернса с головы до ног и подумал: «Этот человек еще заставит о себе говорить!»

Путнику, направляющемуся к Орску, издалека видна церковь на Преображенской горе. Завидел ее и Виткевич, когда партия, в которой он находился, после длительного и тягостного пути в октябре 1824 года приближалась к месту назначения. В солнечных лучах сверкнул вызолоченный крест на куполе. А потом открылись белые мазаные домики, широкие и прямые улицы, выходившие прямо в степь, откуда ветер гнал тучи пыли. У самого порога Орска повстречался растянувшийся на версту караван. На спине верблюда меж двух горбов сидел, небрежно раскинувшись на вьюке, словно в покойном кресле, широкоскулый, темноликий седок, в остроконечной меховой шапке, с трубкою в зубах. Мерно раскачивался верблюд, словно шляпка на невидимой волне. Мерно покачивался и седок его...

Ян Виткевич, бывало, задумывался о Востоке, перечитывая «Паломничество Чайльд Гарольда». Увы! Иной Восток воспет был Байроном! Там яркие краски, блестящее солнце, там все жизнерадостно, все подымает дух. А здесь — просвечивающее сквозь дымку пыли мглистое солнце, однообразно желтый океан степи до самого горизонта, а горизонт — без конца, без края. Рев верблюдов блянные огромных стад овец, гортанная непонятная речь... Тоска сжимает сердце, давит грудь.

А Ян Виткевич — не Чайльд Гарольд, отнюдь нет! Нет у него надежды сбросить с себя ярмо солдатчины раньше, чем через двадцать пять лет...

Белые штаны, темно-зеленый мундир с желтым воротником и такими же обшлагами, с белым номером на красных погонах и перекрещенными на груди белыми ремнями, высокий кивер... Бесконечная «шагистика» на плацу под знойным солнцем летом и обжигающим морозным ветром зимой. Тупое прозябание в заброшенном на край света крошечном городишке.

И так двадцать пять лет!

С опозданием доходит до Орска весть о смерти императора Александра. Присяга императору Константину. И опять присяга императору Николаю... Бунт на Сенатской площади в далеком Петербурге. Картечь разгоняет восставших. Еще свирепее дисциплина, еще бессмысленнее муштра...

От природы замкнутый, Виткевич совсем уходит в себя. Он несет службу так, что придраться не может даже и выученик аракчеевских военных поселений, мастер вахт-парада, мучитель солдат седой поручик Сеньков.

Как сберечь себя? Свой разум, силу духа? Что делать?

Бежать! Бежать! Таков единственный способ уйти от безумия, от гибели в этом аду...

Решение после долгих мучительных раздумий принято — бежать.

Но куда? Как? Оренбургская линия отделяет империю от бескрайних степей Казахстана.

В степях этих кочуют казахи или киргизы — кайсахи. Народ этот распадается на три жуза: восточную часть степей, до границ Китая, занимает Старший жуз, далее располагается Средний жуз, и наконец, самым западным был Младший жуз.

Во главе каждого жуза стоит свой хан. В начале XVIII века казахи стали подвергаться опустошительным набегам калмыцкого государства Джунгарии. Ища защиты, три хана в 1717 году признали себя подданными русского царя.

Казахские степи стали как бы прикрытием на дальних подступах к империи и одновременно выдвинутым далеко по направлению к Средней Азии разведывательным аванпостом. По степям этим пролегали древние торговые пути из Руси в сказочную Индию, в Китай.

В 1803 году из Орска отправлен был в Бухару вооруженный караван под начальством поручика Гавердовского, но был он в дороге разграблен казахами и возвратился восвояси.

В 1813—1814 гг. переводчик Отдельного Сибирского корпуса Назаров ходил в Коканд.

Большая экспедиция была снаряжена в Хиву в 1819 г. под командованием Н. Муравьева. Ему удалось достичь ханской столицы Ургенча.

В 1821 году в Бухару была снаряжена экспедиция Негри и Мейендорфа.

Об этих путешествиях и странствиях Виткевич узнавал из книг и журналов. В его положении произошла перемена к лучшему; по указанию из Оренбурга сол-

дату Ивану Виткевичу разрешено жить не в казарме, а на квартире. Ему присылаются книги, журналы и — что особенно его радует — учебники и словари языков персидского, турецкого. Этой благодетельной переменной он обязан товарищам по несчастью, как и он, осужденным в 1824 году: Томаш Зан и Адам Сузин, отбыв заключение в крепости, были отправлены в Оренбург на службу. Сузин поступил бухгалтером в Пограничную комиссию, подчиненную Министерству иностранных дел и ведавшую политическими и торговыми сношениями со Средней Азией. Зан занялся изучением природы Оренбургского края и казахских степей. Через председателя Пограничной комиссии полковника Генса Зан и Сузин добились облегчения участи Яна...

Виткевич изучает языки, географию, историю казахских степей и лежащей за ними Средней Азии — обширного пространства между Яксартом и Окусом.

Он с жадностью вбирает в себя эти знания, ибо думает лишь об одном — бежать...

А там?.. Что там? Ян себе еще не может представить... Свобода?

Вот перед ним книга Филиппа Ефремова. Этот сержант царской армии был взят в плен пугачевцами. Ночью он с двумя солдатами бежал, но был схвачен степняками, которые продали его в Бухару в рабство. Значит, не свобода, а рабство... Прослужив несколько времени в бухарских войсках, Ефремов пробрался через Яркенд, Индию, Англию на родину в Россию... А куда же вернуться Яну, если даже ему посчастливится, как Ефремову? Польши нет — свободной, независимой Польши... Значит, придется жить на чужбине. В Англии? Да, Англия охотно примет услуги поляка, врага России, да к тому же знатока Средней Азии и сопредельных с нею российских владений. Англии потребны смелые, энергичные люди, чтобы расширять и упрочивать свое влияние, свою власть на Востоке.

Ян внимательно читает и книги Джона Малькольма о Персии, и книги М. Эльфинстона об Афганистане, и отчеты о путешествии по Пенджабу, Кашмиру, Афганистану Муркрофта и Требека.

Эльфинстон, Малькольм, Муркрофт, Требек в книгах своих запечатлели интерес Лондона к странам, расположенным на север от Индии и в их числе к ханст-

вам среднеазиатским. Силой и коварством, принуждением и обманом порабощает Англия народы.

Распространить свое могущество до Яксарта и Каспийского моря — вот чего домогается Британия... и служить ей в этом черном деле Ян Виткевич не может, не хочет!

И тут мысль его невольно обращается к другой стороне проблемы: а могут народы кочевые, полудикие, стоящие на столь низкой ступени, могут ли они упрочить и сохранить свою независимость? И он понимает, что это зависит не от одной Англии только. К Средней Азии протягивает руки и российский колосс!

Ян не только из книг узнает об устремлениях Петербурга на Восток.

Уже при нем закончилась неудачей вооруженная экспедиция полковника Циолковского в Бухару. Кстати, полковник — тоже поляк, но не ссыльный, а добровольно служащий двуглавному орлу...

В Орск вернулись некоторые участники неудачной экспедиции, и они рассказывают, что в Кызылкумах караван подвергся нападению кочевников, которые отнюдь не желали, чтобы русские проникали в их земли. После трехнедельных стычек Циолковский повернул назад, бросив в пустыне все товары, которые вез его караван.

Не добилась успеха к вооруженная экспедиция полковника Берга, посланная в Хиву требовать, чтобы хивинцы возместили убытки, причиненные разграблением каравана Циолковского, отпустили всех пленных и обязались не покупать у кочевников русских пленных.

Что не удалось один раз и даже два, три раза, то в результате настойчивости и упорства не может не увенчаться успехом. Ведь распростер же двуглавый орел свою власть уже и в степи казахские, и в Закавказье! А там протянет лапы и дальше на юг. к Индии...

Следовательно, кому в руки плод достанется: северному колоссу или владычице морей — так вопрос обстоит. А о вольности и независимости и думать трудно малым народам, находящимся между британским молотом и российской наковальней. Но в сем случае чего же им пожелать? Под российским подданством будет им легче или под английским владычеством?

И всякий раз, дойдя до этого пункта в своих размышлениях, Виткевич тяжело вздыхает. Ему не за что любить Россию, которая держит в плену и Польшу, и его самого, и его друзей и товарищей. Но и Англию он не может ни любить, ни уважать. Но что же тогда предстоит народам Средней Азии? Быть игрушкой и разменной монетой в соперничестве великих держав?

Так размышляет Ян Виткевич, далеко за полночь сидя в маленькой своей комнатке, при тусклом свете сальной свечи перелистывая русские и английские книги, журналы, брошюры... Он, борец за национальную свободу и независимость несчастной своей отчизны, мужественно ищет для себя пути честного, прямого, по велению совести, чтобы не стыдно было глядеть в глаза соотечественникам и людям, к которым забросила его злая судьба.

Быть честным? «Но у рабов есть одно лишь оружие — измена». Так говорит герой новой, поэмы Адама Мицкевича «Конрад Валленрод». Конрад — мужественный, бесстрашный сын своего народа, не видя сил достаточных, чтобы сбросить ненавистное иго немецких рыцарей, избирает тяжкий путь хитрости и предательства.

Это — подвиг во имя любви к отчизне! Но какой ценой совершен он? «Надо быть лисицей и львом», — сказал Маккиавелли, и слова его Адам Мицкевич взял эпиграфом к поэме.

Быть лисицей и львом...

Внезапно Ян увидел мысленно Новосильцева и содрогнулся от омерзения.

Но если нет иного исхода, как лисицей прокрасться в стан врагов, обольстить их, обвести?..

Отчего же и сам Конрад называл смерть, которая ему судьбою уготовлена, позорной? Ведь он бросил врагам в лицо:

...Я одним ударом
Многоголовую ослабил гидру.

И все же поэт осудил его, обрекши на трагическую гибель... Значит, не на путях лисицы искать надлежит свой путь и преданность отчизне.

И в раздумьях своих Ян незаметно для себя забывает о замысле своем: в бегстве искать спасения...

Есть притягательная сила в мощи государства — и размах, могущество Российской империи гипнотизируют ум, тем более ум, склонный к кипучей деятельности, а не к созерцанию...

В двадцать лет трудно довольствоваться философскими размышлениями о тщете земной суеты. Яну хочется делом означить свое пребывание в мире сем... И потому он стремится решить вопрос о судьбе небольших народов, которые являются яблоком раздора между могущественными соперничающими державами.

Барон Мейендорф свою обстоятельную книгу «Путешествие из Оренбурга в Бухару» завершил словами, которые привлекают внимание Виткевича: «России надлежит дать ханствам Центральной Азии целительный толчок и распространить на эти страны все блага европейской цивилизации».

Грузия выиграла от того, что присоединилась к России: она спаслась от постоянной угрозы поголовного истребления народа иранскими шахами и турецкими султанами.

Так думает Ян... И вот Греция: русские решительно вступились за греков, понудили к тому кабинеты Лондона и Парижа — и флот турецкий истреблен в битве у Наварино. Россия завоевывает грекам свободу — делает то, к чему звал бессмертный Байрон.

Значит, может и русский деспотизм нести благо угнетенным народам, спрашивает самого себя Ян.

Да, это возможно, если не силой, а дружбой покорять народы... А для того всякому, кто хочет быть другом народов этих, надобно знать и понимать их.

И об этом пишет Яну граф Хоткевич, владелец Крожей, близкий знакомый семьи Виткевичей. Он настоятельно рекомендует не падать духом, верить в будущее и основать свои надежды на том, что сейчас так гнетет его: эта дикая восточная окраина империи пусть отныне будет залогом спасения. Изучать языки здешние, обычаи, нравы, политические и торговые условия — вот что рекомендует Хоткевич своему юному другу. И Ян с еще большим усердием продолжает постигать языки персидский, киргизский, татарский, вникать в обычаи народные, в порядки и нравы кочевников, изучать материалы географические, исторические, статистические.

В 1826 году войска персидского шаха начали военные действия против России. Шах пытался вернуть земли, потерянные Ираном в Закавказье во время войны 1812—1813 гг.

Британская дипломатия разжигала в Фатхали-шахе его захватнические желания. На это были затрачены горы золота: посол британский в Иране Макдональд в откровенной беседе с Грибоедовым, уже после окончания русско-иранской войны, признался, что, начиная с Малькольма, английские дипломаты затратили в Ираке на подкупы и интриги три с половиной миллиона фунтов стерлингов или 75 миллионов рублей по тогдашнему курсу.

Британская дипломатическая служба в Иране была организована весьма своеобразно. Посланник Англии в Персии представлял не только Сентджемский кабинет, официальное правительство его величества, но и Ост-Индскую компанию, получая директивы как от правительства, так и от Контрольного Совета и Совета директоров Ост-Индской компании в Лондоне и от генерал-губернатора в Калькутте. Двойная подчиненность эта вытекла из тесной и прямой зависимости британской политики в Персии от интересов Англии в Индии: Персия рассматривалась как ее важнейший" защитный барьер на северо-западе.

Помимо официальных представителей Англии, была еще одна ветвь британской дипломатии в Иране,

Грибоедов писал директору Азиатского департамента Министерства иностранных дел Родофиникину из Персии: «Ирландец г. Кормик, лейб-медик наследника престола Аббас Мирзы, решительно владеет умом его и всеми намерениями. Г. Макнил в Тегеране тем же кредитом пользуется во дворце самого шаха...»

Младший брат шотландского барона, Макнил избрал медицинскую карьеру. Окончив университет в Эдинбурге, он поступил на службу Ост-Индской компании и был послан в Тегеран. Случилось так, что вскоре любимая жена шаха тяжело заболела, и шах обратился к английскому послу. Макнилу удалось вылечить эту женщину, которая имела неограниченное влияние на шаха.

Когда шах вечером приходил к любимой жене, он заставал там англичанина. Втроем они ужинали и проводили время в беседах... О чем говорил Макнил, какие идеи он внушал старому шаху, об этом нетрудно догадаться, зная взгляды Макнила на политику России в Азии. Россия стала твердой ногой к югу от Аракса, она легко может овладеть южным побережьем Каспия и двинуть армию от Астрабада через Герат к границам Индии. Возможно, плодом таких бесед с шахом и была война 1826—1828 годов.

Шах ее проиграл и был принужден заключить в феврале 1828 года Туркманчайский мирный договор. Шах уступил России Эриванское и Нахичеванское ханства, то есть значительную часть Армении, обязался уплатить большую контрибуцию и предоставил России значительные торговые льготы и преимущества.

Такого усиления позиций России за Кавказом не ожидали, конечно, ни в Лондоне, ни в Калькутте. О настроении Англии красноречиво говорил тот же врач-дипломат Джон Макнил:

«Россия будет стремиться к тому, чтобы всецело подчинить себе Персию. Священный долг Англии и впредь оберегать свободу Персии от посягательства России».

Эти соображения Макнила поддерживал официальный представитель Лондона и Калькутты в Иране Макдональд. Член британского правительства, президент Контрольного Совета по делам Индии Элленборо, прочтя подробный отчет Макдональда о ходе и исходе войны, внес в свой дневник запись: «Наше влияние в Персии очень ослабело из-за нашего нерешительного поведения. Я должен приложить усилия, чтобы поправить наши дела там».

11 февраля 1829 года тегеранская чернь, науськанная фанатическим духовенством, с ведома и молчаливого согласия шаха зверски убила русского посланника в Персии Грибоедова и почти весь состав его миссии. А за спиной шаха стояли Макнил и тесно связанные с англичанами, щедро ими оплачиваемые шахские сановники—министр иностранных дел Мирза-Абдул Хасан-хан, первый министр Алляяр-хан.

Как ни старались англичане замести следы, однако же адъютант принца Аббаса Мирзы откровенно сказал

русскому генералу, что иранцы были вовлечены и в войну с Россией, и в убийство Грибоедова происками англичан. Он рассказал такую притчу:

— Однажды жена дьявола со своим сыном сидела неподалеку от большой дороги, в кустах. Вдруг они увидели идущего по направлению к ним крестьянина с тяжелою ношею на спине. Поравнявшись с местом, где сидели черти, он споткнулся о случившийся на дороге большой камень. В сердцах он воскликнул: «Будь ты, дьявол, проклят!» Чертенок сказал: «Мама, как люди несправедливы: мы так далеки от камня, а все же виноваты». — «Тс, молчи, — отвечала мать, — хотя мы и далеки, но хвост мой спрятан там, под камнем».

Сей дьявольский хвост простирался значительно далее Тебриза. Лорд Элленборо в Лондоне в своих записках писал: «Эти отчеты только подтверждают то, что мы уже слышали о высокомерии и насилиях русских. Они заслужили свою участь!»

4

«Русская угроза Индии» — об этом громко заговорили в Калькутте и в Лондоне, когда к русским победам над Персией прибавились победы над Турцией.

Прочтя депешу о взятии русскими Эрзерума и катастрофе турецкой армии в Азии, лорд Элленборо воскликнул:

— Каждый русский успех в этой части света заставляет мое сердце обливаться кровью. Я считаю, что это надо мной одержана победа, ибо Азия — моя!

Не один Элленборо так думая.

Близкий к премьер-министру герцогу Веллингтону подполковник де Ласи Эванс убедительно раскрывает «русские замыслы»: вслед за брошюрой под таким названием, опубликованной еще до убийства Грибоедова и русских побед в Турция, он издал новый памфлет «Об осуществимости вторжения в Индию». Книга появилась сейчас же после заключения Адрианопольского мира России с Турцией.

Как неприятны для Англии условия договора! Правда, русские не вошли в Константинополь и не стерли с лица земли Турцию. Но и без того — как горделиво заяв-

лял Нессельроде — Турция может отныне жить лишь под протекторатом императора Николая! Она уступает России Черноморское побережье Кавказа от Анапа до Поти, открывает русским судам свободный проход через проливы. Турция торжественно гарантирует автономию Сербии, Валахии и Молдавии и признает независимость Греции.

Значит, Россия твердой ногой ступает на Балканы, делается хозяйкой на Черном море, окончательно упрочивает свою власть в Закавказье. А все это облегчит нападение на Индию!

Брошюра де Ласи Эванса расходится в Лондоне мгновенно, ее читают в парламенте и в конторах Сити, в гостиных и в клубах...

Лорд Элленборо залпом прочитал ее.

— Я считаю,— говорит он председателю Совета директоров Ост-Индской компании,— что вторжение в Индию не только осуществимо, но легко выполнимо, если только мы не начнем действовать, как азиатская держава...

На очередном совместном обеде правительства и Совета директоров Элленборо вносит предложение основательно обсудить всю проблему: какова опасность, грозящая Индии, и как с нею бороться...

Но насколько возможна «русская угроза Индии»?

Николай понимал, что поход на Индию — предприятие ему не под силу. Задачи Восточной политики России могут и должны быть решены не в Азии, а в Европе, на Балканах: Константинополь, проливы — вот реальная цель, но отнюдь не далекая Индия.

А поскольку восточный, точнее турецкий, вопрос невозможно решить без сотрудничества с Англией, считал Николай, то незачем же раздражать и пугать ее на Среднем Востоке, на подступах к Индии!

Так рассуждал Николай, но вопли о «русской угрозе Индии», поднявшиеся именно после победы России над Турцией, как раз и свидетельствовали, что рост русского влияния на Балканах неприемлем для Лондона столь же, как и русские успехи в Персии...

Этому-то и были посвящены беседы на обеде в «Лондонской таверне», старинном ресторане, упрочившем свою аристократичность не только высокими ценами, но и сохранением в неприкосновенности обстановки старо-

давних времен, когда негоцианты, банкиры Сити, капитаны кораблей, пираты сходились здесь за обеденным столом для обсуждения своих дел.

В отдельном зале собрались члены британского кабинета во главе с герцогом Веллингтоном и Совет директоров Ост-Индской компании.

Поднялся лорд Элленборо.

— Ваша светлость! Дistinguished джентльмены! Мы собрались здесь в дружественной семье, и я буду говорить о том, что тревожит всех нас, правительство его величества, так же, как и Совет директоров. Россия угрожает нам! Она открыла себе дорогу на Багдад, она устремляется к Оксусу, чтобы и оттуда грозить Индии.

— Слушайте! Слушайте!

— Я убежден, нам придется сразиться с русскими на берегах великой реки Инд. А мы до сего времени еще не утвердились там! Еще ни разу британский флаг не развевался над водами Инда... Сэр Джон Малькольм в своих депешах уже известил секретный комитет Совета директоров, что Инд доступен для плавания к Лахору судов в 200 тонн. Сэр Джон просит разрешения отправить верных людей вверх по Инду, и мы одобряем его намерения: пусть с помощью божией проплывет флаг Британии по стремительным водам этой реки! Нет, я еще не кончил, господа! Уже в 1820 году русские успешно за 50 дней прошли от Оренбурга до Бухары и, проведя там около двух месяцев, собрали драгоценные сведения об этой стране и — прошу вас обратить особое внимание — о путях дальше на юг, к Оксусу и через него далее в Кабул. Я не буду удивлен, если мы услышим, что русские уже, неведомо для нас, укрепились там... Мы должны немедленно послать наших людей туда, чтобы не быть застигнутыми врасплох ни в Кабуле, ни в Бухаре,— мы должны действовать решительно и быстро! Наша политика должна быть в Азии такой же, как в Европе! Сокрушить русскую мощь!

Лорд Элленборо опустил на свое место под гул общего одобрения...

Через два дня сэру Джону Малькольму было послано разрешение направить своих людей в Синд, вверх по Инду, а оттуда через Кабул в Бухару.

А лейтенант Артур Конноли, привезший депеши из Бомбея в Лондон, был послан в Индию необычным путем:

через Петербург в Тифлис, оттуда в Персию и через Герат и Кабул в Синд...

Конноли было поручено проехать по пути возможно-го похода русских армий на Индию из Персии, чтобы проверить, насколько осуществимо такое вторжение.

Экспедиции же, направленной из Бомбея по Инду и далее до Бухары, надлежало уяснить, насколько возможно нападение России через Среднюю Азию и Афганистан.

Сверх того Элленборо приказал генерал-губернатору лорду Бентинку под видом торговцев направить шпионов на юг от Каспийского моря, чтобы проверить, не ведется ли и там подготовка к походу на Индию.

5

Весть о гибели русской миссии в Тегеране дошла до Орска с караванами ранее, чем официальные известия из столицы.

На базарах Ирана и Афганистана, в Хиве и Бухаре толковали о том, что англичане приложили свою руку к убийству российского посланника.

О том же писал Виткевичу Сузин из Оренбурга, посылая газеты и журналы, русские и английские.

Ян с интересом ждал, как же поступит петербургское правительство.

Он, конечно, не мог знать, что Нессельроде уже взвалил вину на самого Грибоедова и писал Паскевичу: «Умоляю вас беречь англичан и не давать веры слухам, которые распространяются про них».

Когда Ян развернул газеты, изумлению его не было предела...

Император Николай милостиво принял в Зимнем дворце специального посла, внука шаха Хосров-мирзу и сказал:

— Я предаю вечному забвению злополучное тегеранское происшествие.

А в знак примирения он принял дар от шаха иранского: знаменитый бриллиант, некогда похищенный Надиром-шахом в Индии... Лондонские газеты писали с ехидством, что алмаз этот — «цена крови Грибоедова».

Виткевич был глубоко потрясен: какая подлость, какая низость! И только из-за нежелания ссориться с

англичанами. Так вот как платит царь верным своим слугам!

Много дней и недель мучился Виткевич, снова и снова возвращаясь к мысли о побеге.

И вдруг неожиданный случай опять круто повернул его судьбу.

В Орск, по пути в Оренбург, осенью 1829 года прибыл Александр фон Гумбольдт, прославленный путешественник, исследователь Нового Света. Встреченный пограничными властями как высочайшая особа (его во многих местах величали «принцем Гумбольтовым»), Гумбольдт помещен был в доме богатого купца.

Скинув длинное темное пальто и оставшись в неизменном во все время путешествия коричневом фраке с белым галстуком, Гумбольдт сейчас же спросил, нельзя ли пригласить к нему дельного переводчика, знающего и турецкий, и французский языки.

Когда в комнату, занятую приезжим, вошел худощавый, немного выше среднего роста солдат, туго затянутый в белые лосины, темно-зеленый мундир, и, стукнув каблуками, вытянулся «во фронт» перед Гумбольдтом, у последнего вытянулось лицо... Обыкновенный солдат? Какой мог быть от него толк?

Но вошедший почтительно и вместе с тем с большим достоинством на отличном французском языке . спросил:

— Что угодно будет приказать вашему превосходительству?

Гумбольдт пристально взглянул на солдата: черные глаза, глубоко сидящие под нависшими бровями, крутой подбородок — все черты лица говорили о человеке незаурядном.

— Садитесь, мой друг,— ответил по-французски Гумбольдт.— Позвольте вам задать сперва вопрос: кто вы, как сюда попали? Да, знаете ли вы, кто я? Или мне необходимо представиться?

— Я имею честь говорить со знаменитым путешественником и ученым Александром фон Гумбольдтом,— ответил Виткевич по-французски и неожиданно перешел на английский язык.— Разрешите мне далее говорить на языке, которого здесь никто не понимает.

Гумбольдт утвердительно кивнул. Виткевич кратко, но точно изложил ему свою грустную историю.

— Чего же вы ждете от будущего? Чего добиваетесь?— спросил Гумбольдт, выслушав Виткевича.

Ян смутился, не решаясь рассказывать о терзавших его сомнениях. Гумбольдт внимательно посмотрел на него, на мгновение задумался.

— Хорошо,— ласково сказал он,— я понимаю затруднительность вашего положения. Позвольте же мне вмешаться в вашу судьбу, раз уж случай свел нас... А теперь помогите мне разобрать вот этот турецкий текст!

Гумбольдт остался очень доволен знаниями Виткевича и всерьез решил подумать о его судьбе.

Из Орска путешественник отправился в Оренбург. Военный губернатор генерал Эссен, как выяснилось, выехал из города накануне. Сановник почел себя оскорбленным полученным ранее от Гумбольдта письмом с просьбой раздобыть некоторых животных Оренбургского края и не пожелал с ним встретиться.

Забота принять знатного гостя выпала председателю Пограничной комиссии полковнику Генсу. Он устроил национальный казахский праздник с борьбой, скачками, плясками и песнями. Особенно позабавила Гумбольдта своеобразная игра: вытаскивание ртом из котла с кашей серебряного рубля...

Когда праздник окончился, Генс пригласил Гумбольдта на обед. Представляя гостю свою семью, Генс подвел к нему молодого офицера и сказал:

— Вот зять мой, супруг дочери Александры, Адольф Иванович Обнинский.

— Очень приятно... Вы поляк?— живо спросил Гумбольдт.

Получив утвердительный ответ, он на миг задумался, а затем попросил у хозяина разрешения отнять у него несколько минут для приватного разговора. Генс провел гостя в кабинет, и здесь, глядя из окна на широкую немощеную площадь, по которой ветер гнал тучи песка, Гумбольдт рассказал о встреченном в Орске молодом поляке, о его замечательных способностях к языкам, о его обширных знаниях, уме, выдержке.

— Не оставляйте его погибать в далеком Орске! Возьмите его к себе, он будет чрезвычайно полезен вам, полковник, ручаюсь вам.

Генс сказал, что уже знает об этом молодом человеке. Некоторые ссыльные поляки уже служат

в Оренбурге в Пограничной комиссии, но с Виткевичем труднее, так как он сдан в солдаты без выслуги.

— Ручаться за успех, барон, не буду, но приложу старания, чтобы исполнить вашу просьбу.

Возвратившись в Петербург, Гумбольдт также не преминул замолвить словечко за своего польского протезе в беседе с сильными мира сего.

На счастье, в это время решено было заменить в Оренбурге Эссена генералом графом Павлом Петрови-чем Сухтеленом. Это был человек хорошо образованный, умный, благожелательный.

На Сухтелена в Оренбурге была возложена важная миссия.

Константин Константинович Родофиникин, начальник Азиатского департамента Министерства иностранных дел, доверенное лицо вице-канцлера Нессельроде, показав Сухтелену свое письмо к Эссену. В нем еще два года назад, летом 1828 года, сообщалось тогдашнему военному губернатору Оренбурга о намерении правительства «сделать поиск на Хиву».

— Хива — заноза во владениях наших, и чем ранее мы ее удалим, тем лучше,— сказал Сухтелену Родофиникин.— Его величество поручает сделать это вам.

Сухтелен ехал в Оренбург с твердой решимостью выполнить поручение. Естественно, он охотно принял ходатайство о причислении к Пограничной комиссии человека, хорошо владеющего восточными языками, дельного и энергичного.

В силу стечения столь удачных обстоятельств солдат Орского линейного батальона Иван Викторович Виткевич в 1830 году был вызван из Орска и прикомандирован к Оренбургской Пограничной комиссии.

6

В октябре 1829 года, вскоре после заключения мира между Россией и Турцией, Артур Конноли в качестве путешественника прибыл из Лондона в столицу Российской империи.

В Петербурге к нему присоединились капитан бомбейской пехоты Стронг и капитан английского флота Уиллок, из числа многочисленных английских агентов в России.

«Любознательность» англичан в России была настолько очевидна, что III Отделение доносило Николаю:

«...Англия ведет здесь систематический шпионаж, и ее происки направлены не только на то, чтобы своевременно добывать нужные сведения о политических планах нашего кабинета, но и чтобы воздействовать на него путем внушения ложных конфиденциальных сведений. Верность некоторых низших чиновников и агентов находится под сомнением. Дом графа Людвига считают очагом шпионажа английского».

Британский шпионаж опирался в России, как повсюду, на британские коммерческие фирмы. В Петербурге их было пятьдесят крупнейших торговых и банкирских домов, в Архангельске — две пятаки были английскими. В Архангельске орудовал купеческий дом Бранта, державший в своих руках значительную часть вывозной и ввозной торговли на Севере и владевший большим флотом. Такие же фирмы работали в Одессе, в Тифлисе.

Разъездные резиденты, вроде «путешественника» Конноли и его спутников, получали необходимые сведения и помощь от постоянных резидентов — коммерсантов.

Конноли представился британскому послу в Петербурге лорду Гейтсбери.

Посол подвел лейтенанта к широкому окну кабинета, выходящему на Неву, и, указывая на Петропавловскую крепость на противоположном берегу реки, сказал:

— Вон там, видите серую каменную громаду — это в России соответствует нашему Вестминстерскому дворцу. Не понимаете? У нас на берегу Темзы высится здание парламента, а здесь — государственная тюрьма. Это и есть «матушка Россия».

Последние два слова Гейтсбери произнес по-русски...

— Будьте осторожны, лейтенант, чтобы не очутиться там, за этими толстыми крепостными стенами! Но будьте также зорки и настойчивы: вам поручена важная миссия. Лорд Элленборо писал мне, что от результатов вашей поездки зависят наши действия в Персии — для защиты Индии с этой стороны.

Конноли и его спутники ехали не торопясь и больше месяца употребили на путешествие от Петербурга до Тифлиса, изучая состояние дорог, высматривая, нет ли признаков военных приготовлений.

Из Тифлиса они направились в Тебриз. Здесь, в центре Персидского Азербайджана, в резиденции наследника престола и месте пребывания британского посольства, Конноли и его сотоварищи задержались почти на три месяца. Посланник Макдональд подробно информировал Конноли, Стронга и Уиллока.

— На Хиву давно устремлены взоры Петербурга,— говорил Макдональд.— Экспедиция Муравьева в 1819 году — только первая разведка возможности отсюда, через Хиву, пройти к Оксусу и с этой базы, через Балх и Кабул, ринуться на Индию... Но путь этот труден, так как немало пришлось бы положить усилий для покорения Хивы и замирения разбойничьих племен туркменов. Мы думаем, что вероятнее и осуществимее для русских — действовать через Персию. Астрабад — удобный порт на Каспийском море, где Россия одна содержит военный флот. Отсюда армия может двинуться на Герат. В Тегеране считают своею эту древнюю столицу Хорасана, и русским было бы нетрудно склонить преемника Фатхалишаха к совместному походу для овладения Гератом. А обосновавшись там, русские через Центральный Афганистан двинутся к нижнему течению Инда.

— Именно об этом и говорил мне лорд Элленборо!— воскликнул Конноли.

— Вот потому-то ваша основная задача — внимательно исследовать этот предполагаемый путь русского нашествия!

* * *

В дни, когда Конноли добрался до Тебриза в конце 1829 года, Бернс отправился в давно задуманное путешествие вверх по Инду. Но едва он проделал половину пути, как в самом начале 1830 года его нагнал гонец с депешей от генерал-губернатора. Лорд Бентинк предписывал Бернсу вернуться в Бомбей, «... так как опасно возбуждать недоверчивость правителей Синда и других туземных властей исполнением такого предприятия».

Обескураженный вернулся Бернс в Бомбей. Малькольм немедленно пригласил его к себе и посоветовал не падать духом.

— Вы увлекаетесь Тацитом, я знаю. Берите же у него уроки терпения, настойчивости, мудрости... Еще ниче-

го не пропало, вы повторите в обратном направлении плавание Александра Македонского по Инду!

Малькольму нравился Бернс: в нем он видел себя столь же молодого, тридцать лет назад начинающего, как и Бернс, свою карьеру.

— Вы еще молоды,— сказал он на прощанье,— и вы смените ваши лейтенантские знаки на генеральские!

Малькольм перевел Бернса из армии в политический департамент — важнейший отдел британской администрации, ведавший всей дипломатической и разведывательной деятельностью в сопредельных с Индией странах.

Двадцатипятилетний лейтенант был назначен помощником резидента в уже знакомом ему Катче, отделявшем на западе Британскую Индию от устьев Инда.

В Катче и провел Бернс год, продолжая готовиться к странствиям по тем местам, где в древности побывал его великий тезка.

«Я повесил свою саблю в зале и вступил в кабинет как штатский,— писал он домой.— Мое честолюбие в том, чтобы путешествовать».

Английские путешествия издавна были предприятия особого рода, и по следам неутомимых «глобтроттеров» двигались купцы и завоеватели...

7

Орск — город лишь по названию. А Оренбург — настоящий город и притом город европейский, ибо лежит на западном берегу реки Урал, отделяющей Европу от Азии.

Прямые, ровные, широкие улицы, перекрещивающиеся под прямым углом; дома ампириного стиля, кремовые и розовые, с белыми колоннами; Дворянское собрание, губернаторский дом, присутственные места, гауптвахта, казармы. На окраине города — Татарская слобода с мечетями, глиняными стенами-изгородами, отделяющими кривые переулки от таких же глиняных с плоскими крышами домиков.

Таков внешний облик столицы обширного края, простирающегося на тысячи верст к востоку от Урала. Здесь — опорный центр политики Российской империи в необозримых пространствах Центральной Азии. Здесь

средоточие русской торговли с ханствами между Сыром и Аму, с Афганистаном и далее с Индией.

В городе — отделения богатых купеческих фирм. А за Уралом, в Илецке, длинное невысокое здание Менового двора, где принимаются торговые караваны и производится торговля.

Общество в Оренбурге — военно-чиновниче и купеческое, и заметное место в нем принадлежит ссыльным полякам.

Томаш Зан — поэт, ученый, умница, друг Мицкевича — принят как свой в лучших домах города. Военный губернатор Сухтелен высоко ценит его труд по изучению природы, естественных богатств, этнографии и истории Оренбургского края и степей. Адам Сузин — бухгалтер Пограничной комиссии — также на отличном счету в оренбургском обществе.

Председатель Пограничной комиссии полковник Григорий Федорович Генс — образованный, умный, сердечный человек, глубокий знаток жизни, быта, политики не только подвластных России казахов, но и государств Центральной Азии и даже Афганистана. В Пограничной комиссии Генс собрал людей живых, деятельных, пытливых.

Встретил он Виткевича дружелюбно и определил его переводчиком для особых поручений...

Устроившись на отведенной ему квартире, Ян написал записку Зану, с которым был знаком лишь заочно, и попросил свидания.

Оно произошло под вечер на земляном валу, окружавшем Оренбург и служившем местом прогулок для горожан. Глазу открывалась за Уралом необозримая степь, но в отличие от Орска в степи этой были разбросаны лесочки, рощи, невысокие холмы, на которых расположились военные лагеря, дачи оренбургской знати. Вал в четырех местах прерывался железными воротами, у которых стояли казармы для несших охрану воинских частей.

Томаш Зан пришел на свидание во всем черном, с белым шейным платком, заколотым голубой булавкой. Он сердечно пожал руку Виткевичу, потом обнял его, крепко прижал к груди...

Так приветствовали Виткевича впервые после многих» многих лет...

Виткевич же, давно отвыкший от теплоты и сердечности человеческих отношений, сразу почувал в этом сухощавом, затянутом в черное, похожем на филина человеке необыкновенное обаяние, которому когда-то подчинился и Мицкевич и которое сделало Томаша Зана духовным наставником и руководителем молодежи в Вильно.

Виткевич и Зан медленно прогуливались по широкому и пустынному в этот час валу.

— Старайтесь лучше узнать языки татарский, киргизский,— говорил Зан.— Изучайте все, что относится к Бухаре и Хиве. Узнайте край этот. Дайте узнать себя—и участь ваша переменится к лучшему. Поверьте слову моему, здесь замышляются большие предприятия, и предстанет и перед вами арена, на коей вы отличитесь!

Ян внимательно слушал. Когда Зан замолк, Виткевич, скрестив руки на груди, повернулся к собеседнику.

— Верю вам,— чуть глуховатым голосом произнес Виткевич.— Уже шесть с лишним лет под солдатской лямкой вопрошаю я судьбу: что сулит она мне далее, и во тьме грядущего я доселе ничего не различил... Ворочусь ли туда, где сердце мое осталось,— в отчизну, или суждено здесь окончить свои дни... И что делать мне с собою, с силами моими, знаниями?

Зан остановился и положил руку на плечо Виткевича, приглашая его замедлить шаг.

— Мой милый Ян, вы молоды, но уже многое испытали. Судьба закалила вас. Обстоятельства теперь складываются благоприятно. Так не мучайте себя напрасными сомнениями, отдайтесь на волю обстоятельств, коими и мы, друзья ваши, способны управлять в ваших интересах, да и вы можете направлять к своей пользе. Учитесь, работайте, там видно будет.

Министерство иностранных дел проявляло большую озабоченность получением сведений «о Бухарин, преимущественно о торговле сего государства и его внешних отношениях между прочим, и в Хиве»,— так писал Нессельроде в инструкции Грибоедову, поручая ему производить «разыскания о древнейших и новейших известиях, относящихся до торговых караванных путей, идущих от берегов Каспийского моря в Индию и в сопредельные оной земли».

Точно такие же инструкции преподал Азиатский департамент и Генсу, назначая его председателем Пограничной комиссии.

Генс тщательно изучал земли между Сыром — Яксартом и Аму — Оксусом через своих агентов: торговцев, бродячих дервишей паломников. Дабы ввести Виткевича в курс дела, он приказал ему познакомиться с накопленными материалами.

— Средняя Азия для России много важнее, чем Африка для англичан,— сказал Генс Яну,— и нам надобно сперва хорошо узнать ее!

Виткевич погрузился с головой в богатый архив Пограничной комиссии, собранный неустанными трудами Генса: тут были материалы о Хиве, Бухаре, Коканде, Ташкенте, о кочевниках — туркменах и казахах, об отношениях между ханствами Средней Азии и об их сношениях с Россией и со странами по ту сторону Аму — Афганистаном, Пенджабом, Кашмиром, Индией.

Внимание Яна привлекли многочисленные записи распросов выходцев из этих стран — купцов, паломников и возвращавшихся из плена русских подданных. Они рисовали живую, яркую картину быта и нравов, столь отличных от европейских, и возбуждали желание самому окунуться в жизнь столь пеструю, полную неожиданно-стей, опасную и вместе с тем увлекательную...

Но Ян разглядел и прозаическую, сугубо деловую сторону в том, что читал: российская торговля уверенно проложила дорогу через пески и пустыни до Бухары и далее в Кабул и устремилась к Инду. Караванный путь этот существовал с незапамятных времен, по нему ходили послы Бабура к Ивану Грозному. Степные кочевники-разбойники грабили караваны, угоняли людей в рабство. Средоточием этого разбойничьего промысла была Хива. На двенадцать-четырнадцать миллионов рублей товаров проходило из России и в Россию по этим путям, и оборот торговли неизменно возрастал от года к году. Поэтому и убытки от хивинцев становились чувствительнее, тем более, что хан хивинский обложил русские товары вчетверо большей, чем обычная, пошлиной...

Об экспедиции Муравьева Виткевич знал из прочитанной еще в Орске его книги. А в архиве Пограничной комиссии он познакомился с докладной запиской Ефремова, в 1806 году представившего министру иностран-

ных дел Румянцеву план экспедиции для «замирения Хивы».

Румянцев, невзлюбивший Ефремова, никакого хода записке не дал. Так же поступил и сменивший его Новосильцев...

— Новосильцев!— воскликнул Ян.— Никак не думал я, что снова мы повстречаемся...

Отложил в сторону бумаги и задумался... И снова перед ним толстый, плюгавый человек, весь трясясь, кричит:

— Попался, попался! В Сибири сгною!

Тысячи верст и сотни дней легли между тем памятным вечером в кабинете Новосильцева в Вильно и нынешним днем в архиве Пограничной комиссии в Оренбурге...

«Разве я тот же Ян, с таким же пылом юности? Двадцать два года — не шестнадцать... Что же я приобрел взамен потерянного?»

Ян не успел ответить на вопрос, который не раз задавал самому себе. Генс потребовал его к себе и сказал:

— В Оренбург с караваном прибыл от хана бухарского посланец Балты Кули-бек. Отправляйтесь в Меновой двор и сопроводите посланца с подобающим уважением в Пограничную комиссию. Граф Сухтелен примет его.

Меновой двор, как всегда, оглушил Виткевича ревом верблюдов, криком ишаков, разноязычным говором погонщиков верблюдов, носильщиков, торговцев, нищих.

В лучшем каравансарае, под навесом, на высоком помосте важно восседал пожилой бухарец в трех, надежных один на другой, халатах, в ослепительно белой чалме.

— Ассалам алейкум,— сказал Виткевич, приблизившись к помосту и прижав руки к груди.

— Ваалейкум ассалам,— неторопливо ответил посланец из Бухары, поглаживая бороду.

— Высокочитимый граф, военный губернатор и командир Отдельного Оренбургского корпуса повелел мне сопроводить вашу высокую личность в отведенную вам резиденцию, достойную славы и могущества благоухающего доблестями благочестия эмира, вашего повелителя, и отвечающую высокому сану вашей личности.

Балты Кули-бек неторопливо сошел с помоста, сел

на коня и в сопровождении своих слуг и Виткевича проследовал в город..

После обильного угощения посланец объявил Генсу, что повелитель правоверных, средоточие наук, благоустройства и славы, шлет его, своего слугу и раба, к подножию престола государя императора, дабы испросить помощь против дерзости и коварства недостойного и презренного хана хивинского Алакули. Сей нечестивец и вероотступник чинит разбой и грабеж. Коварные инглезы, как то доподлинно стало известно преславному эмиру, всячески побуждают хана Алакули к нападению на Бухару.

— Дела хана хивинского худы,— сказал Генс,— а от дурных семян — дурной плод! По незначительности л бессилию своему Хива не может причинить могущественной России большого вреда,, но терпению нашего все-милостивейшего государя — да продлит господь дни его!— настает предел... А потому и обращение его высочества эмира будет доведено до государя императора и не останется без милостивого ответа.

Балты Кули выразил удовлетворение и сказал, что его повелитель, желая сделать угодное могущественному монарху Севера, приказал отпустить из неволи шестерых русских пленников, и он, Балты Кули, просит принять их.

Граф Сухтелен оказал посланцу эмира подобающий по обычаям восточной дипломатии прием и, дабы показать военную мощь империи, пригласил Балты Кули в ожидании ответа из Петербурга присутствовать на маневрах войск Оренбургского отдельного корпуса.

Целую неделю Виткевич как переводчик провел с бухарским посланцем, расспрашивая его о Бухаре, рассказывая о России.

— Бухара,— говорил Балты Кули,— существует издревле, и в ее степях побывал Искандер Зулъкарнайн. Слава Бухары была столь велика, что пророк Мухаммед — да благословит и да приветствует его бог!— сказал: «Я слышал от архангела Гавриила — благословение божие ему!— что на Востоке есть место, называемое Хорасан, и в этой области есть три города, которые предстанут в день страшного суда, украшенные яхонтом и кораллами». Пророк — да благословит и да приветствует его бог!— сказал: «Гавриил, скажи имена этих городов». Гавриил — мир ему!— отвечал: «Один из этих го-

родов называется по-арабски Косымия, а по-персидски Башкард, другой по-арабски Самаран, а по-персидски Самарканд, а третий по-арабски называется Фахира, а по-персидски Бухара». Пророк спросил: «Гавриил! Отчего город этот называется Фахира?» Гавриил ответил: «Потому что в день страшного суда город этот будет чувствовать гордость (фахр) перед всеми другими городами по множеству погребенных в нем мучеников за веру». И Бухара стала и пребывает крепостью ислама и веры,— заключил свой рассказ Балты Кули.

Генс приказал Яну опросить приведенных из Бухары русских пленников. Один из них, мещанин из города Ярославля Зиновьев, попал в Бухару еще в 1825 году и был свидетелем того, как престолом овладел нынешний эмир Нассыр-Улла.

Новый эмир включил русских пленников, человек до тридцати, в свою личную охрану, создав нечто вроде дворцовой гвардии, на которую он мог положиться, так, как не очень доверял своим сарбазам.

«С той поры,— говорил Зиновьев,— жил я у бухарского эмира, и житье, нечего сказать, было мне хорошее и привольное, как и всем русским пленникам его. Кормили нас хорошо, гуляли мы по воле, только караул дворцовый отбывали, а караул такой, что возьмешь постель свою под мышки, да и отправляешься под ворота...

Эмир Нассыр-Улла был всем хорош, и народ любил бы его, да одолел его плотский грех, и уже не знает он тут ни чести, ни правды, не боится ни людей, ни бога, не разбирает ни возрасту, ни полу».

Виткевич из рассказов других пленников, бывших гвардейцев эмира, узнал, что в бухарском арсенале хранятся бронзовые легкие четырех- и шестифутовые пушки; лафетов для них нет, и никто из них стрелять не умеет...

Осторожно спрошенный Виткевичем Балты Кули подтвердил, что эмиру очень надобны знающие пушечное дело люди...

Тогда Сухтелен приказал собрать артиллерию всего корпуса в долине, а сам со штабом и бухарским гостем расположился на холме.

— Сейчас, ваша милость,— сказал он Балты Кули,— мы дадим залп в честь вашего пресветлого и славного повелителя и нашего друга, Багадур-хана Нассыр-Улла, да продлит господь его дни!

Сухтелен махнул платком. Пламя вырвалось из жерл сотни пушек, и раскаты грома разнеслись далеко, отдаваясь эхом в холмах...

Балты Кули, никогда дотоле не слыхавший артиллерийских залпов, чуть не свалился с лошади...

Довольный произведенным эффектом, Сухтелен обратился к Виткевичу:

— Скажи ему, что у нашего могущественного государя таких пушек тысячи и тысячи, нет крепостных стен, какие устояли бы против них!..

8

Посланец бухарский терпеливо ждал ответа из Петербурга. Виткевич после маневров покинул его. Сухтелен, встревоженный донесениями о появлении хивинских летучих отрядов к западу от хребта Мугоджары на караванных путях, приказал произвести вооруженный поиск. Во главе отряда из 100 уральских казаков, 200 конных башкир, при 2 орудиях встал сам Генс. Он взял с собой и Виткевича.

Дойдя на двадцатый день до Мугоджар, Генс не обнаружил хивинских отрядов. Кочевавшие невдалеке со своими стадами казахи рассказали, что хивинцы, прослышав о приближении русских, ушли восвояси...

— Но как же они могли узнать?— недоумевал Виткевич.

Генс рассмеялся...

— В степях свои курьеры, побыстрее императорских фельдъегерей. Вот из них,— Генс показал на расположившиеся невдалеке юрты,— вербуют хивинцы своих соглядатаев.

Когда отряд после полуторамесячного пребывания в степях возвращался в Оренбург, на расстоянии двух дневных переходов, от города казачий разъезд в стороне от большой дороги обнаружил караван в десяток верблюдов.

Караванбаши — старый перс — сказал уряднику, командиру разъезда, на ломаном русском языке, что с караваном следует его высочество, внук шаха афганского— Замана.

Посланный урядником казак привез донесение командира разъезда, и Генс, в сопровождении Виткевича

и казачьего эскорта, немедленно поскакал к стоянке каравана.

— Будьте внимательны к каждому слову, к каждому жесту неожиданных гостей,— сказал он Виткевичу.— Афганских пришельцев мы еще у себя не видели.

Из шатра вышел навстречу Генсу средних лет, стройный и высокий человек в большой чалме, концы которой спускались на грудь, в легком и длинном шелковом халате, распахнутом так, что был виден бельбак, широкий, яркий пояс с высунутой наружу богато украшенной рукояткой кинжала.

Тонкий, длинный нос, крутой подбородок, прикрытый бородой, высокие, густые брови, глубоко сидящие большие черные глаза, тонкие губы — вся наружность афганца являла тип, близкий к иранскому.

Афганский принц представился Генсу, как Шахзаде Мухаммед, внук Заман-шаха, ослепленного его братом Махмудом и ныне живущего в Лодиане, на границе между Пенджабом и Индией. Он следовал из Бухары в Коканд, но караван в связи со слухами о хивинских разбойниках уклонился в сторону, а затем сбился с пути и с трудом выбрался на дорогу, которая, как сказали встречные казахи, ведет в Оренбург. Вот он и решил добраться до Оренбурга, там отдохнуть, а уж затем отправиться в Коканд, где его сестра замужем за ханом. А тетка его — дочь Заман-шаха, мать повелителя бухарского Насыра-Уллы.

В Пограничной комиссии афганский гость подробно рассказал, что происходило в его стране с момента воцарения Ахмад-шаха и до последнего времени. Перед Виткевичем развевалась картина междоусобий, кровавой борьбы, распада государства, созданного Ахмад-шахом.

Афганская держава возникла в 1747 году. Ахмад-шах из племени абдали рода Саддозаев, командовавший афганскими войсками, захватил после убийства Надир-шаха и распада его империи господство над обширной территорией — от Дели на востоке до Нишапура и Мешада на западе. Южную границу его государства составлял Индийский океан и северную — Амударья.

Объединив в своих руках все исконные афганские земли — Герат, Кандагар, Пешавар, Кабул, Ахмад-шах

переименовал племя абдали в дуррани, что значит «жемчужные», и принял титул «Дурр-и-Дуррани», что значит «Жемчужина среди жемчужин».

Ахмад-шаху, правившему Афганистаном двадцать шесть лет, наследовал его сын Тимур-шах. Его главным визирем был Пойнда-хан из дурранийского рода Баракзаев. В награду за услуга, оказанные Пойнда-ханом, Тимур-шах убил его. Баракзаи поклялись отомстить Саддозаям.

Между тем в Персии воцарилась сильная династия Каджаров, и они стали теснить афганцев, стремясь вернуть Хорасан и Герат.

На севере окрепла Бухара. Сикхи изгнали афганцев из Пешавара. Эмиры Синда в низовьях Инда также сбросили афганское владычество.

В столь неблагоприятных обстоятельствах и разгорелась борьба между Баракзаями и Саддозаями.

Тимуру наследовал его сын Заман-шах. Во главе Баракзаев стал сын Пойнда-хана Фатх-хан. Он втянул в заговор против Замана его брата Махмуда, поднял восстание, взял Кандагар. Заговорщики захватили Замана, ослепили его и бросили в тюрьму. Однако законным его наследником был Шуджа-уль-мульк. Старший брат Махмуда Шуджа-уль-мульк напал на Кабул, взял его и назначил Махмуда наместником. В это время в Кабуле появился англичанин Эльфинстон и заключил с Махмудом договор о союзе. Шуджа был изгнан из Кабула. Махмуд укрепился на престоле при помощи Фатх-хана. Шуджа нашел приют в Лодиане у Ост-Индской компании, назначившей ему солидную пенсию; там же поселился и его слепой брат Заман. Англичане содержали обоих изгнанных королей «на всякий случай». Посадив Махмуда на престол, Фатх-хан фактически сделался правителем Афганистана, но ненадолго. Махмуд приказал убить его.

Среди братьев Фатх-хана, умом, силой характера, честолюбием выделялся Дост Мухаммед. Он решил отомстить за брата и захватил Кабул. Махмуд с сыном Камраном бежали в Герат.

Так баракзай Дост Мухаммед овладел властью над всем Афганистаном.

В своих рассказах Шахзаде Мухаммед выражал уверенность, что аллах восстановит справедливость, пока-

рает злодеев и захватчиков Баракзаев и вернет трон законным властителям Саддозаям. Шах Шуджа не оставляет помыслов о возвращении в Кабул. Англичане в Индии помогут ему, когда придет время. Ранджит Синг, властитель Пенджаба,— враг Дост Мухаммеда и потому союзник Шуджи. В Герате сидят Махмуд и Камран и тоже ждут момента, чтобы отомстить Баракзаю.

Поблагодарив Шахзаде Мухаммеда и одарив его, Генс, с ведома начальника края Сухтелена, предоставил гостю возможность продолжать путь в Коканд.

Тем временем прибыл ответ из Петербурга, и Балты Кули был отпущен домой с письмом военного губернатора бухарскому эмиру от имени императора. Багадур-хан заверялся в стремлении России жить в мире и дружбе с Бухарой и развивать столь выгодную обоим государствам торговлю.

В письме подчеркивалось:

«Имея честь уведомить об этом величественную, пресветлую особу вашу, остаюсь я в совершенной уверенности, что между российским и бухарским правительствами подпоры приязни и столпы взаимного расположения стоять будут по-прежнему твердо и неизменно».

Едва посланец бухарский покинул Оренбург, как Генс призвал Виткевича и сообщил, что по приказанию графа Сухтелена ему поручается приготовить материалы для записки в Петербург о военной экспедиции в Хиву.

Виткевич внимательно перечитал не только записку Ефремова, но и его книгу-рассказ о странствиях по Средней Азии, Кашмиру, Индии.

Повсюду англичане, везде их люди, их происки! И в Хиве, разумеется, их рука, и к Бухаре они подбираются!

Вспоминая рассказы Шахзаде Мухаммеда, перелистывая книгу Эльфинстона о Кабуле и Афганистане, Ян все яснее видел целеустремленную политику Лондона и Ост-Индской компании: раздвинуть пределы британских владений до Сыр-Дарьи. Для этого надобно было овладеть сперва Афганистаном, и можно было не сомневаться, что живущий на английских хлебах в Лодиане шах-изгнанник Шуджа на британское золото и с

помощью британского оружия попытается вернуть кабульский трон.

С увлечением работал Виткевич второй месяц, как вдруг Генс приказал немедленно готовиться к отъезду в степь.

— Лазутчики наши доносят, что в средней части Меньшего Жуза (орды) оказывается некоторое волнение и намерение непокорных пристать к шайке мятежников. Старший султан, правитель сей средней части орды, просит о помощи. Граф приказал послать к нему сотню Уфимского казачьего полка и с нею толмачом и представителем Пограничной комиссии тебя, Иван Викторович.

Наедине с Виткевичем без посторонних Генс уже давно называл солдата Виткевича на русский манер по имени и отчеству.

Придя домой, Ян застал у себя Томаша Зана.

— Уже знаешь?— спросил он, пытливо и настороженно глядя на Виткевича.

— Генс сию минуту оказал: опять волнения в меньшей орде. Мне приказано с казачьей сотней немедля туда выступить.

— Да нет!— воскликнул Зан.— Какая там орда! В Варшаве революция.

— Что?

Виткевич от неожиданности не мог вымолвить более ни одного слова.

Пламя революции, вспыхнувшее в Париже в июле 1830 года, перекинувшееся в Бельгию, Германию, Северную Италию, достигло Польши.

В ночь на 30 ноября 1830 года польские патриоты подняли в Варшаве знамя восстания.

Зан обнял Виткевича, посадил на стул.

— Наши сердца там, на берегах Вислы, дорогой Ян. Но мы здесь, за тысячи верст, и не в силах наших разорвать наши путы я встать рядом со сражающимися братьями!

— Так что же? Сидеть сложа руки, когда льется польская кровь за свободу? О, теперь я понимаю, почему Генс меня отсылает в степь!

— Он правильно делает, Ян. Он хочет уберечь тебя от действий неосторожных и губительных.

— Значит, покориться обстоятельствам, Томаш, и,

когда мечтания наши юношеские становятся явью, оставаться сторонним зрителем!

— Что же иное можешь ты предложить? Бежать отсюда и присоединиться к восставшим братьям? Невозможно, ты отлично знаешь! Отправляйся в степь, делай свое дело. И если победа окрылит белого орла Польши, тогда...

Ян молчал.

9

Более десяти месяцев пробыл Виткевич в степи. Когда мятежные шайки напали на ставку султан-правителя, Виткевич проявил отличную храбрость. Преследуя хищников, он поймал их скрывавшегося несколько лет главаря. Нередко он проводил ночи в полуизорванной кибитке лицом к огню очага, спиной к холодному ветру, врывающемуся в кибитку. В нее набивались старшины, бии, простые казахи, имевшие дела к султан-правителю. Виткевич выслушивал их, помогая султан-правителю советом, отвечая на расспросы казахов, улаживая их споры и недоразумения. Он глубоко проникал в быт, в воззрения, в национальный характер кочевого народа.

Посылаемые им Пограничной комиссии донесения «всегда были преисполнены любопытными сведениями, так что ни один из чиновников, до него находившихся в степи, не умел столь хорошо судить о киргизах и вникнуть в их отношения».

Так писал Сухтелен о «действительных услугах, оказанных Виткевичем», посылая осенью 1831 года, по возвращении Яна в Оренбург, представление военному министру «о производстве столь полезного для Оренбургского края чиновника в первый офицерский чин». Аттестуя Виткевича, военный губернатор не находил ничего дурного в его поведении, кроме «некоторой скрытности, которая была последствием постигших его несчастий».

Ян прибыл в Оренбург вскоре после того, как польская революция была удушена: 9 сентября 1831 года Паскевич въехал во взятую штурмом Варшаву.

Томаш Зан первый сообщил об этом горестном событии своему возвратившемуся из многомесячных скитаний другу.

— Жонд народовой неверно вел дело,— говорил То-

маш.— Надобно было поднять крестьян на борьбу за свободу Польши. А сейм не пожелал утвердить закон о замене барщины оброком... Наша шляхта побоялась вооружить весь народ на святое дело...

— Ясновельможное панство и холопы!— Виткевич вспомнил напыщенных, надутых спесью соседей по имению на Виленщине, вспомнил и забитых, полуголодных, нищенски одетых крестьян.— Без народа ничего не добиться, никогда! Но как же в стороне остались Франция, Англия? Как допустили задушить польскую свободу?

— Франция, Англия!— саркастически воскликнул Зан.— «Король баррикад» Луи Филипп и его премьер-министр банкир Перье боятся Николая. Министр иностранных дел Франции Себастиани, узнав о взятии Варшавы, заявил в палате депутатов: «Порядок царствует в Варшаве!»

— Порядок расстрелов и виселиц! Негодай!..

— Да! Но не лучше и Пальмерстон. Мне писал Ежовский из Москвы, что сей хваленый защитник «свободы во всем мире» с первых дней нашей революции открыто проявил свое неодобрение. И знаете почему? Посол царя в Лондоне — князь Ливен, но истинный посол — его супруга княгиня Дарья Христофоровна Ливен, сестра всесильного графа Бенкендорфа. В прошлом любовница Меттерниха, теперь она большой друг нынешнего премьер-министра лорда Грея и откровенно говорила в салонах Лондона: «Я сделала Пальмерстона министром иностранных дел!»

— Но ведь,— сказал Виткевич,— Пальмерстон в парламенте обрушился на правительство Веллингтона за то, что тори не оказывали должной поддержки борьбе греков за свободу... И Пальмерстон тогда сказал, что в политике самая главная движущая сила — общественное мнение.

— Верно, общественное мнение во всем мире горячо выражало свои симпатии польскому делу. Но Пальмерстон презрел общественное мнение, предпочтя ему мнение Николая.

— Все он>и — все лгуны и притворщики,— с презрением сказал Виткевич...

... Польша вновь закована в цепи. Это значит, что и Виткевичу не сбросить с себя ярма. Что же остается ему, как не следовать ранее принятому решению: служба пра-

вительству российскому, возможно более пользы принести здесь, на Востоке...

Граф Сухтелен, представив Яна к производству а прапорщики, своей властью сделал его портупей-прапорщиком: это еще не офицер, но уже и не солдат.

Теперь надлежало терпеливо ждать офицерских эполет и работать, работать без усталы, чтобы проложить дорогу в будущее. А каким оно будет, это будущее,— оно и само покажет...

ВСАДНИК СКАЧЕТ ВПЕРЕД...

1

Царский дипломат Поццо-ди-Борго, хорошо изучивший Пама, как его именовали даже в печати, сообщал Нессельроде: Пальмерстон «не останавливается ни перед какими средствами: пути кривые и извилистые, клевета, умолчание — все он считает пригодным. Россию считает он главным тормозом для осуществления своих разрушительных и безрассудных проектов, а его ненависть растет пропорционально его неудачам и его бессилию».

Свои далеко идущие захватнические планы в Азии Пальмерстон прикрывал пышной фразой: Англия должна исполнить свою роль покровительницы свободы и независимости народов...

А на деле он широко пользовался принципом «разделяй и властвуй», натравливая одну азиатскую страну на другую и «помогая» каждой из них попасть во власть Англии...

Он считал ошибкой, что Бентинк запретил Бернсу податься по Инду до Пенджаба. Поэтому Контрольный Совет и Совет директоров Компании решили от имени нового короля Англии Вильгельма IV послать лошадей в дар правителю Пенджаба Ранджит Сингу и дипломатического агента с письмом короля и этим подарком направить по Инду.

Когда было окончательно решено осуществить экспедицию. Малькольм, естественно, рекомендовал Бернса, как наиболее подготовленного для этого предприятия офицера.

Вызванный из Катча в Бомбей, Бернс был принят Малькольмом поздним декабрьским вечером не в

губернаторском кабинете, а в расположенной в том же дворце личной резиденции губернатора.

— Вот вы и дождались, любезный Бернс! Шлагбаум поднят, путь на Инд открыт!

За стенами губернаторского дворца перекликались часовые и «all's well!» (все в порядке) то удалялось, то приближалось, и Бернс увидел в этом хорошее предзнаменование: «Все в порядке!»

— Итак, вы отправляетесь по маршруту Александра Завоевателя в обратном направлении и будете первым из новейших европейских путешественников в этих местах.

Малькольм подробно познакомил Бернса с возлагаемым на него поручением: не только доставить лошадей — дар короля правителю Пенджаба, укрепить связи с Ранджит Сингом и добиться согласия эмиров Синда на регулярное судоходство по Инду, но и тщательно ознакомиться с положением в почти совершенно неизвестных прибрежных областях Инда. Эта часть поручения была наиболее трудной, в чем Бернс убедился в первые же дни путешествия.

Он отплыл из Бомбея в первых числах января 1831 года (когда Конноли уже был в Калькутте), достиг устья Инда и вступил в один из его многочисленных рукавов. Тут начиналась власть эмиров Синда. Нередко воинственно настроенные толпы жителей прибрежных деревень провожали суда Бернса криками и бранью. Во многих местах англичанам не удавалось приставать к берегу из опасения враждебных действий населения.

Бернс проявил недюжинные дипломатические способности, упорство и мужество, двигаясь вверх по Инду... Он и его спутники внимательно изучали местность, делали геодезические и магнитные съемки, собирали образцы флоры и фауны, старались заводить знакомства и связи, особенно в столице Синда Хайдарабаде и в Шикарпуре — важном торговом центре, через который незадолго до Бернса проехал, возвращаясь в Индию, Конноли.

Начиная от Астрахани до самой Калькутты, отметил Бернс, повсюду «в Мешед, Бухаре, Коканде, Кундузе, Кабуле, Бомбее, еще в десятках городов встречаются хитрые, пронырливые, умелые шикарпурійцы — торговцы и банкиры. Среди них легко можно находить ловких

и опытных агентов-соглядатаев, лишь бы платить им звонкой монетой».

Преодолев все трудности, Бернс 18 июля 1831 года прибыл в столицу Пенджаба Лахор и был встречен столь торжественно, что поспешил написать матери о выпавших на его долю овациях: «Оказанный мне прием таков, какого и должно было ожидать от принца, коему выпала высокая честь получить дары от нашего милостивого государя».

2

Итак, Александр Бернс повторил в обратном направлении плавание Александра Македонского по Инду я, проплыв от устья до впадения в Инд его притока Сатледжа, прибыл в страну сикхов. «Сикх» значит на языке пенджаби «ученик».

В конце XV века в Пенджабе, входившем в империю Великих Моголов, возникло религиозно-политическое движение, направленное против официального ислама и против феодального угнетения. В начале XVIII века сикхские восстания охватили большую часть Пенджаба, и власть Великих Моголов над Пенджабом была подорвана. Уничтожил ее окончательно Надир-шах, включивший Пенджаб в Персидскую империю. Но владычество Персии было коротким, и после смерти Надир-шаха Пенджаб был захвачен Ахмад-шахом и присоединен к созданному им обширному Афганскому государству.

Пенджаб, занимая область Пятиречья между верхним течением Инда и его притоком Сатледжем, отделял афганские земли от Индостана. Лежащая у впадения реки Кабул в Инд крепость Атток прикрывала доступ к Пешавару, центру одной из четырех главных областей Афганистана, и к Хайберскому проходу в Солимановых горах, ведущему к Кабулу. Вот почему преемники Ахмад-шаха старались не выпускать Пенджаба из своих рук, и вот почему Ост-Индская компания стремилась если не прибрать Пенджаб совсем к своим рукам, то включить его в орбиту своего влияния.

Заман-шах для укрепления афганской власти над Пенджабом отдал Лахор, важнейший город Пенджаба, и его область Ранджит Сингу, сыну одного из четырех князей, правивших в Пенджабе.

Когда, не без участия англичан, Заман-шах был свергнут с престола и ослеплен и в Афганистане начались длительные междоусобицы, Ранджит в 1803 году провозгласил независимость Пенджаба. Хитрый, ловкий политик, настойчивый в достижении поставленных перед собой целей, Ранджит создал хорошо обученную, сильную армию с помощью наполеоновских генералов Вентури, Аллара, Кура, которые после краха Французской империи нашли себе приют в далеком Пенджабе.

Страсть к приключениям занесла в Лахор и Джозию Харлана, американца, уроженца маленького городка в штате Пенсильвания. В 1823 году двадцатичетырехлетний Джозия отплыл в Индию и поступил в бенгальскую артиллерию в качестве помощника хирурга, хотя никакого медицинского образования не имел. Приняв участие в войне с Бирмой, Харлан по ее окончании вышел в отставку и уехал в Лодиану. Там он вступил на службу к изгнанному шаху Афганистана Шудже. Под видом дервиша он в 1827 году прибыл в Кабул, чтобы разведать, возможно ли устроить заговор против Дост Мухаммеда. Убедившись в невыполнимости замысла Шуджи, так как власть Дост Мухаммеда была крепка, Харлан вернулся в Лодиану. Хотя Шуджа и наградил его титулом «ближайшего друга короля» и «королевского стремянного», но Джозия предпочел перейти на службу к Ранджит Сингу. Он быстро приобрел доверие магараджи Пенджаба и занимал посты губернатора нескольких провинций, выполняя ответственные дипломатические поручения.

Компания решила сделать Ранджита своей опорой в борьбе против афганцев. Ранджит ловко пользовался длительной борьбой между свергнутой династией Саддозаев и Баракзаями, последовательно захватив богатейшие области Кашмир, Мультиан и Дераджат. Шаха Шуджу, искавшего убежища в Пенджабе, Ранджит ограбил, отняв у него знаменитый алмаз Кох-и-нур.

К тому времени, когда в Лахор явился Бернс, Ранджит занял своими войсками Пешаварскую область и присоединил к Пенджабу западное побережье Инда. В руках афганцев он оставил лишь город Пешавар, дожидаясь удобного момента, чтобы окончательно завладеть им.

Шах Шуджа по наущению Компания готовился к новой попытке вернуть себе власть, и Ранджит рассчитывал либо получить от него Пешавар в уплату за помощь, либо силой захватить город, в то время когда правитель Кабула Дост-Мухаммед будет занят борьбой против Шуджи.

3

В Лахоре Бернс был встречен лично Ранджит Сингом и вместе с ним проследовал по улицам, заполненным толпами народа, в королевский дворец.

Ранджит Синг, небольшого роста, кривой на один глаз, рябой, очень подвижный человек пятидесяти лет, оказывал посланцу могущественного монарха инглизов, властителя Индии, почести, преисполненные восточной пышности.

Александр Бернс достиг того, о чем мечтал в уединении в своей бомбейской «келье», склонясь над картами, манускриптами, книгами. Он не только путешествовал по стопам великого Александра. Он занимался высокой политикой, вел тонкую и сложную дипломатическую игру. Ранджит охотно согласился посредничать между эмирами Синда и Компанией, так как рассчитывал извлечь для себя немалые выгоды из английской торговли по Инду. И такой договор с его помощью был вскоре подписан.

Куда более деликатна была та часть миссии Бернса, которая касалась дел афганских. Ранджит твердо решил заполучить Пешавар. Но сидевший в Кабуле Дост Мухаммед никогда не согласился бы добровольно отказаться от этой области Афганистана. Чрезмерное усиление Пенджаба таило в себе немалые опасности для Индии... И было неизвестно, не выгоднее ли подружиться с кабульским Дост Мухаммедом, вместо того, чтобы иметь в Кабуле Шуджу, во многом зависящего от поддержки Ранджита... Все сложно, запутано и само по себе, а тут еще приемы восточной дипломатии!

... Неслышно вошедший в комнату махрам (лакей), почтительно склонившись, доложил, что высокородного и пресветлого посла желает видеть сардар его высочества,

Бернс поднялся навстречу высокому, сухопарому, светловолосому человеку в военной форме французского

образца, обильно украшенной золотым шитьем, галуна» ми, аксельбантами.

— Генерал его высочества Джозия Харлан,— отрекомендовался вошедший. По говору в нос, по словам, растянутым и потому состоявшим, казалось, из одних гласных, Бернс определил, что имеет дело с чистокровнейшим янки.

— Чрезвычайно благодарен вам за ваше лестное ко мне внимание, генерал,— сказал Бернс.— Вы упредили мое намерение нанести вам визит, чтобы иметь честь представиться вам.

— Любезный друг мой, разрешите так называть вас,— сказал Харлан, не желая обижать Бернса упоминанием его лейтенантского чина,— я слышал о вас, как о человеке мудром, знающем, опытном — далеко не по годам — и, поверьте, счастлив иметь беседу со старшим братом — англичанином. Мой прадед покинул родину полтора года назад, но семья наша свято чтит добрую старую Англию...

Бернс молча поклонился, усадил гостя, поставил перед ним коробку с сигарами.

Оба собеседника отлично понимали, что занимает мысли каждого из них, и после нескольких предварительных фраз завязался серьезный и временами горячий разговор.

— Существует ли угроза русского нашествия — вот чем озабочены в Лондоне и Дели,— говорил Харлан,— и я понимаю беспокойство вашей страны. Проведите линию от Константинополя к Пекину, минуя Персию,— она разделит сферы влияния: Россия к северу от нее, Англия — к югу. Согласны вы с этим?

Бернс кивнул головой и спросил:

— Что же нужно делать, чтобы удержать Россию от проникновения к югу от этой разделительной линии?

— Пока Англия будет оставаться за Сатледжем, между нею и Россией будет лежать широкая нейтральная полоса. Не только Афганистан, но и государства Мавераннахра — Бухара, Хива, Коканд — видят залог своей независимости в том, что могущественные соперники находятся от них на далеком расстоянии. Но стоит вам — я твердо в этом убежден — продвинуться за Сатледж, в стремлении на север от него перенести защитный вал Индии...

— Извините, я перебыю вас!— воскликнул Бернс. — Но ведь Оксус издавна был политической границей Индии, как империи Великих Моголов, и Гиндукуш потому и зовется Индийским Кавказом, что представляет естественный защитный вал Индии.

— Географически и исторически вы правы, любезный Бернс, но времена меняются: Афганистан уже имел Ахмад-шаха — был единым и сильным государством. А кто раз вкусил сладкого, не хочет больше горького... Дост Мухаммед силен именно тем, что жаждет восстановить единство страны, утраченное немощными преемниками Ахмад-шаха.

— Значит, полагаете вы, полезнее поддержать Дост Мухаммеда?

— Смотря для кого полезнее,— многозначительно молвил Харлан и замолк.

Бернс вспомнил, что Харлан — генерал и советчик врага Дост Мухаммеда, и на миг смутился...

Харлан понимающе усмехнулся и после небольшой паузы продолжал:

— А теперь взглянем на Мавераннахр — на «то, что за Оксусом». Тамашние ханства связаны с Россией, а не с Англией — торговлей, географической близостью, давними отношениями. В то же время Англия в их глазах жадный и кровавый приверженец опустошительных нашествий, безжалостно сокрушающих сопротивление всех, кто отстаивает свою независимость.

Такие речи Бернс слышал впервые! Этот американец, сменивший столько хозяев, авантюрист, служивший и у Компании, и у изгнанника Шуджи, а теперь и у повелителя Пенджаба, осмеливается так чернить Англию...

Харлан видел замешательство Бернса, но продолжал:

— Англия уже многие десятилетия господствует в Индии. Представьте себе на минуту, окончилось ее владычество там. Что же она оставит после себя? Только памятник своей бесчеловечности! Казармы своих солдат как орудия тирании, тюрьмы для своих жертв, развалины деревень и обезлюдевшие районы, голод, низкую оплату труда, невежество, рабство в форме принудительного труда... Я говорю вам об этом, дорогой Бернс, понимая, как возмущают вас мои слова. Но спокойно обдумайте то, что я говорю, вспомните Индию, как она есть! И

говорю я вам эти горькие истины дружески: для пользы самой же Англии не распространять завоеваний к северу от Инда и Сатледжа! Пусть останется нейтральный пояс между вами и Россией!

— Ваш повелитель жаждет заполучить Пешавар!— воскликнул Бернс.— Нет, генерал, я не меняю неприятной для меня темы разговора, а хочу сделать некоторые выводы из ваших слов... Итак, Ранджит Синг не успокоится, пока не получит Пешавар. Из чьих рук может он его получить? Не от Дост Мухаммеда, конечно! Только Англия может это сделать, с помощью шаха Шуджи. А это значит — включить Афганистан в нашу орбиту, то есть двинуться на север, к Оксусу...

— Мы добиваемся Пешавара во что бы то ни стало и готовы уплатить за него теми услугами, какие понадобятся от нас правительству его величества и Компании...

Харлан оставил Бернс а не только озадаченным, но даже и несколько растерянным.

Его поразили не столько резкие суждения об Англии — их Бернс приписал американской заносчивости,— сколько удивила откровенность Харлана и наличие в нем как бы двух разных человек... Один—служит Ранджиту и призван защищать его интересы, другой — советует делать то, что идет вразрез с этими интересами.

Тут была загадка и психологическая, и политическая!

В то время как лейтенант королевской армии, полномочный представитель правительства его величества, ломал голову над этой загадкой, Харлан докладывал магарадже Ранджиту о своей беседе с Бернсом.

— Цель достигнута: англичанин озадачен. Твердо требуйте Пешавара взамен помощи Шудже. Англичанин перетолкует мои предупреждения так, что нам невыгодно возвращение Шуджи в Кабул, потому что оно выгодно Англии. А раз так, то Англии надлежит утвердиться в Кабуле, посадив там снова Шуджу. Без вашей помощи этого не сделать. Значит, Пешавар ваш! Ручаюсь, что именно так доложит Бернс в Дели генерал-губернатору лорду Бентинку.

Харлан ошибался. «Ранджит Синг одержим необузданным честолюбием,— рассуждал Бернс.— И если он распространит свое влияние к северу от Инда, в Афганистан, он будет опасным союзником для нас! Шуджа в

Кабуле — игрушка, от которой нити протянуты в Лахор... Вопрос, очевидно, в том, чтобы иметь Афганистан на своей стороне. Значит, следует искать язык дружбы с Баракзаями...»

По площади прошел взвод пехоты, видимо, для смены караула, и Бернс подивился стройности и четкости движений, выправке солдат... Наполеоновские генералы не зря получали от Ранджита воистину царское вознаграждение!

— Итак,— произнес вслух Бернс,— надлежит непосредственно в Кабуле, в личном общении с Дост Мухаммедом, искать верного ответа: как быть с Афганистаном...

После трех недель пребывания в Лахоре Бернс попросил у магараджи прощальную аудиенцию.

Ранджит усадил его рядом с собой на великолепных коврах и после обычных по восточному церемониалу вопросов о здоровье сказал:

— Мы написали ответ на милостивое послание могущественного монарха Англии и вручим его вам. Мы также пишем генерал-губернатору и приглашаем его посетить нас... Пенджаб с того момента, когда был заключен первый договор с Компанией, неизменно верен дружбе с Англией. И мы надеемся, что и впредь и вечно будет между нами союз. Мы озабочены теперь смутами в соседнем Афганистане. Они угрожают спокойствию не только нашей страны, но и Индии. И мы льстим себя надеждой, что в Лондоне и Калькутте поймут наши заботы, и мы найдем сообща целительное средство, которое прольет бальзам спокойствия на обе наши страны.

Ранджит ни слова не сказал ни о Пешаваре, ни о Шудже, но Бернс и без того понял, о чем идет речь.

В изысканных и пышных выражениях, также не обмолвившись и звуком о том, чего домогается магараджа, Бернс благодарил его за милостивый и радушный прием и обещал довести до сведения генерал-губернатора все пожелания и просьбы столь верного и доблестного друга Англии, как его высочество «лев Лахора».

С богатыми подарками для короля и генерал-губернатора, на подаренном лично ему великолепном арабском скакуне, в богато украшенном седле покинул Бернс 14 августа 1831 года столицу Пенджаба.

В Симле, городке в Гималаях к северу от Дели, Бернс представил Бентинку подробный отчет своей миссии в Синде и Пенджабе. Он горячо говорил о том, что необходимо исследовать положение не только в Афганистане, но и за Оксусом, в ханствах Мавераннахра, а также в Иране, чтобы проверить, насколько велико там влияние России.

Бентинк, выслушав Бернса, сказал, что он подтверждает выводы и заключения Артура Конноли.

— С его докладной запиской вам надлежит ознакомиться, после чего мы вернемся к этому вопросу.

Бернс внимательно прочитал обширный отчет Конноли о путешествии из Петербурга в Индию и особенно его выводы.

Конноли рассмотрел условия, возможность и вероятность вторжения в Индию с севера по двум направлениям.

«Если бы России удалось установить свое прочное влияние в Хиве, чтобы иметь возможность создать здесь операционную базу, вторжение в Индию, хотя и трудное, однако стало бы возможным...» Развитие торговли с Хивой и на берегах Оксуса будет способствовать подготовке нападения на Индию с этой стороны. Однако же, анализируя экспедиции Муравьева и Негри—Мейендорфа, Конноли пришел к заключению, что этот вариант вторжения в Индию мало вероятен ввиду трудности подчинения Хивы.

«Вторую дорогу по имеющимся у меня сведениям я считаю более вероятной,— писал Конноли.— Через Персию и Центральный Афганистан можно действовать теперь же. Персия легко может овладеть Гератом, древней столицей Хорасана, а отсюда влияние Персии и стоящей за ее спиной России легко может распространиться и на Кандагар. От Аракса современная европейская армия может быть легко доставлена к Герату. Войска могут быть также по Каспийскому морю привезены в Астрабад, оттуда через Мешед или через Нишапур в Герат. От Кандагара можно избрать либо путь через Газни—Кабул и Атток на Инде, либо дорогу через Пишин — Кветту — Даудар — Шикарпур и Южный Инд».

Обязательным условием для такого предприятия

должна быть помощь Персии и Афганистана. Россия уже добилась огромного влияния в Персии, которая скорее заинтересована в дружбе со своим северным соседом, чем с Англией. Поэтому необходимо твердо противодействовать замыслам Персии в направлении к Индии, в первую очередь против Герата.

Сопrotивление афганцев сделает поход русских на Индию невозможным. Следовательно, в интересах Англии — восстановить единый и сильный Афганистан, каким он был под властью Саддозайской династии Ахмад-шаха.

Угроза Индии со стороны России — реальна, таков был лейтмотив отчета Конноли.

В Лондоне этот вывод был всецело поддержан, и председатель Контрольного Совета Пальмерстон потребовал от Бентинка исходить из реальности «русской опасности» в политике по отношению к северным и западным соседям Индии.

Бентинк сделал надлежащий вывод...

Бернс в сентябре 1831 года из Симля писал сестре в Англию: «Правительство на родине испугано намерениями России и пожелало, чтобы несколько образованных офицеров было послано для приобретения информации в странах, граничащих с Оксусом и Каспием. И я, не зная об этом, пришел прямо и точно к тому, что они желают. Лорд Бентинк подпрыгнул, пригласил меня для личной беседы и дал мне согласие в письме».

Через несколько недель Бернс писал: «Я покидаю Лодиану 1 января 1832 года и проследую через Лахор, Атток, Кабул, Бамиан, Балк, Бухару и Хиву к Каспийскому морю и оттуда в Астрахань. Если я смогу скрыть свои намерения от офицеров русского правительства, я проеду через территорию России в Англию и посету отчий кров».

Бернс получил паспорт 23 декабря 1831 и 3 января 1832 года переправился через Сатледж в Пенджаб, 11 февраля 1832 года из Лахора выехал в Кабул и далее в Бухару.

5

«Калькутский курьер» в начале июля 1831 года опубликовал большую статью Артура Конноли «Сухопутное вторжение в Индию».

Статья Конноли внимательно читалась в Пограничной комиссии, и Яна Виткевича возмутила в ней смесь лицемерия и цинизма: народы и страны открыто трактовались как пешки в британской игре, и на эти циничные расчеты набрасывался покров фраз о «свободе», «могуществе», «единстве» народов, обеспечиваемых Англией.

Особенно заинтересовало Виткевича все сказанное в статье об Афганистане. Конноли полагал, что Россия может пообещать изгнанной династии Саддозаев свою помощь в восстановлении ее власти и тем подчинить Афганистан своему влиянию.

За этой мыслью английского разведчика Ян угадывал её политическое продолжение: решимость Англии повести борьбу против властителя Кабула Дост Мухаммеда, как наиболее сильной фигуры среди афганцев.

Но, конечно, не эта афганская часть статьи привлекла наибольшее внимание Генса и Сухтелена. Хива — вот был фокус, в котором скрещивались главные направления российской политики в Центральной Азии. Так полагали и в Петербурге. Директор Азиатского департамента Родофиникин торопил Сухтелена с представлением записки о мерах для приведения Хивы к покорности.

Рассуждения Конноли о трудности такого предприятия подлили, так сказать, масла в огонь.

— Правительство английское устремляет свои взоры на Хиву — и потому именно, что хочет упредить нас и утвердить в Хиве свое влияние во вред интересам российским во всей области от Сыра до Аму. Из Хивы подстрекаются волнения в Малой орде, а за этим стоят господа вроде Конноли и золото Ост-Индской компании. И разве хан хивинский был бы так дерзок, ежели бы не чувствовал поддержки британской!

Так говорил Генс Виткевичу, приказывая быстрее закончить составление материалов для записки Сухтелена об экспедиции в Хиву.

6

Этому разговору в кабинете председателя Пограничной комиссии предшествовала беседа в доме военного губернатора.

Федор Родионович Пичугин, первостатейный московский купец, Федор Осипович (он же Кедралий Юсупович) Измайлов, астраханский татарин, компаньон богатейшего московского негодянта, откупщика, золотопромышленника Голубова, и оренбургский купец первой гильдии Фома Гордеевич Деев попросили у Сухтелена свидания для чрезвычайно важной беседы.

Собеседники собрались в просторном кабинете, за расположенным у боковой стены круглым столиком, на котором сервирован чай со сладостями, фруктами и ромом...

Сухтелен внимательно слушает Пичугина, который говорит горячо, но степенно, слегка окая, что выдает его происхождения с верховьев Волги.

— Вот так и выходит, ваше сиятельство, что уповать нам, российской земли коммерсантам, кроме бога, надлежит на отца нашего и повелителя царя-батюшку. Промышленность и торговля наши расти могут только при совершенном с их пути устранении иноземного совместничества да при рынках, на коих произведения их находят обеспеченный сбыт. Рынки сии — тут они...

Пичугин показал на окно, обращенное к восходу солнца.

— Тут, ваше сиятельство, искони торговали деды и прадеды наши с Бухарией, Коканом, Яркентом. И далее доходили до Кабула, шли в Индию товары российского производства. Я, ваше сиятельство, один только, не далее, как двенадцать лет назад, отправил отсюда и из Оренбурга товаров наших на сто с лишком тысяч да привез из Бухары товаров тамошних и индийских на полсотни тысяч. Да вот он,— Пичугин указал на Измайлова,— торг имел на сто и более тысяч, и он,— Пичугин коснулся руки сидевшего рядом Деева,— с зимним караваном слал по триста вьюков верблюжьих и поболе. А теперь что же? Теперь наш оборот от года к году упадает. Я едва-едва на полсотни тысяч в год делаю, а вот Фома Гордеевич и того меньше. Англичанин жмет, ваше сиятельство! Поверите ли, нигде нет от него убежища.

— Зло, ваше сиятельство, в указе, коим в 1830 году разрешено было свободно вывозить золотую, серебряную и платиновую монету нашего чекана,— сказал с небольшим акцентом Измайлов.— Купцы азиатские, рас-

продав у нас свои товары, наших не берут, а увозят с собою деньги и на них покупают в Индии товары британские и везут их затем в Бухарию, Ташкент — на исконные наши рынки.

— Мы близки и к самой Индии, не только к Бухарин. А вот что, ваше сиятельство: нет у нас духа компанейского, как у этих мистеров и сэров... Был я в Лондоне о прошлом годе по делам торговым. Знакомец мой Джексон сводил меня в Индия-хауз — дом огромный, где заседает Ост-Индская компания. Купцы, ваше сиятельство, купцы, а не солдаты доставили короне британской ее жемчужину — Индию! Мистер Джексон сказывал мне, что господа британцы очень большой интерес в Бухарин, Хиве имеют, чтобы потеснить торговлю российскую в тех местах. Думаю я, что пришло время учредить у нас компанию русско-азиатскую для торговли и сбыта наших товаров. От вас, начальников и радетелей наших, просим помощи. Я так считаю, ваше сиятельство: тысяча наших русских орлов да восемь пушек под командою офицеров ваших в трепет приведут всю Среднюю Азию! Мы и деньги дадим, только бы дело двинулось...

— Я рад слышать, господа,— проговорил Сухтелен,— что купечество российское так радуется о пользе отечественной промышленности и торговли, и сочту долгом о том всеподданнейше донести государю.

Купцы при этих словах встали и низко поклонились.

— Прошу вас, садитесь! Его величеству известен тот урон, который наносят нам степные разбойники. И я совершенно согласен с предложением полковника Генса: задерживать хивинские караваны и отпускать каждого хивинца в обмен на одного нашего пленника в Хиве. А кто из хивинцев останется необменным по истечении двух лет, того... в Сибирь.

— Верно, верно!— воскликнул Пичугин.

— Что же до планов ваших коммерческих и касательно проектируемой вами торговой кампании, то тут, извините, я пасс. Но обязательно напишу министру финансов графу Канкрину — это по его части.

— Дозвольте, ваше сиятельство, еще сказать.— Пичугин даже понизил голос.— Прослышал я, через знаконца мистера Джексона, что в скорости пожалуют сюда, в Оренбург, гости к нам с берегов Темзы — благо-

честивые пасторы с библиями... Так, полагаю, не слово божие у них на уме...

— Вы говорите, почтенный Федор Родионович, об Евангелической миссии библейского общества — я получил из Петербурга предписание разрешить такую миссию в Оренбурге. Не извольте тревожиться, мы за ней присмотрим! Чтобы господа пасторы не занимались чем не положено! Засим, господа, благодарю вас и желаю всего лучшего!

7

Учрежденная по разрешению из Петербурга в Оренбурге Евангелическая миссия была филиалом британского библейского общества и русского библейского протестантского общества.

Библейское общество возникло в Лондоне в 1804 году для перевода библии на все языки мира и распространения ее среди «язычников» на всех континентах. В 1812 году общество получило согласие Александра на учреждение первого российского библейского общества.

Российское библейское общество получило из Лондона семнадцать тысяч фунтов стерлингов (более трехсот пятидесяти тысяч рублей). На эти средства и на пожертвования русской знати общество открыло 289 отделений во всех концах России, устроило издательские базы в Астрахани и Казани, отпечатало более двухсот тысяч экземпляров библии, четыреста тысяч евангелий на татарском, тюркском, калмыцком, монгольском и других языках.

Руководители британского библейского общества Гендерсон и Пинкертон исколесили всю Россию. Плодом их путешествия были труды: книга Гендерсона «Библейские разыскания и путешествия по России» и книга Пинкертона «Россия, или разнообразные наблюдения прошлого и настоящего положения этой страны и ее обитателей».

Евангелическая миссия в Оренбурге нашла приют в доме на тихой улице вдали от центра города.

Не успела миссия открыться, как ее начали посещать прибывшие с караванами люди разного толка: и купцы, и дервиши, и просто нищие. Обстоятельство это не ускользнуло от Пограничной комиссии.

Выходцам из стран Центральной Азии существующими правилами предоставлялась возможность находиться в России без определенных занятий, скитаться без надзора повсюду, где им заблагорассудится. «Азиатцы», как они официально именовались, могли приезжать в Россию и покидать ее пределы без каких-либо формальностей. Правом свободного проезда через Россию пользовались также богомольцы, направлявшиеся в Мекку из Коканда, Ташкента, Хивы, Бухары.

— Таинственные «азиатцы», несомненно, посещают Евангелическую миссию не для того, чтобы получить там «слово божие»,— говорил Генс Сухтелену. — А если они и уносят с собой библии, то я, ваше сиятельство, готов биться об заклад: в них, сверх древних заповедей, начертаны и новейшие «заветы»— как и что делать подстрекателям волнений и замешательств в наших степях.

Выслушав Генса, Сухтелен сказал:

— Куда англичане не могут пробраться с оружием, туда они являются с аршином, а если и аршином достать не могут, не церемонятся пустить в ход и евангелие! Однако же фактов, уличающих миссию в недозволенных делах, нет у вас, Григорий Федорович!

— Нет,— сокрушенно признался Генс.

— Следовательно, добыть их — наша забота!

— Мы зорко следим, ваше сиятельство, но не хватает у нас и людей и средств. А англичане за двести лет, с тех пор как при королеве Елизавете создана была их секретная служба, понаторели в этом деле, ваше сиятельство! Мы же им еще и сами помогали, разрешая всякому, кто вздумает, являться к нам сюда. Надобно положить предел подобному порядку.

Сухтелен обратился с ходатайством в Азиатский комитет в Петербурге, и Комитет постановил: на будущее время всех подобного рода выходцев из стран Средней Азии записывать в российские подданные в податные сословия и поселять во внутренних губерниях; всем прежним выходцам предложить избрать местожительства или вернуться на родину, а с уклонившимися от того и от другого поступать, как с бродягами.

Новый порядок затруднил безвозвратный доступ нежелательных гостей, но не прекратил его совершенно. Этого и нельзя было сделать без ущерба для торговли.

...Да, нелегко было раскрыть тайны занятий Евангелической миссии в Оренбурге. И тому хорошим доказательством служил один визит в миссию. Он остался Неизвестен оренбургским властям, о чем следовало бы очень сожалеть, особенно Виткевичу,

В июле 1832 года из Бухары вышел караван, держа путь в Оренбург.

Курс он взял на Ташкент, чтобы оттуда отправиться сперва в Петропавловск, а затем в Оренбург. Путь этот, хотя и долгий (он требовал трех месяцев), был безопаснее других маршрутов. Караван без приключений добрался до Оренбурга, В Меновом дворе один из погонщиков верблюдов, нанятый в Бухаре, заявил караванбаши (начальнику каравана), что обратно не поедет, так как ему необходимо посетить в Астрахани родню, и взял расчет.

Это был старик лет семидесяти, очень бедно одетый, неопределенной национальности: он отлично изъяснялся и по-турецки, и по-персидски, знал пушту, язык афганцев, и урду, разговорный язык севера Индии и Пенджаба.

Получив от караванбаши деньги, старик не спеша поехал на своем верблюде в Татарскую слободу. Там на базаре он продал его и зашел в ближайшую чайную. Расположившись на нарах, он заказал чай, хлеб, хлебку... Ел и пил он медленно, внимательно всматриваясь в посетителей чайной, прислушиваясь к их неторопливым беседам. Уже стемнело, когда старик расплатился и вышел на неосвещенную улицу... Оглянувшись и убедившись, что никто за ним не следует, он быстрыми шагами миновал базарную площадь, вышел из Татарской слободы и вступил в европейский город. Здесь он снова медленно побрел, стараясь держаться поближе к стенам домов. Уверенно сворачивая из улицы в улицу, старик дошел до глухого длинного забора с малоприметной калиткой, три раза особенным образом постучал и замер в ожидании. Из-за калитки негромко спросили:

— Кто?

Старик ответил по-турецки:

— Смирный странник, который привез дому сему благословение и привет с берегов священной реки.

Калитка неслышно повернулась на петлях, приоткрывая узкую щель. Старик легко проскользнул в нее, калитка захлопнулась, и все стихло...

8

Ииосиф Вольф родился в еврейской семье в Кракове. В юношеском возрасте он перешел в католичество и удостоился чести быть представленным папе Пию VII, так как выразил желание посвятить себя распространению веры Христовой среди евреев. В Риме он прошел курс наук в «Колледжо Романо», а затем обучался в особой школе Коллегии пропаганды, где подготавливаются самые ловкие и способные агенты Ватикана. Однако вскоре Вольф разочаровался в католицизме, как он объяснил в Кембридже, куда уехал из Рима. Он вступил в англиканскую церковь, в королевском колледже Кембридже изучал теологию, а также арабский, турецкий и персидский языки.

— Персидский язык — наиболее благозвучный, турецкий — самый деловой, арабский же — благороднейший из всех языков.

Так говорят издавна на Ближнем и Среднем Востоке.

Наставники же Вольфа руководствовались в основном практическими надобностями миссионера, деятельности которого посвятил себя Вольф.

Сперва он странствовал по Палестине, Месопотамии, Ирану, Турции, Крыму, Грузии. Количество обращенных им в христианство евреев неизвестно, но польза от странствий Вольфа была настолько велика, что он в 1831 году был отправлен в новый «миссионерский» вояж — через Турцию и Иран он проехал в Туркмению, Бухару, оттуда в Афганистан, затем в Индию, Аравию и Персию.

Явившись в Тегеран летом 1831 года, Вольф обратился к министру шаха Хосров-хану, которому его еще в 1825 году представил придворный врач Джон Макнил,

По просьбе Вольфа Хосров-хан послал за купцом, отлично знакомым с Бухарой. Узнав, что Вольф намерен отправиться в Бухару, купец испуганно воскликнул:

— Не делай этого!

— Почему же?— спросил Вольф.

— Едва по дороге в Бухару ты прибудешь в Турк-

менские степи, туркмены схватят тебя и обратят в рабство. А если ты избежешь этой печальной участи, то в Каракуле губернатор, проклятый ублюдок узбека и персиянки, примет тебя самым ласковым образом, а затем отдаст приказ бросить тебя в Аму. Но величайшим несчастьем для тебя будет добраться до Бухары: разве ты не знаешь, что путешественники англичане Муркрофт и Требек хоть и преподнесли тысячу рупий Багадур-хану Бухары, но он все же приказал их умертвить.

Но Вольф знал, что Конноли не добрался до Мерва и Бухары, и поэтому решил совершить эту часть путешествия по возможному маршруту «русского вторжения».

До Мерва Вольф добрался благополучно; не задерживаясь там, он выехал в Каракуль, где губернатор, вопреки предсказаниям тегеранского купца, не только не убил Вольфа, но оказал ему радушный прием и дал ему провожатых до Бухары.

Приближаясь к Бухаре с юго-запада, Вольф увидел издалека высокую башню.

— То минарет смерти,— сказал сопровождавший Вольфа провожатый.— С вершины его по повелению эмира сбрасывают неверных жен.

Садами и виноградниками путники доехали до окружающей Бухару глиняной стены высотой около 7 метров, с башнями и воротами.

Указывая на стену, провожатый сказал Вольфу, что впервые Бухара была окружена стеною еще тысячу лет назад.

По кривым, узким улицам Вольф и его спутник проехали в каравансарай. Кушбеги, немедленно извещенный о прибытии чужестранца, тотчас же послал за ним махрама, который препроводил Вольфа в Арк, цитадель на высоком холме. Кушбеги сидел в одной из комнат эмирского дворца у широкого балкона. Приказав Вольфу сесть прямо на дворе под балконом, кушбеги спросил, кто он и зачем явился в священный город Бухару.

Вольф представил письма, которыми снабдил его английский посланник в Персии,— в них Вольф рекомендовался как миссионер, странствующий для обращения евреев.

Прочитав письмо, кушбеги подверг Вольфа расспросам: предсказано ли появление пророка Мухаммеда в

священных книгах христиан, почему он, Вольф, верит в Иисуса, знает ли он, когда настанет день воскресения из мертвых, как зовут богатейших евреев в стране Вольфа?

Удовлетворившись ответами Вольфа, кушбеги разрешил ему пребывать в Бухаре, но запретил, пользоваться пером и бумагой.

Вольф и так знал, что каждое письмо, отправленное из Бухары или полученное в ней, даже письма жены к мужу, вскрываются, прочитываются и о них докладывают эмиру.

Отпущенный кушбеги, Вольф направился в синагогу. Была как раз суббота, и Вольф обратился к собравшимся с приветствием...

Из среды молящихся вышел купец, встречавший Вольфа в Багдаде, и сказал:

— Не слушайте его, единоверцы, он — русский шпион! Я его знаю давно.

Поднялся шум... Вольф кричал, что он прибыл из Англии, что его знает сам Ротшильд и Монтефиори. Имена этих богачей произвели впечатление, шум стих, и Вольф повторил свою обычную проповедь: сам Моисей, мол, предсказал пришествие нового пророка, и он явился, и пора евреям отказаться от заблуждения их предков...

Проповедь имела мало успеха. Да Вольф ничего иного и не ожидал. Больше он не появлялся в синагоге, занявшись более серьезными делами.

К мулле соборной мечети Мир-араб он имел рекомендательное письмо от багдадского муфтия Юсуфа-эффенди. Мулла Акбар-ходжа внимательно прочел письмо и сказал, что польщен честью посещения такого уважаемого и благочестивого дервиша. Осведомившись о здоровье достопочтенного Юсуфа-эффенди, Акбар-ходжа спросил, что может сделать для столь почетного гостя, которого так рекомендует святой муфтий багдадский.

Вольф сказал, что хочет узнать, почему были казнены в Бухаре Муркрофт и Требек.

— Казнены? В Бухаре?

Акбар-ходжа изобразил на лице своем удивление. — Муркрофт умер от лихорадки в Андхое, за пределами владений нашего пресветлого эмира, да продлит господь дни его! Требек умер в Мазаре, где правит хан,

восставший против нашего эмира,— говорят, этот мятежник отравил Требека.

Вольф вытащил из-за пояса кошелек, зазвеневший столь мелодично, что мулла насторожил уши; из кошелька Вольф на ладонь высыпал золотые монеты — соверены. У Акбара-ходжи задрожали руки. Вольф поднял один соверен и повернул его той стороной, на которой вычеканен профиль короля.

— Наш всемогущий монарх, да продлит господь его дни, обещал наградить сотней таких монет, а каждая из них равна двум золотым бухарским тиллям — того, кто откроет тайну смерти Муркрофта и Требека. Вы, почтенный Акбар-ходжа, приоткрыли завесу тайны, и я вручаю вам десять соверенов. Когда же тайна раскроется до конца, за первыми десятью,— и тут Вольф отсчитал десять монет,— последуют остальные!

Мулла проворно опустил монеты в широкий карман халата.

Вольф спрятал кошелек и, наклонившись к Акбару-ходже, понизив голос, сказал:

— А теперь перейдем к делу! Мне нужно узнать, что вышло из поездки Балты Кули в Оренбург, какой ответ он привез от русских...

... На следующий день к эмиру явились муллы-настоятели мечетей и объявили:

— О ваше высочество! Юсуф Вольф, англичанин, который прибыл к нам, рассказывает, что персиане, нечестивые собаки, да будут навеки осквернены их могилы, болтают, будто бы у нас в Бухаре убиты его соотечественники Муркрофт и Требек... Грязные шииты называют нашу Бухару, крепость ислама,— городом убийства гостей. Гости священны для нас, и мы должны обращаться с Юсуфом Вольфом и всяким английским путешественником с уважением и почетом.

Эмир сказал:

— Клянусь верой отцов! Юсуф Вольф убедится, что кизилбаши — мерзкие лгуны... Пусть придет ко мне!

Вольф спрятал кошелек и, наклонившись к Акбару-была заполнена людьми. Эмир Нассыр-Улла в простом одеянии муллы сидел на балконе. Когда Вольф приблизился к балкону, все глаза устремились на него.

Придворный коснулся плеча Вольфа, и он начал низко кланяться и восклицать:

— Да будет мир великому падишаху!— И делал это до тех пор, пока эмир не рассмеялся, а за ним и все присутствующие. Эмир сказал:

— Хватит, хватит! Какой удивительный этот англичанин, и его глаза, его одеяние, и эта книга в его руках. Пусть приблизится!

Вольф подошел к балкону и разглядел эмира: лицо Нассыр-Уллы дергалось, улыбка казалась принужденной, небольшие, но совершенно черные глаза поражали мрачным блеском.

Эмир заговорил негромко, но с живыми интонациями:

— Юсуф Вольф, скажи нам, как ты сюда прибыл, как путешествуешь в твоей стране и правда ли, что у вас плавают корабли без парусов и весел?

Не успел Вольф ответить на эти вопросы, как эмир спросил: почему англичане так любят старые монеты, и знает ли он, кто таков Чингисхан и кто был Дарий?

И еще много подобных вопросов эмир задавал и напоследок спросил:

— Много ли иностранных послов в Англии и как с ними обращаются и можно ли их убивать?

Выслушав ответ, эмир воскликнул:

— Почему же ты поверил, что у нас, в Бухаре, такие порядки, что можно убивать гостей из чужих стран! А теперь скажи нам, что это у тебя за книга?

Вольф, ждавший такого вопроса, живо ответил, что это арабский перевод одной замечательной книги об удивительных приключениях некоего Робинзона Крузо и он просит милостивого разрешения поднести книгу эмиру. Эмир кивнул головой, и махрамы взяли книгу и передали ее эмиру.

Аудиенция окончилась милостивым разрешением оставаться Вольфу в Бухаре, сколько ему будет угодно,

9

Вольф знал, что Нассыр-Улла создал целую систему надзора за своими подданными: слуги подслушивали, что говорили их господа даже в постели; мальчишки на улицах ловили каждое слово, и эмир получал и сам читал донесения. Соглядатаями был окружен и Вольф, почему он и был весьма осторожен. А чтобы невозможно

было подслушать, что он может вслух сказать во сне, он на ночь укрывался с головой...

Вольф посещал крытые базары, вступал в разговоры с купцами и ремесленниками, заходил в караван-сарай, подолгу сидел в чайханах...

Однажды он беседовал в чайхане с купцом, с которым его свел Акбар-ходжа и который собирался в Оренбург во главе каравана, нагруженного каракулем, шелками, коврами, хлопком. Вольф расспрашивал, кого знает купец в Оренбурге, с кем ведет торговые дела и известен ли ему человек по имени Деев.

Тут в чайхану вошел какой-то человек, по виду афганец, и обратился по-персидски к Вольфу:

— Ты, неверный, уже успел обольстить эмира! Но если бы он отдал тебя в мои руки, я бы живо расправился с тобой своей саблей!

Купец прервал афганца:

— Уходи и не тронь ференга: он дервиш!

— Дервиш! — саркастически воскликнул афганец.— Я знаю этих английских дервишей! Они приходят в страну, высматривают все в горах и долинах, в озерах и реках, находят удобные пути и возвращаются домой. Там они все сообщают господину по имени Компания, и он посылает солдат, и они завоевывают страну!

С этими словами афганец быстро вышел из чайханы, вскочил на коня и уехал.

Купец просил Вольфа не придавать значения словам неотесанного грубияна, жителя диких гор. Вольф вежливо согласился, но про себя решил узнать, что это за афганец и кто его подослал... Однако ни Акбар-ходжа, с которым Вольф окончательно подружился, ни владельцы каравансараяв, которых он расспрашивал, ничего не знали о таинственном афганце.

Как-то в бедной чайхане вблизи самаркандских ворот Вольф расспрашивал нищего — дервиша из Самарканда,— как выглядит теперь некогда славная столица

Тимура.

Дервиш, узнав, что Вольф англичанин, внимательно поглядел на него и сказал:

— Инглизы — это теперь Тимур! Они — потомки Чингисхана, и они покорят весь мир!

Слова дервиша услышал сидевший неподалеку туркмен.

— Русские будут покорителями всего мира,— обратился туркмен к Вольфу.— Они возводят сильную крепость посреди моря, недалеко от Хивы... Ислам погиб!

Тут заговорил еще один дервиш, с другого конца чайханы:

— Великие муллы Самарканда утверждают, что Россия — это Гог и Магог, и великий дервиш Амир-Султан предсказал, что урусы завладеют миром... Скоро, скоро они захватят Ташкент, Коканд, Ургенч, а потом настанет очередь и Бухары!..

Вольф, с большим вниманием выслушавший все это, ничего не сказал и внимательно оглядел туркмена. Дервиш из Самарканда рассмеялся:

— Против англизов руссы ничего не сделают! Вся Индия уже в руках англизов. Они убили русского посла в Тегеране, и русский падишах не смог им отомстить!

Туркмен махнул пренебрежительно рукой:

— Ты не знаешь русских! А я их знаю, я был в Оренбурге и в Казани...

Вольф подозвал хозяина чайханы, заплатил ему и вышел на темную улицу. Пройдя десяток шагов, он остановился у глухого дувала и стал поджидать, пока из чайханы выйдет туркмен...

Через два дня из Бухары вышел тот караван, один из погонщиков которого — туркмен — взял в Оренбурге расчет и посетил Евангелическую миссию на окраине города.

... Проведя в Бухаре свыше двух месяцев, Вольф отправился в Кабул.

10

От старшего султана-правителя средней части жуза прискакал гонец с извещением, что казахи Джалгалбайлинского рода напали на аулы соседнего рода, ограбили их и угнали более восьми тысяч лошадей. Составивший при султани-правителе чиновник Пограничной комиссии сообщил, что по собранным сведениям, подстрекал джалгалбайлинцев какой-то старик, не то узбек, не то афганец, будто бы прибывший из Бухары и даже побывавший в Оренбурге.

Сухтелен и Генс склонны были видеть в этом происшествии английские происки. Решено было, что Генс

лично отправится в степь для расследования всех обстоятельств дела в сопровождении Виткевича.

Собрав старейшин обоих родов, Генс заставил их примириться и дать клятву, что они прекратят междоусобицу. Похищенные лошади были возвращены владельцам, и большой праздничный той заключил процедуру примирения.

Генс и Виткевич остались в стане старшего султана-правителя, чтобы расследовать одно странное дело.

Чиновник Пограничной комиссии при султানে-правителе поручик Аитов передал Генсу пакет с бумагами, которые были отобраны у одного казаха, захваченного во время преследования похитителей лошадей. Бумаги оказались письмами офицера Карелина, посланного на берега Каспия для рекогносцировки. Правда, письма были частные, Карелин писал их родным в Москву, но, видимо, не успел отослать. Все же необходимо было дознаться, как же письма очутились у казаха. Аитов привел его в юрту, в которой помещались Генс и Виткевич.

Казах, молодой парень лет двадцати пяти, немного знавший по-русски, сразу же ответил:

— Пакет передал мне один татарин из Оренбурга, приказчик какого-то купца.

— А откуда ты его знаешь, этого татарина?— спросил Генс.

— На Меновом дворе встретил его, когда лошадей продавали.

— И что же он велел делать с бумагами? .

Казах немного замялся... Генс и Виткевич переглянулись...

— Что ж, придется взять тебя в Оренбург,— сказал Виткевич.

Парень переступил с ноги на ногу, поглядел на свои сапоги и произнес:

— Он велел мне передать бумаги туркмену, который придет в наш аул и скажет мне, что его прислал Джаффар из Ургенча.

— А потом что было?

— Татарин приказчик уехал, а мы все выехали из аула в степь.

— Григорий Федорович,— сказал Виткевич по-английски,— отпустим его, и пусть Аитов поручит своему человеку в том ауле последить за парнем.

Генс кивнул головой, и Виткевич сказал:

— Ладно, можешь ехать домой!.. Нет, нет, стой! Скажи-ка, имя этого приказчика знаешь?

— Абдулла Низамат.

— А как одет? Каков с виду?

С трудом подбирая слова, запинаясь, казах кое-как описал внешность приказчика. Ничего примечательного в описании не было: самый обычный татарин, в полувосточном, полувосточном наряде — таких на Меневом дворе десятки.

Когда казах ушел, Генс, еще раз просмотрев письма, сказал Виткевичу.

— Даты на письмах, Иван Викторович, свидетельствуют, что писал их Григорий Сильч в степи, когда возвращался из рекогносцировки к морю. Там он их и потерял.

— Либо же их у него украли, Григорий Федорович, — а он их так и не хватился.

— Да, конечно! Ежели украли, думали похитить не частные письма Карелина родным, а его бумаги деловые, заметки, планы. Кому они надобны, понятно! А вот что за туркмен еще такой, как вы думаете?

Ни Генс, ни Виткевич, разумеется, тогда еще не знали о таинственном посетителе Евангелической миссии в Оренбурге, который прибыл из Бухары, а еще раньше в Бухаре в чайхане встретился с Вольфом. Поэтому Виткевич пожал плечами и сказал, что сперва надобно отыскать приказчика, а через него уж сыщется и туркмен.

II

Генс проехал прямо в Оренбург, а Виткевич задержался в промежуточном пункте Оренбургской линии, в небольшой крепостце Таналькской. Сюда прибыла партия поляков, присланных из Польши для службы в войсках Оренбургской линии.

Виткевич увидел плохо одетых и обутых, истомленных длинной дорогой, ни в чем неповинных соотечественников, преследуемых только за то, что они сыны Польши...

Старые чувства вспыхнули в груди «черного брата»... И опять вспомнился ему Новосильцев и его слова:

— Все равно вы будете служить нам и делать то, что

нам нужно, и суровая школа жизни заставит вас позабыть о Польше!

Нет, своей отчизны Виткевич не забыл и никогда не забудет, и страдания родного народа — это его страдания... Но что он может сделать?

В Таналыке служил рядовым поляк Кживицкий, известный Виткевичу по прежним посещениям Таналыкской крепости. Разыскав его, Виткевич дал ему пятьдесят рублей и приказал разделить между прибывшими.

Вернувшись в Оренбург, Виткевич рассказал о тяжелом положении виденных им соотечественников Томашу Зану.

— Я соберу для них что удастся,— сказал Зан,— и мы отошлем через Кживицкого.

— Нет, лучше я узнаю, на кого можно положиться. Пан Кживицкий что-то не понравился мне...

— Делай, как найдешь удобным. А как съездили в степь, что нового узнали?

Виткевич передернул плечами и сказал с легкой гримасой:

— Нынешнее мое пребывание в степи подкрепило мое убеждение: не тут, не у самой нашей линии, собака зарыта...

Зан засмеялся.

— Не смейся, право!— воскликнул Виткевич.— Я уверен, что степняки служат орудием в других, дальних руках. Вот до тех бы добраться!

— И что же была бы тебе за польза?

Виткевич скрестил руки на груди, наклонил немного голову и сказал очень твердо:

— Я ненавижу лондонскую подлость! А поскольку с берегов Темзы дует ветер, противный и курсу российского корабля, то интересы мои и империи тут сходятся, и я могу служить ей не за страх, а за совесть... Служба же вознаграждается чинами, а чины — это ступени к освобождению. Так я разумею свое положение и свое поведение.

— И ты не видишь здесь софизма?— спросил Зан.

— Нет, я не кривлю душой! Пойми, друг Томаш, что история подобна колеснице Джагернаута: она давит народы, попадающие под ее колеса. На Востоке многим народам суждено либо попасть в руки Англии, либо сохранить свою свободу.

— А не разделят ли они участь Польши в когтях двуглавого орла?

— О нет! Соперничество в борьбе двух великих империй, морской владычицы и сухопутного левиафана, представляют много шансов находящимся между ними странам на то, чтобы использовать эту вражду в своих интересах. Конечно, тут надобны свои Талейраны, Макиавелли...

— И ты предлагаешь услуги в таком качестве? Виткевич рассмеялся, обнял Зана.

— Ладно, ладно, не издевайся, я знаю, что тебе любы не люди, а звери, птицы, камни... Собирай же их на здоровье, а я буду идти своим путем...

12

Представляя Сухтелену и Генсу отчет о командировке на Каспий, Карелин ничего не сказал о пропавших письмах.

— А ведомо вам, Григорий Силыч,— спросил Сухтелен,— что случилось с вашими письмами? Григорий Федорович, расскажите!

— Ну так что ж!— выслушав Генса, воскликнул Карелин.— Нашли вы приказчика?

— Ищем, Григорий Силыч, ищем... И, кажется, нашли, ваше сиятельство! Я как раз и приготовился доложить вам. Приказчика Абдуллу Низамата долго искать не пришлось. По справке на Меновом дворе оказалось, что служит он у Деева.

— У Деева!— воскликнул с удивлением Сухтелен. Генс многозначительно улыбнулся и продолжал:

— Деев, ваше сиятельство, известен вам: купец богатый, торговлю с Бухарой ведет обширную... Да вот только вовсе он и не Деев.

— То есть как не Деев?— разом спросили Сухтелен и Карелин.

Тут Генс рассказал историю, совершенно невероятную, но, однако же, истинную.

Лет за двадцать до нынешнего времени за Уралом, верстах в двадцати от Оренбурга, жил некий Зайчиков на землях, отнятых у казахов и задаром розданных русским поселенцам. Зайчиков для обработки земли нанимал мужиков из-за Урала, а между тем давал знать степным разбойникам о том, где и когда они будут проезжать.

Целые семьи попадали в рабство, в Хиву. Дела Зайчикова в конце концов обнаружили, и негодяй был приговорен к каторге. Зайчикова отправили, как полагается, в Сибирь. А вскоре в Оренбург прибыл купец с паспортом на имя Деева и поселился в городском доме Заичикова... Генс сделал небольшую паузу.

— И был тот Деев и не Деев вовсе, а Зайчиков! Тогдашний губернатор Волконский и полиция не могли этого не знать, но, однако же, сделали вид, что не знают. Сколько стоило такое чудо Зайчикову, не знаю, но, наверное, не мало. И вот уже двадцать лет преуспевает Деев и даже вами, ваше сиятельство, был принят!

— Так что же вы молчали до сих пор?— в гневе сказал Сухтелен.— Схватить мерзавца, заковать в кандалы и отослать в Сибирь немедленно!

— Нет, ваше сиятельство, нельзя: давность уголовная наступила! А сверх того имеет Деев высоких покровителей в столице. Молчал же я оттого, что и сам не знал до сей поры тайны Деева — доколе теперь не занялись мы им вплотную. А вот нынче, когда ведут к нему следы из-за кордона, мы им займемся и глаз не спустим!

— Одного не пойму,— сказал Карелин,— как же голубой мундир наш проглядел Деева?

Карелин разумел жандармского подполковника, который ведал Оренбургским отделением VII жандармского округа, с центром в Тобольске.

Генс махнул рукой... Сухтелен усмехнулся и сказал:

— Поручаю вам, Григорий Федорович, вывести этого мерзавца на чистую воду!

— А вы полагаете, Григорий Федорович,— спросил Карелин,— что Деев со своим приказчиком в этом похищении писем заодно?

— Поживем — увидим, Григорий Силыч!

ТУЧИ СГУЩАЮТСЯ

I

Бернс был отправлен в Кабул в качестве частного лица.

Тогда же в Индия-хауз был одобрен план резидента в Лондоне Уэйда: еще раз попытаться восстановить в Афганистане власть Шуджи. Пальмерстон считал не-

обходимым укрепить позиции Англии на Среднем Востоке, чтобы развязать руки для активных действий на Ближнем Востоке. В Лодиане и Лахоре заключена была сделка между Шуджой и Ранджит Сингом. Шуджа уступил властителю Пенджаба Пешавар — в обмен на военную помощь в походе на Кандагар и Кабул. Английская субсидия Шудже была увеличена. Эмиры Синда под английским нажимом дали Шудже крупную сумму. Собрав на эти деньги значительное войско, с английскими и сикхскими генералами и офицерами, Шуджа из Лодианы перебрался в Шикарпур, чтобы отсюда двинуться через Боланский перевал в Солимановых горах к Кандагару, а Ранджит послал свои войска к Пешавару.

Встревоженный Дост Мухаммед послал письмо к Уэйду, спрашивая, не по совету ли англичан действует Шуджа. Уэйд поспешил заверить, что Англия ни в коем случае не собирается помогать Шудже.

А капитан Бернс не спеша подвигался к Кабулу, не ведая о двойной игре. С ним были врач Джемс Джерард, землемер Мухаммед Али, учившийся в инженерном институте в Бомбее, и индус из Кашмира Мохан Лал, окончивший английский институт в Дели. Из прислуги Бернс оставил при себе только одного слугу, чтобы его и спутников считали людьми малосостоятельными. В этом он видел вернейшее средство обеспечить свою безопасность. «Меня могут схватить и продать в рабство, но никто не покусится на мои богатства,— писал родным Бернс.— Никогда не было видено более смиренного существа. Я не имею палатки, стула, стола, постели, и моя одежда стоит не более одного фунта стерлингов. Вы бы не узнали вашего сына, если бы увидели его. Моя одежда чисто азиатская, и с тех пор, как прибыл в Кабул, я изменил ее на наряд самых низших слоев народа. Моя голова выбрита, и моя борода, выкрашенная в черный цвет, горюет — как это говорили персидские поэты — о прошедшей красоте юности. Теперь я ем руками, и пальцы мои грязны, хотя я должен сказать в оправдание, что я мою их до и после еды... Часто я сплю под деревом. Я никогда не скрываю, что я европеец. Я должен приноравливаться к обычаям и религии магометан, так как я теперь говорю по-персидски, как на родном языке. Народ знает меня под именем Сикиндер, это великое имя. При своей видимой бедности, я имею мешок дукатов вокруг

пояса и чеки на столько денег, сколько я пожелаю получить. Я подпоясываюсь и привязываю свою саблю на всякий случай, хотя и признаю, что больше будет пользы от серебра и золота, чем от холодной стали. Когда я в компании, я кладу руку на сердце и говорю униженно хозяину дома: «Мир да снизойдет на тебя» — по обычаю — и затем опускаюсь на землю. Такая фамильярность позволяет мне проникнуть внутрь характера народа, чего бы никогда не достиг иным путем. Я все время кажусь безразличным и разговаривающим, чтобы провести время. Когда меня спрашивают, ем ли я свинину, я, конечно, содрогаюсь и говорю, что только отверженцы совершают подобное надругательство. Да простит меня бог, ибо я очень люблю бекон, и у меня идет слюна, когда я пишу эти строки. Я хотел бы иметь его к завтраку, за который сейчас сажусь. Наш завтрак состоит из плода, овощей, тушеного мяса, варенья и заканчивается фруктами, которые здесь в изобилии. Наш стол, вы видите, не так плох, как наше одеяние, и как святые монахи, мы имеем снаружи власяницу, но лучшие вещи внутри. Однако у нас нет хорошего вина, ибо я слишком политичен, чтобы пить в магометанской стране... У меня хорошая лошадь, на случай если бы мне пришлось бежать. Весь мой багаж следует на муле, на котором сидит мой слуга».

2 мая 1832 года Бернс со своими спутниками прибыл в Кабул. Здесь он застал Иосифа Вольфа. Их свидание состоялось вечером в день приезда Бернса в доме наваба Джаббар-хана, старшего брата Дост Мухаммеда. Разумеется, не одно только восточное гостеприимство руководило навабом, но и желание держать чужестранца под вежливым присмотром.

— Я приехал,— сказал Вольф,— через Персию, Туркменские пустыни, Бухару, ханства к югу от Оксуса, и мое путешествие дополняет маршрут лейтенанта Конноли. И вот мой вывод: русские легко могут пройти через эти страны! От границ России они быстро дойдут до горного Туркестана, оттуда в Коканд, затем захватят Самарканд и Бухару. И народ в этих странах, недовольный своими правителями, не сделает ни одного выстрела! Да и никто в этих местах не может противостоять хорошо дисциплинированной кавалерии и артиллерии. Далее армия может направиться к Кашгару и Кашмиру и отсюда

к Лахору, где встретится с английской армией, и вопрос об Индии будет решен в зависимости от того, кто окажется сильнее...

Бернс слушал внимательно, не прерывая Вольфа, хотя далеко не во всем был с ним согласен.

— Русские возводят крепость на берегу Каспия и заводят на этом море пароходы.' Поэтому им отсюда легко будет направить на Хиву достаточные силы, чтобы взять ее. Затем они захватят Балх...

— А от Балха куда? На Кабул?— не выдержал Бернс, так как Вольф подошел к пункту, по мнению Бернса, основному.

— Да, на Кабул... И если русские пообещают персам освободить их от афганского ярма, эти союзники Дост Мухаммеда перейдут на их сторону, и они через Афганистан выйдут к тому же Лахору.

— Значит, вы считаете, мы должны опереться на Дост Мухаммеда, сделать из него заслон от русских?— живо спросил Бернс.

Вольф быстро глянул на Бернса: неужто он не знает о новой аванюре Шуджи, о которой сам Вольф услышал сразу после прибытия в Кабул?

— Мне думается,— сказал Вольф,— что Дост Мухаммед в Кабуле для нас надежнее Шуджи — ибо держаться он будет только с нашей поддержкой. Впрочем, об этом рано говорить: ведь мы тут, чтобы увидеть, каков этот Дост и чего от него можно ждать.

Бернс не мог не согласиться с этими словами Вольфа, и они условились вернуться к этому важнейшему вопросу после встречи с Дост Мухаммедом и ознакомления с положением в Кабуле.

2

Прием у правителя Кабула состоялся вечером 4 мая. Дост Мухаммеду было в то время около сорока лет. Он отличался высоким ростом, слегка сутулился, имел крепкие мускулы. Чертами лица он напоминал римлянина: нос — ровный, прямой, длинный; лоб — открытый, выпуклый, резко очерченный; глаза — серые, небольшие, но пронзительные.

Однако рот Дост Мухаммеда был велик и полон плохих зубов, губы умеренно толсты, уши оттопыренные.

На нем было нечто вроде кафтана, по персидскому обычаю обрезанного ниже груди, открывавшего рубашку из красного гератского шелка. Поверх был широкий, развевающийся плащ с длинными рукавами, перехваченными у запястий. Швы, прошитые золотой нитью, золотой галун, в вершок шириной, украшали края одежды, плечи, спина и руки до середины были убраны вышитыми золотом цветочными узорами. Голову украшал тюрбан — из английского белого легкого муслина шириной в ярд и длиной в двенадцать ярдов, и сзади спускались два конца длиной в три ярда каждый из тонкой хлопчатобумажной ткани.

Вот как описывал Бернс эту первую свою встречу с Дост Мухаммедом:

«Дост Мухаммед принял нас чрезвычайно милостиво: он встал, когда мы вошли, приветствовал на персидском языке, пригласив сесть подле себя на бархатные ковры, уверял, что был рад видеть нас в своих владениях, ибо уважает нашу нацию, несмотря на то, что ему редко случалось видеть англичан. Я отвечал ему со всею возможною учтивостью, хвалил кротость его управления и покровительство, которым он ограждает купцов и путешественников. Общество состояло еще из шести или восьми сановников и из трех сыновей начальника. Мы все сидели в небольшой, но опрятной зале, не имевшей никакого убранства, кроме ковра. Разговор этого вечера был самый разнообразный и сосредоточивался на таком множестве предметов, что я затрудняюсь передать его: таковы были сведения, ум и любопытство, выказанные правителем. Ему очень хотелось знать состояние Европы, число ее государств, отношения, в которых они находятся одно к другому. Потом он просил меня дать ему понятие о доходах Англии, о том, как они собираются, как приводятся в исполнение законы и каковы произведения ее почвы. Я дал ему, краткое объяснение, и он сказал, что при таком управлении всегдашние успехи наши нисколько не удивительны, ибо мы взимаем подати с народа только для покрытия долгов и расходов государства. «Поэтому ваши богатства,— прибавил он,— получаются из Индии». Я уверил его, что доходы этой страны расходуются в ней самой и что единственные выгоды, которые мы от нее получаем, состоят только в том, что она представляет

обширный рынок для нашей торговли и что единственное богатство, вывозимое оттуда в Англию, ограничивается несколькими сотнями тысяч фунтов стерлингов и тем, что из нее вывозят с собою офицеры нашего правительства. Он также спрашивал о состоянии магометанских государств в Индии и о действительной силе Ранджит Синга; но не хотел верить, что мы не домогаемся его владений, и желал знать, не имеет ли магараджа каких-нибудь видов на Кабул. От этих «предметов он перешел к тому, что собственно касалось до меня самого: спрашивал, почему я оставил Индию и зачем переменяю одежду. Я отвечал, что, имея сильное желание посмотреть чужие края, я теперь ехал через Бухару по направлению к Европе и переменяю свою одежду только для того, чтобы азиаты не указывали на меня пальцами, но что я никак не хотел скрывать ни от него, ни от других правителей того, что я англичанин, и к этому прибавил¹, что мое применение к азиатским обычаям много способствовало удобствам моего путешествия. Правитель в милостивых выражениях одобрил мой план и перемену одежды. .

После этого Дост Мухаммед-хан обратился к г. Вольфу и спрашивал о его приключениях. Прежде, нежели мы вышли из дворца, правитель сделал дружеское предложение помогать нам в путешествии и обещал дать письмо к начальникам на Оксусе и к бухарскому государю. Он просил нас посещать его во время пребывания в Кабуле, ибо ему нравились наши рассказы о других странах, и уверял, что во всякое время ему будет приятно видеть нас. Мы расстались с Дост Мухаммедом в полночь, совершенно довольные его приемом и обращением».

3

Из Кабула Бернс писал матери 10 мая 1832 г.: «Кабул есть город деятельный и многолюдный. Он имеет шестьдесят тысяч жителей. Шум после полудня иногда бывает до того велик, что на улицах трудно слышать слова товарища. Большой базар состоит из красивой аркады, имеющей почти 600 футов в длину и 30 в ширину; он разделен на четыре равные части, кровля его выкрашена, над лавками помещаются жилища некоторых купцов. План, по которому он сооружен, очень хо-

рош; но фонтаны и водоемы, составляющие его принадлежности, теперь запущены и заброшены.

Путешественник невольно удивляется богатству шелковых и других тканей и товаров, разложенных под навесами базара. Вечером, когда каждая лавка освещена повешенною перед входом лампою, он представляет очень любопытную картину, и весь город кажется иллюминированным. Нельзя не обратить внимания на множество лавок с сушеными плодами, которые всегда красиво в них раскладываются. Здесь есть также лавки с живностью, где почти во всякое время можно достать дупелей, диких уток, куропаток, куликов и другую дичь. Башмачные лавки, так же, как и лавки торговцев посудой, убранны необыкновенно опрятно. Каждая отрасль торговли имеет свой базар, где господствует постоянная деятельность. Пред лавками хлебников постоянно теснится толпа людей, ожидающих хлеба; его пекут здесь, прилепляя к стенкам печей. Кабул славится своими кабобами, т. е. мясными кушаньями, необыкновенно вкусными: немногие из жителей готовят их у себя на дому. В самых многолюдных частях города видны сказочники, занимающие праздну шатающихся людей своими рассказами; там же встречаются дервиши, прославляющие деяния пророков.

Кабул построен очень тесно; дома нисколько не красивы и возведены из дерева и кирпича, высушенного на солнце: весьма немногие имеют более двух этажей. Река Кабул протекает через город и, по преданию, три раза размывала его или, по крайней мере, затопляла. В дождливое время нет места грязнее Кабула...

Как крепость, Кабул совершенно ничтожен: городская стена, никогда не бывшая в хорошем состоянии, теперь почти разрушилась; стены же, проведенные по вершинам гор, окружающих город, служат не чем иным, как только бесполезным украшением. Бала Гиссар, или цитадель, так слаба, что почти не может назваться укреплением».

4

Вольф не стал задерживаться в Кабуле. Перед отъездом в Пешавар и далее в Пенджаб он имел обстоятельную и длинную беседу с Бернсом.

— Каковы же ваши впечатления, дорогой Бернс?

— Начну, дорогой Вольф, с правителя кабульского.

Дост Мухаммед всеми мерами покровительствует торговле. Справедливость правителя составляет предмет постоянной хвалы. Всех, приближающихся к нему, поражают его пронзительность, рассудительность, любознательность так же, как и его умный разговор и приятное обращение. Он, без сомнения, самый сильный начальник в Афганистане и, вероятно, при помощи своих способностей усилится еще более. Военная сила его больше, чем в других афганских владениях: он имеет девять тысяч хорошо посаженной конницы и две тысячи пехоты, кроме других вспомогательных войск, составляющихся из племенной милиции. Артиллерия его состоит из сорока орудий с прислугой, довольно хорошо обученной.

— Да это панегирик Дост Мухаммеду!— воскликнул Вольф.— Он совершенно покорил вас, любезный капитан! И насколько я понял вас, вы делаете безоговорочный выбор между Шуджой и Достом?

Бернс пожал плечами.

— Тут не может быть ни малейшего сомнения! Первенство дома Баракзаев нравится народу, и мы сами можем убедиться, что оно способствует благоденствию страны. Почему пала династия Саддозаев? Потому что все три сына Тимур-шаха: Заман, Махмуд и Шуджа — забыли, что правят народом, исполненным духа республиканского. С кем я ни говорил, падение Саддозаев все приписывают неуместной гордости и надменности последних государей, к которым афганцы не питали никакого сочувствия. Нет сомнения, что Шуджа мог бы удержать власть, если бы он безрассудно не высказал своего деспотизма прежде, нежели утвердился на престоле. Восстановление Шуджи уль-Мулка или Камрана есть дело почти несбыточное! Династия Саддозаев, можно сказать, миновала, если только ее не поддержит чужеземная помощь.

— Но если такая помощь будет оказана?

— Если, хотите вы сказать, Англия окажет помощь Шудже? Что ж! Я полагаю, что это будет очень трудное дело — вернуть Шуджу в Кабул!

— Вы упускаете из виду вражду между Дост Мухаммедом и его братьями в Кандагаре и Пешаваре. Они с завистью смотрят на благосостояние Дост Мухаммеда, содержат при нем тайных агентов и легко могут соединиться с Шуджой.

— А я убежден в другом: одни Баракзаи могут выставить в поле до тридцати тысяч всадников. Если Афганистану суждено вновь управляться одним государем, то это будет не Шуджа и вообще не Саддозаи, а дом Баракзаев в лице Дост Мухаммеда.

— Дорогой Бернс! Вы горячи в выражении своих убеждений. Но — и вот тут-то самое главное! — попробуйте склонить на свою сторону достопочтенных джентльменов в Индиа-хауз и в Контрольном Совете! Они уже сделали свой выбор: Шуджа, по их мнению, должен сидеть в Кабуле...

Бернс вежливо и спокойно сказал;

— Что ж, быть может, я и заблуждаюсь!

Спор прекратился... Вольф перешел к предстоящей Бернсу поездке в Бухару и набросал портрет эмира Нассыр-Уллы.

— Эмир — жестокий тиран. Он убил своих братьев и многих приближенных, не угодивших ему. Его распутство широко известно. Но мы не должны проходить мимо его положительных черт. Нассыр-Улла защищает своих подданных от угнетения феодалами, и знать его ненавидит, а народ любит. Он легко воспламеняется, и, в гневе кровь бросается ему в лицо, и оно искажается конвульсиями. И тогда он отдает самые свирепые приказы. Он любит слышать, что люди дрожат при одном его имени. И — в заключение — он очень хочет дружбы с Англией.

Бернс засмеялся:

— Симпатичный господин, нечего сказать! Братоубийца, развратник, деспот — самый подходящий друг для Англии...

Вольф с удивлением посмотрел на Бернса: шутит ли он или говорит серьезно. На лице Бернса он увидел гадливость и возмущение. «Молод еще, — подумал Вольф, — и потому очень чистоплотен», а вслух произнес:

— Восточная политика, дорогой Бернс, — это вам не Венский Конгресс! Скажу еще два слова о первом министре; Бухары. Кушбеги Хаким-беши — мудрый и благожелательный человек. Он хочет привлечь в Бухару людей ученых, просвещенных, врачей и говорил мне, что Бухара приняла бы их охотно вместе с британским послом... Словом, вас ждет в Бухаре хороший прием.

Дост Мухаммед пожелал еще раз встретиться с Бернсом. Свидание продолжалось далеко за полночь. Дост Мухаммед рассказывал о политических делах Афганистана, о несчастной вражде между ним и его братьями в Кандагаре и Пешаваре.

Он питал надежду восстановить единую Афганскую монархию и выражал непримиримую ненависть к Ранджит Сингу.

Примут ли англичане его, Дост Мухаммеда, в союзники для уничтожения пенджабского магараджи, вот что он хотел узнать от Бернса.

— Ранджит Синг — наш друг, — отвечал Бернс.

— Ранджит Синг помогает моему врагу Шудже и ждёт удобного момента, чтобы овладеть Пешаваром.

Бернс промолчал. Дост Мухаммед с низенького столика, стоявшего перед ним, взял какую-то бумагу.

— Вот письмо капитана Уэйда; я спросил его, правда ли, что англичане помогают проклятой собаке Шудже, и Уэйд ответил, что Англия и не помышляет об этом и считает меня и моих братьев своими друзьями. А почему же Уэйд послал Шудже британского офицера Кемпбелла обучать армию? И почему Уэйд писал эмирам Синда, что «британское правительство желает успеха шаху Шудже»? Где же правда?

Бернс смутился, однако постарался не показать вида.

— Ваша светлость, я всего только офицер армии его величества, а не дипломат, и я не могу толковать о столь важных делах. Но скажу: если капитан Уэйд заверил вас, что Англия не помогает шаху Шудже, вы можете ему верить.

Дост Мухаммед пристально взглянул на Бернса и после небольшой паузы сказал:

— Я не боюсь ни Шуджи, ни нечестивого сикха Ранджита! Моя армия справится с ними. Но у Шуджи — британские офицеры на службе.

Дост Мухаммед придвинулся к Бернсу, положил руку ему на плечо:

— Будь же ты моим другом, почтенный инглиз, прими начальство над моим войском, и двенадцать тысяч конницы с двадцатью орудиями будут тебе подвластны.

— Я не в силах выразить чувство гордости, которое обуревает меня, когда я слышу столь высокое предложение.

ние, ваша светлость. Но ваш нижайший слуга не достоин занимать столь высокое место при вашей особе, государь!

Дост Мухаммед усмехнулся и, пожелав счастливого пути, вручил Бернсу личное письмо к эмиру Бухарскому.

Накануне отъезда Бернс имел встречу с младшими детьми Тимур-шаха, жившими в Кабуле в полной нищете. Они пришли за помощью. Бернс посоветовал просить об этом Дост Мухаммеда. Они ответили, что дом Баракзаев жаждет их крови... Это свидание еще более укрепило убеждение Бернса, что с Саддозаями в Афганистане все покончено...

После более чем месячного пребывания в Кабуле Бернс в первых числах июня выехал в Бухару.

Известие о том, что Шуджа начал осаду Кандагара, а Ранджит Синг захватил Пешавар, было получено в Кабуле, когда Бернса уже там не было...

6

Приказчика Абдуллу Низамата вызвали в Пограничную комиссию якобы по делу торговому. А расспрашивать его Генс поручил Виткевичу.

Ян начал издалека: каких караванбашей Абдулла знает, сколько берут верблюжьи погонщики с выюка, сколько дней каравану нужно добираться от Оренбурга до Мугоджар.

Абдулла отвечал обстоятельно, разговор шел на татарском языке, хотя приказчик по-русски изъяснялся бегло.

Вдруг Виткевич встал из-за стола, подошел к двери, выглянул в коридор, затем плотно притворил дверь, щелкнул замком.

Абдулла с беспокойством оглянулся. Виткевич подошел к нему вплотную и спросил:

— А теперь скажи: кто таков туркмен, что должен был взять от тебя бумаги?

Абдулла испуганно замотал головой:

— Не знаю, господин офицер, не знаю, какой такой туркмен.

Виткевич вынул из стола захваченные у казаха письма.

— А это знаешь?

Абдулла в страхе вскочил со стула, попятился к стене, Виткевич спокойно сказал:

— Вижу, знаешь! Так говори: кто таков туркмен? Абдулла промышал что-то нечленораздельное. Виткевич произнес:

— Ну, будешь говорить или нет?

Абдулла упал на колени, слезы потекли у него по щекам.

— Не губи меня, господин! Я скажу, но не губи меня! если хозяин узнает, я пропал!

— Говори, не бойся: твой хозяин ничего не узнает.

Абдулла рассказал, что Деев однажды вечером позвал его в кабинет; на столе горела одна свеча, в углу сидел человек, и в полутьме трудно было его разглядеть. Деев что-то сказал, обращаясь к этому человеку на незнакомом приказчику языке, а потом по-татарски приказал Абдулле отправить в степь, там найти казаха Мухтара, отдать ему пакет и передать, что за пакетом явится туркмен по имени Джаффар. «И если ты хочешь жить, Абдулла, — вдруг произнес незнакомец в углу, — так чтобы ни один человек не узнал ни одного слова, сказанного здесь!» После этого Деев отпустил Абдуллу.

Виткевич строго приказал Абдулле никому ни словом не обмолвиться об этом расспросе.

— Абдулла — пешка, — докладывал Виткевич Генсу. — В Дееве вся загвоздка!

А Деев тем временем ждал важного гостя из Москвы, Павел Владимирович Голубов, первостатейный московский купец-миллионщик, откупщик, владелец золотых приисков в Саянах, возглавлял сообщество учредителей торговой Русско-Азиатской Компании. Устав ее он собственноручно представил министру финансов Канкрину и собрался в Оренбург, чтобы посоветоваться с Пичугиным, Деевым, Измайловым и прочими учредителями.

Прибыл Голубов в Оренбург дня два спустя после допроса Абдуллы в Пограничной комиссии. А в тот час! когда его возок катил уже по улицам Оренбурга, из калитки двора Евангелической миссии вышел одетый мещанином человек средних лет. Он подошел к дому Деева как раз тогда, когда к крыльцу подкатил возок, а на крыльце появился Деев.

Подбежав к возку и низко кланяясь, он помог выйти из возка дородному, но не потерявшему статности, пяти-

десятилетнему человеку в атласном голубом, отороченном соболями полукафтани, на который была сверху наброшена на соболях же шуба... На пальце правой руки, когда Голубов протянул ее Дееву, блеснул огромный бриллиант!

Приезд Голубова, о коем был предварен и Сухтелен, дабы оказать гостю надлежащий прием, расстроил план Виткевича — пригласить Деева в Пограничную комиссию «для деловой беседы» и, как выразился Ян, «посмотреть, что у него под шкуркой таится».

Но с другой стороны, приезд гостя из Москвы облегчал задачу: Сухтелен устроил званый обед в честь Голубова, а после обеда прогулку за Урал, и Деев покинул свой дом до поздней ночи.

Виткевич рискнул на дерзкое дело. Ничего не сказавши Генсу, который также был приглашен к Сухтелену, Виткевич, одевшись трубочистом, явился в дом Деева якобы проверить дымоходы.

Войдя в кабинет, где был камин, он осмотрелся. Меж окнами стоял огромный стол. Пересматривать все бумаги в столе и на столе было бы слишком долго. Да и едва ли тайные бумаги лежали бы так открыто. Ян поэтому, бегло осмотрев стол, подошел к большому шкафу, вделанному в стену, с массивной металлической дверью. Он подергал за ручку, она не поддавалась. Стоя у шкафа, Ян растерянно смотрел на пол... И вдруг на краю великолепного ковра, там, где он прилегал к низу шкафа, Виткевич заметил что-то белое. Нагнувшись и отвернув край ковра, он увидел небольшой исписанный кусок плотной бумаги. Ян быстро поднял бумагу, подошел к окну.

На бумаге был английский текст, он начинался, по видимому, с середины, так как на верху страницы стояла цифра 3.

«...очень существенно,— читал Виткевич,— получить возможно более полные данные о предположении проекта возведения укрепления на восточном побережье Каспия. В связи с этим нам известно также о плане вооруженного поиска, намечаемого осенью будущего года. Поэтому господин Дикинсон покорнейше просит...»

Продолжения не было, но и так все было ясно! Виткевич держал в руках листок письма, оброненный Деевым, разоблачавший его окончательно.

Генс сперва хотел немедленно представить письмо Сухтелену, дабы заарестовать Деева и все его бумаги. Но по зрелом размышлении послушался совета Виткевича: Деева до поры до времени не трогать и тщательно следить за ним.

Следили люди Генса и на Меновом дворе — не появится ли там туркмен.

К великой радости Виткевича, не прошло недели после его визита к Дееву, как стало известно: с новыми караванами прибыл туркмен лет тридцати пяти-сорока, и чиновник на таможе узнал в нем того самого, который побывал уже в Оренбурге минувшей весной.

Виткевич вырядился узбекским купцом, сбрил бакенбарды, повернул усы книзу и отправился на Меновой двор.

Обходя каравансарай и чайханы, он уже совсем к вечеру в небольшой бедноватой чайхане увидел на помосте туркмена средних лет, в шелковом красном халате, запахнутом так, что виден был широкий, несколько раз обмотанный вокруг талии бельбаг. Не спеша, как подбает степенному купцу-мусульманину, взошел Виткевич на помост, сел, подозвал слугу.

На туркмена он не обращал внимания. А тот, скосив глаза на вновь вошедшего, продолжал неторопливую беседу со стариком в рваном темном халате, в стоптанных мягких туфлях, белой чалме, конец которой спускался на грудь.

Виткевич, не поворачивая головы, внимательно прислушивался. Туркмен, продолжая начатый ранее рассказ, говорил достаточно громко.

— Тогда я написал на песке трижды слово «ишак». «Что же это значит?» — воскликнули все. И я сказал: «Первый ишак означает человека, который имеет часы, но спрашивает, который час. А второй ишак — тот, кто имеет лошадь, но ходит пешком». — «А кто же третий ишак?» — спросили меня. И я сказал: «Каждый из вас!»

Все засмеялись. Улыбнулся и Виткевич. Повернувшись к туркмену и прижав руку к груди, он заговорил по-туркменски.

Туркмен вздрогнул и пристально посмотрел на Виткевича.

— Знатно изволили вы обмануть тупиц, — говорил

Виткевич,— рассказ ваш напомнил историю о знаменитом хитреце Алдор Косе. Некий Нурмат, считавший себя хитрейшим из хитрейших, как-то сказал: «Меня Алдор ни за что не проведет»,— и отправился искать его. Недалеко от Мерва спросил человека, прислонившегося спиной к забору: «Ты не знаешь Алдора Косе?»—«Это я Алдор Косе»,— ответил незнакомец. Нурмат засмеялся и сказал: «Если ты Алдор Косе, то я Нурмат. Ты всех обманываешь, а меня не удастся». Алдор Косе осмотрел Нурмата и сказал: «Да, без своей волшебной палки я тебя не обману!»—«Так возьми палку и попробуй»,— сказал Нурмат. «Ладно,— сказал Алдор Косе,— я сбегая за волшебной палкой, а ты меня подожди... И вот еще что: забор этот падает. Пока я отлучусь, подопри его спиной». И Алдор ушел, а Нурмат уперся спиной в стену и стал ждать... Ждал час, другой. Тут пришли люди с поля в аул и спрашивают: «Что ты стоишь?» Нурмат ответил: «Алдор Косе пошел за волшебной палкой и попросил меня поддержать забор». Тут все стали смеяться, и Нурмат понял, что он обманут.

Все в чайхане тоже засмеялись.

Туркмен вежливо улыбнулся, но рассказ ему, видимо, не очень понравился. Он нагнулся к старику и что-то тихо ему сказал; старик поднялся и вышел из чайханы.

— Не приведи аллах с таким Алдором встретиться! Обедет вокруг пальца. Уж не джин ли он?— молвил туркмен.

Виткевич отрицательно покачал головой:

— У джина ступня вбок, посмотри ему на ноги — и всегда узнаешь... Вот так.

И Виткевич привстал и вывернул ногу — ступней вбок. Туркмен ничего не сказал, бросил деньги на поднос и вышел из чайханы.

Выждав немного, за ним последовал Виткевич.

8

В доме Евангелической миссии пристально следили за визитом Голубова в Оренбург. Глава миссии преподобный Джеймсон, пастор англиканской церкви, получил инструкцию из Лондона подробно разузнать о проекте Русско-Азиатской Компании. Сделать это было нетрудно, поскольку среди учредителей компании был и Деев.

Но труднее было исполнить другое поручение: выяснить, каковы намерения Оренбургского военного губернатора после окончания работ в Мангишлакском заливе, где возводился укрепленный опорный пункт.

На Ближнем и Среднем Востоке сгустились тучи. Летом 1832 года Ибрагим, сын египетского паши Мухаммеда Али, главнокомандующий египетской армией, перешел границу Сирии и двинулся в глубь Анатолии, в направлении к Мраморному морю и турецкой столице. Войска султана отступали, не в силах оказать серьезное сопротивление. В Лондоне в Форин-оффис было известно, что русский император отзывался о выступлении Ибрагима, как о мятеже против законного повелителя Турецкой империи и готов оказать помощь султану, если он об этом попросит. Поэтому лорд Пальмерстон также считал необходимым помочь султану в реорганизации флота, армии, финансов, дабы он не обратился к России. При этом следовало добиться такого соглашения или договора с Петербургом, который обеспечил бы совместные действия обоих правительств против египетского паши.

В силу всех этих соображений, правительство его величества направило в Петербург для переговоров особо уполномоченного лорда Дергема. Англию серьезно беспокоил тот резонанс, какой получили успехи оружия Ибрагима в странах Ближнего и Среднего Востока. Как явствовало из донесений дипломатических и иных агентов в этих странах, их правители склонны были видеть в действиях Мухаммеда Али образец для себя: перенимать в Европе все то, что, не нарушая исконного уклада в жизни Востока, способствовало бы экономическому, техническому, военному усилению этих стран. В частности в таком именно духе оценивал замыслы эмира бухарского, говорилось в депеше, посетивший Бухару миссионер Вольф. Эмир Нассыр-Улла говорил, что он может превзойти Мухаммеда Али-пашу, если получит такую помощь, какую «фиринджисы» оказывают паше. Равномерно и в Кабуле, как сообщал находившийся там неофициальный наблюдатель Массон, Дост Мухаммед также внимательно следит за успехами паши, вынашивая план воссоздания могущественной Афганской державы. В Персии делают свои выводы из египетских событий. Наследник престола Аббас Мирза, как уведомляет британский посланник, предпринимает поход для подчинения

Герата персидской короне. Поскольку Герат есть не только плодородная страна, но и стратегически решающий пункт на перекрестке путей к Индии из Ирана, Хивы, Бухары, то правительство его величества ни при каких обстоятельствах не может допустить ни перехода Герата в руки шаха персидского, ни захвата Герата Дост Мухаммедом. Будучи ключом к Индии, Герат должен находиться под покровительством Великобритании.

Исходя из сложившейся серьезной и угрожающей интересам британским ситуации, правительство его величества чрезвычайно озабочено ходом дел в Центральной Азии. В силу всего этого руководителю миссии в Оренбурге и вменялось в обязанность зорко следить за действиями русских властей в Оренбурге и незамедлительно доносить обо всем замеченном.

Преподобный Джеймсон вздыхал:

— Джентльменам на Даунинг-стрит легко давать такие поручения, да как их исполнить здесь, когда имеешь дело с таким противником, как полковник Генс?

Для столь пессимистического размышления у главы Евангелической миссии было достаточно оснований. Конечно, купец Деев был важным и полезным агентом. Но в миссии было уже известно, что приказчика Абдуллу вызывали в Пограничную комиссию. Это означало, что следы повели к Дееву.

Так рассуждал мистер Джеймсон с секретарем миссии Паркером. В этом молодом человеке, в его выправке и манерах легко угадывался офицер, каковым и был воспитанник военного колледжа Ост-Индской компании в Эддискомбе, лейтенант Джон Паркер, временно сменивший военную форму на духовный костюм деятеля Евангелической миссии.

— Плохо,— говорил Джеймсон,— что вам все еще не удастся проникнуть в Пограничную комиссию и завести там нашего агента.

— Да, сэр! Но я обратил внимание на одного ссыльного поляка. Он должен бы ненавидеть императора и Россию.

— Как его имя?

— Викович или Виткевич. Эти славянские фамилии так трудны! Этот поляк, однако, как удалось выяснить, ревностно служит императору. Через наших людей из поляков это я наверняка знаю.

— Странно,— удивился Джеймсон.— Чем же вы объясняете его приверженность российским интересам?

— Недавно в доме профессора здешнего военного колледжа Демезона Виткевич в присутствии своего друга Томаша Зана, Адама Сузина говорил, что лорд Пальмерстон — величайший обманщик. Викович процитировал заявление министра, что Англия исполняет свою роль покровительницы свободы и независимости народов и, засмеявшись, воскликнул: «Хороша покровительница, которая душит и угнетает в Индии миллионы людей!» Что же удивляться, если Виткевича нельзя залучить к нам.

— Но он там не один. Там есть другие. Разве они не любят золота?

Наклонив смиренно голову, Паркер сказал:

— Сэр, я стараюсь, но...

— А Деев? Он-то не очень брезгует совершенами!

— Деев — из беглых каторжников, сэр! Он боится, что мы его разоблачим, а с другими не получается.

— Должно получиться!— отрезал Джеймсон.— А этого Виткевича необходимо убрать с нашей дороги! Что еще вам сообщил Джаффар?

9

Виткевичу удалось проследить туркмена до Евангелической миссии. Он видел, как бесшумно раскрылась калитка и туркмен вошел в нее.

Это было важное открытие: обнаружен тайный агент, очевидно, связывавший миссию не только с казахской степью, но и со странами, лежащими дальше на Восток. Надлежало теперь не спускать глаз с туркмена и следить за ним не только в Оренбурге. Так докладывал Виткевич Генсу.

Но тут же вставал вопрос: каким же способом осуществить наблюдение за туркменом, когда он покинет Оренбург. Вопрос был сложный, но раньше, чем в Пограничной комиссии нашли решение, туркмен исчез. Виткевич был обескуражен. Когда он делал нагоняй старшему надзирателю Менового двора, принесшему эту неприятную новость, вошел курьер и доложил, что полковник требует к себе портупей-прапорщика.

Генс вызвал Виткевича, чтобы передать ему приглашение Голубова — пожаловать к нему.

Виткевича ввели в уже знакомый ему кабинет Дева, и он быстро оглядел стол и стенной шкаф. Все было так же, как и тогда... «Хорошо бы узнать,— подумал он,— хватился ли Деев пропавшего листка».

Тут вошел Голубов в своем атласном полукафтани, с тремя рядами алмазных пуговиц, с Владимиром в петлице и Анной на шее.

Пригласив Виткевича сесть, Голубов передал ему письма от графа Хоткевича и сказал, что граф очень лестно о нем отозвался и рекомендовал ему, Голубову, лично с Яном познакомиться.

Виткевич спрятал письмо в карман и вежливо поблагодарил Голубова.

— Граф наказывал мне успокоить вас насчет производства вашего. Представление получено в военном министерстве, но нельзя докладывать государю о производстве сыбельного поляка, когда еще свежи события польского мятежа. Необходимо вам набраться терпения...

Виткевич, встав, поклонился.

Голубову с первого взгляда приглянулся этот стройный, серьезный молодой человек с твердым подбородком, высоким лбом, глубоко сидящими глазами, в которых светился не только ум, но и проницательность не по годам. К тому же граф Хоткевич говорил ему, что этот молодой поляк уже обладает солидными познаниями в делах Востока, имеет немалый практический опыт и может быть весьма полезен.

Но Виткевич поляк, он пострадал за свою любовь к Польше — будет ли он верно и преданно служить России? Голубов думал об этом, внимательно глядясь в Виткевича.

А Виткевич, в свою очередь, испытующе смотрел на Голубова: что за человек он?

— Смотрю я на вас,— сказал Голубов,— и вспоминаю англичанина одного, ваших лет, коего привелось мне повстречать...

— Кто же такой?— живо спросил Виткевич.

— Офицер один из Индии, по фамилии Конноли.

— Вы знаете Конноли?

— Нет, не то чтобы знал его, но видел, беседовал в Москве, когда он из Петербурга на Тифлис ехал. А вспомнил я о нем потому именно, что одного вы с ним

возраста, и, скажу откровенно, думается мне, что посильнее его будете, ежели вам дать крылья расправить!

Виткевич не знал, что и сказать на это. Голубов продолжал:

— Вот сидим мы с вами у порога Азии, и нам в руки сами просятся земли те, что лежат между нами и Индией. А мы что? Ушами хлопаем — англичанин же дело

делает. Недаром же этот Конноли проехал от Питера до Индии: все высмотрел, все разузнал. Небось вы читали статьи?.. Конечно, читали, я и не сомневался! Так чего же вы здесь ждете! Вот и вам бы поехать туда...

Голубов махнул рукой, указывая на юг. Виткевич улыбнулся.

— Я не хозяин судьбы своей...

— А поехали бы? — быстро спросил Голубов и, не дожидаясь ответа, продолжал:

— Не те, не те люди занимают у нас делами восточными. Возьмите к примеру Константина Константиновича Родофиникина — человек почтенный, уважаемый, ничего не скажешь, но без огонька. Я говорю ему: Константин Константинович, почему это торговля среднеазиатская в руках бухарцев, афганцев, индийцев? Почему наши русские сами с караванами не ходят, кроме разве немногих татар? Оттого, говорю, что правительство наше мало помогает развитию коммерции. Был я наемни на Меновом дворе. Ну, что это такое, скажите на милость? Стыдно смотреть: убожество, грязь... А ведь это, так сказать, вход в империю нашу!..

• Голубов говорил с жаром, которого нельзя было и предполагать в этом дородном, немолодом человеке.

— И что же выходит? Товары наши уступают место британским — и не только в Кабуле, но и в Бухарин, в Ташкентии, Кокане! И смотрите: от года к году все более становится дефицит торговый. Мы покупаем больше, чем продаем, а разницу приходится платить золотом. В последние пять лет, сказывал мне граф Конкрин, одни бухарцы увезли от нас золота на миллион рублей! Куда ж это годится!

Виткевич с глубоким вниманием слушал Голубова.

— Когда я покинул Питер, — продолжал Голубов, — туда прибыл лорд Дергем, зять их первого министра, Грея. Лорда прислал к нам в Петербург Пальмерстон, чтобы насчет Турции поговорить. Ох, уж этот Пальмер-

стон! Родофиникин по дружбе показал мне депешу посла нашего лондонского. Так он прямо так и пишет.— Голубов надел очки и вынул из портфеля бумагу.— Пути кривые и извилистые, клевета, запирательство — все считает он пригодным. В России видит он главный тормоз для осуществления своих разрушительных безрассудных проектов, и его ненависть растет пропорционально его неудачам и его бессилию.

— Неудачи?— воскликнул Виткевич.— Какие ж неудачи? В Афганистане англичане опять подняли старого своего приятеля Шуджу, и он идет на Кабул, чтобы сесть на престол. Тогда Афганистан будет таким, каким хотели* его сделать еще в 1809 году — покорным воле Ост-Индской компании... От Герата персов отбили с помощью англичан.

— Герат — ключ к Индии,— перебил Голубов Виткевича,— вот они и не желают выпускать его из рук своих.

— Нет, нет,— горячо возразил Виткевич,— Герат — ключ к Каспию! От Герата до Инда более 1100 верст, до Астрабада же только 870. Герат нужен англичанам как опора для действий против России — в этом вся суть.

Голубов одобрительно качал головой: видать, думал он, этот поляк, и впрямь предан интересам российским. Словно угадав его мысли, Виткевич продолжал:

— Я ненавижу лицемерие британское, их подлость. Насилуют, убивают, грабят целые страны, и тут же: мы, мол, исконные защитники свободы и независимости народов...

Виткевич умолк, чтобы не зайти слишком далеко в откровенности с человеком мало знакомым. Голубов же подошел к нему, обнял, растроганно сказал:

— Так, так, голубчик, не давайте спуску гордым бритгам... Вот я давеча начал про Дергема лорда. Приняли его в Питере как коронованную особу. У меня верные корреспонденты в Лондоне, так они писали: Дергем числит себя потомком королей английских и очень недоволен, что в кабинете достался ему пост второстепенный. Вот он и поехал в Питер, чтобы завоевать победу — с царем полюбовно договориться насчет Египта и Турции. А Пальмерстон хочет другого: оттиснуть нас от Турции.

— Впрочем, это материя высокая,— добавил он,— и не нашего торгового ума дело... Не знаю, слыхивали вы,

что я и еще купцы затеяли создать Компанию для торговли в Средней Азии? Ага, слышали, так не худо было бы, чтобы наш российский Конноли прокатился бы в Бухарию да и дальше — высмотреть, что и как — дабы торговать нам было сподручнее...

Голубов пытливо смотрел на Виткевича.

Что мог ответить Виткевич? Не от него зависело то, о чем он и сам мечтал... Голубов верно понял его молчание.

— Разумею, разумею, голубчик! Что ж, мы поможем, пособим... Дело важное, святое... и не одним англичанам в эти земли ездить!

Виткевич много размышлял о беседе своей с Голубовым, который спустя два дня уехал в Петербург, взяв с собою Деева. Голубов, поведал ему Генс, купец не простой. Живет он как просвещенный барин — состоит членом обществ: истории и древностей, географического и археологического. Денег для этих обществ не жалеет — радуется развитию отечественной науки. В Петербурге — свой человек у министра финансов Канкрин, во многих знатных домах принят. С откупщиком знаменитым Бенардаки большие дела по откупам и в Сибири по золоту вершит. А теперь вплотную занялся торговлей среднеазиатской — и ежели за что берется, то не отстанет, пока своего не добьется...

— Таких купцов на Руси еще мало, очень мало,— заключил Генс,— и дай боже, чтоб их было побольше. Задумал Голубов дело важное с этой тортовой Компанией, и граф наш требует, чтобы поскорее была закончена записка о мерах к прекращению разбойных действий Хивы и иных помех российской; торговле.

БУХАРА, КРЕПОСТЬ ВЕРЫ И ИСЛАМА...

I

27 июня 1832 года Бернс и его спутники въехали в Бухару через Каршинские ворота.

«По прибытии в Бухару мы немедленно заменили свои чалмы некрасивыми овчинными шапками, а своя каммарбанды (пояса) грубым снурком; также сняли верхнее платье и чулки, что в священном городе Бухаре

составляет внешнее различие между неверными и правверными. Узнав, что одни только магометане имеют право ездить в стенах этой столицы, мы по внутреннему убеждению радостно согласились ходить пешком.

При въезде в город нас не обыскивали; но после обеда явился чиновник и позвал нас к министру. Товарищ мой все еще был в лихорадке и потому не мог идти со мной; я отправился один во дворец, где визирь жил вместе с государем. Меня сейчас же допустили к министру, или к так называемому кушбеги, то есть господину всех беги, пожилому человеку, пользующемуся здесь большим влиянием. Он сидел в небольшой комнате, перед которой был особый двор, и когда я вошел, то попросил меня сесть вне комнаты на мостовой и своим ласковым и внимательным обращением совершенно ободрил меня... Я поднес визиру серебряные часы и кашмирскую одежду, которые и привез с этим намерением; но он отказался от того и другого, говоря, что он раб своего государя. Около двух часов он расспрашивал меня о моих собственных делах и о цели, которая привела меня в столь отдаленную страну. Я рассказал ему затверженную повесть о нашем путешествии по направлению к родине и представил паспорт от генерал-губернатора Индии. Министр прочитал его с особенным вниманием. За этим я прибавил, что так как Бухара пользуется громкой славой между всеми восточными городами, то я почти нарочно приехал в Туркестан, чтобы посмотреть ее. «Чем же ты занимаешься?»— спросил министр. Я отвечал, что служу офицером в индийской армии. «Ну, так расскажи мне,— возразил он,— что-нибудь такое, что ты знаешь и что ты видел». Вообще он был весьма доволен всем, что я говорил ему о себе, и уверил меня в своем покровительстве, однако же сказал, что на время нашего пребывания в Бухаре он вынужден запретить нам всякое употребление пера и чернил, ибо это могло ввести его государя в недоразумение и, следовательно, повредить нам самим. Потом он говорил, что дорога к Каспийскому морю через Хиву была с прошлого года закрыта и что если мы намерены ехать в Россию, то должны избрать или путь, идущий на север от Бухары, или дорогу, пролегающую через туркменскую степь, ниже Ургенча, к Астрабаду на Каспийском море, Я показал ему свой компас — инструмент,

совершенно новый и превосходно сделанный. Я объяснил ему его употребление и пользу и так удачно выставил на вид его достоинства, что визирь, совершенно забыв, что он раб своего государя, не державший ничего принимать от посторонних лиц, начал усердно торговать его. Но я уверил министра, что нарочно привез ему эту вещь из Индустана в подарок, ибо зная его усердие к вере, я думал, что она даст ему возможность определять с точностью положение Мекки и поверять киблу большой мечети, которую он в то время воздвигал в Бухаре. Кушбеги спрятал компас с поспешностью и нетерпением ребенка и сказал, что тотчас же представит его государю и опишет ему всю изобретательность нашей нации».

2

Приобретя благорасположение кушбеги, Бернс пробыл в Бухаре без малого месяц и это время употребил на осмотр и изучение города, на расспросы и беседы, желая возможно полнее узнать политическое, экономическое состояние Бухары.

«С какой бы точки зрения мы ни стали рассматривать ее положение,— писал он,— будет ли это в военном или политическом отношении — мы найдем, что оно весьма важно и выгодно. Облагодетельствованная от природы избыточностью произведений почвы, окруженная со всех сторон бесплодием, она невольно привлекает внимание далеких и соседних народов. Бухара принимает послов от императоров русского и китайского, от султана константинопольского и от государей Персии и Кабула. Она первенствует между окружающими ее узбекскими владениями, которые смотрят на нее как на свою столицу, и хотя номинально, но признают над собой власть ее правителя».

Численность войска бухарского Бернс определил в 20 тысяч конницы, 4 тысячи пехоты при 40 орудиях, помимо ополчения или милиции, которой можно набрать до 650 тысяч человек.

«Пехота передвигается на лошадях, но и спешивается для битвы. Она вооружена саблями, длинными ножами и тяжелыми пиками. Огнестрельного оружия мало, и солдаты плохо умеют пользоваться им. Пушки лежат в Бухаре без лафетов, и так как в Бухаре нет туземных артиллеристов, то они находятся в небрежении».

Бернсу удалось завязать с кушбеги настолько хорошие отношения, что он не раз бывал гостем первого министра Бухары.

Однако добиться аудиенции у эмира не удалось.

При прощальном визите визирь по обычаю одарил халатами Бернса и Джерарда и дал им фирман на персидском языке. Он вызвал вождя туркменского племени, который должен был сопровождать англичан в дальнейшем их путешествии, и сказал, что уничтожит его семейство, если ференги погибнут, и что он не смеет вернуться без письменного свидетельства Бернса об его хорошей службе.

Ввиду вражды хивинцев и киргизов, бухарский караван уже год не выходил из Хивы и встречный караван из Астрахани также ожидал на Мангишлаке. Путь из Хивы к Астрабаду в Персию также был закрыт, ибо хан хивинский выступил в поход против Персии и стоял лагерем в пустыне к югу от своей столицы, куда и повелел вести все караваны. Бернс решил двигаться навстречу хану хивинскому, чтобы через туркменские степи направиться к Каспийскому морю.

21 июля после полудня Бернс выехал с караваном из Бухары.

11 сентября караван перешел высохшее русло реки Теджен, а 14 сентября перед Бернсом открылись ворота персидского города Мешед. Здесь двумя годами ранее побывал Конноли, отправившийся отсюда через афганские земли в Индию. В Мешед Бернс имел свидание с персидским наследным принцем Аббас Мирзой, устроившим для него смотр артиллерии, которой командовал англичанин Линдсей.

Наследник персидского престола говорил Бернсу, что Англии выгодно поддерживать Персию, но для этого необходимы субсидии...

Не преминул Бернс посетить могилу могущественного завоевателя Надир-шаха, сто лет назад покорившего Индию. Надгробный храм и сад вокруг него были разрушены по приказу Мухаммед-шаха. Кости Надир-шаха были вынуты из могилы и положены под ступенями трона в Тегеране: Мухаммед желал всегда попирать их.

Из Мешед Бернс отправил своего спутника Джерарда через Герат — Кандагар в Кабул, а сам выехал по долине реки. Атрек к Каспийскому морю, чтобы прове-

ритель соображения Конноли о возможности движения русской армии по этому пути. Проехав страну туркменских племен гокленов и иомудов, Бернс доехал до Каспийского порта Астрабада. Здесь он любовался морем и посетил стоявшее в порту русское судно, капитан которого угостил его жареной осетриной.

Таким образом, английскими разведчиками Бернсом и Конноли были пройдены оба пути, по которым британская дипломатия и англо-индийские власти считали возможным нашествие России на Индию.

22 октября Бернс прибыл в столицу Персии и остановился у английского посла сэра Джона Кемпбелла.

Посол представил Бернса престарелому Фатхалишаху, который расспрашивал его о путешествии, о Кабуле, Бухаре и других посещенных им странах. На вопрос шаха, почему Бернс предпринял столь тяжелое странствие, он ответил:

— Только из любопытства к чужим странам! В Тегеране Бернс провел более месяца, тщательно знакомясь с политическим положением в стране.

Шах был стар, но и наследник Аббас Мирза был не молод. Поэтому и возник сложный и трудный вопрос о престолонаследии, так как у шаха было много сыновей и внуков. А от того, кто займет престол, зависело направление персидской политики и, в частности, вопрос о Герате: будут ли предприняты новые попытки овладеть этим «ключом к Индии»?..

Бернс выехал из Тегерана 1 декабря и в Бушире сел на корабль «Клайв».

Он увозил с собой не только впечатления от путешествия по следам похода Александра, о котором столько мечтал. Он увозил с собой немалый запас сведений, наблюдений, соображений о большой политике и стратегии Англии в Центральной Азии.

18 января 1833 года Бернс прибыл в Бомбей — ровно через два года после того, как его покинул.

3

Пожар на Ближнем Востоке разгорался. Командующий войсками паши египетского Ибрагим продвигался с севера к Мраморному морю, встречая слабое сопротивление султанской армии.

Нанеся 21 декабря 1832 года войскам султана реше-

тельное поражение, Ибрагим двинулся, ничем не останавливаемый, к Константинополю.

Султан Махмуд считал себя погибшим: он не сомневался, что победитель убьет его.

— Когда человек тонет, он для спасения хватается и за змею,— воскликнул султан и вызвал русского посла, чтобы умолять его о помощи и о спасении...

20 февраля 1833 года черноморский русский флот бросил якоря у дворца султана, и на берег были высажены русские войска. Произошло то, чего так опасались Грей и Пальмерстон...

Видя, как далеко зашло дело, Англия и Франция принудили египетского пашу заключить мир с султаном.

В Лондоне и Париже облегченно вздохнули. Но с берегов Мраморного моря пришло ошеломляющее известие. Уполномоченный царя князь Орлов заключил с султаном договор по которому Турция обязалась в случае войны закрыть Дарданеллы для всех врагов России.

Итак, император Николай обезопасил свои южные пределы от возможности нападения с моря.

В Лондоне и Париже правительства, парламенты, печать пришли в ярость.

4

В Оренбурге, форпосте России на Востоке, внимательно следили за развитием событий на Ближнем Востоке, в Турции, в Афганистане. Сухтелен и Генс понимали, что Англия предпримет ответные действия, чтобы парализовать русские успехи.

Виткевичу было поручено тщательно проанализировать и возможные последствия путешествия Бернса, и необходимые контрмеры.

И вдруг Сухтелен скоростижно скончался.

Смерть его тяжело поразила Виткевича. Что ждет его с назначением нового начальника края? Каков он будет?

Ведь производство в офицеры все еще не состоялось, и будущее Яна по-прежнему было в тумане... Томаш Зан в эти тревожные дни поддерживал Яна как мог. Виткевич был мрачен и еще более, чем обычно, молчалив и скрытен.

И когда вечером в его небольшой комнате Томаш убеждал Яна, что он зря тревожится, Виткевич раскрыл томик Мицкевича и показал Зану такие строки:

Нужно было б от глупости мне излечиться,
Но не послушался я — и мой разум не тщится
Опровергнуть, что сам он с собою, в раздоре.

Прочтя стихи, Томаш покачал головой. А Ян сказал — Прошу отправить меня в степь: там опять шалит большая шайка из Хивы...

Однако выполнить свое намерение Виткевичу не удалось.

В Оренбург прибыл новый военный губернатор и командир отдельного корпуса Перовский, тридцативосьмилетний генерал-адъютант.

Незаконный сын графа Алексея Кирилловича Разумовского, сына императрицы Елизаветы, Василий Алексеевич Перовский был человек незаурядный.

Восемнадцать лет от роду он участвовал в Бородинском сражении и лишился на правой руке среднего пальца, на уцелевшей фаланге которого он носил золотой наперсток. Из плена, куда Перовский попал осенью 1812 года, он бежал. Как адъютант Николая, Перовский был при нем в памятный день 14 декабря и своим преданным поведением завоевал у императора расположение, которое и обеспечило его быстрое восхождение по ступеням высокой карьеры. Во время войны с Турцией Перовский под Варной был тяжело ранен в грудь и принужден был покинуть строевую службу.

Широко образованный, энергичный и деятельный, Перовский отправлялся в Оренбург, обуреваемый большими, далеко идущими замыслами в отношении Средней Азии. Для осуществления своих планов он нуждался в способных сотрудниках и сразу же по прибытии на пограничную линию стал внимательно знакомиться со своими подчиненными, от ближайших помощников до самых младших чиновников и офицеров.

Не было ничего удивительного в том, что в поле зрения Перовского, подбиравшего дельных сотрудников, отвечавших большим требованиям, попал и Виткевич, Генс рекомендовал его как человека, обладающего боль-

шими познаниями в языках, в нравах и обстоятельствах местного края, словом, как офицера, который может выполнять ответственные и сложнейшие задания.

Перовский пожелал видеть Виткевича.

Введенный в обширный кабинет военного губернатора, Виткевич вытянулся во фронт и отрапортовал, как полагалось, корпусному командиру. Перовский просто ответил ему:

— Здравствуйте, портупей-прапорщик. Садитесь, пожалуйста.

Виткевич опустился в кресло перед письменным столом, по другую сторону которого расположился крепко сложенный, хотя и худощавый человек, вероятно, не выше среднего роста, с красиво посаженной головой, покрытой густыми и курчавыми темными волосами. Небольшие, но живые серые его глаза светились умом, выражение лица располагало к доверию.

— Я знаю, вы ждете производства. Потерпите еще, все устроится.

Так начал Перовский, и это начало расположило скрытного и недоверчивого Виткевича к человеку, от которого отныне зависела его судьба.

— Мне хотелось познакомиться с вами,— продолжал Перовский,— потому что я много о вас слышан. А кому много дано, с того и спрашивается много. Дела у нас предстоят значительные, и каждый способный человек должен быть у меня на счету.

Перовский подробно расспросил Виткевича, почему он попал в Оренбург, что делал эти десять лет, что хотел бы делать... Затем беседа перешла на вопросы политические.

— Вот сейчас, когда мы с вами тут разговариваем, Европа стоит перед роковым испытанием: быть войне или не быть. Франция и особенно Англия подняли шум, угрожают нам. Угроз император не боится, и об этом прямо объявил британскому поверенному в делах. Мы, конечно, требуем уплаты за спасение Махмуда, ибо без нашего вмешательства сидеть бы ему на колу египетском. Но коль скоро Россия приобретает от Турции новые преимущества на Ближнем Востоке, так немедля на берегах Темзы десятикратно возрастает озлобление, и оно эхом отзовется у нас, на берегах Каспия, Сыр-Дарьи, Оксуса. Тут постараятся наши соперники взять

реванш, исходя еще и из того расчета, что им выгодно покрепче связать нам руки в степях среднеазиатских, чтобы иметь самим побольше свободы действий против нас на берегах Дуная и Черного моря.

Виткевич внимательно слушал соображения, которыми подтверждался и его собственный анализ событий в Малой Азии. Перовский в заключение сказал, что обдумывает план действий в Средней Азии, обеспечивших бы России прочные политические и экономические позиции в районе великого азиатского континента, которому, по глубокому его убеждению, суждено играть весьма важную роль. А при проведении в жизнь этого плана потребны дружные усилия многих и многих энергичных, преданных, способных людей. В их числе Перовский льстит себя надеждой видеть одним из первых Виткевича...

Придя домой под впечатлением столь важной и обнадеживающей беседы, Виткевич обнаружил на столе запечатанное письмо. Почерк на конверте принадлежал руке графа Хоткевича, покровителя Виткевича. Вот что он писал своему молодому другу: «Я начинаю тем, что умоляю вас, любезный Виткевич, по крайней мере на сей год отказаться от поездок в степь; путь этот слишком неверен, в него следует броситься только тогда, когда все надежды к производству исчезнут. Прошу вас, любезный друг, бросьте это столь ненадежное, столь опасное предприятие; откажитесь от него на один только год, откажитесь, если не по убеждению, то по крайней мере из дружбы ко мне: это будет самое большое доказательство вашей дружбы ко мне. К тому же время, которое вы бы провели в Оренбурге, отнюдь не будет потеряно, посвятите его наукам, телесным упражнениям».

Письмо это было ответом на отчаянное письмо Виткевича, которое он написал после неожиданной кончины Сухтелена.

В эту минуту кто-то постучал.

Входная дверь стукнула, за нею вторая, на пороге показался Зан.

Он пришел, чтобы узнать, как прошла первая встреча Виткевича с Перовским, и рассказать, что и у него самого также перемены: новый военный губернатор положил учредить при оренбургском военном училище

музей местной природы, истории и этнографии и предложил Зану быть его устроителем и хранителем.

Виткевич, в свою очередь, поделился с Заном теми предположениями и предложениями, какие сделаны были Перовским.

— А помнишь, Ян, как ты говорил: «Все наши планы лопнули. Дай бог, чтобы все это кончилось без беды».

— Слава богу, ошибся я. Все хорошо, что хорошо кончается: Перовский не на погибель нашу приехал. Дела теперь пойдут отлично!

5

Перовский, принимая назначение в Оренбург, обещал императору Николаю, что не позже, чем в 1840 году, овладеет Хивой и положит конец разбойничьим набегам на русскую торговлю. Проекты походов на Индию он считал несбыточной фантазией, да и не видел никакой надобности в таких сказочных замыслах. Русская торговля через Среднюю Азию и Афганистан с Китаем, Индией принесла бы России неизмеримо более выгод, считал Перовский.

Поэтому Перовский просил Карелина ускорить подготовку экспедиции на Каспий для сооружения форта и приказал приступить к сооружению линии укрепления к востоку от реки Урал.

Виткевичу Перовский поручил еще тщательнее собирать и изучать материалы о политических отношениях ханств Средней Азии между собой и со странами, лежащими к югу от Аму-Дарьи, а также неослабно следить за ходом политических действий Англии в Индии, Афганистане, Персии.

Деятельность Перовского, не осталась незамеченной на берегах Темзы.

Секретный Комитет Ост-Индской компании в Лондоне был согласен с мнением Политического департамента в Индии, что было очень полезно убрать Перовского из Оренбурга. А добиться этого было бы возможно, если бы удалось серьезно скомпрометировать его в глазах Николая. Это и было поручено Евангелической миссии в Оренбурге.

В свою очередь и Генс в одном из первых докладов Перовскому изложил материалы, собранные Погранич-

ной комиссией о Евангелической миссии и, в частности, о связи кушца Деева с «миссионерами» в Оренбурге. Перовский спросил, как поступили с Деевым.

— Он в столице, его с собой взял Голубов,— ответил Генс.

Перовский задумался, затем сказал:

— Не будем его пока трогать, он своими действиями поможет нам накрыть святых проповедников с поличным. А какого вы мнения, Григорий Федорович, относительно того, чтобы послать и нам своего лазутчика в Бухару?

— Давно к этому подбирались, ваше превосходительство!— воскликнул Генс. — На примете у меня два человека для этого: Демезон и Виткевич.

— Демезон? Кто таков?

— Учитель татарского языка в нашем кадетском корпусе, смелый, энергичный офицер...

Перовский решил, что окончательный выбор еще успеется, так как с посылкой человека в Бухару нельзя торопиться: надобно тщательно все продумать и подготовить.

6

18 сентября в Оренбург приехал Пушкин и остановился в доме у своего давнишнего приятеля Перовского.

Он приехал, чтобы разыскать стариков, которые видели и помнили Пугачева.

Перовский свез Пушкина в село Верды, где он и нашел старуху, современницу грозного Емельяна, знавшую его. Вернувшись в Оренбург, Пушкин посетил музей при военном училище. Крайне польщенный Зан с радостью показывал свои богатства другу Мицкевича...

На особом столе прямо против входа в музей лежала огромная кость — часть черепа доисторического ископаемого животного.

По сторонам главного зала стояли куклы в человеческий рост в национальных одеждах: мордовка, калмычка, казашка в платьях замужних женщин, две девушки — киргизка и казачка, калмык в казацком мундире и сибирский шаман. На стенах развешаны были кольчуги, седла, чепраки, одежда, сшитая из рыбьих пузырей.

Пушкин внимательно рассматривал все выставленное, изредка задавая короткие вопросы: кто рыбью сорочку носит? Откуда кольчуги?

Около портрета альбиноса с розовыми глазами, длинными белыми волосами, распущенными по плечам, и длинными бакенбардами Пушкин задержался. Под портретом написано было имя альбиноса: Варлей, родом из Лондона.

— А этот как к вам попал?

Зан объяснил, что альбинос был в Оренбурге в 1831 году и подарил свой портрет и прядь волос — они лежали у портрета в ящичке под стеклом.

— Я знал этого человека,— сказал Пушкин,— встречал его у английского посла...

Он не успел докончить, как растворилась дверь и вошел Виткевич. Увидев незнакомого господина во фраке, с цилиндром и тростью в руках, он остановился.

Обернувшись на шум, Зан сказал:

— Входи, входи, Ян.

А Пушкину пояснил:

— Виткевич, портупей-прапорщик, прибыл сюда из Вильно и находится здесь не своею волею вот уже десятый год. А это, Ян, господин Пушкин.

Пушкин любезно пожал руку Виткевичу и сказал: — Вы присланы были сюда из Вильно в 1824 году? Значит, по одной истории с Мицкевичем? Вместо Виткевича быстро ответил Зан:

— Ян не был студентом, он из гимназии в Крожах, С Адамом был арестован я. Адама отправили на службу в Петербург, а меня на год в каземат, а затем сюда. Позвольте представиться. Я Томаш Зан.

Пушкин схватил руку Зана и крепко пожал ее.

— Что же вы сразу мне не сказали, кто вы. Не раз слышал я от Мицкевича о его сердечном друге Зане.

— Как расстались мы осенью двадцать четвертого года, так с тех пор и не виделись, только переписывались. А вот теперь уже третий год пошел со времени его отъезда из России, и переписка оборвалась...

— Мы очень любили Мицкевича,— молвил Пушкин, и облачко грусти набежало на его лицо.— Судьба развела нас, и вряд ли приведется вновь встретиться... Знаете, господа, Соболевский привез мне из Парижа четыре тома Мицкевича. Какие стихи! Мицкевич — великий поэт,

господа. Он в «Памятнике Петру Великому» передал наш разговор у подножия Медного всадника.

Виткевич и Зан, не знакомые с последними творениями Мицкевича, жадно слушали.

— Адам спорит со мной,— говорил Пушкин.— Он видит в Петре только насилие, только зло. И не более. Как он не прав! Я отвечу ему...

Пушкин умолк, задумавшись. Виткевичу показалось, что он не хочет больше говорить об этом, и Ян сказал:

— Когда я входил, вы, господин Пушкин..,

— Отбросьте официальный тон, любезный Виткевич, говорите просто Александр Сергеевич.

— Когда я вошел в комнату, вы, Александр Сергеевич, упомянули английского посла. Позвольте спросить: вы знали лорда Дергема, когда он был в Петербурге? Какого вы мнения о нем?

Пушкин с любопытством взглянул на портупей-прапорщика, который в оренбургской глуши интересуется британскими лордами, и сказал:

— Лорд Дергем — забавная смесь необузданного либерализма и столь же невероятного аристократизма. Он очень умен и еще более тщеславен, богат, но скуп, очень любит двух своих некрасивых дочерей и жесток с очаровательной женой. Словом, типичный англичанин... А на что он вам понадобился?

— Наш Ян,— ответил Зан,— много занимается делами восточными, а в них англичане круто замешаны.

— Вы изучаете Восток?— в голосе Пушкина зазвучал неподдельный интерес.— Ничего меня так не привлекает ныне, как Восток! Ах, с какою бы радостью отправился я в Персию или в Индию... Вы знаете языки?

— Немного знаю персидский, турецкий, киргизский.

— Не скромничай, Ян,— вмешался Томаш,— он отлично владеет этими языками, Александр Сергеевич.

— Вы говорите по-персидски! Так обязательно прочтите мне что-нибудь из Саади. Вы помните наизусть? Виткевич прочитал восьмистишие Саади.

— Не переводите!— воскликнул Пушкин.— Музыка стиха равно понятна на всех языках. Завидую вам. Я собрал в Петербурге несколько книжек о Востоке — Малколмову «Историю Персии», Муравьева «Путешествие в Хиву», Жакмона об Индии, еще кое-что. Сядемте, господа, и поговорим о Востоке.

Виткевич переглянулся с Заном и нерешительно сказал:

— Александр Сергеевич, здесь сидеть негде, да и неуютно... Не угодно ли вам пожаловать ко мне? Это недалеко отсюда.

Пушкин покачал головой:

— Я зван на обед к Далю. Вы ведь знакомы с ним, не правда ли? Да ладно, время еще есть.

Когда Пушкин, Зан и Виткевич вступили в большой двор дома, где жил Виткевич, навстречу им бросилась небольшая черная собака и неистово залаяла. Пушкин звонко рассмеялся:

— Да посмотрите, посмотрите на этого пса: прямо швейцар из министерства иностранных дел.

Действительно, черная морда собаки была окаймлена свисающими седыми волосами, как бакенбардами, и весь ее вид удивительно напоминал старика швейцара.

В небольшой комнате Виткевича Пушкин сел у окна, поставил между ног трость, положил на нее обе руки и оперся о них подбородком. Виткевич бросился хлопотать у стола, но Пушкин отрицательно покачал головой:

— Пожалуйста, ничего не надо. Посижу четверть часика и пойду на обед к Далю. Он такой хлебосол, что надобно пожаловать к нему с пустым желудком, не то обидится до смерти... Давайте лучше побеседуем.

И завязалась горячая беседа о Востоке, о судьбе народов, о будущем человечества.

— Восток,— говорил Пушкин,— дал нам нашу цивилизацию, но Восток не раз и уничтожал ее. Атилла, Чингисхан, Тимур... На востоке скрыты грядущие тайны человечества. В юности я бредил Востоком. Да и Байрон, и Мицкевич отдали дань такому увлечению. Но то были романтические грезы: прекрасные черкешенки, фонтаны, неистовые любовники, герой, безудержно скачущий на коне. А ныне много размышляю о тех неисчислимых народах, которые занимают необозримые пространства вот там...

Пушкин показал на степь, которая видна была из окна.

— К востоку от этого места, где мы с вами находимся, и до океана: киргизы, узбеки, монголы, китайцы, индусы... «Тьма тем!» Своего слова в истории они еще как следует не сказали. А что это будет за слово? Конец

всему, что создано доселе веками, и царство мрака? Или начало новой цивилизации?

Виткевич внимательно слушал своего неожиданного гостя. Мысли Пушкина перекликались с размышлениями, которые часто посещали и его самого, будоражили, требовали ответа, а его не было.

— Судьба моя, Александр Сергеевич,— сказал Виткевич,— впрямь от Востока зависит. Отсюда мне не выбраться никогда. Следственно, тут я дело своей жизни должен обрести и исполнить. А что до вопросов ваших, так я осмеливаюсь полагать, что предстоит Европе пережить еще не один потоп с Востока!

— Россия некогда спасла Европу, приняв на себя весь удар монгольский, и за то заплатила трехсотлетним татарским игом,— произнес Пушкин.— И платит по сей день,— добавил он после паузы,— платит рабством народа. Наше азиатское самодержавие — наследник татарщины.

Пушкин горько усмехнулся.

— Подвиг русских довершен был на равнинах польских,— сказал Зан.— Под нашими ударами выдохся порыв Чингисхана. Мы побратались оружием.

— Ах, Польша, Польша!— воскликнул Пушкин.— Мы братья по крови, но и сколько крови легло между нами. Вот вы, два поляка, оторваны от родной земли, заброшены в далекую, дикую глушь и не видите надежды на возвращение... Что я могу сказать вам? Разве только то, что сказал ваш великий земляк, ваш и мой друг Мицкевич: «За вашу и нашу свободу».

— Свобода!— как эхо, откликнулся Виткевич.

— Да, свобода!— горячо продолжал Пушкин.— Свобода для России, свобода для Польши.

Он обвел пытливым взором Яна и Томаша и воскликнул:

— Мы все, все пленники. Клетки только разные. Моя...— Пушкин стукнул тростью о пол.— Вчера в Бердской слободе видел я казачку, молодуху лет под восемьдесят. А память у нее свежая. С коим пылом говорила она мне о Пугачеве, господа! Прошло ведь полвека, а она помнит огненный взор, грозный голос Пугача. И, знаете ли, она в глубине души все-таки верит, что он был царь... А ведь Пугачев был темный, неграмотный мужик. И потряс всю империю, да так, что

сам Вольтер о нем императрицу запрашивал. Отчего вышел Емеля к такую силу, господа?

Ян и Томаш молчали. Пушкин засмеялся:

— Золотое молчание, господа!

Взглянув на часы, он сказал:

— Черт возьми, заболтались мы, и Даль проклинает меня... Нет, нет, не провожайте. Сердечно рад был познакомиться и буду счастлив, если судьба приведет нас вновь встретиться...

Когда Пушкин вышел за калитку и пошел по широкой немощеной улице, в нескольких шагах от дома Виткевича ему попался навстречу старик в истрепанном халате, грязноватой чалме, с палкой в руках. Он медленно брел вдоль заборов... Пушкин скользнул по нему глазами и прошел мимо, погруженный в свои мысли. Старик разминулся с Пушкиным, даже и не взглянув на него. Но как только Пушкин оказался позади, старик с неожиданной для его возраста живостью оглянулся и впился взором в спину удалявшегося Пушкина...

...Пушкин долго расспрашивал Даля о Виткевиче, который поразил его своей внутренней силой, сосредоточенностью умственной и волевой. Даль рассказал, что Виткевич — очень яркая, необыденная индивидуальность, и ему, видимо, на роду суждено совершить что-нибудь необыкновенное:

— Он удивил и Гумбольдта, которому обязан тем, что вырвался из Орска; и Перовского, который предназначает для него важные и трудные поручения, как только добьется производства Виткевича в офицеры. Теперь это снова осложнилось.— продолжал Даль.— Волнения в Польше, вызванные весной отрядами «Демократического общества», арест вожakov этих отрядов Завиша и Заливского усугубили опасения и раздражили гнев против поляков в Петербурге.

Даль говорил о тех попытках вызвать в Польше восстание, которые были предприняты по решению состоявшегося в Лионе в начале 1833 года съезда польского «Демократического общества». Оно снарядило во Франции и Англии и переправило в Польшу несколько вооруженных групп под началом Завиша. Отряд был разгромлен, Завиш расстрелян.

Пушкин с сожалением сказал:

— Безумства, безумства! Быть может, удастся мне замолвить словечко в пользу Виткевича в Петербурге. Спрошу Перовского, куда толкнуться...

7

Виткевича поразил Пушкин.

— Он весь светится изнутри!— сказал Ян Томашу.— Счастлив народ, родивший такого поэта...

— «За вашу и нашу свободу!» — задумчиво произнес Зан.

Они по обыкновению прогуливались на городском валу. Осенний вечер опускался на землю. Степь за Уралом была гола. Ветер в облачке пыли гнал по земле перекасти-поле. С Менового двора доносились крики верблюдов, пронзительный рев ишаков.

— «За вашу и нашу свободу!» — повторил Виткевич.— Два братских народа, мы и русские, и сколько вражды, злобы, крови... А вот Мицкевич и Пушкин — два гения, и соединила их дружба. Когда же, когда и народы наши протянут друг другу руки?

— Свобода! Какое простое слово! А что такое свобода! Моя, твоя? Целого народа? Или вот этой ящерицы, что прошмыгнула у моих ног?

Зан рассмеялся:

— Ящерица и Польша!

— Напрасно смеешься,— горячо возразил Ян.— Человек рожден свободным, как и каждое живое существо. Он сам надевает на себя ярмо, подчиняясь тиранам. Народ не может быть ничьим рабом! Иначе не было бы Пушкиных, Мицкевичей!

Зан обнял своего друга, они остановились. Солнце над самым горизонтом посылало последние лучи.

ВТОРОЙ ИСКУС

1

26 октября 1833 года комендант Оренбурга добродушный генерал-майор Глазенап явился к Перовскому в страшном волнении и поведал военному губернатору тревожную весть: раскрыт дерзкий заговор поляков, до-

говорившихся между собой сделать в Оренбурге и по всей линии мятеж. Главари заговора: портупей-прапорщик Виткевич, Зан, бухгалтер Пограничной комиссии Сузин, унтер-офицеры Ивашкевич и Ковальский.

— Немедля фельдъегеря в Петербург, сообщить государю императору,— кипятился Глазенап, крутя по привычке свои рыжеватые усы,— о сем дерзостном намерении и о том, что мы, волею божией, вовремя изобличили злоумышленников.

— Отослать рапорт мы успеем, а сперва разберемся, что такое случилось. Садитесь и рассказывайте.

Глазенап доложил Перовскому, что накануне вечером к нему доставлен был из тюремного замка мещанин Стариков и сделал важное сообщение. В полночь 26 октября содержащийся в тюрьме рядовой Людвиг Мейер из поляков объявил ему, Старикову, что нижние чины — поляки, будучи огорчены несчастным исходом польского восстания, положили 27 или 28 октября лишить жизни военного губернатора, дивизионного и бригадного генералов, полицмейстера, плац-майора.

— И меня,— жалобно прибавил Глазенап и продолжал рассказ.

Завладев городом и установив в нем свою власть, заговорщики объявят, что великий князь Константин вовсе не умер, а находится во Франции и ныне, командуя французскими войсками и войдя в союз с королем Пруссии, движется к России, чтобы занять принадлежащий ему по праву престол.

Услышав этот перепев 14 декабря, Перовский удивленно вздернул плечи и выразил на лице сомнение.

— Слушайте, слушайте дальше, Василий Алексеевич!— сказал Глазенап.— Все нижние чины — поляки принадлежат к заговору, а также и из русских человек до тридцати. Зан под видом собирания растений и минералов объездил Оренбургскую линию и склонял всех поляков к мятежу, а после этого приезжали к нему для совещаний два поляка.

Глазенап умолк, вытирая обильный пот на лбу и щеках... Перовский задумался. Дело неприятное, кляузное. Император партизанскими действиями Завиша в Польше напуган был так, что заключил специальное соглашение с Австрией и Пруссией о совместной борьбе и взаимной помощи против польских революционеров.

А еще этот Виткевич, которого Перовский обласкал, Зан, которого сделал хранителем музея... Нет, тут необходимы срочные и решительные меры.

— Немедля арестовать помянутых поляков,— сказал он,— и я стану во главе комиссии для тщательного и быстрого исследования дела. В комиссию назначаю вас, генерал-майора Стеллиха, полковника Павлова, моего адъютанта гвардии ротмистра Геке, Даля, аудитора Слапагузова.

— А от корпуса жандармов?— спросил Гязенап. Перовский поморщился.

— Дело это чисто военное, да и подполковника нет сейчас в Оренбурге, его вызвал в Тобольск начальник VII отдела корпуса жандармов Маслов. Обойдемся и без голубых мундиров. Заседать комиссия будет у вас. Всех арестованных держать порознь и под строжайшим надзором.

Зан был арестован в музее, Сузин — в Пограничной комиссии, Виткевича взяли на дому, Ивашкевича и Ковальского — в казармах. В квартирах был произведен обыск, изъяты бумаги, после чего арестованные были доставлены в тюремный замок и размещены в одиночных камерах.

Первая ночь в тюрьме... Первая ночь лишения свободы... Кто не испытал этого, тому трудно вообразить душевное состояние заключенного. У Виткевича в его короткой жизни это была вторая «первая ночь в тюрьме»...

Когда захлопнулась за ним дверь и щелкнул замок, Ян остановился посреди узкой, темной камеры, нагнул голову, словно прислушиваясь... Он был ошеломлен внезапностью свалившейся беды.

Что случилось? Какая причина? Нельзя было даже и отдаленно догадаться. Единственное, что известно, это то, что арестован не он один: в канцелярии тюрьмы он видел Зана, Сузина, Ивашкевича. Значит, взяты поляки... Но почему? Перовский? Нет, это мало вероятно. Тогда — приказ из Петербурга? Да, именно так! Волнения в Польше, быть может, новое восстание! Восстание! Виткевич вздрогнул и тут же поймал себя на мысли, что не знает: радоваться ли ему, что его соотечественники поднялись с оружием в руках против угнетателей, или проклинать их как виновников постигшей его беды.

Ровно десять лет назад, да, без нескольких недель десять лет назад, точно так же был он схвачен, брошен в тюрьму. Но тогда он, «черный брат», поднял руку против угнетателей. Он звал соотечественников к борьбе за свободу отчизны. Перед Виткевичем возникла яркая картина того памятного вечера, когда читал он товарищам пламенное свое воззвание. Да, десять лет назад он стоял в рядах борцов против поработителей Польши. А теперь — теперь он служит им...

Виткевич закрыл лицо руками.

Он служил царю Николаю не за страх, а за совесть — и это расплата за измену отчизне...

Страшная эта мысль бросила Виткевича на каменный пол камеры. Так вот каков конец его надеждам купить освобождение для себя ценою отказа от борьбы за свободу для своего народа! Он застонал...

Но что же он мог делать для отчизны, он, бесправный солдат в заброшенной на край света крепости? Ничего! Но лучше было ему умереть, не вынеся ужасов солдатчины, чем перейти в стан врагов...

Поздний осенний рассвет застал Виткевича на жесткой койке — он спал тяжелым, свинцовым, тюремным сном...

2

По Оренбургу быстро разнеслась весть о раскрытии опаснейшего заговора польского... В гостиных только и было разговора об ужасном плане напасть ночью на дома всех начальствующих лиц, перерезать их, возмутить киргизов, перебить русских...

Некоторые, напуганные донельзя, во всем винили Перовского, который распустил вожжи, нянчился с поляками и вот довел до беды. Общее мнение было такое, что Перовскому не сдобровать, когда в Петербурге узнают о таком страшном деле. Придется ему покинуть Оренбург, пробыв здесь без году неделя...

В чайной на краю Татарской слободы собралось по случаю пятницы народа больше обычного. В углу сидел старик, повстречавшийся Пушкину недалеко от дома Виткевича, и с нетерпением вглядывался в каждого вновь входящего, прислушивался к разговорам соседей.

Вошел человек со смуглым от загара лицом, с большой бородой, в халате, в высоких сапогах, в тубетейке.

Опытный глаз разглядел бы в наружности вошедшего нечто невесточное, европейское — несмотря на широкие скулы его несколько монгольского лица. Пришедший неторопливо направился в угол, опустился на помост рядом со стариком, рассеянно посмотрел вокруг себя и неприметно показал старику четыре сложенных крестообразно пальца, вроде решетки. Старик незаметно кивнул головой, неторопливо встал и удалился. Пришедший быстро пересел на его место и заказал подбежавшему прислужнику чайник чая. "Когда прислужник отошел, бородач осторожно опустил руку, пошарил под ковром, вытащил скатанную в шарик бумагу, положил ее в карман халата...

На следующее утро, 27 октября, Глазенап докладывал Перовскому, что открылись новые важные обстоятельства. Ранним утренним часом явился к нему рядовой поляк Кживицкий. Он подробно рассказал, что портупей-прапорщик Виткевич приезжал в крепость Тана-лыкскую и расспрашивал у него, есть ли здесь и в крепостях Орской и Кизилской надежные поляки. Виткевич дал ему, Кживицкому, пятьдесят рублей для раздачи польским солдатам и давал советы, что надобно полякам жить дружно между собой, привлечь на свою сторону киргизов и все силы употребить, чтобы избежать неволи. А в крепости Красногорской у Домбровского собирались поляки солдаты и, выпив, говорили: «Виткевич — хороший поляк, он имеет большое влияние и доверенность у начальства и исполнит наше желание, и только нам надобно согласие и верность». А когда расходились, Домбровский сказал Кживицкому: «Пиши к Виткевичу, он, может быть, скоро будет на линии, но помни: 7 мая — праздник Троицы».

Следственная комиссия принялась за работу. Все арестованные решительно отвергли возведенные на них обвинения.

Сузин сказал:

— Я поляк и с горестью смотрел на опустошительную войну в Польше. Всякое новое покушение как в самой Польше, тем более еще в иной части России, по моему мнению, может быть делом только разве сумасшедших, разве врагов и недоброжелателей Польши.

Томаш Зан написал в объяснении: «После десятилетней пробы миролюбивого и благоразумного суще-

ствования, когда здоровье по слабости от природы организации упадет и привычки становятся непреклонные, мог бы я решиться на вздорные, безрассудные, кровавые намерения?»

Прочитав эти слова и вспомнив Зана в его дерном фраке, Перовский невольно рассмеялся — так мало был похож этот человек на главаря заговора!

Когда пришла очередь Виткевича, Перовский лично явился в комиссию и занял председательское место. Однако допрос вести предоставил Глазенапу, внимательно слушал ответы Виткевича и еще внимательнее вглядывался в него.

С первой ночи в тюрьме Виткевич много передумал и перечувствовал. Когда из предъявленных ему комиссией письменных вопросов он узнал, в чем его обвиняют, он сперва не поверил. Людвиг Мейера он почти совсем не знал, видел его не более двух раз и то мельком. Но Кживицкого он помнил хорошо. Не могло быть сомнения, что он кем-то подучен и подучен ловко, умно, следовательно, человеком опытным в таком деле... Кто же это мог быть? Над ответом Виткевич не задумался: след вел к тихому незаметному дому Евангелической миссии в Оренбурге! Разрешив для себя этот важнейший вопрос, Виткевич стал обдумывать свою защиту. Поверят ли ему его судьи или не поверят? Но он будет отстаивать правду.

На вопрос, признает ли он себя виновным, он ответил твердо и ясно, что извет Мейера и Кживицкого ложен от начала до конца.

Глазенап предложил дать объяснения по пунктам.

Виткевич пояснил, как обстояло дело в прошлом году в Таналыкской крепости, когда он из жалости к соотечественникам дал Кживицкому деньги для раздачи нуждающимся солдатам полякам. А о том, могут ли поляки возвратиться на родину, он никогда не рассуждал даже сам с собою, тем паче с другими.

Изложив обстоятельства дела, какими они были, Виткевич поднял высоко голову и сказал веско и отчетливо:

— Все, что сплели доносчики, есть тем более ложь, что образ мыслей моих, надеюсь, достаточно оправдан трехлетней службою при Пограничной комиссии. Неоднократно исполнял я в Киргизской степи возлагаемые

на меня поручения. И ежели бы хотя бы одна из приписываемых мне Кживицким идей могла быть подлинно моею, то я не стал бы рисковать жизнью, поймав скрывавшегося несколько лет мятежного султана Мендияра. Да к тому же сделал я сие по собственному разумению, не имев на то особенного повеления от начальства.

Полковник Генс, присутствовавший при допросе, одобрительно кивал головой. Перовский шепнул что-то Глазенапу, и Виткевича увели.

Комиссия допросила Мейера. К тому, что со слов его донес Стариков, Мейер присовокупил, что 25 октября рядовой из татар, имя коего ему неизвестно, приходил в каземат и говорил, что скоро уже все пойдут в Бухарию и начнется война, причем «Бухария» означала «бунт». И все поляки, приходившие в каземат на протяжении последних пяти дней, прощались с ним, говоря: «Пришло время начать мятеж; не знаем, кто в сражении будет жив»:

Показание это заинтересовало Перовского, но не с той стороны, как мог ожидать Мейер. Перовский приказал отыскать названного им рядового татарина.

Прижатый на допросе, Кживицкий всячески вывертывался и, наконец, сделал странное признание. Он влюбился в дочь казачьего атамана из крепости в ста верстах от Оренбурга, но атаман отказал в ее руке поляку рядовому. Однако сказал, что ежели бы он заслужил у начальства награду и повышение в чине, то было бы иное дело. И вот они вдвоем с Мейером и выдумали донос как средство к выслуге перед начальством. На вопрос, что это за крепость и какова фамилия атамана, Кживицкий сперва не хотел отвечать, а потом понес такую околесицу, что Перовский махнул рукой и велел его увести.

Исследовав все материалы, комиссия пришла к заключению, что нет никаких обстоятельств, подтверждающих обвинение, и определила: всех арестованных изпод караула освободить и употребить по-прежнему на службе.

Дело о ложном доносе со стороны Мейера присовокупили к уже производящемуся над ним следствию о побеге; а Кживицкого наказали двухмесячным содержанием под арестом.

Подписав резолюцию, Перовский приказал доставить к нему Виткевича.

Виткевич вошел в кабинет военного губернатора, не ведая, что его ждет. Но внешне он был спокоен.

Перовский приказал ему сесть и без всякого приготовления спросил:

— Португей-прапорщик, на кого вы имеете подозрение в злоумышлении против вас?

Виткевич сразу даже и не понял вопроса, но поняв, что дело оканчивается благополучно, побледнел. Едва не вскочил, но быстро овладел собою.

— Тому выгодно, я полагаю, ваше превосходительство, кому невыгодна служба моя в здешнем крае. Осмелюсь сказать более, ваше превосходительство: тем понадобились сии изветы, кому на пути встали вы, ваше превосходительство, ваши замыслы и предположения в краю нашем

— Это, так сказать, алгебра, португей-прапорщик. Перейдем к арифметике: кому же поперек горла может быть служба, подобная вашей, в этом крае? Что вы об этом думаете?

— На берегах Темзы весьма любопытны ко всему, что делается у нас на берегах Урала, ваше превосходительство! У нас аукнется — у них откликнется!

Перовский улыбнулся:

— Вы столь же догадливы, сколь и остроумны! Ступайте домой, отдохните и с богом за работу... Ее у вас будет много, ручаюсь.

Заключение комиссии и свое решение Перовский немедленно при рапорте отослал в Петербург военному министру, присовокупив просьбу удовлетворить представление о производстве Виткевича. .

3

В начале 1834 года португей-прапорщик Иван Викторов сын Виткевич произведен был в прапорщики с назначением в Уфимский казачий полк, 'что стоит в Оренбурге.

Когда Виткевич в офицерской казачьей форме с иголки явился к Перовскому принести благодарность, тот принял его ласково и сказал:

— Я назначаю вас своим адъютантом по особо важным поручениям. Явитесь к капитану Никифорову в моем штабе.

Никифоров, гвардейский офицер, был удален из столицы в захолустье Оренбурга за то, что, не желая порочить имя женщины, не вызвал на дуэль молоденького офицера, с которым у него вышло столкновение из-за этой дамы. Небольшого роста, широкоплечий, подвижный, с горящими глазами, не любящий кривить душой, а прямо выкладывающий, что думает, он к тому же был образован и начитан.

Виткевич легко сошелся с Никифоровым, и они вдвоем подготовили большую докладную записку на имя императора «О сношениях России с Хивинским ханством и о противных народным правам поступках ханов хивинских относительно России».

Слова «народные права» сперва вызвали сомнение у Перовского: вряд ли министрам, да и самому царю они могли прийтись по вкусу. Но Виткевич убедил Перовского, что захват русских подданных и обращение их в рабство нарушает не только права государства Российского, но и права человеческие, права народные... Перовский не стал спорить, а Виткевич был доволен; когда он писал о народных правах русских людей, томлящихся в рабстве у хивинцев, он думал и о народных правах томлящихся в рабстве поляков...

Записка начиналась с краткого изложения истории посылки и гибели миссии Бековича в 1717 году. Затем шел рассказ о попытке овладеть Хивой в 1741 году с помощью хана Средней орды Абула, который овладел хивинским престолом после того, как шах убил хана Юлбарса. Но тем временем Абул-хан сам ушел из Хивы, и дело на том и покончилось. Далее говорилось о миссии Муравьева и делался вывод, что грабежи сухопутных караванов, разбои на Каспийском море, вероломство хивинцев нельзя терпеть дальше. «России завоевание Хивы не будет стоить дорого, но вся Средняя Азия возродится, восстанет от оцепенения своего при водворении организованного благодатного правления; обогатится торговлею и промышленностью России; обогатится и процветет небывалым благоденствием край, стенающий с незапамятных времен под игом, которому на нашем языке нет самого названия».

Верил ли этому Виткевич? На такой вопрос он не мог бы ответить по чистой совести!

Книги англичан, которые он читал и перечитывал, вновь и вновь напоминали, что с юга тянется к Средней Азии жадная рука завоевателей, под игмом которых стонут народы Индии.

Добычу свою британский лев держит крепко в когтях.

Значит, надо помешать захвату этих государств теми, из чьих рук вырваться на свободу неизмеримо трудно.

Так было, наконец, завершено дело, начатое еще Сухтеленом, и в Петербург отправлены были практические предложения сделать первый решительный шаг в глубь Средней Азии.

Одновременно Перовский решил послать лазутчика в Бухару. Выбор пал на барона Демезона. Превосходный фехтовальщик, судья на состязаниях в гвардии, барон был прирожденным ориенталистом. Поэтому службу на виду в столице в Азиатском департаменте он покинул, чтобы отправиться в Оренбург. Преподавая здесь в кадетском корпусе татарский язык, Демезон продолжал пополнять свои познания Востока. Он настолько проникся духом его, что легко перевоплотился в муллу из Казани: обычаи татар он знал отлично, по-татарски говорил, как коренной казанец. Под видом ученого муллы, желающего испытать из кладезя премудрости в знаменитых медресе священной Бухары, Демезон отправился в дальний путь с караваном, возвращавшимся из Оренбурга восвояси. Главной задачей Демезона было разведать, каковы отношения Бухары с Хивой и как отнесется эмир к русской экспедиции в Хиву.

С тем же караваном шел и погонщик верблюда — туркмен, которого так разыскивал Виткевич... На сей раз он был не туркменом, но афганцем. Пребывание его в Оренбурге и отъезд прошли незамеченными — и из-за перемены облика и из-за занятости Виткевича в штабе Перовского. А люди в Пограничной комиссии плохо справлялись с таким сложным и тонким делом, как контрразведка...

Записка понравилась Николаю, как сообщил Перовскому военный министр князь Чернышев. Николай нашел основательным мнение Оренбургского военного

губернатора о необходимости завоевания Хивы, но счел «невозможным приступить ныне же к сему предприятию». Поэтому император поручил Перовскому заняться «неукоснительным составлением подробного соображения о способах, потребных к успешному совершению экспедиции в Хиву, цель которой состояла бы в решительном покорении сего ханства».

Не случайно Петербург отклонил план немедленного покорения Хивы. Обстановка на Востоке была очень сложной.

Пальмерстон неустанно плел интриги против России в Константинополе.

В Афганистане Англию постигла неудача. Шах Шуджа был отогнан от Кандагара войсками Дост Мухаммеда. Сам Шуджа едва избег плена. Находившийся на его службе английский генерал был схвачен афганцами.

Положение Дост Мухаммеда укрепилося. Поражение Шуджи нанесло сильный удар по престижу Англии.

Но и этим не исчерпывались заботы Пальмерстона. В Персии обстановка ухудшилась. В Тегеран выехал новый британский посланник Эллис, которого в Лондоне считали более энергичным, нежели Кемпбелл. В помощь ему оставался и Макнил, ярый ненавистник России и опытный в гаремных интригах.

Произошла смена и русского посла. На этот важный для всей восточной политики России пост был назначен граф Симонич.

Жан Этьен Симонич родился в Далмации и пятнадцатилетним юношей вступил в армию Наполеона, с которой проделал все походы, пока в 1812 году не попал в России в плен. В 1814 году он уже служил в русской армии. По окончании войны Симонич вступил на службу в дипломатическую канцелярию в Тифлисе. Симонич был поклонником Наполеона и ненавидел англичан.

Свою миссию в Персии Симонич рассматривал с точки зрения того вреда, какой следовало причинять ненавистному Альбиону.

4

Бентинк отправил Бернса в Лондон для сообщения правительству итогов его путешествия.

4 ноября 1833 года Бернс высадился в Дартмуте.

6 ноября он был в Лондоне с братьями Дэвидом и Чарльзом. Вечером он присутствовал на обеде, устроенном Советом директоров Ост-Индской компании в Лондонской Таверне.

Бернс привез в чемодане рукопись книги о путешествии в Кабул, Туркестан и Персию, а в голове — обширные планы.

Вскоре после прибытия Бернса в Лондон состоялся его доклад в Индия-хауз. В кабинете председателя Совета директоров Кларка, кроме хозяина, находились Чарльз Грант, глава Управления Контроля над компанией, и помощник лорда Пальмерстона, статс-секретарь Стейнсгейт.

— Опыт истории,— говорил Бернс,— свидетельствует, что Индия доступна завоевателю, как уличная девка: Александр Македонский в древности, Чингис, Бабур в средневековье, а в прошлом столетии Надир-шах овладевали Индией. Их примеру хотели последовать в начале нашего века Бонапарт и его союзник — Российский император Павел. К счастью, несчастный случай — тут все улыбнулись — пресек жизнь Павла, а с ним умер и самый план похода на Индию через киргизские степи и Среднюю Азию. Но русское правительство при нынешнем императоре вновь лелеет обширные замыслы в Центральной Азии. Два пути ведут в Индию: от Оренбурга через Хиву и Бухару к Оксусу, а оттуда через Афганистан, и от южного побережья Каспийского моря через Персию и Герат и оттуда к границам Индии. Первый путь труден, и в этом лично убедился Бернс, проследовав из Кабула через Балх и Кундуз в Бухару. Второй путь — значительно доступнее. В этом удостоверился уже Артур Конноли, и Бернс, проверив его вывод, присоединяется к нему...

Эта часть сообщения была выслушана с большим вниманием.

Стенли Кларк заявил:

— Что же надлежит делать, чтобы отвратить опасность?

Бернс встал и подошел к висевшей на стене карте.

— Здесь — ключ к безопасности Индии,— твердо сказал он, указывая на Афганистан.

Стейнсгейт согласно кивнул головой. Бернс обратился к нему и почтительно, но решительно сказал:

— Я не могу одобрить действий лорда Бентинка: поход Шуджи уль-Мулка был заранее обречен на неудачу. Восстановление Саддозаев на троне в Кабуле — дело несбыточное. Надлежит искать другую династию, нежели Саддозаи. Такою может быть, по моему глубочайшему убеждению, только фамилия Баракзаев. И Дост Мухаммед, главный ее представитель, с каждым днем становится сильнее и сильнее.

Статс-секретарь Стейнсгейт, годами моложе Бернса, был задет независимостью суждений этого незначительного офицера из Индии. Принадлежа к старинной аристократической фамилии и начав парламентскую и политическую карьеру в юношеском возрасте, Стейнсгейт был уверен, что политика — это благородная семейная игра Фоксов, Голландов, Греев, Расселов, Мельбурнов и прочих представителей вигистской знати... Он смерил взглядом Бернса и снисходительно процедил:

— Полагаю, вам известно, сэр, что шах,— Стейнсгейт подчеркнул это слово,— Шуджа уль-Мулк — старинный и верный друг Англии.

Бернс пожал плечами:

— Конечно, сэр, мне это известно. Но мне известно и другое. Шуджа не случайно потерпел поражение от Дост Мухаммеда. Военную силу последнего я имел возможность лично оценить в Кабуле. И осмелюсь откровенно сказать: решительно порицаю не только финансовую и политическую поддержку, оказанную Шудже генерал-губернатором, но и двойную игру...

— Двойную игру? Что вы разумеете?— быстро спросил дотоле молчавший Грант.

— Капитан Уэйд сообщил Дост Мухаммеду, что правительство Индии не принимает участия в экспедиции Шуджи. Это, господа, прямая неправда, ибо Шуджа получил нашу поддержку. Нынешняя экспедиция Шуджа сплотила всех братьев Баракзаев, невзирая на их всегдашнее соперничество.

Стейнсгейт, не ожидавший такого отпора, надулся и молчал.

— Что же вы предлагаете?— спросил Кларк, довольный, что «мальчишка Стейнсгейт получил по зубам...»

— Я полагаю,— не задумываясь отвечал Бернс,— что в наших интересах восстановить единство Афганистана. К цели такой стремится Дост Мухаммед. Прошу обра-

тить внимание и на то, что со времени его воцарения в Кабуле прекратилось соперничество русских фабрик с нашими и сбыт английских товаров быстро растет. Из России теперь в Афганистан идут только широкие ситцы и нанка, коих Англия не производит. Дост Мухаммед, как владыка всего Афганистана, став другом Англии, станет наилучшей преградой для русских планов.

— Да, с севера, со стороны Оренбурга. А как же быть с угрозой с запада?— спросил Грант.

Стейнсгейт, сделав вид, будто вопрос обращен не к Бернсу, заговорил так, как привык отвечать на вопросы оппозиции в палате общин: высокомерно и авторитетно:

— В Персии в данное время сложилась весьма тягостная ситуация. По последним сведениям, наследник престола Аббас Мирза умер. У престарелого Фатхалишаха сто пятьдесят сыновей, и неизбежна борьба за престолонаследие. Сын Аббаса—Магомет Мирза, претендующий на престол, находится под русским влиянием и по настоянию российского посла в прошлом году предпринимал поход для завоевания Герата. А переход Герата в руки Персии, то есть России, означал бы смертельную угрозу Индии. Поэтому правительство его величества весьма озабочено ходом дел в Персии в предвидении близкой смерти его величества шаха.

— Макнил полагает,— прервал Стейнсгейта Кларк,— что нам надлежит поддержать Магомета Мирзу. Он говорил мне, что нетрудно парализовать влияние Симонича на этого слабовольного и слабоумного принца и совершенно овладеть им. Не так ли?

— А разве Макнил в Лондоне?— спросил Бернс.

— Он приехал почти в одно время с вами,— сказал Грант,— и занят теперь подготовкой книги, в которой намерен рассказать правду о русских интригах и успехах в Азии и об опасности, грозящей нам со стороны этой державы в Персии и Турции.

Бернс сказал:

— Слова мистера Стейнсгейта совершенно справедливы: Герат — ахиллесова пята наших владений в Индии. Но именно поэтому наилучшим выходом было бы, чтобы город этот поступил под власть Дост Мухаммеда.

Кларк встал, показывая, что на этом беседе следует закончить. Ему не хотелось усугублять возникший между

Бернсом и Стейнстейтом спор, хотя он более склонялся на сторону Бернса. Но глава Ост-Индской компании не желал портить отношений с Пальмерстоном, который покровительствовал своему молодому помощнику.

Когда Бернс попрощался и вышел из кабинета, Грант заметил:

— Очень способный человек! Он далеко пойдет... Отчего бы не послать его теперь в Персию, окажем, секретарем посольства?

Стейнстейт ничего не ответил, но скривил губы. Ему Бернс очень не понравился, и про себя он решил, что двери Форин-оффис будут наглухо закрыты для этого выскочки...

5

Недели через две после разговора у Кларка Бернс подписал предисловие к сданной в набор рукописи книги «Путешествие в Бухару. Рассказ о плавании по Инду от моря до Лахора с подарками Великобританского короля и отчет о путешествии из Индии в Кабул, Татарию и Персию в 1831, 1832 и 1833 годах». Рукопись предварительно прошла проверку Секретного комитета в Индиа-хауз.

Книга, опубликованная летом, в разгар великосветского лондонского сезона, имела необычайный успех. Ее читали с жадностью и знатные дамы, и члены парламента, и дипломаты, и ученые, и светские бездельники. За первым изданием вскоре последовало и второе, и Бернс получил баснословный по тому времени гонорар в размере восьмисот фунтов стерлингов. Книга была немедленно переведена на французский и немецкий языки.

Географические общества Лондона и Парижа избрали Александра Бернса, тридцатилетнего капитана индийской службы, в свои члены. В Англии он получил золотую медаль Географического общества, серебряную медаль от такого же парижского общества. Был без баллотировки принят в аристократический Атенеум-клуб.

Влиятельнейший журнал «Эдинбург Ревью» в хвалебной статье о книге Бернса писал: «Между Индом и Оксусом находится сцена глубочайших исторических соб-

бытий; здесь находим следы Македонца и Монгола — полубога и демона, и лик природы сверкнет живейшим выражением в освещающих его лучах истории. Мы приветствуем с благодарностью и удовольствием лежащие перед нами тома, автор коих, хотя и не первым из европейцев пересек Гиндукуш от Кабула к Оксусу, но все же первый, кто дал нам обстоятельный отчет об этой совершенно неизвестной стране».

Столь же высоки были оценки книги и в других журналах и газетах.

В светских гостиных Лондона «Бухарский Бернс» стал знаменитостью. Он писал домой:

«Я наводнен визитами авторов, издателей, обществ — и кого только среди них нет. Я приглашен на сегодняшний вечер в Географическое общество, но я отложил это на неделю, и я буду иметь вечер для себя... Все, все добры ко мне. Я — прекрасный дикий зверь. «Это путешественник», «Это мистер Бернс», «Это индус Бернс» — и чего еще только я не слышу. Я убит почестями и любезностями, и это более мучительная смерть, чем голодовка у узбеков».

6

Владимир Иванович Даль, друг Пушкина, пользовавшийся уважением и доверием Перовского, полюбил Виткевича за ум, честность, силу характера. Дом Даля был едва ли не единственным русским домом в Оренбурге, где бывал Виткевич.

Однажды в тенистом саду Даля на уху, которой славился хозяин, собрались Виткевич, Никифоров, Карелин.

Далю бросилось в глаза, что Виткевич, всегда невозмутимый, за что и получил дружескую кличку «бритта», возбужден.

— Что с вами? — тихо спросил его Даль. Виткевич с необычной для него злостью сказал:

— Зависть гложет!

Даль удивился:

— Зависть? К кому же?

И тут Виткевича прорвало:

— Вам, Владимир Иванович, герцогини присылали цветы? Нет, конечно! А ведь вы напечатали немало хорошего... Но вас не зовут наперебой в светские салоны и

не толпятся вокруг вас, глядя вам прямо в рот, чтобы не прозевать ни одного вашего слова!

Виткевич говорил громко и резко, и жена Даля, хорошенькая, хрупкая немочка, забеспокоилась и, подойдя к мужу и Виткевичу, сказала:

— Дорогой Ян, будем лучше музицировать. Я разучила новый романс, Сергей Николаевич будет аккомпанировать.

Никифоров подошел к фортепьяно и раскрыл ноты. Но Виткевич отрицательно покачал головой, а Даль ласково взял жену за руку, привлек к себе и промолвил:

— Дадим выговориться нашему милому Яну... Так кого же обступили и не выпускают герцогини?

Виткевич рассмеялся и спокойно рассказал о Бернсе и о выпавшем на его долю успехе.

— Да разве у нас,— с горечью говорил он,— мыслимо что-нибудь похожее: чтобы человека так вознаградили вниманием общества за его труды! Вот Григорий Силыч Карелин, к слову скажем, сделал немало, а кто знает о нем, о его трудах? Его не избирают в ученые общества, не чествуют... Томаш Зан создал первоклассный музей, которым можно гордиться, а где статьи в газетах, где почет ему и благодарность?.. Нет, я завидую, решительно завидую и бешусь от чувства бессилия, беспомощности: почему так несправедлива жизнь и невозможно ее поправить!

Даль вздохнул. У Генса лежала под стеклом белая перчатка с руки, которую пожимал Николай,— все, что отпустила ветреница-слава неутомимому путешественнику, политику... Но сказать пасынку судьбы Виткевичу, что высочайшее благоволение в России есть высшая и конечная ступень признания заслуг, он не хотел, не мог...

7

Престарелый Фатхали-шах умер, и, как следовало ожидать, возгорелась борьба за престол Ирана. Законные права были у Магомета. Его поддерживала Россия, неожиданно за него высказалась и Англия.

Пальмерстон писал в Петербург, что для упрочения мира в Центральной Азии необходимо соглашение Анг-

лии и России. В беседе с русским поверенным в делах Медемом он воскликнул, что в Персии согласие двух держав обеспечит мир... Русское правительство ответило, что оно желает соглашения с Англией, и было решено сообща поддержать Магомета и совместно гарантировать независимость Персии...

Магомет взошел на престол, и, казалось, влияние Англии в этой стране усилится. Однако же Симонич был уверен, что ему удастся всецело завладеть недалеким и слабовольным шахом...

В Турции английская дипломатия в лице посла Понсонби и секретная служба в лице секретаря посольства Уркарта продолжала прилагать усилия к тому, чтобы взорвать Ункиар-Искелесский договор и вытеснить Россию из приобретенных ею позиций единоличного покровителя Турции.

Давид Уркарт под именем Дауд-бея летом 1834 года на совещании горских старейшин на побережье Черного моря в районе Туапсе призывал горцев объединиться под единой властью с единым знаменем священной войны и вручил «Национальный обет» — клятву, которую должен был принести каждый горец в том, что будет вести непримиримую борьбу против русских...

Тем временем Пальмерстон в Лондоне заявлял Модему, что Англия не может быть спокойна, пока Турция находится в состоянии зависимости, в которое ее поставил Ункиар-Искелесский трактат.

Медем всячески убеждал Пальмерстона, что Россия не таит никаких замыслов против существования и целостности Турции и нигде, ни в какой части света не имеет никаких враждебных Англии намерений.

К началу августа 1834 года, наконец, было завершено на берегу Каспия в Кизил-Таше сооружение укрепления, которое было названо Ново-Александровск.

«Хивинский хан рассердился, — доносил Карелин, — приказал узбекам кормить лошадей, собираясь в поход, однако же отпустил торговые караваны в Оренбург и Астрахань».

Карелин послал лазутчиков, которые добрались до Хивы и там имели встречу с ханом и его министрами. Хивинцы, по словам лазутчиков, изъявляли радость, что русские построили крепость, которая может защищать торговых людей от нападений степных разбойников... Но,

конечно, доверять хану было нельзя. Перовский посетил Ново-Александровск и остался очень доволен. Он считал, что сделан первый важный шаг в подготовке большой вооруженной экспедиции на Хиву.

Из Бухары вернулся Демезон. Эмир отнесся к нему очень подозрительно, быть может, не без влияния визита Бернса, и держал его под строгим караулом, не разрешая знакомиться с Бухарой. Все же он отпустил Демезона обратно и на прощание пообещал оставаться нейтральным, если начнется война между Россией и Хивой.

В Оренбург приехал немецкий доктор Хонибергер. Прожив при дворе Ранджит Синга пять лет, он возвращался в Европу через Кабул, Балх, Бухару, Оренбург.

Виткевич с жадностью расспрашивал немца о том, что он испытал и видел.

В очередном докладе Перовскому Виткевич, рассказав о беседах с Хонибергером, с горечью сказал:

— И этот немец подтверждает: Англия рвется через Афганистан в Среднюю Азию. А мы сидим сложа руки.

Перовский вынул из железного ящика большой конверт.

— Вот последнее письмо Родофиникина. Он извещает меня, что министерство наше, по указанию его величества, вновь поручило графу Медуе заявить о непоколебимом решении поддерживать самые дружеские отношения с Великобританией, ибо «союз обоих народов настолько же выгоден для их коммерческих интересов, насколько необходим для охранения великих интересов Европы и в особенности для укрепления всеобщей тишины».

— Но ведь,— начал Виткевич...

— Знаю наперед все, что вы скажете,— прервал его Перовский,— и соглашаюсь, но...— Перовский развел руками,— дипломатия! Наша политика сейчас играет «на укрепление» дружбы с Лондоном.

— Факты — упрямая вещь, ваше превосходительство. Так говорят англичане, а они понимают толк в фактах. И факты свидетельствуют, что Пальмерстон очень далеко протягивает свои руки. Не будем же страусами!

— А мы и не станем прятать голову под крыло! И мы будем действовать.

Отпуская Виткевича, Перовский протянул ему бумагу. Начальник штаба Никифоров сообщал: «... рядовой

4 батальона Бонифатий Кживицкий находится в частых сношениях с киргизами и азиатцами из Средней Азии, кои встречаются с ним в чайных в Татарской слободе. Установлено, что из сих азиатцев один старик, прибывший с караваном из Бухары, посещал два раза дом, занимаемый Евангелическою миссиею в Оренбурге. Но как старик сей в скором времени отбыл с караваном на родину, то и узнать что-либо, до него касающееся, не представилось возможным. Наблюдение за означенным Кживицким продолжается».

Виткевич быстро пробежал бумагу и, возвращая ее Перовскому, сказал:

— Еще одно доказательство, ваше превосходительство, что у лорда Пальмерстона очень длинные руки! Деев возвратился из Питера. Заарестовать его?

Перовский замахал руками:

— Как можно, как можно! Я получил секретное предписание III Отделения.

— Само занялось его проделками,— живо вставил Виткевич.

— О нет! III Отделение приняло его в свое лоно...

— И не мы будем наблюдать за ним, а он за нами! Перовский развел руками.

НА ДАЛЬНИХ ПОДСТУПАХ

I

Подходил к концу год пребывания Бернса в Лондоне. Председатель Совета директоров Кларк не одобрил предложения отправить его с новой коммерческой миссией в Кабул. Осторожный Кларк боялся, что это вовлечет Компанию во все сложности среднеазиатской политики.

Через Гобхауза, нового председателя Управления Контроля, Бернс обратился к Пальмерстону.

Прием Бернсу был назначен в один из последних дней мая 1835 года.

Это был день рождения короля Вильгельма IV.

Бернс вышел из дому пораньше, чтобы до приема у Пальмерстона увидеть торжественную процессию поздравителей короля.

Он занял место на углу Сент-Джемокого парка и пло-

щади перед Бекингемским дворцом, который за несколько лет до того был перестроен Георгом IV.

Ровно в половине второго к дворцовым воротам направился кортеж экипажей. Карет было около тысячи, они блистали позолотой гербов, великолепные лошади были украшены лентами. Лакеи в коротких штанах, белых шелковых чулках, с треуголками на головах, кучера в ярких, разноцветных ливреях, в маленьких треуголках и париках представляли красочное зрелище.

В каретах сидели мужчины в париках, треуголках, мундирах, дамы во всем блеске и природы и искусства парикмахеров, портных, ювелиров, и трудно было решить, чему отдать предпочтение...

Кареты двигались так медленно, что Бернс мог идти рядом, разглядывая почти в упор сидевших внутри. Он узнавал многих своих светских знакомых.

Когда процессия скрылась в воротах дворца, Бернс отправился по Пелл-Мел к площади Ватерлоо и остановился на углу у клуба Атенеум.

Пешком, верхом, в экипажах всех сортов разряженные мужчины, женщины, дети с цветами, флажками, двигались вдоль широкой улицы и по площади, и над толпой стоял неумолчный гул выкриков: «Боже, храни короля»... Шествие замыкала процессия лондонских почтовых карет.

Бернс дошел до Даунинг-стрит и переступил порог невысокого, мрачного с виду дома, в котором размещалось святилище британской политики и дипломатии.

Пальмерстон, только что возвратившийся из дворца, принял Бернса в придворном мундире, коротких штанах и чулках.

Упрямый подбородок, искривляемые саркастической улыбкой губы, пронзительный взор светлых глаз из-под густых бровей — вся наружность министра иностранных дел Великобритании не располагала к себе. Бернс уже встречал Пальмерстона на раутах и балах, но не имел случая говорить с ним, и теперь, очутившись лицом к лицу со всемогущим министром, он невольно испытывал связанность движений, мысли, языка...

Пальмерстон, когда это было ему нужно, умел быть приветливым и любезным, гася свою насмешливую улыбку и придерживая еще более насмешливый язык... Бернса он принял радушно, так как, даже не отдавая

себе в этом ясного отчета, чувствовал, что этот незаурядный человек может очень пригодиться.

— Я рад вас видеть, мистер Бернс,— сказал он, усаживая Бернса в кресло у огромного палисандрового стола лицом к падавшему из узкого высокого окна свету.— Я читал вашу книгу с тем вниманием и любопытством, которого она вполне заслуживает.

Бернс привстал и поклонился.

— Нет, это не комплимент, любезный Бернс, а признание действительного факта. И знаете, что более всего меня поразило и порадовало в вашей книге? То, что вы как будто читали мои мысли, когда писали ее.

Бернс отметил про себя, что тем самым благородный лорд комплименты по адресу книги уже переадресовал себе...

Пальмерстон продолжал:

— Вы отлично понимаете священные цели, которые ставим мы перед собою: преследовать и подавлять тиранию и деспотизм, протягивать руку помощи народам, ищущим и отстаивающим свободу, способствовать миру. И если мы, скажем, считаем необходимым поддерживать султана против египетского паши, то ранее всего в силу того, что паша — отвратительный восточный деспот...

«Но и султан не лучше»,— чуть было не оказал Бернс, но вовремя удержался...

— Вот почему наилучшее место для британского флота — под окнами султанского сераля на Босфоре! Кинув якоря в Босфоре, флот наш мог бы расстраивать интриги императора Николая. В Петербурге ни о чем так не думают, ни к чему так не стремятся, как к овладению Константинополем. Теперь они делают первый шаг на пути к Индии: готовят повод для завоевания Хивы и всех ханств Средней Азии.

На лице Бернса отразился столь живой интерес к этим последним словам, смешанный с немалой долей изумления и даже недоверия, что Пальмерстон внимательно взглянул на своего собеседника, точнее, безмолвного слушателя.

— Вы поражены или сомневаетесь? Но мы знаем точно. Наши люди сообщили из Оренбурга, а затем и из Петербурга, что Перовский, этот честолюбивый и, отдадим ему справедливость, энергичный человек, усердно готовит военную экспедицию против Хивы. На Аму-

Дарье он не задержится. А эта река — Рубикон по дороге к Индии с севера. Персия — наше больное место на пути к Индии от южных берегов Каспийского моря. И оба пути идут через Афганистан. Афганистан, мистер Бернс, бойкий перекресток, и на нем для порядка обязательно должен стоять наш английский бобби.

Пальмерстон не мог скрыть улыбки удовлетворения собственным каламбуром.

— Судя по вашей книге, вы также пришли к выводу, что Афганистану должна быть обеспечена свобода под покровительством Великобритании! Именно с этой точки зрения и только с этой точки зрения необходимо нам подходить к каждой практической проблеме нашей политики в этой части Азии. Мы должны спасти Афганистан от северного медведя! Потому Шуджа, как наш друг, должен вернуться в Кабул.

У Бернса чуть не сорвалось с языка резкое возражение, но он сдержался.

Пальмерстон продолжал:

— Самое главное: не поддаваться иллюзии могущества империи царей. Россия — огромный мыльный пузырь, и мы одним ударом отбросим ее на полвека назад!

Тут Бернс вспомнил слова своего знакомого известного писателя, члена парламента Бульвера о Пальмерстоне: «Он абсолютно точно знает, чего хочет в данный момент и как этого добиться; но он не умеет остановиться, чтобы согласовать намеченные ранее цели с текущими обстоятельствами. И высокомерное упрямство Пальмерстона нередко заставляет его совершать ошибку, наиболее опасную для дипломатии — принимать свои желания за действительность».

Бернс крепко сомневался в том, что британскому льву так легко справиться с северным медведем. Но он снова воздержался от возражений министру.

Прощаясь с Бернсом, Пальмерстон спросил, как он отнесся бы к назначению секретарем посольства в Персии.

Бернс поблагодарил и попросил разрешения подумать.

Спустя несколько дней Бернс был приглашен на конфиденциальную беседу к премьер-министру лорду Грею. Грей подробно расспросил его о путешествии, о положении на Среднем Востоке. Сообщая Бентинку об этой

встрече, Бернс писал, что у премьер-министра «слишком европейская точка зрения» на проблемы Индии, Афганистана, Средней Азии, он их рассматривает главным образом «в связи с намерениями России по отношению к Константинополю».

2

Венцом успехов Бернса в Лондоне было приглашение к королю Вильгельму IV.

Вот как он описал свидание с королем в письме к родным:

«Отлично я провел час и двадцать минут с Вильгельмом IV, и они были полны событий. Через ворота Дворцового сквера лорд Фредерик Фитцкларенс провел меня в Китайский зал. «М-р Бернс»,— провозгласил паж. Я прошел через две комнаты; открылся большой зал, я очутился, с шляпой в руках, в присутствии короля Вильгельма. «Как поживаете, мистер Бернс? Я очень доволен видеть вас; подойдите и садитесь». Король стоял, а я сел, поскольку послушание есть вежливость. Не было коленопреклонения, целования руки, никакой церемонии; я был одет как для посещения частного господина. Я предполагал найти весело смотрящего, смеющегося человека, но вместо того Вильгельм выглядит мрачным, старым, измученным заботами, утомленным. Его величество принялся расспрашивать о моих путешествиях, выдвинул свой стул и сел около меня. Затем я достал карту и начал очень бегло. Я говорил ему о затруднениях в Синде, приеме у Ранджита и т. д., но Вильгельм IV целиком был захвачен политикой, так что я говорил о намерениях России, ее договорах, интригах, агентах, посллах, торговле и т. п., о возможностях, препятствиях продвижению армий. Я переносился из Лахора в Кабул, из Кабула в Бухару и к Каспию, и я отвечал на сотню вопросов его величества. Затем король поднялся, подвел меня к большой карте и заставил меня пройтись по ней вторично и, повернувшись ко мне, задал много вопросов обо мне лично. «Действительно,— начал король,— вы удивительный человек; вы изложили мне все. Теперь я вижу, почему лорд Бентинк доверился вам; я слышал, что вы способный человек, но теперь я знаю, что наименее способный. Я полагаюсь на господина, что ваша жизнь

сохранится и наша Восточная Империя извлечет пользу из ваших талантов и способностей. Вы располагаете опасной информацией; вы должны быть осторожны, публикуя ее. Мои министры говорили мне о вас, в особенности лорд Грей. Лорд Грей думает, как и я, что вы прибыли на родину с миссией первостепенной важности — второй после вопроса о политике России в Константинополе... (Здесь пропуск и многоточие). Лорд Грей говорит мне, что вы его убедили, что наше положение в России безнадежно». Так продолжал король Вильгельм. Я чувствовал себя задавленным комплиментами. Затем он меня заставил обратиться к моей прежней службе, удивляясь, что я не подполковник, поскольку я был помощником генерал-квартирмейстера, прибавил, что он видит достаточно оснований для использования человека таких талантов на высшем посту, и опять выразил надежду, что я могу быть убережен на благо моей страны. Я отвечал коротко, что считаю честью иметь столь конфиденциальную беседу с его величеством. Он остановил меня и сказал: «Я был вполне откровенен, так как знаю и вижу, что вы этого заслуживаете. Я мог многое сказать вам» и т. д. и т. п. На короле был голубой сюртук с лентой Гартера и узкой красной лентой вокруг шеи, на которой висел крест. «До свидания, сэръ, я очень счастлив, что видел вас. Не уезжайте в Индию» и т. п. Я простился и, когда я шел по дворцу, за мной, по желанию короля, следовал паж, чтобы показывать дворец».

Перед отъездом Бернс известил Пальмерстона, что благодарит за предложение ехать в Персию, но просит дать ему возможность вернуться в Индию.

В начале лета 1835 года он выехал на пароходе в Бомбей. Из Бомбея он уехал в Катч на прежнюю должность помощника резидента. Ему пришлось вскоре отправиться с поручением резидента в Гайдерабад, столицу Синда, и он писал: «Я обречен навсегда вести жизнь бродяги, но это в моем вкусе, и я нахожусь в отличном расположении духа».

Вскоре прибыл в Индию новый генерал-губернатор граф Окленд. У него был характер властный, решительный, но, вместе с тем, он высоко ставил авторитет Пальмерстона.

Окленд вспомнил о Бернсе, с которым встречался в Лондоне. Тогда он имел длинную беседу с Бернсом и

составил высокое мнение о его способностях и энергии. Поэтому Окленд вызвал Бернса и назначил его состоять при себе для выполнения особо важных поручений.

3

Тайный агент Политического департамента при генерал-губернаторе, сеид¹ Керамут Али привез из Кабула сведения о взаимоотношениях Дост Мухаммеда с его братьями, которые ревниво взирали на усиление кабульского правителя.

Из захваченных на поле битвы под Кандагаром документов Дост Мухаммед узнал, что многие из его приближенных подкуплены Шуджой и замешаны в подстроенных английским агентом Уэйдом интригах. Вернувшись в Кабул, Дост Мухаммед обнаружил, что его пешаварские братья находятся уже там... Они объявили, что прибыли поздравить с победой. Но на самом деле они намеревались захватить Кабул, пока отсутствовал Дост Мухаммед, и вознаградить себя за утрату Пешавара, из которого их выгнал Ранджит Синг.

Дост Мухаммед сделал вид, что поверил им, но оказался передать Джелалабад изгнанному из Пешавара Султан Мухаммед-хану, и этот последний вступил в тайные сношения с Ранджит Сингом. Кандагарские братья не прочь были вредить Дост Мухаммеду. А ближайший его помощник наваб Абдул Джаббар-хан по совету Керамут Али готов был отослать своего старшего сына в Индию для получения английского воспитания.

Сообщения Керамут Али, как об этом писал Бернсу Конноли, вызвали большие споры о дальнейших действиях в Афганистане. Капитан Уэйд настоял на том, чтобы Ранджит Синг послал Дост Мухаммеду письмо с требованием своего участия в управлении Кабулом. Одновременно магараджа Лахора придвинул СВОЙ войска к Хайберскому перевалу и занял крепость Джамруд — ворота Афганистана.

Узнав об этом, Дост Мухаммед послал к Хайберскому перевалу свою армию под началом наваба Абдул Джаб-

¹ Сеид— потомок пророка.

бар-хана. Афганцы выбили сикхов из Джамруда, но не преследовали их. Тогда сикхи собрались с силами, вновь заняли Джамруд и атаковали афганцев в Хайберском ущелье. Афганская армия отошла. Сикхи остановились, так как не имели достаточных сил для овладения Хайберским перевалом.

На этом столкновение окончилось. Дост Мухаммед убедился, что вернуть Пешавар не так-то легко. Он решил поднять афганцев на священную войну — джихад — и объявил сбор пожертвований, внося в казну драгоценности женщин своего гарема. Глава кабульского духовенства одобрил решение объявить джихад. А так как по корану на это, имеет право лишь единоличный глава государства, то Дост Мухаммед решил короноваться на престоле Кабула. Но, боясь окончательно рассориться с братьями, он принял титул не падишаха, а эмира.

В мечети глава духовенства воткнул в складки чалмы Дост Мухаммеда ячменный колос — так было сделано при избрании на царство Ахмад-шаха в 1747 году. Эмира осыпали монетами новой чеканки, на которых, по его приказанию, было выбито: «Поднимаясь на священную войну с сикхами, эмир Дост Мухаммед-хан велел чеканить монету со своим именем. Да поможет ему бог!»

На вечернем намазе Дост Мухаммед был наречен повелителем правоверных — амир-уль-муменин.

После коронации новый эмир начал деятельно готовиться к большому походу для отвоевания Пешавара. Понимая, что Ранджит Синга поддерживает Англия, Дост Мухаммед решил искать помощи у других держав, и, естественно, его взоры раньше всего обратились к России.

Осенью 1835 года он отправил в Бухару Ходжи Ибрагима, брата министра мирзы Абдул Самеда, и Гусейна Али. Первому было поручено проехать в Персию с письмом шаху. А Гусейну Али надлежало доставить в Петербург письмо к императору.

Дост Мухаммед писал «о великих раздорах» между ним и домом Саддозаев. «Ваше императорское величество вступили в дружбу с Персией, и если ваше величество милостиво обратите свое внимание на дела Афганистана и соблаговолите поддержать его народ, вы навеки сделаете меня должником вашим. Я уповаю, что

вы окажете мне милость и разрешите мне, подобно Персии, вступить под покровительство Российского правительства, под ваше высочайшее покровительство. Я со всем моим народом буду вашим усердным слугой».

4

Посол Дост Мухаммеда добрался до Оренбурга в мае 1836 года, а значительно раньше в Тифлис прибыл афганец, назвавшийся Гусейн Али-ханом, и объявил, что послан в Россию к царю эмиром Кабула Дост Мухаммедом. Гусейна Али сопровождали Мирза Махмуд и индиец Кафайтхан. Послы заявили, что им поручено предложить России военный союз для совместного похода в Индию.

В докладной записке на имя Нессельроде Главногоначальствующий над Грузией и командир Отдельного Кавказского корпуса барон Розен со слов афганцев так излагал историю их путешествия.

Из Кабула они прибыли в город Мешед в Хорасане, где намеревались отдохнуть и продолжать путь дальше. Но тут Гусейн-хан, увлекаясь страстью, женился на персиянке невысокого звания, и сей брак задержал его в этом городе более года.

Только тогда посланцы отправились дальше. В Тегеране у Гусейна Али умерла жена, и он женился на ее сестре. Проведя в столице Персии три месяца, афганцы, наконец, достигли пределов России. В Персии Гусейн разбазарил подарки, которые он вез царю в Петербург. Желая скрыть растрату, он уничтожил письмо Дост Мухаммеда и написал новое, в котором наименовал себя сардаром, т. е. князем. Но фальшивку эту он сделал не искусно, вместо кабульских печатей с арабскими надписями он на письме поместил персидские.

Подделка была настолько неуклюжей и истории, рассказанные посланцами, настолько смахивали на сказку из «Тысячи и одной ночи», что в штабе Кавказского корпуса и в дипломатической канцелярии при Главномначальствующем Грузии без труда распознали обман и самозванство этих «дипломатов». В Петербург их, понятно, не пустили...

Мистер Эшли, глава торгового дома в Петербурге, вывозил в Англию лес, сало, а в Скандинавию и Северную Германию пшеницу. Восточными рынками и русским миткалем он не интересовался... И вдруг осенью 1835 года он отправился в Оренбург, чтобы, как говорилось в его ходатайстве о выдаче подорожной, «познакомиться с условиями торговли среднеазиатской и возможностями моего торгового дома в ней участия»,

В Москве мистер Эшли, осмотрев Кремль и посетив соборы, направился в трактир Палкина и за стерляжьей ухой долго беседовал с мистером Петерсоном, преподавателем английского языка в частном пансионе мадам Гризе.

В Оренбурге мистер Эшли подъехал прямо к дому Деева и был на крыльце встречен хозяином с превеликим почетом.

Свой первый визит англичанин нанес военному губернатору, а затем объехал и прочих начальствующих и именитых лиц Оренбурга.

Перовскому он вручил рекомендательные письма от знатных особ столицы и просил помощи и покровительства. Перовский принял его вежливо, обещая содействие, и лишь только гость удалился, приказал установить за ним неослабный надзор.

Значительную часть времени Эшли посвятил осмотру Менowego двора, где объяснения давал ему Деев.

В Евангелической миссии Эшли был принят, как важная персона.

Эшли передал Джеймону толстый, запечатанный сургучом пакет и отсчитал тысячу фунтов стерлингов, преимущественно мелкими купюрами.

— На просвещение язычников, Джеймсон! — многозначительно улыбнувшись, сказал Эшли.

Джеймсон спрятал деньги в стальной шкаф и достал из него канцелярские книги. Однако то не были бухгалтерские грассбухи... На переплете одной значилось «Перовский», на другой — «Генс», далее — «Никифоров», «Карелин», «Виткевич».

Книги с морским кодом на кораблях флота его величества переплетены в свинец, дабы их можно было утопить в случае опасности захвата корабля врагом.

Переплеты книг Джеймсона были пропитаны особым составом, быстро воспламеняющимся. Книги содержали особые сведения и были настолько интересны, что мистер Эшли погрузился в них с головой и читал их несколько часов не отвываясь...

А по прочтении он спросил, что известно о новой крепости на берегу Каспия. Мистер Джеймсон вынужден был признаться, что его людям еще не удалось там побывать.

Но зато Джеймсон мог похвастать тем, что залучил к себе приезжавшего в Оренбург родственника эмира бухарского — некоего Абдул Керима, расспросил его о делах бухарских...

Тут Эшли сердито прервал:

— О делах бухарских мы хорошо осведомлены через Вольфа и Бернса!

— Абдул Керим теперь наш человек, — возразил Джеймсон и, когда в Бухаре опять появится русский эмиссар...

— Вы точно знаете, — снова прервал Джеймсона Эшли, — что новый русский эмиссар отправится в Бухару?

— Демезону не удалось установить прочные связи в Бухаре; следовательно, туда пошлют еще кого-либо...

— Ах, это только ваше предположение!.. Хорошо, так что же с этим Абдулом?

— Он взялся настроить эмира против русских эмиссаров и, если кто-либо из них объявится в Бухаре, будет ему всячески препятствовать...

Эшли одобрительно кивнул головой, но подумал, что печальный результат затеи с мнимыми афганскими посланцами в Тифлисе не вселяет большой веры в способность этих азиатов провести русских...

Пробыл мистер Эшли в Оренбурге всего три дня и, помимо всего упомянутого выше, занимался также и шахматами: сыграл несколько партий с переводчиком миссии, шотландцем Мак Грегором.

Одна партия была весьма примечательна. Черные, которыми играл шотландец, казалось, уже добились победы. У них было серьезное позиционное превосходство и материальный перевес. Черный король должен был вот-вот восторжествовать. И вдруг! Вдруг белая пешка прорвалась вперед, и положение на доске круто

изменилось. Еще два хода, и под угрозой мата черные сдались.

— Запомните эту партию, молодой человек,— удовлетворенно сказал Эшли.— Мы с вами разыграли замечательный старинный этюд: черный король на вершине славы, и вдруг жалкая пешка наносит ему смертельный удар! Я пришлю вам этот этюд, изучите его, он может вам очень пригодиться...

Эшли уехал, а через несколько дней стало известно, что Деев снаряжает в Бухару большой караван.

6

Абдул Керим был значительно умнее и хитрее, нежели предполагали мистер Джеймсон и его сотрудники. Хаким-бек, кушбеги Бухары, избрал Абдул Керима для очень тонкой и деликатной миссии: разузнать, что же намерены делать русские? Пойдут ли войной против Хивы? Постройка крепости на Каспии предвещала близость такого похода...

А если русские двинутся на Хиву, как отнесутся к тому англичане? Как быть самой Бухаре, к которой с севера тянутся русские, а с юга Англия?

А тут еще с юга, из-за Оксуса, явился в Бухару некий Абдул Самед-хан — он бежал из Кабула от гнева Дост Мухаммеда. Не распространяясь о причине размолвки с кабульским владетелем, прибывший похвалялся, что он хорошо знаком с европейским военным искусством. Кушбеги рекомендовал Абдул Самед-хана эмиру, который и назначил его главнокомандующим своей армии. В оплату за услугу афганец начал плести интриги против кушбеги, обвиняя его в тайных сношениях с Англией. А кушбеги подозревал, что с англичанами связан сам Абдул Самед (не зря же он бежал из Кабула!)— и тогда-то и решил послать в Оренбург Абдул Керима.

Обещав Джеймсону быть ему верным слугой и подалее припрятав полученные золотые, Абдул Керим отправился на Меновой двор и принялся шататься по базару, где и был замечен людьми из Пограничной комиссии. Когда его задержали, он представился как родственник бухарского эмира и сказал, что прибыл по торговым делам.

Генсу уже было известно, что бухарец успел посетить «святых пастырей» в Евангелической миссии. Но он, конечно, не стал об этом говорить, продолжал любезно расспрашивать о здоровье эмира, кушбеги, о самочувствии самого гостя, о том, удачно ли прошло его путешествие...

Беседа протекала чинно, и чашка чая за чашкой осушалась хозяином и гостем...

— Что же ему все-таки нужно?— думал Генс. Абдул Керим, ставя пустую чашку на блюдечко, с невинным видом, как бы невзначай спросил:

— Я видел, возводится новая оборонительная линия впереди реки Урал — она дойдет до самого Кизил-Таша?

Генс, наконец, «открыл дверь понимания» мыслей своего собеседника.

— Добрый хозяин всегда ставит забор, чтобы волк не похищал овец,— сказал председатель Пограничной комиссии.

— Хоп якши,— промолвил Абдул Керим, поглаживая бороду.— На базарах от Коканда до Ургенча, от Ташкента до Балха толкуют: скоро-скоро русские сарбазы выйдут из новой крепости и пойдут на Хиву.

— Наш великий государь, да продлит господь его дни, справедлив и терпелив. Но бесчинства хана Аллакули переполняют чашу терпения. Хивинцы грабят бухарские караваны...

Абдул Керим горестно вздохнул:

— В прошлом году эти степные разбойники разграбили караван, где были и мои верблюды.

— Ваши убытки, почтенный Абдул Керим, отзываются больно в нашем сердце. Волк труслив: он нападает, когда жертва беззащитна... Наш великий государь, да ниспошлет господь ему долгие годы, пришел на помощь султану, когда нечестивый паша египетский поднял руку на своего падишаха. Защиту всегда найдет тот, кто в ней нуждается.

Долго еще текла беседа, в недомолвках, намеках, в изощрениях восточного лукавства. Генсу было понятно, что Абдул Керим прислан разведать, будет ли поход на Хиву. Абдул Керим сделал свой вывод: русские не намерены без конца терпеть хивинские бесчинства.

Генс показал бухарцу книгу Бернса:

— Вот это написал про священный город, крепость ислама и веры, тот. инглиз, который был у вас три года назад.

Абдул Керим сказал, что об этой книге в Бухаре ничего не знают, и эмир, да будет им доволен бог, разгневан: он запретил инглизу пользоваться бумагой и чернилами, чтобы нечестивый ференджи не мог ничего написать о Бухаре, но неверная собака обманула.

— Инглиз подсчитал,— сказал Генс,— сколько у эмира солдат и пушек, и сколько он получает дохода, и сколько людей в Бухаре.

Абдул Керим пришел в ужас.

— Проклятый соглядатай, да разроют псы могилу его отца!

— Так значит, инглиз Джеймсон ничего не сказал про эту книгу?— быстро спросил Генс.

И Абдул попался в ловушку.

— Ничего!— вырвалось у него раньше, чем он сообщил, что выдал тайну своего визита в Евангелическую миссию...

— Вот так всегда поступают коварные инглизы,— сказал Генс, делая вид, что не замечает смущения бухарца.

Абдул Керим поспешил уклониться от дальнейшей беседы...

Перовский думал о Виткевиче, можно ли ему поручить поездку в Бухару? Не заговорит ли в нем поляк сильнее, чем русский офицер?

Совсем недавно, принимая депутацию городского управления Варшавы, царь не дал ей говорить и потребовал, чтобы поляки перестали мечтать о независимой Польше. А если они будут упорствовать, то, сказал Николай, «по моему повелению здесь воздвигнута цитадель, и я вам объявляю, что при малейшем возмущении я прикажу разгромить ваш город, я разрушу Варшаву и уж, конечно, не я отстрою ее снова...»

Речь эта наделала много шума в Европе; журналы и газеты, сочувствовавшие полякам, обрушились на царя. Захочет ли поляк служить власти, которая так поступает с Польшей?

Перовский, человек благородной природы, истинно просвещенный, понимал душевные переживания Виткевича.

— Здесь — река Урал, там — река Инд. Мы идем навстречу друг другу,— вслух размышлял Перовский, стоя у большой стеной карты Азии.— Армяне, грузины, татары, башкиры, киргизы не жалуются на власть России — наоборот, мы уберегли Армению и Грузию от гибели, неминуемой под властью шахов и султанов. Мы не вмешиваемся во внутренний быт киргизов. Не то — просвещенные мореплаватели!

Он приказал позвать Виткевича.

— Его величество всемилостивейше повелел мне,— так начал Перовский,— неукоснительно заниматься соображениями о наилучших способах покорения Хивинского ханства. Вам известна сия величайшая резолюция.

Виткевич наклонил голову...

— Сиятельный эмирский кузен заявился к нам неспроста. Полковник Генс доложил мне, что Абдул сей прислан разведать, каковы наши планы, будет ли поход на Хиву. Бухарский правитель, а также кушбеги его гадают и взвешивают: к кому пристать, чью сторону держать. Наши островные друзья, разумеется, подзуживают против нас. Бернс и Вольф зря времени в Бухаре не тратят.

— Когда Абдул Керим услышал о книге Бернса, ваше превосходительство, он испугался и сказал: «Попадись к нам еще эта собака, эмир прикажет бросить его под мельничный жернов, перемолоть его кости на муку, а из муки и мяса сделать пельмени, а пельмени отошлют его матери — на базаре торговать».

Перовский расхохотался:

— Если бы Бернс знал! А книга его примечательна: ни следа расположения к народам, о коих речь идет, они интересуют нашего путешественника только как материалы для извлечения прибыли. Такую книгу хорошо бы перевести на язык турецкий и пустить туда, где побывал Бернс!

— И еще из книги можно усмотреть, ваше превосходительство, что Бернсу не удалось склонить эмира и кушбеги на английскую сторону.

— Вот потому-то и пожаловал к нам Абдул Керим... Отец нынешнего эмира воевал с Хивой, сынок его тоже непрочь поживиться на счет соседа — с нашей, само

собой, помощью... Следовательно, надлежит нам командировать в Бухару своего Бернса...

Перовский пытливо посмотрел на Виткевича и продолжал:

— Побывали в Бухаре Негри и Мейендорф, после них наш Демезон. А толку все мало! Надобно крепко прощупать бухарцев: будут ли с нами заодно? И не тянется все же ниточка из Индии к ним?.. Так вот: я решил послать вас в Бухару.

Виткевич встал, вытянулся «смирно».

— Садитесь, садитесь! Вы поедете как офицер российской императорской армии, как мой адъютант и доверенное лицо. Скажите эмиру, если удастся с ним встретиться, или, на худой конец, его первому министру, что опыты многих лет могли убедить Бухару как в чистоте и справедливости намерений нашего государя, так и в пользе союза с Россией. Кушбеги по всему, что нам известно, человек пронырливый, хитрый. Покажите ему, что и мы не лыком шиты: расскажите, как мы изобличили фальшивых афганских посланцев в Тифлисе. Господа англизы подослали их к нам, чтобы разнюхать, каковы наши замыслы, да обмишурились. Не забывайте: ухо держать востро! Чтобы господа бритты ни к чему не могли придаться. Лиса Пальмерстон прислал в Петербург послом Дергема — он приятен государю и к нам дружелюбен; за его спиной Пальмерстон, несомненно, готовит новые козни. Значит, нам действовать надлежит осторожно, скрытно, чтобы до Лондона не дошло...

БОЛЬШАЯ ИГРА

I

Виткевич доложил Генсу и Перовскому, что ему лучше всего отправиться в Бухару с караваном Деева. С этим же караваном желательно отослать на родину афганского принца Абдул Керима.

План этот был одобрен. Генс объявил, что военный губернатор, питая особое доверие к почтенному коммерсанту, каковым является господин Деев, просит в его караван принять своего адъютанта, прапорщика Виткевича, с пятью казаками, а также и уезжающего из Оренбурга родственника эмира бухарского Абдул Керима.

Скрыв свою радость под маской безразличия, Деев дал согласие... Сейчас же он, разумеется незаметно — как ему думалось,— дал знать о поездке Виткевича Евангелической миссии. (Там также были весьма довольны: русский эmissар, едущий в Бухару без всяких усилий со стороны англичан, подпал под их неусыпное наблюдение).

Перовский, Генс, Виткевич понимали это, но пошли на все сознательно: агенты миссии в свою очередь попадали надолго в поле зрения Виткевича.

Готовясь к отъезду, он еще и еще раз внимательно изучал маршрут Негри и Мейендорфа, приложенную к книге об их экспедиции карту; подробно расспросил Демезона о маршруте его каравана. То был обычный путь купеческих караванов, идущих из Оренбурга в Бухару, и он отнимал 60—65 дней.

Караван вышел 9 ноября 1835 года. Виткевич и его казаки, одетые по-киргизски, ехали верхом на конях. А в тюках, притороченных к седлам, лежала военная форма Уфимского казачьего полка.

Хотя через Деева и Евангелическую миссию поездка Виткевича и так стала известна англичанам, однако Перовский приказал официально объявить, что Виткевич едет в Бухару с поручением освободить русских, томящихся в плену где-то в степи на реке Тургай.

— Что бы ни говорили господа англичане, а мы им в ответ — нашу официальную версию, и они не посмеют ее опровергнуть...

Так разъяснил Перовский свой замысел. В соответствии с ним было объявлено в апреле 1836 года, когда Виткевич возвратился в Оренбург, что в степи его захватили бураны и он вынужден был заехать в Бухару...

Караван был не очень велик — около сотни верблюдов. Вел его старик узбек. С ним рядом ехал приказчик Деева. Большую часть погонщиков верблюдов составляли казахи пастухи, и их двугорбые верблюды, крепкие, хорошо сложенные, поднимали на 5—6 пудов больше одногорбых.

Виткевич и его казаки двигались в середине каравана, приноровляя шаг своих небольших, но выносливых лошадей степной башкирской породы к широкой, размеренной поступи верблюдов.

Зима вступила в свои права, ночью схватывал мороз, днем несильно пригревало солнце, так что далеко не всегда таяла пленка льда на ручьях и болотах. До Мугоджар караван двигался с раннего рассвета до позднего вечера. Поэтому двигались быстро — Виткевич сверял путешествие с таблицей маршрута Мейендорфа: караван дошел до подножия Мугоджар не за три недели, а за двенадцать дней.

У Мугоджар была ночевка. Взору открывались беспорядочно разбросанные нагромождения невысоких конической формы возвышенностей. В ярком свете полной луны на склонах гор сверкали обломки порфира, кварца, диабазы. Вдали виднелась уединенная главная вершина Айрюк, поднимающаяся менее чем на полкилометра над холмистой равниной.

Ночь ложилась на землю морозная, но бесснежная. Развели костры, и у огня, под осыпанным звездами небосводом, расположились люди; верблюды улеглись поодаль; стреноженные лошади мирно жевали овес из подвешенных к морде торб.

У большого костра, где устроился караванбаши, былолюдно. Виткевич подошел поближе. Старик погонщик, по одеянию не то казах, не то узбек, что-то рассказывал, и его внимательно слушали.

Виткевич подсел к костру.

Старик заканчивал сказку:

— Говорит тут павлин лисе: «Что ж делать. Приходится мне покориться судьбе. Только прошу тебя — ведь мы были друзьями!— перед тем, как ты меня съешь, помолись за мою душу!»

Лиса говорит: «Ладно, исполню твою последнюю просьбу». И подняла она передние лапки кверху, чтобы помолиться, а павлин вырвался, взлетел на дерево и кричит оттуда: «Приятного тебе аппетита, лисонька, друг мой коварный!»

И улетел, а голодная лиса осталась с пустым брюхом...

Слушатели засмеялись.

— Хитра лиса, а павлин-то хитрее!— воскликнул караванбаши.

— Так ей и надо,— заметил молодой погонщик.— Была она с павлином в дружбе, а хотела съесть его...

— А у людей разве так не бывает?— сказал старик сказочник.— За добро злом платить кто не охотник!

Внезапно налетел порыв холодного ветра, ярче вспыхнул огонь, и несколько горящих сучьев вылетели из костра и пронеслись над головой старика. Он отшатнулся, и Виткевичу показалось, что он где-то видел этого человека, его поворот головы, его глаза...

Перевалив через Мугоджары, караван вступил в зыбучие пески Каракумов. Тут шли с вечера до рассвета, ориентируясь по звездам. Двигались и теперь быстрее Мейендорфа и у берегов Сыр-Дарьи были не на пятидесятый, а на тридцатый день по выходе из Оренбурга. Было 5 декабря. Река замерзла. Чтобы верблюды не скользили и не падали на льду/пришлось рубить кустарник, сжигать его и пеплом посыпать лед. Спустя неделю после переправы через Сыр-Дарью караван подошел к сухому руслу Яны-Дарье.

2

Едва начало светать, караванбаши поднял людей. Караван тронулся, но, к удивлению Виткевича, не по большой тропе, которая, он видел по карте Мейендорфа, вела кратчайшим путем в Бухару.

Караван по приказанию караванбаши свернул на запад и пошел по непроторенной целине Кызылкумов.

Виткевич подъехал к караванбаши и спросил, почему свернули с дороги.

— Там опасно,— показал караванбаши на уходящую к югу дорогу.

— Почему опасно?— удивился Виткевич.

— Злые люди там бродят, нас подстерегают...

— А ведь тут даже малой тропки нет. Сплошные пески. Как же мы дорогу найдем?

Караванбаши оглянулся, махнул кому-то рукой... К нему подбежал старик — рассказчик сказок.

— Он поведет,— сказал караванбаши.

— Хоп, хоп!— Старик низко поклонился, провел рукой по бороде.— Путь знаю. До самого Вабкента доведу. Виткевич достал из-под халата карту, компас:

— Ну-ка, посмотрим!

Старик пренебрежительно хмыкнул:

Карту человек сделал, она может обмануть. Мы по звездам пойдем, звезды божьи, они не лгут. Ночью будем идти, днем отдыхать...

Однако же старик придвинулся к Виткевичу и глянул на карту. Посмотрел — это бросилось в глаза Яну — как человек, привыкший иметь дело с картами, умеющий в них разбираться... Почувствовав на себе взгляд Виткевича, старик отвернулся и пробормотал:

— До полудня будем идти прямо на заход солнца, а потом дневка до первой звезды.

— Почтенный Мухаммед-ака,—сказал Виткевич, обращаясь к караванбаши,— ночь — друг и союзник злых людей. На большой дороге, где много путников, мы уйдем от них, а в песках, где никого нет, попадем им в руки.

Старик вздрогнул, пристально взглянул на Виткевича, но быстро отвел глаза в сторону и сказал:

— «Совершай твой путь при луне»,— говорили наши отцы и прадеды.

— Если мой скромный совет может помочь вашей мудрой опытности,, почтенный караванбаши,— проговорил Виткевич,— то не лучше ли нам двигаться днем?

Караванбаши посмотрел на старика. Старик чуть заметно покачал головой.

— Господин юзбаши,— сказал караванбаши, повышая Виткевича в чине (юзбаши — сотник),— однажды купец афганец мне приказал идти по чертежу на буллак — и что же? Мы сбились с дороги, заблудились и, если бы не вот он — почтенный Усман, наши кости белели бы теперь в песках...

Виткевичу не оставалось ничего, как согласиться. Едва он отъехал от караванбаши, как услышал голос урядника Василия Дергачева:

— Ваше благородие, ваше благородие! Виткевич поравнялся с урядником, и Дергачев, наклонившись к самому его уху, зашептал:

— Ваше благородие, вы тому старику не доверяйте, намерен, ночью, когда тигр кричал, пошел я коней проверить. Тут слышу тихий разговор. А я маненько соображаю, как в плену в Ташкенте три года отмучился... И вот слышу я: старик тот кому-то говорит: «Передай, чтобы во вторую ночь, как мы с дороги свернем, налетели бы сзади... Урусы посреди каравана едут. Вы урусов прямо хватайте!» Ну, тут мне пришлось отойти, а что дальше было, не знаю.

Виткевич задумался, не могло быть сомнений: ста-

рик — тот самый неуловимый туркмен Джаффар, за которым Виткевич давно и безуспешно охотился. И вот он тут, рядом, да только теперь дичью оказывается сам Виткевич, а туркмен — охотник...

Дело было ясное: «миссионеры» из Оренбурга с помощью Деева и туркмена готовили коварное нападение на Виткевича и его казаков.

— Что же предпринять?

Виткевич снова подъехал к караванбаши.

— Почтенный Мухаммед-ака, ваша всевидящая мудрость пролилась благодетельным бальзамом на мои мозги... Я и мои казаки поедem в хвосте каравана. И ежели степные шакалы нападут, мы их отобьем огнем...

Виткевич похлопал по стволу ружья, которое до того лежало в тороках у седла.

Караванбаши был озадачен. Глаза его забегали, но туркмен был где-то в конце каравана. Помолчав, Мухаммед наклонил голову.

— Хоп, хоп!— сказал Виткевич.— Я не сомневался, что ваша мудрость склонится к моим скромным словам. И вы не пожалеете, почтенный караванбаши.

Когда казаки во главе с Виткевичем выехали из середины каравана и пристроились в его хвосте, к ним на своем ишаке подъехал старик туркмен.

Поглядев на ружья, которые висели за плечами у всадников, он почмокал губами, сказал:

— Блажен, кто смотрит вперед, но не забывает и озираться назад!

Виткевич наклонился с седла, похлопал старика по плечу:

— Знаешь ли ты, что сказала принцесса Карасоч знаменитому чародею? Она его спросила: «Какая польза от твоего волшебства?» Тот высокомерно ответил: «Сколько человек обратил я в собак, сколько селений сжег, сколько друзей неразлучных врагами сделал». Усмехнулась принцесса: «А хоть одно доброе дело ты совершил?» Смутился чародей, не знал, что ответить: его волшебство всегда было во вред людям. А принцесса Карасоч навсегда его чары разбила! Добро могущественнее зла, почтенный Джаффар!

— Не Джаффар я, а Усман, господин, твой покорный слуга Усман. А за сказку спасибо!

— Извини, почтенный Усман-ака, я имя твое спутал.

Но уж очень ты похож на одного моего старого знакомого Джаффара. Большой он чародей: владеет даром превращаться то в одного человека, то в другого...

Старик палочкой ткнул ишака в загривок и отъехал в сторону...

По пескам Кзылкумов караван двигался медленно. Пришлось идти через песчаные барханы, нередко величиной с четырехэтажный дом; даже верблюды вязли в песке, изнемогали от усталости.

«Печальной этой пустыни трудно что-нибудь вообразить,— думал Виткевич.— Бурый песок внизу, выцветшее небо вверх. Пронзительный ветер. Солнце, слепящее, но не греющее».

Верблюды тяжело взбирались на высокий бархан.

«Всадник карабкается на вершину, а взобравшись, оглядывается назад и недоуменно восклицает: — «Зачем я так сюда стремился!» Да, такая печальная притча должна была родиться в этой юдоли тоски и горя...»

Лошадь Виткевича шарахнулась. Он глянул вниз; человеческий череп...

К вечеру второго дня туркмен исчез. Караванбаши совсем растерялся. Каравану надлежало выступить, но некому было его вести. В сопровождении приказчика караванбаши подъехал к Виткевичу, который уже сидел на коне.

— Достопочтенный юзбаши,— сказал приказчик, прижимая руки к груди и низко кланяясь,— мы разгневали бога и ослепли. Проводник пропал.

— Пусть шакалы разроют могилу его отца и разбросают его кости! И пусть сам этот презренный вор будет трижды повешен и...

Виткевич остановил поток проклятий. — От ваших слов, Мухаммед-ака, этому шакалу ничего не сделается, а от его действий нам может быть худо!

— Да, да,— закивал головой караванбаши.— Степь полна разбойников...

Караванбаши невольно выболтал тайну, которая уже была известна Виткевичу.

— Поведу караван я,— сказал он.— Карта нас не обманет.

— Испугался казацкой пули,— промолвил урядник.

— Ладно, ладно, только смотреть в оба!— приказал Виткевич.

Виткевич занял место в голове каравана, рядом с караванбаши. Казаков он оставил в хвосте.

Абдул Керим, дотоле на всем протяжении пути сторонившийся Виткевича, подъехал к нему и сказал по-персидски:

— Старик сбежал... Так лучше... Он плохой человек, я его знаю...

Виткевич не стал задавать вопроса: почему же Абдул Керим до сих пор молчал? Очевидно, он боялся туркмена.

После девятидневного странствия по Кызылкумам караван без всяких происшествий вышел к Вабкенту, но не с севера, как обычно, а с запада, описав большую дугу по пустыне.

В Вабкенте, первом бухарском городе, караван остановился на отдых.

— Бухарский сборщик пошлин бек-бий приказал бухарским купцам отойти в сторону, так как с них пошлины взимают в самой Бухаре. Затем он окинул стоящих перед ним иноземных купцов жадным оком и громовым голосом пообещал угостить палками всякого, кто утаит хоть что-нибудь из товаров... Пошлины были уплачены как положено по шариату: одну сороковую часть стоимости товаров с правоверных мусульман, одну десятую с неверных...

В Вабкенте Виткевич с интересом осмотрел высокий минарет — передовой сторожевой пост Бухары.

До Бухары ехали кишлаками между глухими глиняными стенами домов и изгородей, между полями, изрезанными арыками. Ближе к Бухаре начались сады с богатыми домами, вперемежку с жалкими лачужками,— и так до самой городской стены.

Глинобитная, высотой примерно в десять аршин, укрепленная земляными башнями с зубцами наверху, стена окружала весь город. Рва перед стеной не было.

3

2 января 1836 года караван вошел в Бухару через Вабкентские ворота и очутился на улицах узких, кривых, наполненных дымом, запахом очагов, вонью нечистот.

Грязь, теснота, отравленный миазмами воздух пора-

зили Виткевича. Караван с трудом пробился через городскую сутолоку и тесноту к каравансараяю.

Виткевич увидел перед собою четырехугольное кирпичное строение с двором посредине. Три яруса расположились амфитеатром, уступами один уже другого. В нижнем находились конюшни и несколько комнат, во втором — кладовые, в третьем — жилые комнаты. Виткевич занял одну из них — в три шага шириной, в пять длинной, с небольшим очагом для котелка или чайника. В этом каравансарае размещались купцы, торговавшие русскими товарами — преимущественно бухарцы, а также армяне... Один из них оказался знакомцем Виткевича из Оренбурга. Он рассказал, что вставил в дверь своей комнаты окно о четырех стеклах. Весь город сходился смотреть на такое диво, щупать стекла. И кончилось тем, что их выбили, «и я,— горестно заключил армянин.— залепил окно бумагой...»

По соседству находился ветхий и неприглядный каравансарай. Заглянув в него, Виткевич ужаснулся. По шести-восьми человек ютилось в одной каморке, а всего там было до тысячи татар, выходцев из России,— портные и сапожники. Занимались они своим ремеслом прямо на улице. Одному из портных Виткевич отдал свою офицерскую форму разутюжить и привести в порядок...

Первую прогулку он решил совершить по городу в восточном наряде и направился от каравансарая к ближайшему базару. Пришлось идти по улице до того тесной, что при встрече с двухколесной арбой Виткевич принужден был перелезть через колеса и ось, которая задевала за обе противоположные стены...

Базар был крыт круглыми кирпичными сводами: свод побольше — в центре, остальные вокруг него. Глиняный пол был весь во впадинах и ямах. Под сводами сидели торговцы с разложенными на земле товарами.

Теснота и толкотня на базаре были неописуемы. Пешие и конные двигались впережку, крича во все горло: пушт! пушт! Разносчики толкали друг друга.

Едва пробившись через толпу, Виткевич вышел к высокой башне. У подножия ее шумела толпа. Подойдя ближе, Виткевич из разногласного крика с трудом разобрал, что сейчас будут казнить пойманных на базаре воров.

И точно: двое полицейских в грязных рваных халатах столкнули вниз с башни двух оборванцев со связанными назад руками. Толпа ахнула, и раздался тяжелый стук человеческих тел о камни...

Донесся призыв муэдзина к молитве, и толпа рассеялась, каждый поспешил в мечеть. Улица и базар опустели вмиг.

Потрясенный и усталый, Виткевич вернулся в каравансарай, забрав у портного по пути свою отглаженную и отчищенную офицерскую форму.

Во дворе каравансарая его дожидался Абдул Керим. Виткевич пригласил его в комнату, но Абдул Керим сказал:

— Такому почтенному и знатному человеку, как мой уважаемый друг токсаба (он повысил Виткевича в чине сразу до полковника), не приличествует иметь пребывание в каравансарае. Мой скромный дом, конечно, недостойн принять такого гостя, но я осмелюсь просить вас оказать мне высокую честь и озарить светом своего пребывания мое жилище.

Произнеся столь цветистую речь, Абдул Керим умолчал о главном. Кушбеги с согласия эмира приказал Абдул Кериму взять Виткевича в свой дом, дабы было легче следить за каждым его шагом.

Виткевич отправился к Абдул Кериму верхом в полной офицерской форме. Его сопровождали казаки также верхом и в военной форме.

Толпы зевак бежали за всадниками: русского офицера, разъезжающего по Бухаре, еще не приходилось видеть бухарцам.

Тут необходимо заметить, что по возвращении Виткевича в Оренбург была распространена официальная версия: Виткевич, попавший в Бухару случайно, не снимал халата, не открывал своего офицерского звания и жил под видом купца.

Зеваки сопровождали Виткевича, Абдул Керима и казаков до дома, стоявшего в большом саду, окруженном высоким дувалом.

В саду под навесом, столбы которого были увиты виноградными лозами, на коврах было приготовлено угощение.

Подав гостю медный кумган для омовения рук, Абдул Керим затем усадил Виткевича на почетное место,

а рядом с ним расселись пять человек,— как объяснил хозяин, его друзья и домочадцы. Среди них Виткевич узнал Балты Кули-бека, эмирского посланца, пятью годами ранее приезжавшего в Оренбург.

Фрукты, сласти, овощи были великолепны, сок гранатов и зеленый чай помогали одолевать пахучий острый плов. Крепких напитков, разумеется, не было. Но хозяин намекнул, что для гостя разрешается нарушить запрет корана. Однако Виткевич отклонил его предложение, чем, он заметил, немало были огорчены остальные участники пиршества...

Никаких деловых и политических разговоров никто из бухарцев не затевал, а Виткевич и подавно не касался таких тем.

Когда спустя часа три угощение пришло к концу, Абдул Керим словно невзначай сказал, что кушбеги Хакимбек будет рад видеть у себя знатного гостя из России.

Оставшись, наконец, в отведенной ему комнате, Виткевич мысленно обозрел впечатления первого дня в священной Бухаре.

«Пестро, шумно, грязно и очень-очень сложно!»— так подвел он итог и заснул крепким сном впервые за пятьдесят пять дней под крышей, а не под открытым небом.

4

На другой день Виткевич в сопровождении казачьего эскорта верхом направился к кушбеги. Первый сановник Бухары жил, как и его повелитель, в Арке-цитадели, возвышающейся на главной площади города — Регистане.

О Регистане и Арке Виткевич незадолго до отправления в Бухару уже читал в древней рукописи, но вот, что он увидел:

«Регистан в нашем смысле едва ли может назваться площадью: это — неровное, нечистое место, застроенное лачужками и лавками, заваленное сором и грязью, изрытое какими-то канавами, рывтинами и пробойнами, бугристое, ямистое, так что иногда с трудом только можно пробраться по ней по узким тропинкам. С одной стороны Регистана на искусственном холме, в древности насыпанном людьми, высотой в 10—13 метров, поднимается крепость, внутри которой стоит «Арк» — дворец

эмира. Он представляет сбор лачужек, небольшой мечети, навесов и полуразвалившихся конюшен. Вход во дворец запирается двойными воротами. Одни изнутри, другие снаружи. В залах входа сидят сторожа — караульные в изорванных халатах. Оружие их — ружье гекан, сабля — подле. Во дворце под навесом лежат двенадцать пушек и две мортиры; тут же посиживают и невольники ханские. Наружная отделка ханского жилища ничем не отличается от глиняных мазанок прочих жителей. Внутренность, говорят, отделана немного почище, т. е. выбелена. Один покой обит русским ситцем, а потолок расписан красками. Жилище кушбеги разваливается, оно в самом плохом состоянии».

Так Виткевич описывал Регистан и Арк, вернувшись в Оренбург.

Кушбеги принял Виткевича очень приветливо, пожал его руку двумя руками, усадил с собой рядом на ковре, расспросил, как положено, о здоровье царя, оренбургского губернатора, самого Виткевича.

Виткевич ответил вопросами о здравии эмира Нассыр-Уллы и самого кушбеги.

«Кушбеги Хаким-бей,— писал Виткевич,— косою старик, человек пронырливый, крайне корыстный и в самом деле богат — богаче всех бухарцев и самого хана. Ни одного дела не допускает он до хана и делает совершенно что хочет, хан уже не в силах ему противостоять».

Виткевич, за время пребывания в Бухаре — немногим более месяца,— очевидно, не разобрался до конца в сути отношений эмира и кушбеги. Безраздельное влияние Хаким-бека в то время уже начало клониться к упадку. Его вытеснял беглый афганец Абдул Самед-хан, и в 1840 году, когда в Бухару прибыла русская миссия во главе с Бутениным, Хаким-бека уже не было в живых. Об этом периоде Генс, со слов бухарских купцов, записал:

«Бухарцы недовольны эмиром своим и управлением его. Визиря в Бухарин нет, дела делаются кем-нибудь и как-нибудь. Эмир сам о делах не думает, преданся совершенно сладострастию и занимается только женщинами и мальчиками...»

Первая беседа Виткевича с кушбеги велась за дастарханом. Виткевич объяснил цель своего приезда. Торговля российская с Бухарой обильна и выгодна обоим стра-

нам — России и Бухаре. Купцы бухарские посещают ярмарку в Нижнем Новгороде, бывают и в Москве и повсюду встречают радушный прием и никогда не терпят обиды.

Кушбеги слушал внимательно и выказывал знаки согласия.

Купцы российские также не жалуются на обращение в Бухаре.

Кушбеги одобрительно покивал головой.

Но злые осы жалят гостя, не спрашивая разрешения у хозяина, к которому гость направляется. Тогда хороший хозяин убивает осу и разоряет осиное гнездо. Так и хивинцы: нападают на караваны, разоряют и грабят их, причиняя убытки и бухарцам, и русским.

Долготерпению государя российского приходит конец, так как неистовства хивинские превзошли всякую меру. Так караван, с которым следовал Виткевич, хивинцы готовились разграбить и подослали под видом проводника некоего туркмена, давно состоящего на примете в Оренбурге как согладатай и разбойник.

Кушбеги выразил на своем лице ужас и негодование...

— Надо положить конец разбойничеству хивинцев,— продолжал Виткевич.— У государя нашего достаточно силы, чтобы справиться с осиным гнездом в Ургенче. Но, всегда памятуя об узах приязни и дружбы, связывающих Россию с Бухарой, государь наш в своей неизреченной мудрости и благости желает, чтобы, от этого была польза и Бухаре...

Виткевич умолк. Молчал и кушбеги, выжидательно глядя на гостя: не скажет ли он яснее, чего ждут от Бухары, каких действий и поступков?

А Виткевич, выдержав приличествующую тонкому воспитанному этикету паузу, спросил, знает ли кушбеги, что англичанин Сикиндер Бернс, побывавший в Бухаре, написал о ней книгу.

Кушбеги уже слышал об этом от Абдул Керима. Тогда Виткевич достал книгу и показал ее Хакиму-беку.

— Тут написано, достопочтенный кушбеги, что англичанин следует прибрать к своим рукам Бухару, ибо она — страна обильная и богатая. Англичанин исчислил все доходы светлейшего эмира, подсчитал всех его солдат, чтобы знать, что можно захватить в Бухаре и как этого добиться...

Кушбеги изобразил на лице еще больший ужас и большее негодование, но ничего не сказал.

— Слышали ли вы, достопочтенный Хаким-бек,— снова заговорил Виткевич,— что когда паша египетский угрожал султану, намереваясь убить его и самому стать халифом, султан обратился за помощью к царю нашему. И достаточно было кораблям российским бросить якоря в Босфоре, как мятежный паша смирился и оставил свои гнусные замыслы.

Кушбеги сказал, что слухи о помощи, оказанной султану, доходили до Бухары, но ничего верного он, кушбеги, доселе и не знал. И не очень верил, что всемогущий султан, тень бога на земле, которому подвластны все государи мира, просил помощи у русского царя. А теперь, просвещенный своим высокоученым гостем, он, кушбеги, видит, сколь могуществен великий государь России, и о том незамедлительно доложит своему повелителю Багадур-хану, да продлит аллах его дни до ста двадцати лет.

На этом первая дипломатическая беседа Виткевича с кушбеги и закончилась.

5

По дороге к дому Абдул Керима Виткевич задержался у каравансарая, в котором велась торговля рабами. Под навесом стояли и сидели мужчины всех возрастов, от мальчиков до стариков, и женщины — но только совсем молодые. Около «товара» прохаживались его владельцы. Почти все работорговцы были кундузцами: захват людей в соседних с Кундузом областях и торговля ими составляли главную статью «промышленности» и коммерции Кундуза. Сопровождавший Виткевича махрам кушбеги пояснил, что цена стоит на невольников такая: хорошая девка идет за 10 червонцев, но пригожий мальчик для мужского гарема оценивается в 40 червонцев, в то время как самый лучший взрослый работник никогда дороже 30 червонцев не продается.

Недалеко от дома Абдул Керима дорогу преградила шумная толпа. Странствующие монахи-дервиши в рубищах, в высоких конусообразных шапках шествовали, распевая священные гимны, в окружении многочисленных почитателей.

Во главе процессии шел, опираясь на посох, высокий дервиш, опоясанный грубой веревкой, в длинном халате и белоснежной чалме — то был, очевидно, пир дервишского ордена Накшбандия, основанного в XIV веке шейхом Бахаудином Накшбанди, покровителем Бухары.

Виткевич, с любопытством глядя на шествие, остановил свой взор на предводителе дервишей и не поверил своим глазам: то был туркмен Джаффар.

Пропустив процессию и трогаясь дальше, Ян спросил махрама, кто таков этот высокий дервиш.

— То святой суфий, достигший уже высшей ступени в приближении к богу,— хакикат!— воскликнул махрам с благоговением. «Он говорит, и речи у него нет, он видит, и зрения у него нет, он слышит, и слуха у него нет; у него нет ни движения, ни покоя, ни печали, ни радости. Этот дервиш — тот, у кого нет помысла в сердце».

— Так говорил шейх Абу-ил-Хасан Харакани в книге «Нур аль-улум»,— сказал Виткевич, и махрам посмотрел на кяфира с изумлением: он знает священные суфийские книги!

В «Книге о правлении» {«Сиасет-намэ»}, написанной в XI веке, Ян читал совет государю «отправлять лазутчиков постоянно во все места под видом странников, суфиев, нищих». Так и поступал Тимур, пользуясь услугами дервишей из ордена Накшбандия, как раз тогда основанного Бахаудином. А ныне господа англичане следуют примеру свирепого Хромца...

Наутро к Виткевичу явился урядник Василий Дергачев и с таинственным видом, шепотом сообщил, что некий человек, по всему афган, хочет видеть его в родие.

Афганец провел Виткевича в каравансарай, небольшой, но новый и чистый. В нем жили афганские купцы.

В комнате, устланной отличными коврами, Виткевича приветствовал рослый, худощавый человек средних лет, с длинной бородой, крючковатым носом, глубоко сидящими черными блестящими глазами. Он назвал себя Гусейном Али, эльчи эмира афганского Дост Мухаммедхана, и сказал, что послан эмиром просить у государя Российского помощи против опасности, угрожающей от англичан и от их союзника, владетеля Пенджаба Ранджит Синга, Гусейн Али показал Виткевичу запечатанный

пакет — письмо от эмира афганского императору Российскому.

— Радость пронзила мое сердце,— сказал афганец,— когда ушей моих достигла весть о прибытии в Бухару славного и храброго офицера российского. Ибо я не имел надежных способов, чтобы достичь пределов Российских, а ныне вручаю себя под покровительство токсаба-эффенди.

Гусейн Али прижал руки к груди и поклонился.

Виткевич ответил с такою же изысканной вежливостью, и посол обстоятельно познакомил его с последними событиями в Афганистане.

Он открыл, что Дост Мухаммед уже собрал большую армию для ведения священной войны против сикхов и что в самые ближайшие недели он во главе армии выступит из Кабула в Джелалабад, а оттуда двинется к Пешавару.

Гусейн Али ничего не сказал о том, что эмир отправил также письма и капитану Уэйду и генерал-губернатору Индии Бентинку, прося и у них помощи против Ранджит Синга. Но зато афганец сообщил, что его повелитель направил посланца к шаху персидскому с просьбой о помощи.

При этих словах из-за полога в глубине комнаты вышел еще один афганец, постарше Гусейна Али, назвался Ибрагимом Ходжа и сказал, что имеет с собою грамоту эмира к шаху. А путь в Тегеран он избрал через Бухару, потому что ехать через Герат ему невозможно: там сидит правителем нечестивый Камран Саддозай, смертельный враг эмира и всех Баракзаев.,

Ибрагим Ходжа также путешествовал под видом купца и намеревался выехать из Бухары с караваном, следующим через Мерв и туркменские степи к Мешхеду.

Виткевич, выслушав обоих афганцев, сказал, что сочтет высокой честью сопроводить достопочтенного эльчи Гусейна Али в Оренбург, откуда он будет иметь возможность проследовать далее в столицу. Что касается Ибрагима Ходжа, то Виткевич выразил сомнение: не чрезмерно ли опасен путь через земли хана хивинского?

— Все в воле аллаха,— сказал Ибрагим Ходжа,— и я уже однажды ходил этим путем и знаю, как избегать опасностей, подстерегающих путников в пустынях.

Пребывание Виткевича в Бухаре подходило к концу. Он основательно познакомился со всё́м, что только было доступно ему в «священной крепости ислама и веры».

Посещая базары и каравансарай, расспрашивая купцов, он удостоверился в том, что товары английские и индийские все более вытесняют здесь продукты российской промышленности. Бросилось в глаза и то, что индийские купцы и ростовщики прибрали к рукам почти все золото. Оттого в Бухаре золота стало так мало, что даже два-три червонца можно раздобыть с величайшим трудом. В бухарские золотые тилли по распоряжению эмира подмешивают серебро, в серебряные деньги — медь или попросту их делают из меди и снаружи серебрят.

«Я сказал кушбеги в глаза,— писал Виткевич,— что они сами чеканят фальшивую монету. Кушбеги отказался и уверял, что это делают туркменцы, что он велел прошлого года одного за это повесить. Я рассмеялся и сказал, что на поддельных и настоящих казенная чеканка, вынул несколько монет и показал их. Тогда кушбеги заявил:

— У вас еще хуже, у вас делают бумажные деньги!»
Виткевич стал объяснять, что бумажные деньги —

это государственный долг, обеспеченный золотом и всем достоянием государства. Кушбеги этого понять не мог. Виткевич вынул из-за пояса кинжал и сказал: — Продал его мне вчера на базаре купец один — клялся, что получил из Дамаска. А как дома рассмотрел я — на кинжале клеймо стоит: «Златоуст». Наш это город русский, и сталь наша!

— Обман!— сказал кушбеги.

— Да ведь и эти монеты — тоже обман,— воскликнул Виткевич.

Кушбеги засмеялся и, чтобы переменить тему, спросил, правда ли, что англичы пускают по воде большие корабли и они движутся без парусов, а колесами — как арба, и со скоростью десять фарсангов в час. Об этом рассказывал англичин Юсуф, который приезжал из Персия незадолго до англичина Сикендера.

— Юсуф?— удивился Виткевич.— Какой англичин Юсуф?

Тогда кушбеги рассказал о пребывании в Бухаре инг-

лиза Юсуфа Вольфа, который приезжал, чтобы обратиться в свою веру живущих в Бухаре евреев.

Виткевич впервые слышал, что кроме Бернса в Бухаре не так давно был еще один англичанин... Кушбеги сказал, что муфтий города Бухары просил эмира оказать Юсуфу милость и гостеприимство, и эмир призвал к себе инглиза и беседовал с ним.

Необходимо было подробнее разузнать об этом Вольфе, Виткевич сказал, что очень ему интересно познакомиться с духовными школами Бухары. Они знамениты на весь мир, как кладезь учености и благочестия, и муфтий в Оренбурге просил его посетить бухарские медресе и рассказать о них... Кушбеги приказал махрamu сопроводить Виткевича в медресе Мир-араб.

— Это столп веры,— сказал кушбеги,— а имам Абдуррахман Ходжи — человек великой учености и святости... Во всем мире свет падает на землю сверху, а в Бухаре, средоточии святых мужей ислама, где похоронен Бахауддин — избавитель от бед, свет исходит из земли...

Кушбеги произнес эти слова с большой важностью...

Имам Абдуррахман Ходжи три года провел в Стамбуле, отлично знал турецкий и персидский языки и даже выучился тайком английскому языку, что скрывал в Бухаре... Он был в неприязненных отношениях с бухарским муфтием, и это оказалось весьма на руку Виткевичу.

Из многочисленных медресе Бухары Мир-араб — самое древнее, ибо основано в 1514 году, и самое большое.

Через искусно орнаментированную резную деревянную дверь Виткевич вступил в обширный двор, со всех

сторон окруженный зданием медресе. Стены были прорезаны низкими входными дверьми, а над ними — небольшими оконцами. В кельях жили ученики медресе и обучающие их муллы.

Абдуррахман Ходжи, невысокий, но представительный человек лет около сорока, с небольшой, аккуратно подстриженной бородой, в отличном шелковом халате и в пышной чалме из тончайшей кисеи длиной до 40 локтей, принял гостя с утонченной вежливостью.

Виткевич, желая сразу показать, с кем Ходжи имеет дело, завел разговор об Исмаиле Бухари. Родившийся в

начале IX века в Бухаре, умерший под Самаркандом, он свою жизнь посвятил собиранию хадисов — преданий о пророке и его учениках. Из них Бухари составил книгу «Ас-сасих» — «Подлинный сборник» священных преданий — «сунн».

Абдуррахман Ходжи воскликнул, что его радует слава Бухари: даже в стране ференгов знают о нем.

После осмотра медресе имам пригласил Виткевича в свою келью — если только можно было так назвать большое светлое помещение, устланное и завешанное превосходными коврами, с красивыми низкими потолками, покрытыми тонкой резьбой, с полками, на которых лежали и стояли древние рукописи и книги.

Имам, разумеется, предложил гостю дастархан, не обильный, но изысканный, и повел речь так:

— Да будет ведомо моему высокоученому гостю, что господь судил мне быть в Стамбуле тогда, когда ангел Джебраил отвратил свои взоры от воинов султана и сарбазы великого государя Российского устремились к стенам города. Ваш государь защитил халифа от нечестивого паши Египетского, да будет проклята могила отца его, и деда, и прадеда...

— Наш государь,— ответил Виткевич,— друг и покровитель правоверных — под его скипетром живут мусульмане Казани и Астрахани, киргизских степей и гор кавказских. И его сердцу близки нужды и заботы священной Бухары.

— Один камень может тысячу верблюдов и еще больше людей лишить воды и обречь на смерть, если упадет в колодец и закроет питающий его источник...

Имам помолчал. Виткевич ждал продолжения.

— Так и плохой человек может закрыть двери понимания между государями и причинить много зла.

Иман снова замолчал. Виткевич терпеливо ждал.

— Знаешь ли ты, о мой мудрый гость, что говорил Ходжа Ахрар, который был основоположником ордена Накшбандия? Он сказал: «Лучше вор, приносящий большой доход, нежели правдивый и честный человек, не дающий дохода, ибо вор получает и для себя, и для меня». Ах, как любят это изречение дервиши Накшбандия!

Виткевич в свою очередь помолчал, а затем сказал: — Дорогу мне перешел дурной человек, по имени Джаффар, он хочет зла и моей стране, и вашей... Он был

у нас в Оренбурге погонщиком верблюда, а здесь, в Бухаре, я увидел его наставником дервишей.

Имам удовлетворенно погладил бороду, усмехнулся и ничего не сказал, и Виткевич понял: Абдуррахман Ходжи доволен тем, что гость понял хозяина.

— Мой государь желает добра Бухаре, столпу веры, и кто будет сеять злые семена вражды, тот может вырастить ядовитый плод...— продолжал Виткевич.— Я знаю, что к устам моего высокоумного хозяина, ученостью равного благословенному Абу-Абдуллаху Мухаммеду и Исмаилу аль-Бухари, преклоняет свою душу сам эмир. Пусть же мед истины усладит слух повелителя правочерных, и тогда пышными цветами украсится древо дружбы между нашим государем и эмиром.

Имам в знак одобрения прижал обе руки к груди, погладил бороду.

Беседа окончилась. И, как вскоре сообщил Виткевичу кушбеги, эмир благосклонно выслушал все, что сказал ему Хаким-бек о Виткевиче и о своих беседах с ним. А от Абдул Керима Виткевич узнал, что ни муфтию, ни Абдул Самед-хану не удалось нашептать эмиру злобных наветов на русского эльчи, которого они советовали бросить в зиндан...

А что это такое, Виткевич видел сам: кушбеги однажды показал ему подземную тюрьму в Арке, где в темноте, грязи и мучениях томились чем-либо не угодившие эмиру люди.

Имам Абдуррахман принес эмиру полученную от Виткевича книгу Бернса и перевел ему такие места, которые возбудили ярость Нассыр-Уллы.

— Проклятые инглизы!— закричал он.— Попадись мне хоть один в руки, я буду знать, что с ним делать!

По совету кушбеги Гусейн Али и Ибрагим Ходжа представились эмиру и рассказали о поручениях, которые им дал их повелитель Дост Мухаммед-хан, эмир кабульский.

Шел второй месяц пребывания в Бухаре, и Виткевич готовился к отъезду. С Гусейном Али он условился, что они поедут вместе в караване, который прибыл из Кабула с афганскими и индийскими товарами и направлялся в Оренбург. Ибрагим Ходжа с другим караваном, немного позже, отправился в Тегеран.

В прощальной беседе кушбеги сказал Виткевичу, что

эмир хочет жить в дружбе с Россией и пошлет в Петербург миссию не позже, чем весной. А пока эмир просит передать оренбургскому военному губернатору пожелание жизни до ста двадцати лет, благополучия и счастья.

Виткевичу был выдан особый паспорт с предписанием всем слугам эмира оказывать ему помощь и содействие. А в знак милости эмира русский токсаба получил богатый халат...

Со своей стороны Виткевич подарил кушбеги очень понравившиеся ему с первого взгляда карманные золотые часы, а эмиру через первого министра передал купленный у афганца кинжал замечательной испанской работы, богато украшенный резьбой, с золотой рукоятью, осыпанной мелкими алмазами. Подарки он сделал и Абдул Кериму.

13 февраля 1836 года - Виткевич в офицерской форме покинул Бухару, Гусейн Али отправился в путь под видом купца.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТРЕУГОЛЬНИК

1

Некий британский негодник Джордж Белл снарядил к берегам Кавказа корабль «Виксен» с грузом соли, как значилось в судовом журнале, а в действительности с порохом и оружием для тех горских племен, которых Дуад-бей, то есть Уркарт, подбивал на борьбу за «независимую Черкесею». Корабль повел брат Джорджа Джеймс Белл. В бухте Сухум-Кале «Виксен» был задержан русским фрегатом и отправлен в Севастополь. Вместо соли в трюме был обнаружен порох, и «Виксен» был конфискован, а экипаж отослан в Константинополь.

Британская пресса подняла шум, в парламенте раздавались угрозы по адресу России. Пальмерстон вынужден был признать, что Белл предпринял свою авантюру с ведома министерства иностранных дел.

На требования возвратить «Виксен», на угрозы Николай отвечал решительно и твердо, не признавая «независимой Черкессии» Уркарта и напоминая, что побережье Кавказа перешло от Турции к России по Адрианопольскому мирному договору...

Лорд Дергем подтвердил Пальмерстону, что в бухте Сухум-Кале имеется русский флот и размещен русский гарнизон.

Пальмерстон решил взять реванш в Средней Азии.

Не успел новый генерал-губернатор Окленд прибыть в Индию, как вдогонку ему пришло письмо Секретного комитета правления Ост-Индской компании, написанное по указаниям главы Форин-оффиса.

Стало известно, говорилось в письме, что Дост Мухаммед сделал шаху персидскому предложение о завоевании и разделе территорий Гератской провинции; такие же предложения получены шахом и от владетелей Кандагара; ходят также слухи, что хан Хивы вступил в соглашение с русским правительством. «Такие факты ясно указывают, что соперничающие вожди Афганистана намерены вовлечь шаха в свои планы расширения их владений. Ввиду хорошо известных честолюбивых замыслов шаха относительно Герата, есть основание бояться, что он может быть расположен поддержать всякий план, который может способствовать достижению излюбленной цели честолюбия шаха, несомненно побуждаемого русскими расширить свое, а тем самым и русское влияние на страны, соседние с нашими индийскими владениями». Поэтому на Окленда возлагалась обязанность «противодействовать прогрессу русского влияния в зоне, столь близкой к нашим индийским владениям, ибо если Россия утвердится здесь, ничто не может помешать ее действиям, направленным к подрыву системы наших индийских союзов, а возможно и нарушить спокойствие нашей собственной территории».

Следовательно, «наступило время, когда вам следует решительно вмешаться в дело Афганистана»,— читал далее Окленд в письме Секретного комитета. На усмотрение Окленда предоставлялся выбор средств для возведения «барьера против угрожающего распространения русского влияния»: послать в Кабул конфиденциального агента для наблюдения за развитием событий либо же войти

в прямые отношения с кабульским властителем — политические или же на первое время коммерческие. При этом Окленду предлагалось соотносить свои действия с сообщениями, которые он будет получать от Махмуда из Персии.

И вот тогда-то получил Окленд письмо Дост Мухаммеда, отосланное одновременно с письмом императору Николаю.

Поздравляя нового генерал-губернатора с прибытием в Индию, эмир напоминал о дружеских отношениях между ним и британским правительством, от представителей которого он получал письма с заверением, что «в случае необходимости обязательства дружбы будут выполнены». Поведение бесчестных сикхов и нарушение ими договоров с Афганистаном побуждают эмира просить генерал-губернатора сообщить, каким способом могут быть улажены эти дела.

Составленное столь осторожно письмо Дост Мухаммеда было Оклендом понято как обращение к Англии за помощью против Ранджит Синга. Но «лев Лахора» был давнишним союзником Англии, и ссориться с ним Окленд отнюдь не желал.

Дост Мухаммеду генерал-губернатор ответил, что желает, чтобы афганская нация была единой и процветающей и жила в мире со своими соседями. Он, Окленд, с прискорбием узнал о несогласиях между эмиром и магараджей, который является другом Англии. «Принципы британского правительства,— писал Окленд,— не позволяют ему вмешиваться в дела других государств, однако, если вы подскажете мне, как надлежит действовать для примирения вас с Ранджитом и найдете какой-нибудь реальный путь решения проблемы, то он будет тщательно изучен; и тем временем я могу только надеяться, что вы будете в состоянии найти какой-либо способ для достижения примирения с сикхами. Не только в ваших интересах но и в интересах всех соседних стран, чтобы две нации, находящиеся рядом, сохраняли ненарушаемые отношения дружбы и согласия».

Получив ответ генерал-губернатора Индии, Дост Мухаммед убедился, что Англия ему предпочитает дружбу с «львом Лахора». А слова Окленда о «невмешательстве» англичан в дела соседних государств вызвали ярость эмира, который хорошо знал роль Англии в недавней попыт-

ке Шуджи вернуть афганский трон... И какой иной способ решения спора с сикхами мог предложить Дост Мухаммед — кроме возвращения Пешавара в состав Афганского государства! А Окленд дал ясно понять, что на помощь Англии в этом вопросе рассчитывать не приходится.

Оставалось ждать ответа из Петербурга...

2

Весна на Урале запаздывала. Мокрый снег перемежался дождями. На санях проезда уже не было, а колеса увязали по ступицы в буром месиве, устилавшем дороги.

Забрызганный грязью доверху возок подъехал в сумерках холодного апрельского дня к парадному крыльцу ярко освещенного губернаторского дома. Из возка легко выпрыгнул Виткевич и помог выйти закутанному в тулуп Гусейну Али. Распахнувший двери швейцар почтительно приветствовал адъютанта военного губернатора.

— Со счастливым возвращением, Иван Викторович! Их превосходительство обедают-с...

Виткевич сбросил с плеч шинель. Швейцар снял тулуп с Гусейна Али, и тот остался в своей одежде небогатого восточного купца. Виткевич проводил его в приемную, а сам прошел в огромную столовую.

Человек широкой натуры, большой барин и хлебосол, Перовский завел обычай два-три раза в неделю за превосходным обедом, плодом искусства повара француза, собирать своих ближайших сотрудников и подчиненных.

Так и теперь за большим столом сидели Генс, Никифоров, Карелин, Даль, адъютанты, чиновники особых поручений.

Виткевича первым увидел в дверях Даль.

— Наш путешественник, ваше превосходительство. Перовский обернулся, поднялся навстречу Виткевичу, обнял его, поцеловал:

— Молодец, молодец! Ждем с нетерпением! Присаживайтесь!

— Ваше превосходительство, я прибыл не один...

— Понимаю, понимаю. Вашу эстафету получил. Где он?

— В вашей приемной.

Перовский попросил Генса остаться за хозяина и прошел в приемную. Виткевич представил ему гостя:

— Почтенный Гусейн Али, полномочный посол его высочества эмира кабульского.

Перовский протянул руку, Гусейн Али сжал ее двумя руками, прижал к своему сердцу.

— Мой высокий повелитель, да хранит его господь, шлет привет мудрому и высокочтимому сардару могущественного государя Российского, да продлит господь его дни, и просит для смиренного слуги эмира открыть путь к сердцу того, кто на престоле владычества повелевает царствами и их правителями.

Выпустив руку Перовского, Гусейн Али низко поклонился и подал Перовскому запечатанный печатью пакет,

— Это письмо государю императору,— пояснил Виткевич.

— Англичане — наши враги,— сказал Гусейн Али,— они помогают нечестивому Ранджиту, они злоумышляют против моего повелителя, и эмир в своей мудрости и заботе о благе государства афганского обращает лицо свое к великому и славному императору.

Перовский раньше, чем вести переговоры с афганским посланцем, хотел выслушать подробный доклад Виткевича. Поэтому он приказал доставить Гусейна Али на приготовленную для него квартиру, где он будет жить как бухарский купец.

— Отдохните после утомительной дороги,— сказал Перовский, провожая гостя.

Наутро в обширном, богато обставленном кабинете Перовского в присутствии Генса, Никифорова, Карелина, Даля Виткевич обстоятельно доложил о своем нелегальном путешествии.

Когда он рассказал о погонщике туркмене, а также о поведении караванбаши и приказчика Деева, Генс вставил:

— Едва только приказчик возвратился в Оренбург, Деев его немедленно отослал куда-то, и с тех пор о нем ни духу ни слуху.

— Наказан за то, что не исполнил воли хозяина,— заметил Даль...

— Итак,— закончил Виткевич,— главный вывод, кой надлежит сделать, таков: англичане еще не успели распространить свое влияние на ханство Бухарское, но не преминут сие сделать, ежели мы их не упредим. Наш друг Уркарт твердит, что Черкессия на Кавказе есть

ворота в Индию... У страха глаза велики: от Черкессии до Индии...

— Три года скачи — не доскачешь,— прервал Даль Виткевича.

— Да, до Индии от Черкессии еще нужно добираться и добираться. А вот Бухара — действительные ворота для господ англичан в наши пределы! Кушбеги бухарский, старик проницательный и хитрый, отлично видит, что с юга к ним подбирается ненасытный инглиз, а с севера неотвратимо приближается Россия. Бухара — меж двух огней.

— И что же он предпочитает?— живо спросил Карелин.

Перовский, не проронивший еще ни слова, с явным интересом ждал ответа Виткевича.

— «Лучше вор, приносящий большой доход, нежели правдивый и честный человек, ибо вор получает и для себя, и для меня»,— говорил мне в Бухаре кушбеги, когда я спросил, к кому же он склоняется: к Англии или России. Бухара пойдет с теми, кто сулит больше выгоды. А это при нынешних условиях — Россия.

— Почему?— задал свой первый вопрос Перовский.

— Потому, что торговля с Россией выгодна тому же кушбеги, да и самому эмиру. Ведь и Бернс в своей книге писал, что Бухара заинтересована в русской торговле. А во-вторых,— и сие весьма важно!— дела за Оксусом, о коих в Бухаре уже осведомлены, пугают эмира. Посланцы кабульские — Гусейн, со мною прибывший, и Ибрагим, отправившийся к шаху, поведали о замыслах и интригах англичан, которые жаждут прибрать к рукам весь Афганистан...

— Так вот, поручик,— обратился Перовский к Виткевичу.— Государь император по моему представлению всемилостивейше соизволил произвести вас в подпоручики, а ныне я ходатайствую о следующем для вас чине — в уважение указанных вами услуг и выказанной храбрости, находчивости и исполнительности — и уверен, отказа не будет. Посему, поручик, скажите нам, каковы же суждения и пропозиции ваши по делам афганским?

— Мнение мое таково, что ныне главнейшим пунктом политики российской в Азии становится Афганистан. Вы изволили командировать меня в Бухару, справедливо по-

лагая, что там надлежит обеспечить содействие в уничтожении хивинского осинового гнезда. Но вышло так, что в Бухаре нам явилась новая, важнейшая задача: не допустить англичан к завладению Афганистаном.

Генс, внимательно слушавший Виткевича, поморщился.

Перовский обратился к нему:

— Вы не согласны, Григорий Федорович?

— Сдается мне, Василий Алексеевич,— ответил Генс,— что синица в руках лучше журавля в небе... Афганистан от нас далеко. А Хива под боком, занозой торчит!

— Хива — Хивой, Григорий Федорович,— вступил в разговор Карелин,— и я, вам ведомо, в ближайшие дни отправлюсь к берегам Каспия, дабы исследовать наилучнейшие пути подступа к Хиве. Но англичане подбираются к нам все ближе!

Дотоле молчавший Никифоров встал и шагнул к карте, у которой стоял Перовский.

— Островитяне, ваше превосходительство, мнят командовать всем миром. Ныне они в России видят препону своим вожделениям, и они давят на нас повсюду: в Турции, где стараются наши друзья Понсонби и Уркарт, в Персии, где так недавно пролита была кровь Грибоедова и его сотрудников, на Кавказе, куда англичане шлют своих «Виксенов», дабы пощупать силы наши. Замахиваясь на Афганистан, как справедливо докладывал поручик, подбираются к ханствам Средней Азии. Их надобно остановить!

Перовский, заложив руки за спину, шагая по своему обыкновению из одного угла кабинета в другой, рассуждал вслух:

— Афганистан от нас далеко, в том спору нет. Турция — рядом, Персия — также. Бритты оказывают на нас нажим в этих местах, а мы — будем воздействовать на них там, где более всего,— по соседству с Индией! Ункиар — Искелесси колом застрял в горле благо» родного лорда Пальмерстона. А мы никогда не откажемся от столь выгодного договора, почему и надлежит нам сделать диверсию в Афганистане. Так во-первых. А теперь во-вторых. Средняя Азия — естественное продолжение владений Российских в киргизских степях. Аму или Оксус самой природой определена рубежом

Российской державы. Посему полагаю необходимым ответить на призыв владельца кабульского.

Виткевич выждал, не скажет ли Перовский еще что-нибудь, затем заговорил:

— Ко всему, ваше превосходительство, вами столь отчетливо выраженному, считаю долгом прибавить: народ афганский смелый, храбрый, свободолюбивый, хочет жить самостоятельно, и эмир кабульский добивается восстановления единства державы. Господам англичанам сие невыгодно. Дост Мухаммед, политик тонкий, понимает, что из соперничества британского льва с российским медведем может он извлечь немалые выгоды, клонящиеся к его заветной цели. Первее же всего добивается он возврата отторгнутого Пешавара. И поскольку Англия ему в том отказывает, он обращает взоры свои на север.

Виткевич закончил взволнованно:

— Афганская нация, как и всякий народ, имеет священное право на единство и независимость, и ежели мы поможем ему в его справедливой борьбе, он вовек будет признателен России.

Перовский пристально взглянул на Виткевича и подумал:

«В нем опять пробуждается поляк».

Вслух он сказал:

— Итак, господа, воздадим должное поручику — его храбрости, неутомимости, энергии, с коими он выполнил свою нелегкую миссию. Пред нами открывается поле деятельности новое и обширное. И я надеюсь, что мы не посрамим ни себя, ни нашего отечества. Благодарю вас, господа, вы свободны.

3

Вечером того же дня Виткевич был у Томаша Зана в его скромной квартирке при музее.

Друзья крепко обнялись, поцеловались. Зан раскупорил пузатую бутылку польской старки — посылка от друзей из Вильно. Виткевич неторопливо излагал все перипетии своего необычайного странствования:

— В Бухаре видел я варварство в полном и открытом его виде: жизнь человеческая там не ставится ни во что и зависит только от произвола владыки, обычно жестокого и неразумного.

Зан невесело усмехнулся.

— Незачем так далеко ездить, дабы в том удостовериться!

Виткевич горячо воскликнул:

— Европейское обличье варварства азиатского омерзительно, и мы с тобой, Томаш, питомцы Новосильцева, это испытали! В Бухаре народ трудолюбивый, мирный. Ежели бы ты своими глазами видел, с каким искусством изукрашены мечети и медресе лепными и резными орнаментами! Погляди, я, как умел, срисовал портал мечети Калли.

Зан с интересом рассматривал рисунок. Виткевич, недурной рисовальщик, удачно передал затейливые узоры резьбы по дереву и алебастру.

— Архитектура мусульманская,— сказал Ян,— со своими куполами и башнями минаретов хранит в себе глубокое внутреннее толкование: башня стремится ввысь, а купол все прижимает к земле, придавливает, скрывает. Так и народ. Коран придавливает его, обрекает на покорность деспотам светским и духовным, но народ рвется на волю... И на самой маленькой колонне у входа в самую маленькую мечеть — а их в Бухаре сотни — искусные руки в резьбе изливают чаяния народа...

— Ты что-то расфилософствовался, друже!— сказал Зан.— Выпьем-ка лучше нашей родной старки.

Виткевич поднял рюмку, наполненную желтоватой густой влагой, посмотрел на свет...

— Польша,— тихо промолвил он,— отчизна... Я понимаю императора: в польской свободе он видит своего заклятого врага. Но англичане! Подлые иезуиты! Пальмерстон, бестия, подсылает своих эмиссаров на Кавказ — будоражить в тамошних народах мечты об освобождении и тут же заверяет императора, что никогда не поддержит «бессмысленных планов восстановления королевства польского».

Виткевич залпом опорожнил рюмку... Зан последовал его примеру. Виткевич снова заговорил:

— Намедни говорил я у Перовского, что надобно поддержать народ афганский, который защищает свою независимость и свободу. От того польза была бы и нам. А Перовский о другом думает: как бы стремления афганцев, их умного и сильного властителя Дост Мухаммеда повернуть против Англии, чтобы оказать давление

на нее в Турции, Персии... Сделать судьбу народа картой в политической игре между Англией и Россией. Виткевич снова умолк. Молчал и Зан.

4

Перовский решил задержать Гусейна Али в Оренбурге до получения ответа из Петербурга.

В обстоятельной записке Нессельроде он излагал, что «...если покровительство России удержит Дост Мухаммеда на престоле, то он, без сомнения, из признательности останется добрым другом нашим и врагом англичан. Он разобстит их от Средней Азии, положит преграду торговому властолюбию их, усмирит хивинцев, а если потребуется, и бухарцев и будет способствовать распространению нашей торговли. У Дост Мухаммеда войска достаточно, но денежные средства истощены; посему всего лучше было бы послать к нему русские сукна и нанку, в которые он одевает своих солдат и которые в Афганистане будут иметь тройную и четверную цену. Товары эти посланник кабульский мог бы взять у заводчиков наших в долг, за поручительством известного торгового дома. И мера эта, познакомив с нашими товарами афганцев, усилила бы их сбыт. Сверх того можно послать в Кабул русских офицеров и даже оружейников под видом частных путешественников».

Записка Перовского была в Петербурге прочтена внимательно. Николай приказал запросить Симонича, что такое Афганистан, что там делается, что возможно предпринять.

Симонич отвечал, что владельцы кандагарские Кохандильхан и его братья признают шаха персидского своим сюзереном, согласны платить ему подать — с тем чтобы за ними и их потомками были сохранены их владения и Персия защищала бы их от врагов. Это «внезапное, неожиданное подчинение» шаху Симонич пояснил страхом, который испытывают кандагарские принцы перед Камраном Гератским, ненавидящим Баракзаев, и перед Ранджит Сингом, уже захватившим Пешавар. В Тегеран прибыл из Бухары посланец самого Дост Мухаммеда кабульского Ибрагим Ходжа. Эмир кабульский, по примеру своих кандагарских братьев, также признает себя вассалом шаха и просит его помощи и защиты.

Действительно Дост Мухаммед писал шаху, что «вовлечен в непрерывные, непрекращающиеся войны с нечестивыми сикхами», от которых страдают Кабул, Кандагар, Хорасан, а их благополучие не может быть отделено от интересов Персии.

«Если даже мои дела придут в расстройство и ваше величество не обратит внимания на положение в этих областях, я тем не менее не прекращу борьбу с сикхами, пока буду способен; но если окажется, что я не в состоянии сопротивляться этому дьявольскому племени, то у меня не будет иного выбора, как соединиться с англичанами, которые тем самым получают полную власть над всем Афганистаном, и тогда останется только смотреть, до какого места и какого размера достигнет пламя силы этой нации».

Сообщая обо всем этом, Симонич рекомендовал составить из афганских областей конфедерацию под покровительством Персии и ручательством России; но предварительно он считал, что необходимо усмирить Герат.

Молодой шах персидский Махмуд поклялся отомстить за неудачу, которую потерпел под Гератом в 1833 году, и решил предпринять новый поход.

В Лондоне переполошились.

Президент Контрольного Совета сэра Джон Гобхауз в своем выступлении в палате общин сказал:

— Лучшие авторитеты считают, что Герат и его ближайшая округа наиболее важны из всех городов и государств в Центральной Азии и что властитель Герата, имея достаточно сил, в состоянии поддерживать равновесие между Персией и Афганистаном и тем самым контролировать положение в непосредственной близости к Индии.

Британский посол Эллис отправился к Симоничу и заявил:

— Афганистан есть граница нашей Индийской империи. Ни одно государство Европы не имеет ни политических, ни торговых отношений с этой страной. Поэтому я не могу скрыть, что британское правительство будет рассматривать всякое — прямое или косвенное — вмешательство в дела Афганистана как враждебный акт.

Пальмерстон решил, что Эллис недостаточно энергичен. Послом в Тегеране был назначен Макнил.

Глава правительства шаха Ходжа-Мирза-Агаси очень верно отозвался о назначении Макнила, с которым он был знаком с давних пор:

— Я знаю английскую манеру. Сперва они посылают в страну врача, чтобы прощупать наш пульс, а затем хирурга, чтобы сделать нам кровопускание; и тогда за ними следуют офицеры, и они распоряжаются нашей страной, как их предшественники распоряжались нашими телами....

Прибыв в Персию, Макнил написал: «С момента моего возвращения в Персию ничто так сильно не потрясло меня, как обнаруживаемые мною повсюду доказательства роста русского влияния на правительство и почти не поддающийся учету упадок нашего влияния».

Поэтому Макнил считал необходимым любым способом не допустить похода шаха на Герат. В этом он видел свою первую и важнейшую задачу.

Симонич же придерживался мнения, что надлежит помочь шаху в его планах и поддержать желание владельцев Кандагара и Кабула подчиниться шаху. Это обязало бы их оказать помощь в овладении Гератом.

Ознакомившись с ответом Симонича, Николай приказал вытребовать Гусейна Али в Петербург.

Получив предписание от Нессельроде, Перовский решил отправить кабульского посланца в сопровождении Виткевича, как хорошо знающего все обстоятельства дел афганских и среднеазиатских.

И этой же осенью 1836 года лорд Окленд принял решение послать в Кабул с «коммерческой миссией» Александра Бернса. 21 ноября 1836 года Бернс отплыл из Бомбея к устью Инда — по маршруту первого своего путешествия в 1832 году.

Виткевич и Гусейн Али тем временем прибыли в Санкт-Петербург.

НА ВЕРШИНЕ ГОРЫ

I

Коляска, въезжавшая в Санкт-Петербург по московскому тракту, остановилась у заставы.

Виткевич соскочил на землю, чтобы немного размяться после утомительной тряски, пока солдат, вышедший

из караульного помещения, рассматривал подорожные. Гусейн Али, закутанный в тулуп, хотя мороза еще не было, высунулся из коляски.

— Вот и столица,— сказал Виткевич.— Сейчас въедем.

Солдат вернул подорожные, ящик хлестнул лошадей, коляска покатила по булыжной мостовой. Замелькали кресты и памятники кладбища. Потянулась широкая и пустынная улица, затем другая, третья, и, проехав вдоль Фонтанки, коляска свернула на Невский.

И Виткевич, и его спутник афганец с жадным любопытством смотрели на развертывавшуюся перед их глазами панораму. Афганец впервые видел европейский город. Вытянувшиеся в одну линию здания с колоннами, портиками и аркадами поражали его своей величественностью.

Проехали Аничков мост. Проплыли мимо вздыбленные кони. Театр... Полукруглая колоннада Казанского собора. Гостиный двор... Слева и справа безукоризненно расчерченные архитектором фасады дворцов... Еще мост... Еще мост... И вот Адмиралтейство со своим золоченым шпилем...

Строгая, парадная, но мертвенная красота... Огромные площади, широкие улицы, торцовые мостовые...

Коляска, выехав на площадь перед Адмиралтейством, свернула и остановилась перед зданием, где находилось министерство иностранных дел.

Дежурный чиновник провел Виткевича и афганца в приемную Азиатского департамента и скрылся за дверью кабинета.

Из него тут же вышел Родофиникин, со звездой на груди, с зеленым козырьком над глазами. Для своих семидесяти шести лет он был удивительно прям, бодр...

Виткевич представился ему, представил Гусейна Али, вручил пакеты от Перовского.

— Вы утомлены дорогой, уважаемый господин Гусейн Али,— сказал Родофиникин по-персидски, и афганец, не ожидавший обращения на понятном ему языке, радостно улыбнулся.

— Отдохните, посмотрите наш город, и тогда мы перейдем к делам... Вице-канцлер сожалеет, что не может тотчас же принять вас, так как не совсем здоров. Мы просим вас пребывать в столице в качестве частного ли-

ца, купца, приехавшего за мехами — дабы не привлекать внимания к вашей миссии.

Гусейн Али согласно кивнул головой.

— Для вас отведена резиденция в тихой, отдаленной части Санкт-Петербурга,— продолжал Родофиникин.— Состоять при вас будет специальный переводчик... А сейчас господин поручик доставит вас в назначенный вам дом.

Гусейн Али в изысканных выражениях восточного дипломатического этикета поблагодарил Родофиникина и выразил надежду лично представиться могущественному государю, царю царей, к которому привез письмо повелителя правоверных, высокочтимого эмира Дост Мухаммеда.

Родофиникин ответствовал, что его величества в данное время нет в столице, и попросил Гусейна Али передать письмо эмира.

На мгновение задумавшись, афганец неохотно достал пакет и вручил его Родофиникину.

Провожаемый директором Азиатского департамента до крыльца, Гусейн Али в сопровождении Виткевича покинул министерство.

В коляску с ними сел чиновник, представившийся как старший помощник экспедитора, коллежский секретарь Прейс.

Тощий, с серо-желтым лицом, белобрысый Прейс вызвал у Виткевича почему-то чувство брезгливости.

Гусейна Али поместили на Елагинском острове, на вилле в отдаленном углу Английского парка, позади дворца императрицы, возведенного Гваренги.

Виткевич, сдав своего спутника, отправился в «Отель де Пари», на Малой Морской, указанный ему Прейсом. Очень ему хотелось отдохнуть и выспаться после того, как с курьерской быстротой он проскакал две с четвертью тысячи верст от Оренбурга до столицы. Но пришлось немедленно отправиться в Университет к профессору восточных языков Сенковскому, дабы из его студентов-учеников определить к афганцу толкового переводчика.

О Сенковском Виткевич знал от Зана: Мицкевич называл Юзефа Сенковского, переименовавшегося в Осипа Ивановича, ренегатом; и Сенковский своей враждебностью к Польше, ко всему польскому, желавший заста-

вить позабыть, что он поляк, заслужил у многих немалое презрение...

Отыскав профессора в Университете, Виткевич увидел полного человека с неприятным рябым лицом.

Ян изложил цель своего посещения. Уловив в его речи оттенок польского акцента, Сенковский ответил по-польски.

Виткевич недоуменно взглянул на профессора и сказал по-русски:

— Я — офицер Российской императорской армии, поручик Оренбургского казачьего полка, адъютант военного губернатора.

Сенковский чуть пожал плечами и перешел на персидский язык.

Со студентом-переводчиком, выбранным Сенковским, Виткевич переговорил с глазу на глаз. Разъяснив секретность поручаемого ему дела, он препроводил его на Елагин остров.

Надо же было так случиться, что Виткевич, возвращаясь с Елагина острова, не спеша прогуливался по Английской набережной. Не успел он пройти и десятка шагов, как увидел идущего навстречу грузного человека небольшого роста в шубе внакидку...

Ян вздрогнул: он узнал в нем Новосильцева...

Они поравнялись. Взгляд Новосильцева невольна задержался на подтянутом щеголеватом казачьем офицере в высокой смушковой шапке, с султаном из белых и черных перьев и серебряными и золотыми кистями...

С шапки Новосильцев перевел взор на лицо офицера и вдруг остановился, подойдя почти вплотную к Виткевичу.

— Мы знакомы с вами, поручик, вы не узнаете? Что было делать? Ян с подчеркнутой официальностью ответил:

— Ваше высокопревосходительство, я не осмелился первым обратиться к вам.

Новосильцев, выпростав руку из-под шубы, взял Виткевича под руку:

— Надеюсь, вы не откажетесь пройти со мной... Я вижу, мои отеческие внушения пошли вам впрок. Вы делаете карьеру, как умный человек. О, я еще тогда понял, что вы умны... Где вы теперь? Что вы?

Виткевич с той же подчеркнутой почтительностью сказал, что состоит адъютантом при Оренбургском военном губернаторе и прибыл в столицу по его поручению.

— Милейший Василий Алексеевич, я полагаю, все такой же барин-хлебосол? Да, да, мы вместе немало плясали на балах! А вот я уж не прежний... Постарел, здоровья нет. А на плечах воз тяжеленький. Устал!

Три года назад, после смерти председателя Государственного Совета и Комитета министров Кочубея, Николай на его место назначил Новосильцева.

Виткевич встретил Новосильцева как раз в то время, когда Николай подыскивал ему преемника. Царь считал, что пост председателя Государственного Совета был унужден пребыванием на нем Новосильцева — человека распутного, нечистоплотного в денежных делах, бесчестного...

Разумеется, Виткевичу все это было неизвестно. Но самого-то Новосильцева он отлично знал и немало был возмущен, когда услышал о назначении Новосильцева на высший пост в империи...

И вот теперь случай свел их — спустя двенадцать лет после первой встречи.

Новосильцев, вспомнивший разговор свой с Виткевичем, с любопытством всматривался в него: строптивого мальчишку поляка жизнь обломала, сделала верным слугой империи, и в том первопричина он, Новосильцев. Чем круче с этими карбонариями-молокососами, тем лучше для них же.

А Виткевич, идя чуть позади Новосильцева, слушая его старческий голос, тоже вспоминал, как получил первый жестокий жизненный урок от этого циника, развратника, негодяя, ныне вознесенного на вершину иерархии российской. Ян так задумался, что и не расслышал, как Новосильцев начал с ним прощаться.

— Полагаю, мыслями унеслись в прошлое,— сказал вельможа саркастически,— в тот памятный день, когда мы познакомились? Что ж, я о том дне не жалею, да и вам не приходится: строгость моя спасла вас и направила на путь истинный! Рад буду вновь свидеться со своим «крестником».

И Новосильцев, скверно хихикая, протянул руку Виткевичу...

Напутствуя в дорогу Виткевича, Перовский говорил:

— Помните, вы не только поляк, но и поляк в прошлом штрафованный. Более того, за вами во все глаза не одни только люди Бенкендорфа следить будут — наши островные друзья. И они с превеликим удовольствием обратят внимание III Отделения на малейший ваш полонофильский промах.

Ян отдавал себе отчет в том, что осторожность и выдержка необходимы в столице империи не меньше, а пожалуй, и больше, нежели в Бухаре.

И неожиданная встреча с Новосильцевым еще более укрепила его в решимости с честью выдержать новый искуc, коему подвергала его судьба.

Первый свой столичный обед он съел у Дюме на углу Гороховой и Морской. Поместившись на подоконнике, он с интересом наблюдал представившуюся его взору картину. Гвардейские офицеры, важные господа во фраках со звездами, щеголи в моднейших туалетах с отменными манерами, почти все знакомые между собой, заполняли зал. Негромкий шум разговоров, неслышные шаги официантов, мелодичный звон бокалов,— как все это было далеко от каравансарая в Бухаре!

Но лакеи татары своими лицами напоминали о Востоке.

Европа и Азия переплетаются, смешиваются в России.

Да и самое меню о том говорило: оно было написано по-французски и содержало «перепелов a'la Maintenon» и курдючную баранину по-кавказски, тройную водку и шато лафит.

...Итог всему виденному и слышанному Виткевич подвёл в своем номере, на постели под балдахином.

«Мост в самом видном месте главной улицы — на Невском через Мойку — называется Полицейским! Новосильцев — глава правительства. Дворцы и храмы в центре и лачуги — у стен города... Блеск и великолепие столицы — на краю огромной деревянной, соломенной, нищей страны, на тысячи верст раскинувшейся по лику земли русской».

С этими мыслями он и заснул.

А в тот же вечер мистер Эшли, негодичант, распечатывал пакет, спешно доставленный ему из Оренбурга.

Джеймсон, глава Евангелической миссии, извещал, что поручик, пропутешествовавший в Бухару и вернув-

шийся оттуда, отбыл с неким афганцем в Петербург. Афганец, по верным сведениям, послан из Кабула к императору.

Эшли уже знал из Лондона, что Дост Мухаммед отправил посланца в Петербург. За ним лондонские начальники мистера Эшли предписывали неусыпно следить. И вот, наконец, прибыл этот афганец, да не один, а с Виткевичем.

Где же они — вот что первое всего надлежит узнать... Эшли негромко позвонил небольшим серебряным колокольчиком...

2

Нессельроде и Родофиникин обдумывали теперь, что и как доложить государю о прибытии афганца. Отношения с Англией и без того были напряженные из-за дела «Виксена» и из-за Герата.

Вопрос о конфискации «Виксена» неразрывно связан был с происками Англии среди горцев Абхазии и Черкессии.

Лондонский кабинет, оспаривая законность конфискации, основывался на том, что России якобы не принадлежат территории, уступленные ей Турцией в 1829 году.

Пальмерстон не ограничивался нотами и статьями в газетах. На побережье Кавказа продолжали орудовать эмиссары Англии. Они, как указывал посол России в Константинополе, разжигали ненависть горцев к России, поощряли их сопротивление, обещая неограниченную помощь Англии деньгами и оружием.

Газета «Морнинг хроникл», близкая Пальмерстону, не переставала шуметь о незаконности конфискации «Виксена» и о «самостоятельности Черкессии». Экземпляры газеты раздавались горцам как «манифест» правительства Англии о поддержке борьбы горцев против России.

Пальмерстон поручил Дергему запросить Нессельроде, действует ли Симонич в соответствии с инструкциями, побуждая шаха предпринять поход на Герат? Если дело обстоит не так, то «правительство его величества не сомневается, что Российское правительство прекратит действия, столь разительно отличающиеся от объявлен-

ной им политики и противные лучшим интересам союзника, к которому Российское правительство выражает дружбу и добрую волю».

Нессельроде объявил, что информация эта неверна и Симонич не давал персам приписываемых ему советов. Родофиникин показал Дергему подлинную книгу инструкции, из коей явствовало, что Симоничу не поручалось подбивать шаха на завоевание Герата.

Дергем, пересылая в Лондон ответ Нессельроде, со своей стороны высказывался о политике России, как всегда, весьма положительно.

С целью успокоить британское правительство в Лондон ездил Орлов и, вернувшись после десятидневного визита, докладывал, что министры и даже Пальмерстон ему показали ныне менее предубежденными против России, чему немало способствует лорд Дергем.

В таких обстоятельствах неблагоприятно было бы, полагал Родофиникин, вновь возбуждать подозрительность Англии и способствовать ее проискам на Кавказе и в Турции, предпринимая какие-либо действия в Афганистане.

Нессельроде и Родофиникин старательно обсуждали и взвешивали международную обстановку.

Был послан еще один запрос Симоничу о положении в Афганистане и его отношениях с Персией.

Тем временем военный министр прикомандировал Виткевича к Азиатскому департаменту с поручением изучить в Главном штабе материалы об Афганистане и сопредельных странах, а также сочинения британских путешественников, объединявших в своем лице дипломата и разведчика.

Сверх того, Родофиникин уполномочил Виткевича поведаться с прибывшим в столицу Голубовым и выяснить, возможна ли посылка Дост Мухаммеду товаров в кредит.

3

Зал театра был переполнен. Весь «свет» собрался на первое представление новой оперы, которой сам император дал имя «Жизнь за царя».

Вдруг, словно по мановению дирижерской палочки, весь зал поднялся, все повернулись в одну сторону: в

крайней, у самой сцены, ложе бенуара появился Николай.

Виткевич уже видел немало портретов царя в окнах магазинов на Невском, Малой Морской. А теперь он видел императора воочию.

Из ложи как раз напротив царской Николай был виден очень хорошо: огромный рост, затянутая талия, высокий, но слегка вдавленный лоб, прямой нос, красивый рот, словом, греческий профиль лица,— и на нем выражение суровости и непреклонности, так не идущее, казалось бы, к возгласам «ура» и буре аплодисментов, которыми встретил зал своего монарха.

Николай поклонился, сел...

Погас свет. Раздались звуки увертюры.

Виткевич попал в театр по случайной случайности: билеты на первое представление новой оперы были распроданы давно. А Виткевич как раз в день спектакля посетил Карелина, чтобы отдать ему письмо его брата из Оренбурга, и был приглашен на премьеру.

Ян любил, тонко чувствовал музыку и искренне наслаждался оперой Глинки, мужественной и мелодичной, яркой в выражении народного характера Ивана Сусанина, простого русского мужика...

Карелин, пригласивший в театр поляка Виткевича, в душе уже пожалел о своей опрометчивости...

Кончился первый акт. Карелин с опаской поглядел на своего гостя. Виткевич, словно угадав его сомнения, обратился к его жене:

— Нет ничего печальнее, когда история сталкивает два родных народа! И вместо столь естественной дружбы — непримиримая вражда. Когда же придет ей конец!

— Не правда ли, музыка прелестна и так не похожа на итальянскую!— отвечала Карелина, не желая поддерживать разговор на щекотливую тему.

Виткевич предложил ей руку, и они вышли в ярко освещенное фойе. «Весь» Петербург блистал золотым шитьем мундиров, эполетами, лентами и звездами, огнями драгоценных камней.

— Как странно,— невольно вырвалось у Виткевича,— со сцены льется русская речь, воспевается подвиг русского патриотизма, а здесь не слышно ни одного русского слова.

На французском языке выражали дамы свой восторг, и им вторили солидные мужчины.

И вдруг Виткевич услышал знакомый голос, говоривший по-русски.

Ян обернулся и увидел Пушкина, шедшего об руку; с грузным, немолодым, но подвижным человеком.

Пушкин с жаром и громко говорил ему:

— Изумительно, невероятно! Впервые слышим русскую, понимаете ли, Тургенев, русскую оперу!

Прозвенел звонок, публика хлынула в зал. Войдя в ложу, Виткевич поискал глазами Пушкина и увидел его внизу в ложе, а рядом с ним ослепительно красивую женщину.

«Его жена»,— догадался Виткевич.

Карелина, проследив взор своего гостя, улыбнулась и промолвила:

— Первейшая красавица жена у нашего поэта... И как он, бедняга, некрасив рядом с нею.

Карелина хотела что-то еще сказать, но муж сделал неприметный знак, и она смолкла... А сказать она хотела о ревности Пушкина, о дуэльной истории, которая была известна всему Петербургу, как Пушкин вызывал на поединок гвардейца Дантеса, а кончилось тем, что француз женился на свояченице поэта.

В следующем антракте Виткевич вышел в коридор один. Медленно двигаясь в гуще толпы, он присматривался, прислушивался, желая уловить сокровенную суть этого мира.

А вот снова Пушкин, теперь один,— задумчив, даже грустен, медленно идет навстречу.

Пока Виткевич раздумывал, кланяться ли ему, Пушкин увидел его и, остановившись, воскликнул:

— Ба, кого я вижу! Молодой изгнанник из степей киргизских перенесся в Северную Пальмиру!

Виткевич крепко пожал протянутую ему руку и выразил радость, что не забыт Александром Сергеевичем.

— Да куда же забыть вас,— рассмеялся Пушкин,— не часто встречаешь людей с такой прихотливой судьбой!

И закидал Виткевича вопросами:

— Надолго ли к нам? С какой целью? Что Перов-

ский? Что Даль? Впрочем, не отвечайте, здесь не место. Приходите ко мне на Мойку, вдосталь наговоримся...

Виткевич благодарил за приглашение, а Пушкин, окликнув кого-то в толпе, еще раз сжал руку Яна и отошел.

Виткевич вернулся в зрительный зал.

...Прозвучали последние такты музыки, занавес опустился. Николай, вставши во весь свой рост, громко хлопал. Зал гремел аплодисментами. Занавес поднялся...

Артисты низко кланялись, оборотясь к царской ложе. Сусанин, выйдя к рампе, опустился на колени перед ложей Николая.

Виткевич тихо, чтобы не обратить на себя внимания, вышел в коридор.

Из зала доносились крики «ура», и хор снова запел: «Славься, славься, наш русский царь».

— Не царь, одолевший врага, а народ,— горячо сказал Виткевич вслух.

Лакей, дремавший в ожидании господ на скамье у сложенных шуб, встрепенулся, озираясь...

4

С Голубовым Виткевич встретился в трактире Палкина, в особой комнате позади общего зала.

— Накормлю я вас, сударь,— говорил Голубов,— по-нашему, по-русски... Небось в отеле этом, «Париже», как его, лягушками кормят... Да нет, я шучу, не такой уж я темный мужичишко. А стерляжья уха, да кулебяка, да белые грибы на сковородке, да поджарка — этого никакой француз не сготовит.

После сытного обеда, во время которого Голубов ни о чем говорить не стал, завязалась беседа.

Голубов внимательно выслушал рассказ о Бухаре, об Афганистане, о возможности расширить торговлю российской в этих странах. О посланце афганском, как и о просьбе Дост Мухаммеда помочь ему против англичан, Виткевич, разумеется, умолчал. Окончив свой рассказ, он выжидал, что скажет Голубов. Но тот не спешил. Умный, проницательный, бывалый, что называется третий калач, он почувствовал, что молодой офицер чего-то не договаривает.

Помолчав, Голубов спросил:

— Ты, батюшка,— извини, что на «ты» называю,— ведь я тебе в отцы гожусь! Мы, торговые люди, опора государства... Так что не след с нами в прятки играть. Скажи прямо, чего тебе надобно?

Виткевич недоумевал: что сказать? Голубов положил ему руку на колено и доверительно произнес:

— Да ты не бойся, не бойся! Я — человек государственный...

Тогда в осторожных выражениях Виткевич рассказал Голубову, что может возникнуть надобность послать товары одному владельцу афганскому.

— Ага, Мухаммеду кабульскому,— перебил Голубов.— Как же, знаю, знаю. Ты не смотри на меня так! Читал я книгу Бернса. Из нее вытекает, что торговля индийская и вообще восточная идти должна в Европу через Россию — англичанам сие не по вкусу, и потому хотят они прибрать к рукам и Кабул, и Бухару... Так ведь?

Виткевич утвердительно кивнул головой.

— Товары наши должны господствовать на рынках от вашей реки Урал до Инда!— Голубов стукнул кулаком по ручке кресла.— Тебя Родофиникин ко мне послал? Так и скажи этому греку: мало товаров одних! Тысячи наших русских молодцов и восемь пушек всю Среднюю Азию в трепет приведут! Форты надобно строить и при них торговые фактории — на Сыр-Дарье, Теджене, Оксусе... Да только не послушают русского человека наши немцы: Нессельроде, а при нем барон Бруннов первый помощник, а в Париже Пален, а в Берлине Медем, а в Лондоне — Поццо, впрочем, он корсиканец, да все один черт!

Голубов в сердцах вскочил, погрозил кулаком:

— Да ты тоже не русский? А? Поляк? Католической веры?.

Виткевич невольно улыбнулся и спокойно сказал, что, хотя он и поляк католик, однако состоит на российской службе и почтен доверием.

— Перовского уважаю,— снова прервал Голубов,— ему верю, а немцам — нет... Ладно, ты скажи, что Голубов не подведет. Но чтобы дело начистоту шло. С самим Нессельроде говорить надобно.

Голубов засмеялся:

— Знаешь, так в народе его прозвали: Кисельвроде, Кисель он и есть.

Голубов был прав. Карлик на тонких ножках, вдвинутых в ботинки на очень высоких каблуках, во фраке о высоким воротником и со звездой на красной ленте — таков был руководитель русской дипломатии, родом из Германии, учившийся в Австрии, начавший службу в Швеции. Нессельроде для Николая был не более как чиновник дипломатической канцелярии. Делом его было — облекать указания царя в лощеную форму дипломатических документов на французском языке. И Нессельроде старательно отделявал стиль каждой депеши... Иностранные дипломаты тонко заметили: «Он не осмеливается делать никаких представлений императору», но зато «его мягкость и уступчивость всегда прикрывают решительные намерения его повелителя».

А когда Николаю приходилось отступать под натиском того же Пальмерстона, Нессельроде и тут был незаменим. Он принимал на себя удары, заявляя, что именно он, а не император виновник действий, от которых приходится отрекаться.

5

Родофиникину Виткевич доложил о своей беседе о Голубовым коротко: Голубов считает, что товары и кредит дать возможно, но об этом говорить желает с самим вице-канцлером.

Родофиникин поморщился:

— Наши доморощенные буржуа уже себя за хозяев почитают.

Виткевич доложил также, что в делах военного министерства хранятся записки о мнимых афганских посланцах, явившихся в Тифлис в 1835 году, карта Кабула и пограничных земель, составленная также в 1835 году, и карта Кандагара и Афганистана, сделанная десять лет назад.

На вопрос Яна о Гусейне Али Родофиникин сказал, что афганец заболел, видимо, от непривычки к северному климату.

— Да оно и к лучшему. Пусть ждет... На Востоке привыкли к медлительности. Чем медленнее дело делает-

ся, тем основательнее его считают. Гусейн Али пока терпит, не жалуется...

Из соображений секретности Виткевич к Гусейну не ездил, и только студент-переводчик сносился с Родофикиным через курьера.

Однако же местопребывание афганского посланца стало уже известно мистеру Эшли... Кругом шныряли подозрительные люди, но проникнуть в дом к Гусейну Али им никак не удавалось.

Наблюдали агенты Эшли и за Виткевичем.

В кафе Вольфа, что было на Невском, вблизи Полицейского моста, Ян по утрам пил кофе, просматривал газеты и журналы.

На второй или третий день он заприметил молодого человека, скромно, но изящно одетого, который приходил в одно время с ним, садился поближе, пил кофе, читал.

«Из здания у Синего моста? Или англичанин?» — размышлял Виткевич и сам заговорил с молодым человеком, попросив передать ему французский журнал.

Отдавая журнал Виткевичу, молодой человек с приятной улыбкой поклонился и сказал:

— Осмелюсь обратить ваше внимание на статью касательно дел персидских. Весьма занимательно!

— А вы интересуетесь делами персидскими?

— Да, простите, не знаю ни имени, ни отчества вашего, господин офицер! Служу по торговой части.

«Однако идет напролом, — подумал Виткевич, — видно, стреляная птица». А вслух сказал:

— Поручик Иванов к вашим услугам. С кем имею честь?

— Птицын, Сергей Петрович...

Знакомство состоялось. Ежедневно по утрам Птицын вежливо приветствовал Виткевича и заводил беседу о погоде, о последнем бале, на котором, разумеется, не был, но о котором слышал от приятелей, о городских сплетнях. Виткевич вежливо слушал, отвечал и все ждал, когда же и как господин Птицын покажет себя в настоящем виде.

А Птицын, действительно, служивший в торговом доме Брандта, после каждой утренней встречи отправлялся на Галерную, в пансион, содержащийся миссис Вильсон, вдовой английского коммерсанта, поднимался на второй этаж в угловую комнату и давал отчет самому Эшли.

Отчеты эти не радовали мистера Эшли! Птицыну не удавалось войти в дружбу с Виткевичем. Назвавшись Ивановым, он, конечно, не обманул Эшли.

— Требуется,— говорил англичанин после очередного доклада Птицына,— требуется, чтобы он позвал вас к себе в «Отель де Пари», и вы будете пить с ним добрый портвейн, который с собой принесете. А когда офицер заснет, то будете смотреть его бумаги. Ясно? Ступайте!

Но и Виткевич сам хотел залучить к себе господина Птицына и поближе рассмотреть, что он за птица.

— Что мы с вами тут по утрам накоротке говорим. Приходите ко мне. Ну хоть сегодня, в шестом часу.

Птицын чуть не подпрыгнул от радости... Ровно в пять часов он явился, но не в «Отель де Пари», а в пансион мадам Готье на Вознесенском проспекте, позади Исаакиевского собора. Виткевич под именем Иванова снял там комнату поутру и туда-то и позвал Птицына.

События развивались совсем не так, как предполагал посланец Эшли. Виткевич выставил на стол против двух принесенных гостем бутылок портвейна бутылку старки, бутылку рома, штоф тройной водки.

— Начнем, конечно, не с вина,— сказал он, раскупоривая старку. У Птицына — сразу увидел Виткевич — заблестели глаза. Виткевич умел пить, не пьянея. А Птицын быстро захмелел... Не раз порывался он угостить Виткевича портвейном, но неизменно соглашался выпить еще старки. Потом зажигали жженку «по-гусарски», потом пили чистый ром с горячей водой.

— Грог,— пояснил, заплетаясь, Птицын,— очень любит мистер...

Тут он запнулся.

— Мистер Эшли, я знаю,— подхватил Виткевич.

— Эшли... Эшли,— повторил Птицын. — ...Очень любит... Портвейн... п... п... рямо из Лондона...

Виткевич открыл бутылку, налил в рюмки... Птицын мигом опрокинул свою, а Ян снова выпил водки...

Минут через пять Птицын повалился на пол, захрапел. Виткевич обе бутылки вина немедленно поставил в шкаф, поднял Птицына, положил на диван, осмотрел карманы.

...Родофиникин, выслушав Виткевича, написал бумагу в III Отделение. Через несколько дней Виткевич был приглашен в здание у Синего моста.

Его принял молодой щеголеватый полковник, отменно учтивый, сияющий, благообразный.

Виткевич рассказал, как и где познакомился с Птицыным.

— В вино, несомненно, подмешано сонно-е зелье,— сказал Ян.

— Мы проверим, поручик. А где бумаги? Виткевич подал полковнику. Он бегло их посмотрел.

— Ничего подозрительного... Впрочем, вот это английское письмо, кажись, имеет следы симпатических чернил. Ладно, выясним. Но и без того ясно: вам, поручик, оказали внимание господа британцы... Почему же?

Виткевич предвидел такой вопрос и предварительно спросил у Родофиникина, до каких пределов он может быть откровенен.

— От III Отделения тайн у нас нет,— услышал он в ответ. И потому изложил полковнику историю своего путешествия в Бухару: попытку убить его в пустыне, исчезновение старика, который оказался туркменом, замеченным еще до того в Оренбурге в сношениях с Евангелической миссией.

— Генерал-адъютант Перовский писал нам о вредности сей Евангелической миссии,— сказал жандармский полковнику — но его величеству не благоугодно было ее закрыть... Но мы наблюдаем за ней.

«А Деев,— подумал Виткевич,— служит и у вас, и у миссии... Немного же толку из такого наблюдения выйдет».

Прощаясь, полковник вдруг спросил:

— Вы, поручик, кажется, были по конфирмации покойного государя посланы в Оренбург в солдаты?

— Так точно, господин полковник, и служил солдатом пять лет, после чего был прикомандирован к Пограничной комиссии и высочайше произведен в первый офицерский чин.

— Да, да, мы знаем... Генерал-адъютант Перовский преотлично аттестует вас. Благодарю вас. А этого голубчика Птицына мы уберем...

Очень неприятное впечатление произвело это посещение

ние на Виткевича. Ему претила фальшь жандармской учтивости, он явно чувствовал недоверие к себе во взглядах, в тоне полковника. И — главное — далеко не был уверен в том, что III Отделение действительно пресечет козни британских агентов. Ведь Деев-то был агентом голубых мундиров...

Доложив Родофиникину о визите в III Отделение, Виткевич испросил дозволения отправиться на рождество в Крожи, чтобы повидаться с родными, которых не видел двенадцать лет.

7

Зима 1836—1837 годов была в петербургском «свете» шумной.

«У нас морозы и балы»,— сообщал в Москву Александр Иванович Тургенев, неутомимый путешественник и по европейским столицам, и по петербургскому «свету». Балы сменялись раутами, рауты концертами в аристократических гостиных, концерты — парадными обедами, а там снова балы — и так изо дня в день, из ночи в ночь.

Большая Миллионная, средоточие знати, Большая Морская, Английская набережная сияли огнями ярко освещенных подъездов зеркальных окон...

Петербургский «свет» веселился. Виткевич был далек от «света» и его развлечений.

«Петербург не Лондон,— думалось ему,— и я не английский офицер-разведчик!»

И если Бернс, вернувшись из Бухары, стал достопримечательностью Лондона и его наперерыв приглашали в аристократические дома, то о Виткевиче никто не знал, его никуда не звали...

Никто не заметил ни отъезда Виткевича в Литву, ни его возвращения.

Виткевич вернулся в Петербург днем 29 января, в день смерти Пушкина, и первое, что он услышал в гостиной, была роковая весть...

Посетить Пушкина, хотя он и имел его приглашение, Виткевич стеснялся. Когда приехал Даль, приятель Пушкина, Ян договаривался с ним сделать этот визит — после возвращения из Крожей.

И вот Пушкина нет в живых... Виткевич поспешил отдать ему последний долг. Когда он свернул на Мойку, то

увидел густую толпу: офицеры, студенты, чиновники и простой люд — все шли к дому Пушкина.

Виткевич вместе с толпой медленно двигался вперед, вошел в подъезд, прошел мимо гроба, выставленного в зале...

Пушкин мертв... Эта мысль не укладывалась в голове. Эти руки, покоящиеся на груди, больше не возьмут пера. Эти закрытые глаза не откроются, не сверкнут искорками гениального ума, голос не зазвучит никогда более.

Медленно обошел Ян гроб, вышел через здание комнаты во двор, оттуда на набережную Мойки.

Народ все прибывал и прибывал. Десятки тысяч человек отдали последний долг Пушкину.

Конные жандармы наводили порядок. Полицейские пикеты были расставлены вдоль набережной.

Соглядатаи III Отделения — их безошибочно распознавал Виткевич — шныряли в толпе, прислушиваясь к толкам. А толки были громкие, негодующие, гневные.

— Мерзавец Дантес посягнул на гордость России.

— Неужто правительство равнодушно снесет это преступление?

— Презренный чужеземец убил Пушкина...

— Гнать из России всех этих иностранцев, сидящих на шее народа!

— Доколе же терпеть будем хищную стаю немцев...

Виткевич слушал и ушам своим не верил... Народ заговорил!

Даля Виткевич разыскал к вечеру. Владимир Иванович, с красными от слез глазами, истомленный, бледный, говорил о последних часах Пушкина, о мужестве, с каким он переносил страдания.

— А убийца останется безнаказанным! — воскликнул Виткевич.

Даль сказал, что Дантес арестован, будет судим.

«Я принадлежу всей стране и желаю, чтоб мое имя оставалось незапятнанным», — эти слова Пушкина друзьям потрясли Виткевича.

А Даль говорил о том, что III Отделение знало о месте дуэли, но Бенкендорф послал жандармов не на Черную речку, а в противоположный конец столицы.

И еще говорил Даль о том, что светских негодяев,

травивших Пушкина, подбивала графиня Нессельроде, ненавидевшая поэта, а ей усердно содействовали не только высокопоставленные немцы, но и свои же, русские, продавшие свою честь...

Вынос тела поэта был назначен в Исаакиевский собор, куда утром и поспешил Виткевич. Но по дороге он узнал, что ночью гроб был перенесен в небольшую церковь Конюшенного ведомства и туда доступ только по билетам.

Билета у Яна не было, и он видел, как сквозь кордоны полицейских и жандармов проходили в церковь люди, виновные в гибели поэта, знать, которой равно чужды и гордость национальная, и личная честь, и слава России, и судьба литературы...

Гнев народа перепугал Николая, взрыв народных чувств показался признаком нового 14 декабря... Шпионы доносили, что готовятся беспорядки, что совершится нападение на дом Геккерна, а из траурной колесницы выпрягут лошадей и гроб понесут на руках.

Николай приказал отвезти тело Пушкина в Михайловское и предать земле в Святогорском монастыре. Сопровождать гроб он поручил Тургеневу. А псковскому губернатору было передано приказание царя: запретить при похоронах все, кроме того, что делается для всякого дворянина.

8

О Пушкине в «свете» забыли быстро. Настала масленица, и в столице бушевал вихрь балов, маскарадов, празднеств.

«Все общество Санкт-Петербурга, включая дипломатический корпус, продолжает быть увлеченным развлечениями карнавала и очень мало занимается политикой. Празднества происходят без перерыва», доносил своему правительству французский посол.

Ян томился в своем номере в гостинице и с нетерпением ждал решения Николая.

Родофиникин сказал, что государь приказал все материалы, передать на рассмотрение Азиатского комитета с тем, чтобы к концу марта был представлен окончательный доклад с точными предложениями.

Решение такое Николай принял, взвесив, как склады-

вались отношения с Англией. В споре о «Виксене» он видел нерешительность британского кабинета: «Кажется, поставим на своем без драки»,— писал он Паскевичу. Дергем был явно на стороне России, и Пальмерстон пока не проявлял свойственной ему воинственности.

Но это не мешало ему продолжать поиски на побережье Кавказа среди горских племен. Бутенев из Константинополя прислал верные сведения, доставленные его тайными агентами в Турции.

Белл, незадачливый капитан «Виксена», вернувшись из России в Константинополь, недолго там пробыл и вновь отплыл к берегам Кавказа. Он привез туда нечто вроде прокламации с обещанием английской вооруженной помощи. Себя Белл называл посланником Англии. Несколько позже среди горцев появился корреспондент «Морнинг хроникл» Лонгворт, выдавший себя за «диван эфпенди», присланного королем английским. Белл и Лонгворт передали горцам «знамя независимости» и подбивали их собирать вооруженные отряды для войны с Россией. Белл и Лонгворт даже начали подбирать «министров» для правительства Черкессии.

В Персии Макнил не жалел усилий, чтобы отвратить шаха от похода на Герат, и воспользовался поездкой Карелина в Астрабад, чтобы пугать шаха намерением России захватить эту область Персии.

На эти действия англичан Николай и хотел ответить своими контрдействиями в той части Азии, которую Англия считала своей исключительной сферой...

9

Бернс покинул Бомбей 26 ноября 1836 года и 15 декабря высадился в Синде. Эмиры принимали его любезно, пригласили на охоту. Они знали о замыслах Ранджит Синга, желавшего подчинить себе весь Синд, и поэтому искали покровительства Англии.

В столице Синда Гайдарабаде Бернс в начале февраля получил письмо из Кабула от Массона Английский резидент писал: «Я заметил, что печатные издания в Индии в течение последних двенадцати месяцев наполнены наиболее лживыми сообщениями и абсурдными слухами относительно Махмуд-шаха и Афганских областей. Их можно приписать либо чистой выдумке, либо жела-

нию сбить с толку». Последнее вышло верно! В Лодиане агент капитана Уэйда Шамат Али в газете «Лодиана Акбар» много лгал о Кабуле, и Дост Мухаммед, писал Массон, непрестанно оскорбляемый на страницах газеты, воскликнул в гневе, что Массон является автором такой лжи. Однако Массону удалось убедить эмира, что он тут ни при чем. Массон писал и Уэйду, что нельзя верить слухам о враждебных замыслах Дост Мухаммеда против Англии. Однако Уэйд, сообщал Массон Бернсу, не обращает внимания на его сообщения и пересылает генерал-губернатору в Индию только сведения, крайне враждебные эмиру кабульскому.

Письмо Массона раскрыло Бернсу весьма сложную обстановку в Кабуле, необходима была осторожная, дальновидная, точная линия поведения.

Бернс ответил Массону, что цель его поездки в том, чтобы «открыть для торговли Инд и лежащие за ним страны».

Миссия Бернса отнюдь не была «коммерческой», хотя в инструкции Окленда говорилось только о торговле...

В Гайдерабаде Бернс принял и гонца из Бухары, который сообщил, что из России вернулся посол караулбеги и привез письмо императора к эмиру с выражением дружеских чувств.

Покинув Гайдерабад, Бернс отправился вверх по Инду и в апреле достиг Шикарпура. Тут он получил сведения о событиях в Персии: о сборе большого персидского войска для похода на Герат, о переговорах кандагарских владельцев с шахом, о послахе из Кабула к шаху.

В Шикарпуре же к Бернсу прибыли гонцы из Лахора и Кабула. И Ранджит Синг и Дост Мухаммед приглашали Бернса к себе.

22 апреля Бернс приехал в Миттанкот, где его ждал сын Ранджит Синга Гари Синг, присланный отцом, чтобы с почетом проводить британского посланца в столицу Пенджаба.

Тем временем в Кабуле произошли важные события. Дост Мухаммед решил еще раз попытать счастья на поле брани и силой отобрать у сикхов Пешавар. Этому решению способствовал перебежавший к нему от Ранджит Синга американец Харлан.

Поссорившись с магараджей Пенджаба, он явился в Кабул, Эмир принял его с распростертыми объятиями,

назначил своим личным адъютантом и командующим армией, поручив ему обучить войска на европейский лад и подготовить к новому походу против сикхов. В дурбаре эмир отвел Харлану почетное место по левую руку от себя.

Подготовка войск под руководством американца шла безуспешно, и в начале мая 1837 года Дост Мухаммед выступил в поход.

10

Пальмерстон решил уступить России в вопросе о «Виксене», но так, чтобы выигрыш все-таки был на стороне Англии: согласиться с конфискацией корабля Белла, но при этом не признавать прав России на Кавказское побережье. Отправленные туда агенты должны были создать обстановку, доказывающую, что Черкессия не принадлежит России и не признает ее власти.

30 апреля Пальмерстон пригласил к себе русского посла Поццо ди Борго и заявил ему, что Британия не признает прав России на побережье Кавказа, предусмотренных Адрианопольским договором. Русский посол энергично протестовал претензии Англии.

Тогда Пальмерстон разразился грозной филиппикой в адрес России.

«Да, Европа слишком долго спала. Она, наконец, проснулась, чтобы положить конец системе захватов, которую император намерен привести в исполнение на всех границах своей обширной империи. В Польше он возводит укрепления и угрожает Пруссии и Австрии. Он вывел свои войска из княжеств, но сеет там смуту, чтобы иметь предлог возвратиться туда. Он строит большие крепости в Финляндии с целью навести страх на Швецию. В Персии ваш посланник увлекает шаха на безрассудные походы, его разоряющие, и предлагает ему принять личное участие в этих опустошительных войнах с целью его ослабить и погубить. Теперь вы желаете захватить Кавказ, но пройдет более сорока лет, раньше чем вам удастся победить этот храбрый и свободный народ».

Спокойно выслушав Пальмерстона, Поццо ди Борго заметил только, что зря благородный лорд беспокоится об Австрии и Пруссии. Они живут в мире и искренней дружбе с Россией.

Пальмерстон ответил:

— Они находятся в заблуждении. Но Англия должна исполнить свою роль покровительницы народов, и если овцы молчат, то пастух должен говорить.

Поццо возразил:

— Пастуху много будет дела, если он желает принять на себя обязанность охраны тех, кого он называет овцами, но которые вовсе не овцы и не ищут его покровительства.

Пальмерстон с жаром, стал доказывать, что «султан укрепляет Дарданеллы с помощью прусских инженеров, посланных ему по приказанию императора для того, чтобы не вызвать скандала посылкою русских инженеров». На замечание Поццо ди Борго, что султан имеет право укреплять каждое место на своей территории, Пальмерстон воскликнул:

— Нет, милостивый государь, он против нас укрепляет Дарданеллы, ибо нет другой державы, которая в состоянии была бы прорваться через них.

В заключение Пальмерстон заявил, что «Англия оставляет за собой все права, которые намерена осуществлять в других частях Кавказского побережья».

Поццо ответил, что Россия таких прав Англии не признает.

Назвав этот разговор «изумительным и почти невероятным», Поццо ди Борго в донесении от 20 апреля (2 мая) 1837 года сообщал о своем твердом убеждении, что Пальмерстон желает войны, чтобы прослыть «великим и популярным человеком». Его поддерживает английский король Вильгельм IV: он «желает войны тем более энергически, чем менее понимает сам ее причину».

На донесении Поццо ,царь написал Нессельроде: «Я вам разрешаю прочесть это донесение целиком Дергему в доказательство моего к нему уважения и доверия. Вы прибавите, что я ни в чем не изменю образа моего действия».

Николай еще за три недели до этого утвердил предложения Азиатского комитета: необходим тесный союз Персии и Афганистана, чтобы через Персию, не компрометируя России, преодолеть английское влияние в этой части Азии. Но русской гарантии этого союза быть не должно. Гусейну Али рекомендовать отправиться в Кабул через Тегеран. Николай к мнению Азиатского депар-

тамента присовокупил: Виткевичу отправиться с Гусейном Али в Кабул, а по дороге, в Тегеране, передать Симоничу новые инструкции.

Сообщая Виткевичу высочайшее решение, Родофиникин объявил, что исполнение откладывается до того момента, когда будет оно удобоисполнимо.

Приходилось снова ждать...

Николай задерживал отъезд афганского посла потому, что желал предварительно покончить с делом «Виксена».

Бурное объяснение Пальмерстона с Поццо ди Борго не обмануло царя. Он понял, что британский министр шумными речами прикрывает отступление британской дипломатии.

И точно: спустя неделю после столкновения с русским послом Пальмерстон через Дергема передал ноту, в которой уже содержалось согласие признать конфискацию «Виксена» законной, если будет доказано, что корабль нарушил таможенные и санитарные правила в русском порту.

Нессельроде через три дня ответил, что дело обстоит именно так.

Пальмерстон 23 мая (11 мая по старому стилю) направил Дергему депешу, в которой поручил уведомить Нессельроде, что британское правительство признает правильной конфискацию и не имеет никаких претензий, поскольку порт, в коем был захвачен корабль, перешел к России по Адрианопольскому трактату.

II

Спор о «Виксене» был улажен, и препятствия для отъезда Гусейна Али и Виткевича отпали.

12 мая (24 мая) Нессельроде сообщил военному министру Чернышеву, что по решению государя с афганским послом должен отправиться в Кабул адъютант Оренбургского военного губернатора поручик Виткевич, коему сверх жалованья и прогонов положено по 40 червонцев в месяц.

За сим 14 (26) мая Нессельроде принял Гусейна Али и, сообщив ему высочайшее решение, вручил письменный ответ императора на письмо Дост Мухаммеда. От-

пустив афганского посла, вице-канцлер задержал сопровождавшего его Виткевича и ознакомил его с текстом инструкции.

**Инструкция поручику Виткевичу от 14 мая 1837 г.
1218.**

Цель вашего отправления состоит в том, чтобы сопровождать находящегося здесь кабульского посланца Гусейна Али до Тегерана и затем, буде возможно, проехать с ним же или одному до Кабула, через Кандагар, с особыми поручениями к владельцам сих стран и для вручения посылаемых им подарков, а первому и высочайшей грамоты; в ответ на письмо его Г. И. М. И. Д. по сему предмету долгом поставляет изъяснить следующее к вашему наблюдению и руководству:

Гусейн Али будет ехать с вами под видом торгового человека, возвращающегося в свое отечество; настоящее же его значение должно быть тайной.

По прибытии в Тегеран вы явитесь к посланнику графу Симоничу, в полном распоряжении коего будете находиться: от его усмотрения будет зависеть отправить вас далее в Афганистан, или отменить сие, если признает посылку вашу в Афганистан несовместною с политическими в Персии обстоятельствами или невозможною по другим причинам. От него же будут зависеть и распоряжения по дальнейшему отправлению Гусейна Али.

Сей последний, быв здесь одержим болезнию долгое время и находясь и теперь еще в слабом состоянии, может на пути до нашей границы впасть опять в тяжкую болезнь, совершенно препятствующую дальнейшему его следованию; в таком разе можете продолжать путь до Тегерана один (взяв с собою имеющуюся у Гусейна Али «Высочайшую грамоту» к Дост Мухаммед-хану), а его препоручить попечениям местного начальства, для чего вам дается особый открытый лист к властям, по тракту находящимся.

На случай, если граф Симонич, как и полагать должно, найдет полезным и возможным отправить вас в Афганистан, то он снабдит вас наставлениями; здесь же вкратце излагается ваша обязанность, а именно: примирить афганских владельцев (кабульского Дост Мухаммед-хана и кандагарского Кохендиль-хана), объяснить им, сколь полезно для них лично и для безопасности их

владений состоять им в согласии и в тесной связи, дабы ограждать себя от внешних врагов и внутренних смут. Убедивши афганских владельцев в пользу тесного их между собою соединения, объяснить им и необходимость пользоваться благосклонностью и покровительством Персии, ибо одни они раздельно никак не в силах устоять против общих врагов их...

При этом вы не оставите также объяснить им, что Россия, по дальности расстояния, не может оказать им действительной помощи, но тем не менее принимает в них искреннее участие и всегда будет через посредство Персии оказывать дружеское за них заступление. Также подданным их, приезжающим к нам по делам торговли, государь император обещает всякое покровительство и защиту и те же права, коими пользуются у нас персияне, что должно побудить их к большим сношениям с Россией.

Не бесполезно также было бы войти в объяснения и совещания с некоторыми торговыми домами в Кабуле, дабы побудить их вести непосредственную торговлю с Россией, вместо нынешнего образа добывания ими наших товаров от бухарцев, из вторых и третьих рук. На наших ярмарках они могут находить все для них потребное, лучшей доброты и за дешевлею цену, а также могут, приезжая к нам, входить в ближайšie торговые сделки с нашими купцами и фабрикантами и делать им всякого рода заказы по своим образцам и сообразно вкусу восточных народов, применяясь в то же время к нашим требованиям насчет отпускных своих товаров в России, что все значительно могло бы послужить к расширению обоюдных торговых оборотов.

Независимо от вышеизложенного, в круг ваших действий будет также входить собрание всяких сведений об Афганистане и других местах, а именно:

1) Подробное исследование положения всех дел в Афганистане; способов и средств, какие имеет сия страна или могла бы иметь к своей обороне; о финансах, войсках, народонаселении и проч. и проч.

2) О взаимных отношениях всех афганских владельцев между собою, отличительных свойствах каждого; о средствах к их теснейшему сближению и в особенности о том, есть ли какая-нибудь возможность опять соединить в одно целое разъединенные ныне области Афгани-

стана (что, без сомнения, послужило бы к наипрочнейшему ограждению их независимости).

3) Об отношениях афганских владельцев к англичанам; влияние сих последних; о действиях и видах Англии касательно Афганистана.

4) О Пенджабе, отношениях оного к Афганистану, влиянии там англичан и участи, какая, по вероятиям, ожидает страну сию.

5) О всяких торговых предприятиях англичан в Афганистане и местах сопредельных; об учреждаемом ими судоходстве по Инду и могущих быть следствиях оного.

6) О сношениях политических и торговых афганцев с Бухарией и вообще с Ср. Азиею (то же самое в отношении к Персии, и какие чувства афганцы питают к персянам).

7) О торговых сношениях афганцев с Россиею: в каком положении сил торговля сравнительно с прежними годами? Если упала, то от каких причин? Какие товары наши там более в ходу? На какие может еще быть потребность? Что для сих товаров нужно, чтобы имели цену в глазах афганцев и успешный сбыт? В чем состоит отпускная торговля афганцев? Какие из их товаров и произведений к нам идут и какие не идут, ко могли бы успешно у нас расходиться? Что наиболее затрудняет торговлю афганцев с Россиею и какие средства к отвращению сих затруднений? И проч, и проч.

Если бы для собрания всех сих и тому подобных сведений вам встретились необходимости делать некоторые поездки в места, сторонние от вашего прямого пути, то разрешаетесь на сие, лишь бы подобные поездки не подвергали вас, особенной опасности.

Вообще министерство не стесняет вас насчет пути, по коему вы должны будете следовать из Тегерана в Кабул и оттуда обратно в Россию, предоставляя вам в сем случае соображаться с собственною вашей безопасностью. Желание наше только, чтобы вы побывали не в одном Кабуле, но и в Кандагаре, так как поручение, вам данное, касается и до кандагарского владетеля, а сверх того с вами пошлются подарки, из коих часть будет следовать к кандагарскому владельцу. Сверх подарков к кабульскому и кандагарскому владельцам вы получите от графа Симонича еще некоторые вещи, изделия наших фабрик, которые и можете давать как таковые

в подарок тем лицам, коим считаете сие нужным и полезным.

Сверх жалования вам назначится по сорока червонцев в месяц. Министерство, надеясь вполне на ваше благоразумие и скромность, излишним считает подтвердить вам о сохранении величайшей тайны насчет всего изложенного в сей инструкции, долженствующей быть известною одному посланнику нашему в Персии графу Симоничу и генерал-адъютанту барону Розену. Осторожность требует также, чтобы при отправлении вашем в Афганистан инструкция сия была вами оставлена у графа Симонича, дабы, в случае какого-либо несчастья, ничто не могло бы выдать тайны настоящего поручения.

Выслушав инструкцию, Виткевич заключил, что на него возлагается миссия в первую очередь политическая: добиться соглашения Кабула с Кандагаром и союза Афганистана с Персией как средства противодействия английской политике в Афганистане.

— Осмелюсь спросить, ваше сиятельство. Посланник наш в Персии граф Симонич полагает, как од о том писал на запрос ваш, что союзу Персии с афганскими владельцами надлежит дать гарантию России. Между тем, в высочайше утвержденном мнении Азиатского комитета сказано, что таковой гарантии быть не должно. В инструкции же, вашим сиятельством мне назначаемой, предоставляется графу Симоничу действовать сообразно с обстоятельствами. Означает ли сие, что посланник наш при персидском дворе имеет право, в случае, если признает необходимым, предоставить гарантию России?

Виткевич, как говорится, попал не в бровь, а прямо в глаз: вопрос о русской гарантии соглашения между Персией и афганскими владельцами был наиболее важен и вместе с тем наиболее сложен.

Нессельроде был поставлен вопросом Виткевича в затруднительное положение.

— Поручик,— сказал он после некоторого промедления,— в инструкции прямо говорится, что Россия ввиду дальности расстояния не может оказывать Афганистану помощи.

— Осмелюсь заметить,— снова прервал Виткевич,— далее говорится в инструкции, что Россия через по-

средство Персии будет оказывать дружеские заступления.

Нессельроде резко оборвал Виткевича: — Господин поручик, императорское министерство иностранных дел точно изъяснило волю государя императора, и вам надлежит руководствоваться преподаваемой вам инструкцией. Дальнейшие указания получите от действительного тайного советника Родофиникина...

Виткевич молча откланялся и покинул кабинет вице-канцлера.

Он отдавал себе отчет в том, что данная ему инструкция означает намерение правительства империи принять деятельное участие в делах Афганистана посредством Персии. Что означает использование слабой Персии, как орудия? Только одно: надзор России над тем, чтобы Персия на деле помогала Афганистану. А называть ли таковой надзор гарантией или не называть — это спор о словах... Без надзора же все предприятие и гроша медного не стоит...

Родофиникин в дополнение полученной Виткевичем инструкции сказал, что правительство Российское расположено ссудить Дост Мухаммеду два миллиона наличными и на два миллиона дать товаров.

11

Отъезд Виткевича чуть было не сорвался. Нессельроде получил от Палена депешу, что в Париж прибыл участник революции 1830 года виленский врач Ипполит Войткевич. На собрании польских эмигрантов он заявил, что общество славян посылает его в Петербург убить императора. Послу об этом сообщил участвовавший на собрании осведомитель, который добавил, что затея эта совершается на английские деньги.

В III Отделении сразу обратили внимание на фамилию злоумышленника Войткевич и на его происхождение из Вильно.

Войткевич — Виткевич? Не родственник ли?

Виткевич ездил в Литву к родным в Крожи и по пути побывал в Вильно... Подозрителен и ненадежен этот поляк... Однако же никаких доказательств родства Войткевича и Виткевича не нашли. Да и сообщениям Палена о польских заговорщиках, якобы на-

правляющихся в Петербург, особенной веры не было после того, как не далее как месяц назад оказались ложными его сведения о некоем Зееринге, прибывшем из Лондона в Петербург. В конце концов Ш. Отделение установило, что все сведения о Войткевиче — чистейший вымысел.

Об этом Ян, разумеется, не знал...

Стояли белые ночи. В канун отъезда Ян почти до утра бродил по Петербургу. Пройдя по Дворцовой набережной мимо Зимнего, мимо застывших у полосатых будок часовых, он свернул на Миллионную. Окна дворцов были темны. По Канавке Ян вышел на Мойку, перешел мост... Постоял у подъезда квартиры Пушкина... Вспомнил, как народ выражал гнев и скорбь по поводу своей трагической утраты...

Виткевичу предстояло сложное, трудное, опасное дело. Снова жизнь его переламывалась — в который уже раз! Хотел ли он этого? Да, хотел, ибо чувствовал в себе силы совершить многое. Но что же именно? Это было так же загадочно, как и белесый свет петербургской майской ночи.

Дома, в родовом именье, Ян застал больную мать, брата, заменившего во главе семьи умершего отца.

«Я — оторванный ломоть,— понял тогда Ян.— Семьи у меня нет. Да и Польша уже чужда».

Так что же оставалось?

Странствовать по свету, подобно Дон-Кихоту,— чтобы восстанавливать справедливость и помогать народам? Да, но от имени императора Николая! От имени тех, кто надругался над Польшей, кто убил Пушкина...

Ночь приходила к концу, солнце вновь показалось из-за горизонта... Ян быстрыми шагами направился к гостинице.

15. мая вместе с Гусейном Али Виткевич выехал из Петербурга. 19 мая они были в Москве, и здесь афганец вновь захворал. Виткевич передал его на попечение местного начальства и отправился дальше. 7 июня он был уже в Тифлисе и явился во дворец к барону Розену.

Это был тот самый генерал, который в 1824 году председательствовал в военном суде, осудившем Виткевича. Однако встретиться с ним на этот раз Яну не пришлось. Розен был в отъезде. Виткевич передал на-

чальнику штаба письмо Нессельроде при своём рапорте, в котором извещал, что Гусейн Али по болезни оставлен им в Москве.

Из Тифлиса Ян выехал с адъютантом Симонича, капитаном генерального штаба Бларамбергом.

Ежели жандармы оставили Виткевича в покое, то этого нельзя сказать о мистере Эшли. Агенты его вели себя осторожнее после неудачи Птицына. Они только следили за тем, находится ли еще Виткевич в столице. И когда он выехал из Петербурга, за ним по пятам следовал «приказчик» фирмы мистера Эшли.

* * *

Первого июня (20 мая по ст. стилю), когда Виткевич был еще в Москве, Бернс находился уже в Дера Гази Хане, недалеко от Лахора. Там он получил от Макнила депешу о последних событиях в Афганистане и на следующий день — дальнейшие известия из Пешавара,

Бернса извещали о битве между войсками Дост Мухаммеда и Ранджит Синга у входа в Хайберское ущелье, под стенами крепости Джамруд.

Войска Кабула, предводительствуемые сыном эмира и Харланом, одержали победу; в сражении был убит сын Ранджит Синга Гари Синг, с которым незадолго до того встретился Бернс.

Кабульская армия опять не сумела воспользоваться плодами побед и не овладела Джамрудом, подступом к Пешавару. Сикхи вскоре получили подкрепление, и афганцы отступили...

ВСАДНИК СКАЧЕТ НА ВЕРШИНУ...

I

Десять дней понадобились Виткевичу и Бларамбергу, чтобы добраться до Эривани.

— Дороги, дороги!— вздыхал Виткевич, трясясь и подпрыгивая в курьерской повозке без рессор.— Когда же на бесконечные российские пространства лягут железные дороги?

В Петербурге он видел, как строится первая русская железная дорога до Царского Села. И он слышал, что Канкрин, министр финансов, решительно возражает

против сооружения железных дорог в России. А в это время Пальмерстон хвастал, что Англия покрывается железными путями так же, как возделанное поле бороздами...

В Эривани Бларамберг остановился на три дня, а Виткевич, отдохнув сутки, поехал дальше. Еще неделя ушла на то, чтобы добраться до Аракса, отделявшего Россию от Персии. 8 июля Виткевич был в Джульфе, пограничном таможенном пункте, откуда переправлялись на персидскую сторону.

Выйдя из жалкого домика таможни к пристани, Ян остановился.

Полая вода сошла, и Аракс обмелел, но узкая лента мутной воды неслась стремительно меж широкими песчаными отмелями. За рекой открывалась голая однообразная степь, усеянная камнями, поросшая бурьяном.

— Вот мой Рубикон,— сказал вслух Виткевич, и курьер, стоявший поодаль, спросил:

— Что, ваше благородие?

Виткевич махнул рукой и сошел в лодку. За ним сели казаки и курьер, гребцы взяли за весла, и лодка отошла от российского берега...

Быстрое течение сносило утлое суденышко, и гребцы налегали грудью на весла, чтобы пристать к берегу там, где виднелись признаки причала.

Скрестив руки на груди, Ян сидел на корме в своей офицерской казачьей форме; глубоко сидящие глаза его не отрывались от персидского берега.

...Итак, секретная, опасная миссия начиналась... Но Ян, вопреки ожиданию, не ощущал торжественности минуты, не испытывал волнения.

Что ждет его там, в пустынях Персии, в горах Афганистана? К опасностям он привык, странствие в Бухару наделило его опытом. Ему хотелось так справиться с трудным, сложным поручением, чтобы имя его вошло в историю.

Лодка стукнулась о персидский берег, прервав размышления Виткевича.

Он выпрыгнул на утлое подобие пристани.

Персия!

Через шесть дней, 14 июля, а по новому стилю 26-го, Виткевич достиг Тебриза. Здесь его нагнал Бларамберг, и они вместе прибыли в Тегеран 2/14 августа.

Симонич, спасаясь от зноя, пыли и смрада персидской столицы, жил на вилле, вблизи города в Аргованиэ. Туда и отправился Виткевич.

2

Еще до прибытия Виткевича в Тегеран Симонич направил письмо Дост Мухаммеду через афганца, возвращавшегося в Кабул.

«Я пользуюсь возможностью писать вам, побужденный к тому хвалами вам, которые я постоянно слышу, а также и дружескими беседами между вашим посланцем и мною. Считаю меня своим другом, вы, я верю, будете укреплять узы дружбы, переписываясь со мною и свободно требуя от меня услуг, так как я буду счастлив все сделать для вас. Смотрите на меня как на вашего слугу и дайте мне услышать о вас».

А Ходжа Ибрагим доносил своему повелителю: «Русский посол, который всегда с шахом, послал вам письмо, которое я прилагаю. Сущность его устных сообщений вам в том, что шах сделает все, чего вы хотите, как можно лучше; если же нет, Российское правительство снабдит вас всем, в чем вы нуждаетесь. Цель русского посла — открыть дорогу к англичанам в Индии; к этому русские очень стремятся. Посол ждет вашего ответа, и я уверен, он будет служить вам».

Что в действительности говорил граф Симонич Ходжа Ибрагиму — неизвестно, и слова кабульского посланца насчет «дороги в Индию» остаются на его совести. Однако же можно допустить, что пылкий и необузданный в своей ненависти к Англии наполеоновский офицер, ставший российским дипломатом, был в состоянии делать афганскому представителю необдуманные заявления... Но, разумеется, в помыслах Николая не было ничего, даже отдаленно похожего на «поход в Индию». Турция, Балканский полуостров, Кавказ и в какой-то мере Хива — вот были цели политики Николая.

Симонич встретил Виткевича радушно.

Расположившись с ним в тенистом саду под шелковым тентом, за изящно сервированным завтраком. Симонич с экспрессией южанина — жителя Адриатиче-

ского побережья — рисовал картину положения в Персии, Афганистане и на подступах к Индии.

Шах 23 июля выступил в поход на Герат во главе армии из 25 тысяч пехоты и 9 тысяч иррегулярной кавалерии при 60 орудиях. С шахом Симонич послал секретаря миссии Гутта.

— Шах во что бы то ни стало жаждет овладеть Гератом. А это — ключ к Индии!

Симонич говорил по-русски правильно, но с акцентом и ошибаясь в ударениях. Он хитро улыбнулся:

— Я говорил этому лекаришке Макнилу, что отговариваю шаха от похода... И это правда! Но чем больше я отговариваю, тем сильнее разгорается у шаха желание прибрать к рукам Герат. Дипломатия!

— Недели три назад,— продолжал Симонич,— в канун выступления шаха с армией, из Тегерана выехали представители кандагарских братьев и Камбар Али, уполномоченный шахского правительства. Они повезли в Кандагар договор между Персией и тремя братьями Баракзаями — Кохендиль, Рахандил и Мехардил ханами. Если сардары пришлют в Тегеран одного из своих сыновей в качестве заложника, шах обещает передать сардарам Герат и не требовать от них ничего, кроме службы; и не будет вмешиваться в дела Афганистана.

— Простите, ваше сиятельство,— прервал Виткевич.— Шах уверен, что возьмет Герат?

— Я бы его взял в один миг! Вы улыбаетесь? Мы с Наполеоном брали и не такие крепости!

Виткевич удивился: «Мы с Наполеоном». А Симонич продолжал:

— У шаха есть один поляк Боровский. Очень способный, бравый малый. Он служил у Аббас Мирзы, брал для него крепости... Возьмет и Герат... Но мы отвлеклись от договора. Шах обязуется не вступать в дружбу с Камраном и Яр-Мухаммедом. Ах, этот Яр-Мухаммед! Вы о нем не знаете? Первый министр, а на деле полный хозяин Герата. Вертит Камраном, как хочет. Совести не имеет ни на сантим, промышленяет тем, что похищает людей и торгует рабами. Но умная бестия и храбрый воин... И еще шах обязуется дать сардарам Кандагара деньги на содержание 12 тысяч пехоты и кавалерии при 12 орудиях. Эти войска примут участие во взятии Герата.

У Виткевича, слушавшего внимательно экспансивную речь посланника, возник естественный вопрос: не является ли вся эта затея чистой фантазией. Но не успел он раскрыть рот, как Симонич воскликнул:

— Я знаю, вы думаете, что все это воздушные замки из «1001 ночи»! Договор будет гарантирован подписями моей и Макнила!

— Кого?— вырвалось у Виткевича.

— Моей и британского посланника.

Виткевич не верил своим ушам: каким же должно быть, мягко говоря, легкомыслие Симонича, чтобы полагать, что Макнил скрепит договор, отдающий Герат под власть Персии!

А Симонич, заметив изумление Виткевича, воскликнул:

— Но если лекаришка заупрямится, я один дам гарантии.

Гарантия! В ней и было все дело. Виткевич хорошо помнил, как Нессельроде изворачивался, чтобы не дать прямого ясного ответа: согласно ли правительство Российское на такую гарантию или нет? У Виткевича тогда сложилось впечатление, что вице-канцлер хочет этот главный пункт всецело взвалить на плечи Симонича. У Симонича же, очевидно, сомнений и не возникало... Он даст гарантии. Толковать об этом больше не приходилось, и Виткевич спросил, что нового слышно из Кабула.

Симонич рассказал о сражении при Джамруде.

— Понимаете, Ранджита побил тот самый американец Харлан, который служил у него и двумя годами раньше у того же Джамруда нанес поражение Дост Мухаммеду. Воображаю, какую рожу скорчил этот паралитик Ранджит!

Симонич засмеялся...

— И Дост Мухаммед пошел на Пешавар?— живо спросил Виткевич.

— Ну нет! Ранджит прислал подкрепления, и кабульскому эмиру пришлось уйти назад, восвосяси...

— Следовательно, Пешавар по-прежнему в руках сикхов?

— Конечно! И взять его будет нелегко! Ведь там командует генерал Авитабиль — француз наполеоновской школы! И еще два французских генерала у Ранджита — Алар и Кур...

«Итак,— думал Виткевич,— Пешавар остался яблоком раздора между Дост Мухаммедом и Англией, и именно там, а не в Герате средоточие всего вопроса об Афганистане...»

Завтрак подходил к концу. Виткевич по обыкновению ел и пил мало, чего нельзя было сказать о хозяине. По знаку Симонича лакей раскупорил бутылку шампанского.

— Я — далматинец, вы — поляк,— говорил Симонич, разливая шампанское,— и оба мы в Персии и решаем дела Афганистана и Индии... А над нами немец вице-канцлер...

Тут Симонич красноречиво умолк на миг, а затем воскликнул:

— За успех нашего дела!

Отпуская Виткевича, Симонич сказал, что необходимо выждать известий из Кандагара и Кабула, а также и от шаха из-под Герата. И тогда только можно будет решить — куда и с чем ехать Виткевичу.

— А покуда отдохните, познакомьтесь с Тегераном. Развлекитесь...

И Симонич игриво подмигнул.

Возвращаясь верхом в Тегеран, Виткевич оценивал результаты беседы.

Что Симонич человек увлекающийся, даже легкомысленный, было несомненно.

«Из тех, кто любит и привык свои желания считать действительностью, и из такого смешения фантазии и фактов выводит правила поведения... Неужто же Нессельроде не заметил черты сей? Либо же оставляет Симоничу свободу, дабы в случае неудачи на него вину свалить?»

Так ничего не решив, Виткевич въехал в городские ворота и, проехав через центр города, где высился старинный Арк с шахским дворцом, направился в северную, европейскую часть столицы, к зданию российской миссии.

3

Бернс поспешил отплыть из Дера Гази Хана, так как полученные им письма Макнила и пешаварского агента давали «основательный повод думать, что общее спокойствие здешних мест скоро нарушится».

Макнил писал: «Я искренне желаю, чтобы эмир Дост Мухаммед-хан был обладателем Кабула и Кандагара — если вы придете с ним к доброму взаимопониманию... Денежный заем мог бы дать ему возможность достичь этого, а нам дал бы большую власть над ним».

Макнил прислал Бернсу деньги для отправления в Кандагар наблюдателя.

Бернс был полностью согласен с тем, что Англии выгодно и полезно иметь другом Дост Мухаммеда, главу единого Афганистана. О Пешаваре Макнил не упоминал. А ведь Пешавар-то и был узлом политической борьбы к северу от Инда! Бернс полагал, что дружба с Дост Мухаммедом должна быть куплена ценой Пешавара. Необходимо отдать этот город Дост Мухаммеду, не останавливаясь перед охлаждением отношений с Ранджит Сингом.

Но Уэйд был иного мнения. Прочтя письма Макнила к Бернсу (вся корреспонденция с Бернсом проходила через руки британского резидента в Лодиане), Уэйд тотчас же написал Колвину, личному секретарю Окленда: «Таковой эксперимент нашего правительства, то есть укрепление власти Дост Мухаммеда, будет играть на руку нашим соперникам и лишит нас могущественных средств, которые у нас в запасе,— контролировать нынешних правителей Афганистана». Уэйд утверждал, что «раздробленные на несколько государств, афганцы более способны подчиняться видам и интересам британского правительства». Поэтому Уэйд предлагал вновь водворить в Кабуле шаха Шуджу.

Бернсу были хорошо известны взгляды Уэйда, и он назначил ему свидание в Мултане, чтобы обсудить с ним афганскую проблему и склонить его к своей точке зрения. Однако Уэйд уклонился от встречи, сообщив, что задерживается в Лахоре. Из Мултана Бернс послал письмо Дост Мухаммеду, «многоглаголююще распространявшись в нем о выгодах мира».

12 августа Бернс прибыл в Пешавар. Генерал Ави-табиль с большой свитой встретил его за несколько миль от города. В карете генерала Бернс и въехал в Пешавар.

Еще еще до прибытия в Пешавар он получил от Ранджит Синга «самое милостивое письмо». «Лев Лахора» хотел задобрить и расположить в свою пользу специаль-

ного представителя генерал-губернатора Индии, посланного в Кабул улаживать споры между афганцами и сикхами. И Бернсу приходилось соблюдать осторожность и сдержанность в беседах с бывшими властителями Пешавара.

Тридцатого августа Бернс покинул Пешавар, до Джамруда его провожал Авитабиль. Второго сентября Бернс вступил в Хайберское ущелье.

Восемнадцатого сентября, в двух днях пути от Кабула, Бернса встретил Массон и посвятил в положение дел. Массон полагал, что Пешавар следует вернуть Дост Мухаммеду, что отвечало мнению Бернса. Однако Массон был против воссоздания единого Афганистана как союзника Англии.

Бернс заметил:

— С афганцами надлежит обращаться, как с детьми. Массон, удивленный, ответил:

— Должно ожидать их поведения как мужчин...

«Из этой миссии ничего не выйдет,— думал Массон после разговора,— Бернс с такими взглядами провалит дело...»

20 сентября Бернс достиг Кабула. Въезд британского представителя на этот раз был разительно отличен от его первого прибытия в Кабул в 1833 году. Тогда Бернс явился под видом простого путешественника. «А ныне,— писал он,— мы въехали в Кабул с большою пышностью и блеском, в сопровождении превосходного отряда афганской кавалерии, под начальством сына эмира, наваба Акбар-хана. Он посадил меня на того же слона, на котором ехал сам, и проводил ко дворцу своего отца, где нам оказали самый дружеский прием посреди Бала Гиссара».

4

— Чрезвычайные новости!— прокричал Симонич, вбегая в кабинет свой, где его ждал Виткевич,— Седлайте коня! Прибыл экстренный гонец. Он привез важные новости: из Пешавара сообщили, что на пути в Кабул там был Бернс и отправился через Хайберский перевал в столицу Дост Мухаммеда.

Симонич протянул лист Виткевичу.

— Читайте! А затем переводите на персидский.

То было письмо к Дост Мухаммеду:

«Почтенный господин Виткевич представится вам с этим письмом. Ваш уполномоченный Гусейн Али подвергся тяжелой болезни и потому остановился в Москве, где хорошему врачу поручено вылечить его возможно скорее. Как только он поправится, я не премину снарядить его в долгий путь до Кабула. Зная, как вы озабочены получением известий отсюда, я поспешил отправить к вам подателя этого письма. Ему было поручено сопроводить вашего уполномоченного в Кабул, и я надеюсь, что по прибытии его к вашему двору вы будете с ним обсуждать ваши дела и доверите ему свои тайны. Прошу вас видеть в нем меня и его слова принимать, как мои. Если он задержится в Кабуле, вы позволите ему часто быть в вашем присутствии и поверите моему государю через меня ваши желания... У меня имеются некоторые русские редкости, которые отправляю вам; так как податель сего письма едет налегке, он не может взять их с собой. Но я воспользуюсь первой возможностью, чтобы безопасно отослать их к вам, а теперь имею удовольствие направить вам список этих вещей.

Граф Симонич, полномочный министр
Российской империи»

— Раньше всего вы посетите Кандагар,— заговорил Симонич, когда Виткевич прочел письмо.— Там надлежит окончательно уладить все вопросы, и чтобы сардары без промедления слали свои отряды к Герату. Затем — Кабул. Там — самое важное! Дост Мухаммед должен быть наш! А вы знаете индийскую поговорку: «Кто крепко держит власть в Кабуле, тот будет императором Индии!» Обещайте эмиру все, что ему надобно.

— И гарантию России для соглашения с Персией?

— Повторяю,— в сердцах воскликнул Симонич,— Дост должен быть наш... И разве инструкция вице-канцлера не предоставляет мне на месте, в соответствии с обстоятельствами, принимать необходимые решения! И, не правда ли, победителей не судят...

Симонич позвонил в колокольчик. Вошедшему курьеру он отрывисто приказал:

— Бутылку номера первого.

Когда слуга внес и раскупорил бутылку, Симонич торжественно сказал:

— Вино 1805 года! Понимаете, поручик? 1805 года? Аустерлиц! За ваш Аустерлиц в Афганистане — и да погибнет подлый Альбион!

24 сентября Виткевич с проводником Абдул Вегабом и казачьим конвоем покинул Тегеран, чтобы догнать армию шаха,двигающуюся к Герату.

5

Дост Мухаммед находился в затруднении. Он вел сложную игру, обратившись одновременно и к Англии, и к России, да еще и к шаху персидскому.

С нетерпением ждал он возвращения посланца к русскому царю, а Гусейн Али все не ехал...

Как же быть? С кем пойти? С русскими, которые далеко, или с англичанами, которые близко?

А тут еще прибыл из Кандагара гонец, сообщил, что кандагарские братья вступают в союз с шахом, и привез фирман шаха.

Прочтя его, эмир был взбешен. Шах писал, что встретил с удовлетворением просьбу эмира и считает необходимым взять под свое покровительство Кабул как неотделимую часть своей империи.

— Я — не верноподданный шаха,— вскричал эмир, позабыв или сделав вид, что забыл о своем письме к шаху, в котором сам назвал Кабул извечной частью персидской монархии.

Лорд Окленд писал Джону Гобгаузу: «В своем нынешнем положении Дост Мухаммед заигрывает с Персией, заигрывает с Россией и заигрывает с нами». Это было точное определение тактики эмира. Окленд, разгадав ее, — не менее точно определил свою тактику: «Было бы безумием с нашей стороны, если бы стали ссориться с сикхами ради него, хотя мы и хотим видеть обеспеченность его независимости».

Не ссориться с Ранджит Сингом — означало не исполнить заветного желания эмира: получить обратно Пешавар. А не выполнить этого требования Дост Мухаммеда означало поссориться с ним.

Следовательно, рассчитывать на Англию Дост Мухаммед не мог.

Он этого еще не знал...

И вот Бернс прибыл... Эмир на другой же день принял его в Бала Гиссаре, принял любезно и гостеприимно. Бернс вручил эмиру письмо лорда Окленда и сказал, что привез в подарок некоторые европейские редкости.

Эмир ответил, что Бернс и его спутники — сами для него такие редкости, на которые он смотрит с удовольствием. После обмена любезностями эмир отпустил Бернса, а наваб Акбар-хан повел его к себе и пригласил к завтраку.

Письмо лорда Окленда разочаровало Дост Мухаммеда. Генерал-губернатор писал только о торговле, выставляя выгоды торгового обмена между государствами.

«Всеобщее распространение этих благ и преимуществ между всеми народами — великая цель британского правительства. Для себя оно не ищет никаких преимуществ, но горячо жаждет содействовать упрочению мира и процветания во всех странах Азии. Побуждаемое этим, британское правительство призывает государства, расположенные по берегам Инда, открыть навигацию: к этой цели должны быть направлены все усилия. Ныне я посылаю капитана Бернса, который доставит это письмо, чтобы обсудить с вами все, что может способствовать улучшению торговли между Индией и Афганистаном. Не сомневаюсь, что он будет принят дружески и что его непосредственные сношения с вами будут сопровождаться тем успехом, на который я уповаю».

— Как!— воскликнул Дост Мухаммед.— Торговля судоходств по Инду — и это все? Да разве Инд закрыт для торговли? И разве не торгуем мы с Индией и с Персией,— да и не только мы, а все страны, прилегающие к Инду!

Харлан, презиравший, как истый янки, англичан, подлил масла в огонь:

— Благородный лорд прислал этого Бернса не для того, чтобы вернуть вам Пешавар, а чтобы принудить вас отказаться от него!

Дост Мухаммед повернулся к своему главнокомандующему и посмотрел на него в упор.

Харлан, зная его привычки, продолжал:

— Вы, ваше высочество, не дадите себя провести! Ваш светлый разум уже проник в хитрости англичан...

Человек умный и хитрый, эмир, однако, очень был

подвержен воздействию лести, и Харлан о том отлично знал.

— Посмотрите, ваше высочество, на подарки, которые привез этот Бернс!

А подарки, поднесенные Бернсом, были скромны: как он сказал, дары эти исходят не от правительства, а от него лично. Пара пистолетов и подозрная труба, присланные от имени генерал-губернатора, должны символизировать, говорил Бернс, охранительную и наступательную силу хорошего правительства.

И теперь после слов Харлана Дост Мухаммед отшвырнул подарки и воскликнул:

— Я чествовал этого ференга и затратил бездну рупий, а имею взамен кучу пустяковых побрякушек, чтобы обнаружить мою глупость.

В гневе эмира было немало и напускного. Он хотел запугать Бернса с самого начала переговоров и решил пустить в ход все средства хитрости, все увертки, чтобы выведать, каковы же намерения Англии. Он не верил, что Бернс прислан только как торговый представитель для переговоров о коммерции...

А Бернс плохо понимал характер эмира и очень неточно представлял себе истинные планы Пальмерстона и Окленда.

Через три дня после первой встречи Бернс был вновь приглашен к эмиру.

Дост Мухаммед встретил его приветливо, усадил рядом с собой и внимательно слушал, что Бернс говорил об открытии Инда для торговли.

Выразив горячее желание этому содействовать, он сказал:

— Я вовлечен в такие трудности, которые весьма опасны и вредны для торговли! Борьба с сикхами истощает мои средства, принуждает изымать деньги у купцов, увеличивать налоги. Когда мы были вынуждены отгонять Шуджу от Кандагара, у нас был отнят Пешавар. Я нашел в бумагах убежавшего Шуджи его договор с сикхами о подчинении Пешавара Ранджиту, и из уважения к Англии я уступил. Тогда Ранджит построил форт у Хайбера — а это прямая угроза Кабулу,— и я оказал сопротивление и одержал верх.

Бернс в ответ распространился о силе и мощи лахорского магараджи.

— Знаю я об этом,— промолвил эмир,— а потому и прошу британское правительство научить меня, что делать.

Бернс сказал, что он не уполномочен входить в политические переговоры, однако постарается помочь в великой цели упрочения мира.

За обедом, на котором присутствовали ближайшие советники эмира мирза Самед-хан и мирза Имамберды, зашел разговор о Персии. Эмир сказал, что персидский посол везет ему от шаха один курур рупий и оружие.

Бернс спросил:

— Желаете ли вы, ваше высочество, помощи от шаха?

Эмир, не задумываясь, ответил:

— Нет!

И испытующе посмотрел на англичанина...

Через два дня, 26 сентября, а задаем и 28-го, Дост Мухаммед посетил Бернса в его резиденции и расспрашивал об отношениях России и Англии, о влиянии России в Туркестане.

Бернс отвечал осторожно и уклончиво. Преувеличить силу России было невыгодно, но и умалять ее означало бы также преуменьшение значения Англии для защиты Афганистана.

Четвертого октября Дост Мухаммед пригласил Бернса в Бала Гиссар и сказал, что намерен послать сына в Лахор, просить Ранджит Синга забыть старые споры и передать ему Пешавар на условиях признания верховенства магараджи и уплаты дани.

Бернс одобрил мысль эмира и в тот же день написал Окленду, что персидский посол вряд ли появится в Кабуле и предложения Персии не будут брошены на одни весы с английскими предложениями.

Бернс предавался иллюзии, так как никаких английских предложений эмиру не было, кроме совета примириться с утратой Пешавара...

Повидавшись с эмиром пятого октября, Бернс испросил разрешения посетить Кохистан, горную страну к северу от Кабула. Он хотел выждать новых известий из Кандагара о ходе переговоров с Персией. Эмиру тоже был на руку отъезд Бернса, так как позволял выиграть время: ведь ответ из Петербурга еще не прибыл. Да и шах еще не дошел до Герата.

Шах с армией двигался медленно и за два месяца не дошел еще до Нишапура — в девятистах километрах от столицы.

Виткевич рассчитывал присоединиться к армии как раз в этом пункте и совершал дневные переходы в пятьдесят-шестьдесят километров.

8 октября поздним вечером наши путники расположились на ночлег невдалеке от Себзавара.

Неподалеку майор Роулинсон, посланный Макнилом к шаху, впотьмах потерял дорогу и заночевал в поле. На рассвете англичане тронулись в путь и тут заметили группу всадников в казачьей форме. Проезжая мимо них, слуга Роулинсона увидел знакомого ему Абдула Вегаба из русской миссии. Роулинсон приказал слуге подождать, пока приблизятся всадники, и узнать, кто они.

Любопытство Роулинсона было крайне возбуждено.

— Накануне осады Герата, — думал он, — появление русского путешественника в Хорасане крайне подозрительно!

Еще до этого Роулинсон в придорожных селениях слышал рассказы о «московском принце, посланном из Петербурга, чтобы сообщить, что 10 тысяч русских высадятся в Астрабаде, дабы помочь шаху при осаде Герата». Очевидно, встреченный Роулинсоном незнакомец и был этим «принцем». В британском посольстве в Тегеране о нем ничего не знали, и Роулинсон решил дознаться в чем дело.

Роулинсон подъехал к русским, когда они расположились завтракать на берегу ручья. Их начальник, очевидно офицер, был молодым человеком хорошего сложения, с большими глазами.

Он поднялся и молча поклонился Роулинсону. Англичанин обратился к нему по-французски. Незнакомец отрицательно покачал головой, Роулинсон заговорил на родном языке, и офицер что-то ответил по-русски.

Роулинсон перешел на персидский язык, а незнакомец, не понявший ни слова, ответил по-узбекски.

Роулинсон по-узбекски знал столько, чтобы поддерживать самый простенький разговор, но не был в состоянии вести серьезную беседу, что сразу понял Виткевич

(а это был он). Он заговорил по-узбекски очень быстро, и Роулинсон с трудом уловил, что он — русский офицер, везущий подарки от императора Махмуд-шаху. Выкурив трубку с русским, Роулинсон поднялся и поехал дальше. До наступления темноты он достиг лагеря шаха вблизи Нишапура. Шах немедленно его принял. Англичанин рассказал о своем дорожном приключении.

— Подарки для меня?— удивился шах.— Нет, он послан прямо от императора к Дост Мухаммеду в Кабул, и меня просили помочь ему в путешествии.— Затем шах сказал, что он возьмет Герат, и, если понадобится, ему помогут русские войска из Оренбурга. А потом он примет действия против Балха и Хивы.

Роулинсон был весьма взбудоражен известием, что между Петербургом и Кабулом устанавливаются прямые отношения. Но раньше, чем известить о том Макнила, он решил подождать прибытия русского.

Подполковник Стодарт, сопровождавший шаха от Тегерана, одобрил такое решение.

10 октября русский офицер прибыл в лагерь шаха, и советник русской миссии Гутт представил его Стодарту и Роулинсону, как капитана Виткевича.

Виткевич улыбнулся и обратился к Роулинсону на прекрасном французском языке. Заметив удивление англичанина, он сказал с усмешкой:

— Не следует быть слишком фамильярным с незнакомыми людьми в пустыне...

Гутт сопроводил Виткевича к шатру шаха. Шатер был окружен загородкой из натянутого на деревянные рамы холста, обшитого с внутренней стороны бумажной тканью; на ней были нарисованы на красном поле солдаты в полной амуниции. С наружной стороны ограды стоял почетный караул, а у входа в палатку — часовей.

Махрамы ввели Гутта и Виткевича в первую часть шатра — приемную. Внутренние стены были покрыты шелком, полы устланы коврами. Из второй части шатра — спальни — вышел шах, человек небольшого роста, очень толстый.

Виткевич низко поклонился, шах протянул ему руку, пригласил сесть. Последовали официальные вопросы о здоровье императора, наследника, барона Розена, графа Симонича и, наконец, самого Виткевича,

Затем шах передал Виткевичу собственноручное письмо к Дост Мухаммеду.

— Мой генерал Боровский,— сказал шах в заключение,— покажет вам лагерь и мои храбрые войска, и я надеюсь видеть вас еще раз перед вашим отъездом.

О Боровском Виткевич уже знал. Этот выходец из Польши, называвший себя побочным сыном одного из князей Радзивиллов и еврейской девушки, в Александрии давал уроки математики и английского языка, затем переселился в Бомбей, оттуда в Бушир, а затем в Персию и вступил на службу к Аббасу Мирзе как генерал. После смерти Аббаса Боровский помог Махмуд-шаху собрать армию, совершившую успешный поход на Тегеран. Шах с тех пор очень ценил Боровского и назначал его командующим армией в Гератском походе.

Боровский принял Виткевича очень приветливо.

— Наконец-то я могу говорить на родном языке,— воскликнул он по-польски.

Лагерь персидской армии поразил Виткевича своей пестротой и беспорядочностью. Палатки, круглые, четырехугольные, восьмиугольные, овальные, высокие и низкие, огромные и малые, были разбросаны по обширному пространству.

Повсюду бродили, путаясь в веревках, ослы, верблюды, лошадки.

Сарбазы были одеты в красные мундиры с широкими полами, широкие белые шаровары. Вид у этих вояк был настолько неказистый, что Виткевич не сдержался и сказал по-польски Боровскому:

— Разве это регулярная армия?
Боровский вздохнул:

— Англичане несколько лет обучали войска шаха.

— Весьма немногого добились. Но ведь иначе и быть не могло! Сильная персидская армия — угроза для Англии.

— Теперь, к счастью,— сказал Боровский,— английские офицеры покинули армию по приказу Макнила... Они только мешали бы нам.

И вдруг Виткевич увидел правильные ряды однообразных палаток, аккуратно составленные в козлы ружья, подтянутых, молодежавших солдат.

— Наши русские батальоны,— пояснил Боровский.— Русские?— удивился Ян,

— Из дезертиров, которые бегут из царской армии. Командует ими Самсон-хан — бывший русский унтер-офицер, а ныне персидский генерал. Лучшая часть армии шаха.

Боровский еще не знал, что Николай при свидании с наследником шаха потребовал отпуска русских батальонов и выдачи всех солдат.

После осмотра лагеря Боровский пригласил Виткевича к обеду. За столом они толковали о Польше, о ее несчастной судьбе.

Боровский читал стихи Мицкевича, которого он, по его словам, лично знал в Вильно...

12 октября в лагерь из Кандагара прибыл Камбар Али и доложил шаху о результатах своей миссии. Кандагарские сардары были согласны отправить к шаху заложником сына одного из них, Омар-хана, но желали получить от шаха деньги для снаряжения своих войск, посылаемых к Герату. Что же касается Кабула, то Камбар Али сказал, что, услышав о прибытии к Дост Мухаммеду английской миссии, не считал возможным туда поехать.

Шах послал за Виткевичем и передал новости, привезенные Камбаром Али.

— Ваше величество, завтра же я отправлюсь в путь. Сперва в Кандагар, затем в Кабул.

— Я дам вам конвой, который сопроводит вас до Хайна, оттуда направитесь к крепости Ляш и далее на Кандагар.

Присутствовавший при беседе Ходжа-Мирза-Агаси, составивший этот маршрут, прибавил:

— С вами поедет сеид Мобин, он только что прибыл из Кандагара и хорошо знает дорогу.

Виткевич откланялся шаху. В своей палатке он перечел письмо шаха к Дост Мухаммеду.

«В эти дни почтенный капитан Виткевич, назначенный моим уважаемым братом императором России состоять при вашем дворе, засвидетельствовал мне на пути свое почтение, сообщив, что он удостоен чести его императорским величеством доставить вам послание. О чем я считал необходимым напомнить вам посылкой этого письма, дабы убедить вас, что ваши важнейшие интересы глубоко запечатлены в моих мыслях. Оказывая добрые услуги посланцу моего брата императора,

вы будете иметь покровительство моего королевского дома».

Спрятав письмо в сумку, где хранились грамота Николая и письмо Симонича, Виткевич написал рапорт графу Симоничу о своем отъезде и передал Гутту для отсылки в Тегеран. Утром 13 октября он покинул шахский лагерь.

На следующий день Стодарт отправил Роулинсона в Тегеран с донесением Макнилу. Он писал, что капитан русской службы Виткевич, прибывший из Тегерана, выехал через Кандагар в Кабул с письмами императора и шаха к эмиру.

Роулинсон за шесть дней добрался до Тегерана.

Макнил был потрясен: «Как! Русский агент отправился в Кабул! Почему же об этом до сих пор ничего не было известно?»

Дело в том, что «приказчик» Эшли, следовавший за Виткевичем до Тифлиса, по неизвестным причинам в Петербург не вернулся, и его донесение до Макнила не дошло. Потому-то ни в Лондоне, ни в британской миссии в Тегеране о поездке Виткевича ничего не знали.

Макнил немедленно отправил Окленду и Пальмерстону подробное сообщение о «русских интригах» в Персии и Афганистане, о поездке Вектовича или Виковича (точно его фамилию англичане ни разу не назвали ни в одном документе).

18 октября шах выступил из Нишапура. В начале ноября его армия овладела крепостью Гуриан, расположенной в 70 км. от Герата и считавшейся ключом к этому городу. 23 ноября шах подошел к Герату и приступил к осаде.

7

После недельной поездки в горную страну Бернс вернулся в Кабул.

В его отсутствие, Дост Мухаммед обсуждал с приближенными все тот же вопрос, какой путь избрать: с Англией или с Россией и Персией?

Пять дней в неделю, с субботы до четверга, эмир с утра занимался делами государственными; в четверг он до 10 часов утра посещал баню, а затем приглашал на совещание по наиболее важным делам главных своих

советников — сына и наследника наваба Акбар-хана брата наваба Джаббар-хана, племянника наваба Мухаммед Заман-хана, сардара Гулам Мухаммед-хана, своего первого министра мирзу Абдул Самед-хана и Харлана.

Так было и на этот раз... Когда все собрались в дурбаре, эмир пространно и красноречиво изложил свои сомнения и затруднения.

С кем пойти?

Наваб Заман-хан, которого эмир ценил как проницательного политика, сказал, что тут и думать не о чем: только Англия может быть истинным другом Афганистана, а не Персия. Наваб Акбар-хан, победитель сикхов, возражал, что Англия в дружбе со смертельным врагом Афганистана Ранджит Сингом.

Мирза Абдул Самед-хан, снаряжавший в Россию Гусейна Али под видом своего приказчика, напомнил, что ответа от царя еще нет, а потому и нельзя ничего решать.

Наваб Джаббар-хан рассмеялся. Эмир посмотрел на него с удивлением. Наваб воскликнул:

— Помните ли вы, как четыре мюрида делили наследство после своего пира? Джалим-хан в лесу увидел их: они не знали, как разделить между собой волшебный коврик и такие же котомку, дубинку и веревку.

— Кто ж не знает этой сказки,— промолвил недовольно Дост Мухаммед.

— А я о том и говорю. Мюриды не знали, как поделиться этими вещами, а хитрый Джалим такой совет им дал, что они остались ни с чем, а все ему досталось. Как бы и с нами такого не вышло. Мы никак не поделимся с Ранджитом, а Англия заберет себе и нас и его!

Харлан одобрительно закивал головой и заговорил:

— Ваше высочество, я не англичанин, хоть и говорю на этом языке. Посмотрите на Индию: что британцы там сделали за десятилетия своего владычества? Нищета, разорение народа! Военный деспотизм Англии довел богатейшую в прошлом Индию до гибели... Так неужели же вы отдадите им и свою страну, ваше высочество?

Воцарилось молчание. Его нарушил наваб Заман-хан, — Если англичане вернут нам Пешавар, значит, они

хотят дружбы с нами... А сюда они не придут, если мы будем их союзниками.

Дост Мухаммед обвел взором всех своих приближенных. Кто из них прав? Кому верить?

— Абдул Самед-хан,— сказал он,— в Кабул вернулся Бернс. Пусть ни один шаг, ни одно его слово не останется тайной для тебя! Пусть он слышит со всех сторон, что я колеблюсь и готов склониться на сторону России и Персии, если не получу Пешавара. А с ним я сам поговорю.

На том совет и кончился. Мирза Абдул Самед-хан хорошо исполнил наказ эмира. Бернс был окружен соглядатаями. Одни следили за ним, а другие подсовывали ему такие сведения, какие были выгодны эмиру.

Но и Бернс имел своих секретных осведомителей. В их числе был один из слуг Дост Мухаммеда и, вероятно, наваб Заман-хан. Очень помогал Бернсу и Моган Лал, который сопровождал его в обоих путешествиях в Кабул.

Секретными агентами располагал и Массон, получавший на свои расходы тысячу рупий ежемесячно.

Когда Бернс вернулся в Кабул, он застал гонца из Кандагара с отчетом о переговорах, которые вел Камбар Али, и о их результатах. Так Бернс узнал, что сардары согласились послать к шаху Омар-хана и свои войска, а шах решил уступить им Герат.

На следующий день Дост Мухаммед посетил Бернса, чтобы, как он сказал, осведомиться, приятно ли прошла его поездка и доволен ли он оказанным ему приемом.

Бернс благодарил... Эмир молчал и, поглаживая бороду, испытующе глядел на англичанина.

Не выдержав его взгляда, Бернс отвел глаза и сказал, что очень огорчен известием из Кандагара. Если сардары хотят дружить с шахом, это их дело. Но если они покушаются на Герат, то, значит, они хотят вражды с Англией.

— Союз с Персией ничего, кроме беды, не принесет ни вашим братьям, ни вам, ваше высочество. И нелепо думать, что Англия даст гарантию договору, цель которого — захват Герата Персией, следовательно, Россией!

Эмир сказал:

— Я напишу им.

Действительно, он послал в Кандагар письмо, в кото-

ром извещал о своих переговорах с Бернсом и выражал удивление и недовольство тем, что важное решение послать к шаху принца Омара его братья приняли, не посоветовавшись с ним. Все страны — ничто в сравнении с Англией. Бернс очень недоволен поведением сардаров, просит не посылать Омара к шаху. Об этом же просит и он, их старший брат и эмир.

Бернс также направил письмо Кохендиль-хану.

«Я удивлен вестью о посылке миссии к шаху и не хотел ей верить! Прошу вас этого не делать, так как эта затея ничего вам не принесет, кроме раскаяния и сожаления...»

31 октября Бернс в подробном донесении Окленду изложил ход своих переговоров и их состояние к данному моменту. А своему другу в частном письме он писал: «Дост Мухаммед принял нашу точку зрения, сами ли, или по моему совету, и теперь дела таковы, что мы накануне переговоров с Ранджит Сингом на основе его ухода из Пешавара и передачи Пешавара Баракзаям, как данникам Лахора. Что же вы скажете об этом после всего, что говорилось в Калькутте о неумеренности требований эмира? От имени правительства я согласен быть посредником, и Дост Мухаммед тут же прервал свои сношения с Россией и Персией и отказался отправить посла к шаху».

8

Элдред Поттинджер родился шестью годами позже Бернса в Ирландии в семье небогатого дворянина. В возрасте четырнадцати лет он поступил в военный колледж Ост-Индской компании в Аддискомбе, чтобы служить в Индии,— там преуспевал его дядя, полковник сэр Генри Поттинджер. В 1827 г. Элдред был выпущен из колледжа и отправился в Бомбей, где вступил в артиллерию. Через несколько лет он из армии перешел в Политический департамент и был направлен в Катч как помощник своего дяди, ставшего здесь к этому времени британским резидентом.

В 1837 году, обуреваемый жадной авантюрой, он вылезался совершить рискованное путешествие: под видом торговца лошадьми из Катча проехать через Шикарпур и Пешавар в Кабул, а оттуда — в Герат. Бернс как раз

тогда двигался со своей миссией по Инду в Кабул, и путешествие Поттинджера имело целью дополнительный сбор сведений о положении в районах, которые могли стать ареной острых военных и политических столкновений. В середине июля Элдред добрался до Кабула, так никем и не узнанный... Из Кабула он под видом странствующего сеида — потомка пророка — направился в Герат, куда после различных приключений и прибыл 18 августа.

Властителя Герата Камрана и его визиря Яр-Мухаммед-хана в городе не было — они усмиряли непокорные племена в пограничных районах. Элдред Поттинджер поджидал их возвращения, не открывая своего инкогнито.

Камран и визирь приехали 17 сентября, так как до них дошла уже весть о движении шаха с армией к Герату. Камран, слабоумный, трусливый, растерялся, но Яр-Мухаммед деятельно приступил к подготовке обороны Герата. Были выжжены селения и поля в округе двенадцати миль от города; в Герат были свезены запасы зерна, фуража, мяса. Стены были укреплены, ров очищен и углублен.

Гератские вооруженные силы состояли из нескольких тысяч отличной конницы, хорошо оплачиваемой из больших доходов, приносимых «житницей Азии», как называли плодороднейшую долину реки Герируд.

Элдред Поттинджер счел, что настал момент открыться властителям Герата. Он явился к Яр-Мухаммеду, который принял его очень приветливо. Элдред поднес ему отличные пистолеты и раскрыл свою тайну, предложив услуги. Яр-Мухаммед обрадовался, представил англичанина Камрану, и Поттинджер стал правой рукой визиря в обороне Герата.

Персидская армия подошла к городу. Шах и Ходжа-Мирза-Агаси ничего не смыслили в военном деле, а персидские генералы не повиновались приказам Боровского, не желали сотрудничать друг с другом, делали каждый, кто во что горазд.

С начала осады была допущена непростительная ошибка: были блокированы только ворота с западной стороны, а остальные ворота остались свободными, и через них в город ввозились припасы, входили войска. Бомбардировка стен не давала большого эффекта, и гератцы

под руководством Поттинджера успешно восстанавливали разрушения,

В персидском лагере было немало соглядатаев Яр-Мухаммеда, которые сообщали ему о планах и действиях осаждающих. Таким тайным агентом, получавшим жалование и от Макнила, был секретарь шаха Мирза Эль-Наги. Одно его письмо было случайно перехвачено и передано шаху. Шах приказал задушить Эль-Наги и труп протащить через весь лагерь.

Зверские расправы чинились, однако, не только над изменниками. В первый же день осады шах приказал первого взятого в плен гератца заколоть штыками. Пленных обезглавливали и головы бросали в Герат. Защитники Герата ожесточились и сражались с еще большим упорством.

Между тем, Яр-Мухаммед и после гибели шпиона Эль-Наги продолжал поддерживать тайные сношения со своими соглядатаями в армии шаха. Курьер, который от Макнила проследовал в Герат, а оттуда возвращался в Тегеран, был перехвачен Боровским. У него было взято письмо от Поттинджера. Полковник Стодарт потребовал освобождения курьера и возвращения письма. Ходжа-Мирза-Агаси приказал вернуть письмо курьеру, и Макнил сообщал Пальмерстону, что получил его не-вскрытым.

9

13 октября 1837 года Виткевич отбыл из Нишапура. Путь до Кандагара продолжался полтора месяца, и 26 ноября он прибыл в этот город.

Он застал сложную обстановку. Кохендил-хан и его братья были в большом затруднении. Они получили письмо от Бернса и Дост Мухаммеда с требованием не вступать в союз с Персией и не посылать помощи к шаху Мухаммед Омар-хану, так как Англия близко, а Персия далеко...

«Что же теперь делать?»— спрашивали они.

Виткевич убеждал сардаров придерживаться союза с Персией и дружбы с Россией.

Сардары хотели получить верную гарантию, что Россия их не оставит, и порешили на том, что в Кабуле Виткевич окончательно договорится с эмиром о союзе Афганистана и Персии.

5 декабря Виткевич выехал в Кабул...

Еще до этого советник Кохендил-хана Мулла Рашид известил Дост Мухаммеда о поездке Виткевича и писал, что русский представитель «пользуется высоким расположением императора», а «русский посол рекомендует этого человека как наиболее доверенное лицо, имеющее все полномочия для заключения договора. И он обладает не меньшим достоинством и почетом, чем Бернс».

Макнил, со своей стороны, известил Пальмерстона, что с персидским эскортом в Кандагар направляется русский агент. Он везет письма императора к афганским вождем; шах ему оказал большой почет и дал векселя на большую сумму.

ДУЭЛЬ В КАБУЛЕ

I

Бернс находился в Кабуле.

Виткевич приближался к Кабулу.

Александр Бернс, умудренный опытом политический агент и разведчик, отличался темпераментностью характера, как считает историк Афганской войны генерал Сайкс. А по мнению Массона, Бернс был неустойчив, легко поддавался первым впечатлениям, пугался, терял присутствие духа.

Биограф Бернса Д. У. Кей дал такой его портрет: «У него был импульсивный, нетерпеливый, романтический характер, но он также обладал здравым политическим смыслом, который удерживал его от опасных крайностей. Он был в высшей степени храбр, обладал сообразительностью, проницательностью, быстрой наблюдательностью. О нем говорили, что он был непостоянен, что его мнения всегда менялись, и он говорил сегодня одно, а завтра другое. Но в основных вопросах центрально-азиатской политики он был постоянен. Противоречия были во мнениях у других, а не у него. У него были прочные взгляды, он не переставал их выражать».

Поляк Ян Виткевич, по свидетельству хорошо знавших его, был характером тверд,— и вся нелегкая жизнь его о том убедительно говорит.

Сухтелен подчеркнул в характере Виткевича скрытность, а эта черта также свидетельствует о незаурядной силе сосредоточенного цельного характера.

Александр Гумбольдт поражен был блестящими способностями молодого человека, не сломленного тяжкими испытаниями.

Поведение Виткевича в Бухаре и особенно в Афганистане раскрывает в его характере политическую зрелость, находчивость, изворотливость, ловкость. Он умел вести дела на Востоке по-восточному, но не терял при этом основной, принципиальной линии своей политики.

Дюгамель писал, что Виткевич свою миссию исполнил с успехом и похвальным усердием и очень сожалел о трагической гибели этого замечательного человека, который был бы неоценим для работы в Центральной Азии.

Бернс и Виткевич вступили в политическое единоробство, в котором эмир Дост Мухаммед-хан был одновременно и активным действующим лицом, и объектом борьбы.

Дост Мухаммед отлично знал, чего добивается — создания единой сильной державы. Герат был в руках Камрана Саддозая, смертельного врага Баракзаев. Пешавар захватил Ранджит Синг. А в Кандагаре сидели братья эмира, завидовавшие ему и всегда готовые принять участие во враждебных замыслах.

К своей цели Дост Мухаммед шел упорно и настойчиво, с чисто восточной хитростью. Харлан, хорошо изучивший Дост Мухаммеда, признавал в нем талант политика: эмир «хорошо знал характер каждого слоя своего народа, обладая практическим опытом в познании всего социального организма страны, во всех формах, в каких он поддается наблюдению. Он привык в обычных отношениях быть политичным, но безжалостно практиковал самую решительную жестокость во всех случаях, когда добывал деньги. Он чрезвычайно тщеславился своим талантом оратора... В этом его всячески поддерживали льстецы, выражая свое восхищение. Перед лицом важных событий эмир становится спокойным, выдержанным, и если события принимают безнадежный оборот, он прислушивается к советам каждого, не исключая слуг. Но в случаях чрезвычайных он становится боязливым и иной раз даже теряет присутствие духа».

Бернс из своего общения с эмиром вывел заключе-

ние, что его ум необыкновенно проницателен, он превосходно разгадывает характер людей.

К этому следует прибавить, что Дост Мухаммед был храбр и бесстрашен в боях, обладал даром военачальника. При дворе эмира не было восточной пышности, он был похож на традиционную афганскую джиргу — собрание предводителей и старейшин племен и родов. По пятницам двери дурбара были открыты, стража удалась и каждый мог прийти со своим делом.

Таков был человек, который задался целью воссоздания единого афганского государства и, пройдя через множество испытаний, преодолев огромные трудности, в конце концов в главном добился своего.

В Кабуле на сцене исторической драмы выступали Дост Мухаммед, Бернс, Виткевич.

За кулисами действовали Англия и Россия.

Бернс непосредственно подчинялся генерал-губернатору Индии лорду Окленду.

Отправляя Бернса в Кабул с «коммерческой миссией», Окленд был согласен с предположениями и предложениями Бернса касательно политики в отношении Афганистана. Но затем генерал-губернатор круто изменил позицию — под воздействием своих советников. Капитан Уэйд, резидент в Лодиане, Макнотен, глава Политического департамента, Колвин, личный секретарь генерал-губернатора, были столь же яркими руссофобами, как и Макнил, и единственным решением «афганской проблемы» считали превращение Афганистана в протекторат Англии — с помощью водворения на престол в Кабуле «своего короля» Шуджи.

Эта троица из Индии и Макнил из Персии поддерживали и разжигали в Лондоне антирусскую истерию, имея союзника и в Д. Уркарте. Отозванный из Константинополя, он обвинял уже и Пальмерстона в «пособничестве завоевательным замыслам императора Николая». Но Уркарт, конечно, ошибался. Французский историк Сеньобос писал; «Тактика Пальмерстона состояла в запугивании великих держав угрозами войны и английской военной мощью. Более 30 лет ему удавалось скрывать военное бессилие Англии и сделать ее хозяйкой Европы».

Русский посол в Лондоне Поццо ди Борго, хорошо изучивший нрав Пальмерстона, весной 1838 года

сообщал Нессельроде, что британский министр иностранных дел «соединяет в себе с буйностью характера злой нрав и много злой воли».

Пальмерстон и в самом правительстве Англии вел себя так, что премьер-министр лорд Мельбурн признался русскому послу:

— Я бессилён против Пальмерстона...

Личный секретарь королевы Виктории Гревиль в дневнике в 1839 году характеризовал Пальмерстона очень красноречиво:

«Пальмерстон, наиболее загадочный из министров, ненавидимый дипломатическим корпусом, презираемый в своем собственном ведомстве, непопулярный в палате общин, никем не любимый, бранимый всеми, все еще правит в своем небольшом королевстве в Форин-оффис и не испытывает ни в малейшей степени стыда от того поношения, которому подвергается...»

К портрету руководителя британской внешней политики, нарисованному столь компетентной рукой, нечего прибавить!

Пальмерстон твердо стоял на том, что «Россия стремится завоевать Индию». Правда, Меткаф, опытный британский деятель в Индии, доказывал, что величайшую опасность для Англии составляет не Россия, а «увядание в умах обитателей" Индии впечатления нашей непобедимости. Недовольство, которое способно вырвать наше владычество с корнем, существует в изобилии, и в любой момент может сложиться стечение обстоятельств, достаточное, чтобы привести его в действие».

Трезвый голос Меткафа заглушался воинственными призывами сторонников «твердого курса»...

Таковы были руководители британской внешней политики, направлявшие действия Бернса.

А за спиной Виткевича стояли Симонич, Нессельроде, Николай.

Собственно, Нессельроде можно бы и не брать в расчет, у него своего мнения не было, он послушно выполнял то, что требовал его венценосный шеф.

О взглядах Симонича мы уже говорили раньше: он ненавидел Англию и англичан. А в характере его было в изобилии то, чего совсем не было у Нессельроде: способность действовать самостоятельно, исходя из своего

понимания обстоятельств и целей русской политики на Востоке. И еще свойственна была послу России в Тегеране в немалом размере живость южного темперамента, порождавшая неосмотрительность и поспешность умозаключений и поступков...

Николай, свой собственный министр иностранных дел, имел твердые принципы внешней политики, о которых Фикельмонт, австрийский посол в Петербурге в течение многих лет, писал в 1839 году Меттерниху:

«Война, о которой мечтает император Николай, это война... против Франции. Но эта война невозможна, поскольку существует союз между Англией и Францией; значит, нужно их разделить и привлечь на свою сторону Англию. Такова инстинктивная цель, равно как и сознательный расчет императора в его поведении в отношении Англии».

Для этого и был послан со специальной миссией в Лондон Бруннов, и Николай был доволен: «Первые шаги Бруннова в Лондоне были удачны. По-видимому, Англия с Францией все более и более разлаживаются...»

Совсем их разладить — такова была главная цель Николая всегда и в тревожный период 1838—1839 гг. в особенности.

Стремясь разъединить Англию и Францию и объединиться с Англией против Франции, Николай вынужден был считаться с реальной политикой Пальмерстона на Востоке. Она была враждебна России; «замыслам англичан против нас нет мер; и ежели исполнение в этом останавливается, то это не от чего другого, как от бессилия нам явно вредить»,— писал Николай в конце 1838 года.

Николай и Пальмерстон не любили друг друга и знали цену друг другу...

И все-таки император во что бы то ни стало желал соглашения с Англией.

2

Виткевич покинул Кандагар 5 декабря. Зима вступила в свои права. Стояли морозы, на дороги ложился снег.

От Кандагара до Газни дорога шла по узкой долине реки между двумя горными грядами. До Кандагара

Виткевич ехал по пустынным степям, а теперь попал в суровую горную страну.

Древний город-крепость Газни, вознесшийся на крутую скалу, запирает подход к Кабулу. Здесь Виткевич задержался на день для отдыха. Он с интересом осмотрел гробницу султана Махмуда Газневи, создателя обширного государства от Аму-Дарьи до Инда, Походы завоевателя в Индию и в Мавераннахр вдохновили Фирдоуси, и он посвятил Махмуду свой труд «Шах-Намэ». Это было восемь веков назад, а ныне от бывшего великоколения оставались куполы гробницы Махмуда да еще минареты двух мечетей.

Утром 19 декабря путники завидели Кабул. Над ним возвышалась цитадель Бала Гиссар, а самый город, расположенный на широкой равнине в углу, где соединились две горы, был подернут морозной, туманной дымкой.

Всадники въехали в ворота, проделанные в окружающей город стене. Вот, наконец, Кабул!

Узкие улицы, крытые базары, глиняные стены. И все покрыто снегом.

На всадника в невиданном мундире с удивлением глядели кабульцы. А Виткевич с большим вниманием оглядывал прохожих.

Хаджи Мобин повернулся к Виткевичу, ехавшему чуть сзади:

— Мы направимся прямо к мирзе Абдул Самед-хану.

О главном министре эмира Виткевич знал от Гусейна Али, которого в далекий Петербург отправил мирза Абдул Самед.

А мирза Абдул Самед, в свою очередь, знал о Виткевиче из писем своего брата Ходжи Ибрагима, и прибытие русского посланца ожидалось со дня на день.

Мирза встретил Виткевича радушно, оказал ему гостеприимство в своем доме и сказал, что эмир просит русского посла отдохнуть с дороги и на завтра назначает ему прием.

О прибытии русского офицера тотчас же стало известно Массону, и он поспешил к Бернсу.

— Эмир удивлен,— пересказывал Массон то, что узнал от своего соглядатая при дворе эмира. Он не писал никакого письма императору... А письмо в Петербург написал мирза Абдул Самед без ведома эмира, в

чем он и сознался... Эмир не знает, что же делать с непрошеным гостем, и приказал держать его в доме мирзы под строгим наблюдением.

Массон, хотя и имел «глаза и уши» во дворце Дост Мухаммеда, однако не распознал хитрости эмира и его первого министра и поддался обману, расчетливо задуманному в Бала Гиссаре.

Эмир был очень доволен, что получил от императора ответ на свое обращение. Конечно, он больше рассчитывал на помощь Англии — Бернс твердо обещал, что генерал-губернатор Индии заставит Ранджит Синга вернуть Пешавар и жить в добром согласии с Афганистаном. Но ответа от лорда Окленда все еще не было. Прибытие посланца от императора должно было, полагал Дост Мухаммед, способствовать успеху переговоров с англичанами. Однако же, чтобы не раскрывать своих карт, выгоднее было разыграть недовольство появлением якобы непрошеного гостя из Петербурга.

20 декабря мирза Абдул Самед-хан сопровождал Виткевича в Бала Гиссар.

Эмир принял его в дурбаре, где находились также генерал Харлан, наваб Джаббар-хан, мирза Имамберды.

Виткевичу с первого взгляда пришлось по душе величественная наружность эмира, его спокойные манеры, простой наряд. А Дост Мухаммед, оглядев казачий мундир офицера, задержал взор на его лице. Твердый и внимательный взгляд, сосредоточенность выражения внушали уважение и доверие к этому человеку из далекой, загадочной северной страны.

Звучным своим голосом эмир в изысканных выражениях приветствовал гостя, усадил его возле себя.

Виткевич сел, затем встал и с низким поклоном передал эмиру свиток с большой печатью на пергаменте:

— Я имею честь вручить вашему высочеству собственное письмо его императорского величества!

Эмир бережно принял письмо и передал его министру. Затем Виткевич вручил письма шаха и Симонича.

Эмир поблагодарил, сказал, что внимательно ознакомится с письмами и назначил беседу с Виткевичем на следующий день.

В письме Николая эмир Дост Мухаммед не нашел прямых обещаний политической и военной помощи про-

тив врагов Афганистана: «В счастливый момент посланец вашего высочества, мирза Гусейн, достиг моего двора с вашим дружеским письмом. Оно чрезвычайно приятно мне, и я весьма удовлетворен изъявлением вашей дружбы. Вследствие этого я буду всегда счастлив помогать вашим подданным, которые могут прибывать для торговли в мою империю». Письмо персидского шаха вызвало раздражение Дост Мухаммеда, точнее, наименование, какое шах дал письму,— ракам, то есть приказ.

— Император шлет мне дружеское письмо, а шах оскорбляет меня приказами.— вскипел Дост Мухаммед.

Появление русского агента выбило Бернса из колеи. Он повязал голову мокрым полотенцем, нюхал флакон с солями. Словом, видел Массон, Бернс предается отчаянию. Чтобы ободрить его, он сказал:

— На базаре уже знают, что письмо императора поддельное: этот русский казак состряпал его в шахском лагере под Гератом, чтобы не очутиться в Кабуле с пустыми руками.

Так внушал Массон Бернсу свою мысль, не чувствуя, что запутывает его в сети хитрости Дост Мухаммеда...

21 декабря долго продолжалась беседа Дост Мухаммеда с Виткевичем, и Ян проникался все большим уважением к этому вождю своего народа, столь непохожему и на бухарского эмира, и на персидского шаха Махмуда.

Эмир выразил радость, которую доставило ему письмо повелителя Империи, «слава которого своей тенью покрывает всю вселенную».

Виткевич сказал;

— Я прибыл к двору вашего высочества, чтобы вам и вашим братьям в Кандагаре передать самые лучшие пожелания Императора. Его величество с живейшим удовлетворением ответил на ваше письмо и соизволил обещать вам защиту и дружбу. Его величество питает надежду, что афганские властители забудут раздоры между собой и отдадут себя под высокую руку шахиншаха Персии, с которым Россия связана узами дружбы.

Эмир переглянулся с мирзой Абдул Самедом, помедлил и сказал, что дружеский договор с Персией невоз-

можен, так как он уже договорился с находящимся в Кабуле английским представителем об оказании помощи осажденному Герату против Персии.

Виткевич не выразил никакого удивления, на что рассчитывал эмир, и спокойно продолжал:

— Моему повелителю прискорбно видеть, что ваше высочество подвергается опасности новых нападений Ранджит Синга. Российское правительство готово предоставить вам необходимую субсидию немедленно и затем давать ее ежегодно:

Эмир снова прервал Виткевича:

— Британское правительство обещает дать мне 20 тысяч мушкетов и побудить магараджу возвратить Пешавар и все земли, захваченные им у афганцев. Проект договора уже отослан генерал-губернатору Индии.

Виткевич по-прежнему невозмутимо выслушал эмира и сказал;

— Император России в своих владениях никого не имеет над собой и может действовать быстро и без промедления.

Произнося эту тираду, Виткевич внутренне усмехался: «Что я говорю! Превозношу самодержавие». Дост Мухаммед сказал:

— Если бы мне пришлось выразить всю мою благодарность за милостивое внимание императора, то это было бы так же невозможно, как невозможно заключить большую реку в небольшой сосуд или взвесить на весах всю ее воду. И я с доверием жду, что правительство вашего великого государя будет поддерживать и защищать мою честь. Многого я ожидал от вашего правительства, а ныне мои надежды расцвели, как сад весенний под лучами живительного солнца.

Виткевич прижал обе руки к сердцу и низко поклонился:

— Я счастлив слышать великодушные слова вашего высочества и льшу себя надеждой, что ваше высочество вскоре направят ответ в столицу империи.

— Письмо к графу Симоничу уже приготовлено. Виткевич снова поклонился и сказал;

— Если вам угодно, то я доставлю письмо российскому послу в Тегеране. Но я хотел бы еще некоторое время остаться при дворе вашего высочества, чтобы изложить вам во всех подробностях то, что правитель-

ство моего императора хочет и может сделать для вашей страны и вашего народа!

Эмир подошел к окну, затянутому промасленной бумагой, и указал на вершины гор, покрытые снегом:

— Зима закрыла дороги, капитан Викович, и вы останетесь здесь, пока солнце не вернет жизнь нашим садам...

3

Бернс явился во дворец утром следующего дня. Его встретил мирза Абдул Самед-хан.

— Я собирался послать за вами, высокоуважаемый Сикиндер! Эмир желает вас видеть. Он дважды беседовал с русским.

И министр пересказал содержание этих бесед и упомянул о письме императора.

— Оно поддельное?— прервал Бернс.

— Мы хотим услышать совет мудрости из ваших уст.

Тут вошел Дост Мухаммед со свитком в руках.

— Мой высокочтимый друг и мудрый советник,— торжественно начал он,— развеите туман, застилающий наши глаза, выведите нас на прямую дорогу истины из кривых переулков, где блуждает наш слабый ум...

Бернс протянул руку, и эмир передал ему письмо. Бернс стал внимательно рассматривать огромную печать с двуглавым орлом; эмир не спускал взора с англичанина.

— Письмо подлинное, ваше высочество!

— Так что же мне делать с русским офицером?

— Если я осмелюсь представить вашему высочеству ничтожные плоды усилий моего слабого разума, то я сказал бы: поблагодарите русского за привезенные им письма и отпустите его с миром.

Эмир подошел к окну и указал на горы, покрытые снегом:

— Зима, мой дорогой Сикиндер, дороги закрыты, и капитан Викович будет ждать, пока они не откроются... Ответ в Тегеран русскому послу я отошлю с курьером.

Мирза вручил Дост Мухаммеду бумагу, и тот прочитал вслух:

— «Еще до прибытия вашего представителя капи-

тана Виковича английское правительство прислало мне саиба Александра Бернса, который ныне находится у меня в Кабуле. Этот офицер сеет семена дружбы между мною и Ранджит Сингом; ничто еще не разрешено, и мы выжидаем результата».— Вот что я пишу графу Симоничу,— пояснил эмир...

Бернс с удовлетворением кивнул головой: — Я не сомневаюсь, ваше высочество, что результаты будут такими, каких мы ждем, и семена дружбы прорастут и дадут обильные и сочные плоды! Дома Бернс застал Массона.

— Письмо императора подлинное, дорогой Массон! Но Дост Мухаммед по-прежнему наш. Этот русский останется здесь, пока не откроются дороги, но эмир не будет иметь с ним никакого дела... А тем временем придет ответ от Окленда — и все будет кончено!

Массон с сожалением посмотрел на Бернса.

— Так вы считаете письмо подлинным?

— Разумеется! Я видел императорскую печать!

— Печать? Таковую?

Массон вынул из кармана синий пакет и показал на нем печать.

— Русский сахар продается на базаре в такой обертке с такой печатью! А то, что вам Абдул Самед рассказал о переговорах эмира с русским, он сочинил, чтобы сбить вас с толку.

Бернс только пожал плечами.

— Эмир и мирза не сомневаются, что письмо сфабриковал сам Виткевич в лагере шаха,— с раздражением произнес Массон,— и нужно утвердить их в этой мысли... Ибо, мой дорогой Бернс, ответ, которого вы ждете, будет совсем не таким, какого вы ждете! Да, да! Ваш план соединения всех земель под властью Дост Мухаммеда не выгоден Англии и неосуществим! Значит, следует окончательно уверить эмира, что русский — самозванец и авантюрист. Надо обо всем подробно известить генерал-губернатора, а я пойду к мирзе Абдул Самеду...

Министру Массон решительно заявил, что письмо от императора подложено, и мирза Абдул Самед согласно кивал головой.

— Этот русский живет у меня,— сказал он,— и я с него глаз не спускаю.

Тем временем Бернс писал письмо Окленду.

«Поскольку события, происходящие в Кабуле, касаются нашей безопасности, невозможно далее взирать на них молчаливо. Если даже Россия не питает враждебных замыслов непосредственно против Англии в Индии, она открыто заявляет, что желает дружеских услуг от владетелей у наших границ и обещает им взамен свои услуги. Поэтому бесполезно скрывать от себя, что из таких отношений может проистечь зло, ибо это создает угрозу нам. Общеизвестно, что предупреждение болезни лучше, чем лечение, и ныне и то и другое в нашей власти. Мы можем, конечно, желать еще медлить, прежде чем начать действовать; но теперь в нашей власти, используя немедленно уже завоеванное нами влияние, противодействовать великому, враждебному нам замыслу. Я верю, что свободное выражение моих взглядов не будет неприятно вашей светлости: в силу доверия я нахожусь здесь, и это ободряет меня говорить соответственно моему убеждению».

Бернс прямо не высказал, что же он считает необходимым предпринять... Он пугал генерал-губернатора опасностью, чтобы побудить быстро и решительно удовлетворить желания Дост Мухаммеда.

Паническое письмо Бернса сыграло роль, противоположную той, на которую он рассчитывал. Оно помогло Макнотену убедить генерал-губернатора в том, что нужно круто изменить политический курс, отбросив надежды на соглашение с эмиром Кабула.

Массон также сообщил в Калькутту Макнотену свою точку зрения на события в Кабуле. Появлению русского офицера не следует придавать значения. Весь Кабул, от эмира и до последнего нищего на базаре, знает, что этот Викович — обманщик, а его «письма» — сфабрикованы в Персии. Поэтому Бернс напрасно предается унынию, считая русского казака подлинным посланцем императора. И в то же время Бернс поддерживает у эмира несбыточные надежды на возвращение Пешавара...

Пересылая Макнотену письма Бернса и Массона, Уэйд снова утверждал, что не должно быть никаких переговоров с Дост Мухаммедом. Следует изгнать его и посадить в Кабуле Шуджу. И достаточно присутствия одного-единственного английского офицера при Шудже уль-Мулке, чтобы успешно выполнить такую акцию.

Виткевич понимал, что обстановка в Кабуле чрезвычайно сложна.

Дост Мухаммед был в затруднительном положении: письма от Окленда не было, а от него зависело все дальнейшее поведение кабульского владетеля. Если Англия примет его сторону, то Россия ему не нужна. А если нет?

«Очевидно, у эмира не было полной уверенности в благоприятном ответе, потому он и задержал меня,— размышлял Виткевич.— Но он не желает в такой критический момент портить отношения с Бернсом, и потому он больше не зовет и не позовет меня, пока положение не прояснится».

Абдул Самед-хан навещал Виткевича два-три раза в день и расспрашивал о России, о ее военной силе, об отношениях с Англией и другими государствами. Из вопросов министра и из его отношения к получаемым ответам Ян вывел заключение, что мирзе не по душе Англия и в ее дружбу он не очень-то верит. Осторожными расспросами Виткевич проверил свои предположения и убедился в их основательности. Значит, у него был влиятельный союзник, и следовало проявлять терпение и выдержку до тех пор, пока события не примут новый оборот. А что так случится, Виткевич был уверен. Однако же он хотел точнее представить себе состояние переговоров эмира с Бернсом.

— Завтра первый день рождества — удобный предлог, чтобы нанести визит англичанину,— так Ян резюмировал свои размышления...

Бернс встретил Виткевича с изысканной вежливостью британского джентльмена:

— Чрезвычайно польщен вашим визитом и особенно тем, что это происходит сегодня, в первый день рождества. Надеюсь, вы не откажете мне в чести отобедать со мною?

Бернс был действительно обрадован, так как ему очень хотелось лично разузнать, что из себя представляет этот непрощеный русский гость, а идти к нему полагал неудобным.

И вот они встретились, посланцы двух соперничающих держав.

Виткевич был, как всегда, невозмутим и спокойствием походил на англичанина более, нежели Бернс, с трудом скрывавший свое волнение...

Он пригласил гостя в столовую, где слуги индийцы сервировали великолепный праздничный стол.

— Мой коллега лейтенант Лич,— отрекомендовал Бернс молодого офицера.— Увы! Мои друзья доктор Лорд и лейтенант Вуд в отсутствии... Прошу занять место, как у нас говорится, выше соли...

Бернс указал Виткевичу на стул в верхнем конце стола и пояснил:

— По древнему нашему обычаю солонку у нас ставят посреди стола и почетных гостей сажают «выше соли»...

Виткевич поклонился и занял указанное место. Бернс продолжал:

— Нам с вами, дорогой капитан, приходится встречать этот торжественный день вдали от родины... Впрочем, Россия...

— Вы хотите сказать, дорогой капитан, что я не русский, а поляк? Но и вы не англичанин, а шотландец. Польша более не королевство, но и Шотландия также... Вы служите Англии, я России...

Бернс осекся.

А Виткевич, как ни в чем не бывало, продолжал:

— Отличная индейка!

— Наше национальное рождественское блюдо,— подхватил Бернс, чтобы переменить тему.

— У нас,— сказал Виткевич,— на рождество — традиционный гусь с капустой и яблоками.

Слуги внесли рождественский пудинг.

— Никогда еще не отвеждал!— сказал Ян, и Бернс положил ему на тарелку огромный кусок.

— Пудинг мы запиваем элем, дорогой капитан. Прошу!

Пудинг был съеден, и Бернс пригласил гостя в кабинет.

— Я очень рад,— сказал Виткевич,— что могу нынче лично выразить вам свое восхищение вашей книгой.

— И вы, дорогой капитан, могли бы подарить читателям интересную книгу о ваших странствиях!

— В нашей стране не принято печатать отчеты о путешествиях в чужих землях. Да, Впрочем, к чему это?

Все равно ведь то главное, что видит путешественник, ради чего посещает чужую страну,— об этом в книге он молчит. Вы сами из своего опыта о том знаете...

Бернс невольно поморщился, и на выручку шефу поспешил дотоле молчавший Лич.

— Знаете ли вы, сэр,— обратился он к Виткевичу,— что в Бухаре большие перемены? Кушбеги впал в опалу, эмир удалил его.

— Мои знакомые купцы из Бухары,— подхватил Бернс,— сообщили, что эмир разгневался на кушбеги за его советы жить в дружбе с Россией...

Бернс сделал паузу. Виткевич, поставив чашку на столик, взял сигару, обрезал кончик, закурил.

— Да, конечно, дорогой сэр! Ведь в Бухаре уж давно подвизается перебежчик отсюда, из Кабула, и он еще в мою бытность там нашептывал эмиру, что с Англией ему выгодней дружить. Однако же вы не будете отрицать, что от Бухары до Оренбурга и берегов Урала много ближе, чем от Калькутты и Инда до Бухары!

— Но на пути от Оренбурга к Бухаре лежит Хива!— воскликнул Лич.

— Совершенно справедливо. И мой шеф, военный губернатор Оренбурга, генерал Перовский строго предупредил хана Аллакули, чтобы он прекратил свои разбои и набеги, мешающие торговле российской... Россия справится с Хивой, если понадобится.

Бернс подошел к окну и начал барабанить по стеклу. Ян с недоумением оглянулся, и Бернс с улыбкой сказал:

— Вы даже и внимания не обратили, дорогой капитан, на мои окна: в них не промасленная бумага, а стекло. И знаете, какое? Русское! Я приказал купить на базаре русские зеркала, счистить с них амальгаму и вставить в окна. Не правда ли, удачно?

Виткевич тоже подошел к окну, провел пальцем по отшлифованному стеклу.

— Варвары!— произнес Бернс.— И наша историческая миссия — просветить их!

— Не приходило ли вам в голову,— задумчиво сказал Виткевич,— что на Европу может обрушиться новый поток варваров, как это было в V веке, а затем в XIII? Устоит ли наша европейская цивилизация перед новым нашествием с Востока...

— А на что же мы?— воскликнул Лич.— Мы удерживаем Индию под нашей властью, вы сдерживаете кочевников киргизских степей. И нам нужно совокупно и дружно стоять на страже цивилизации!

Виткевич быстро сказал:

— Но я не уверен, что ныне мы — разумею Россию и Англию — действуем именно так, чтобы предотвратить новое нашествие варваров. Гнет — плохой учитель!

— Так что же? Дать им свободу?— желчно спросил Бернс.— А они еще не додумались до стекол в окнах.

Виткевич пожал плечами...

Когда гость ушел, Лич с ненавистью сказал:

— Поляк, а служит Николаю, порабителю Польши, и еще смеет укорять Англию, что она угнетает кого-то...

— Вы, Лич, собирайтесь,— ответил Бернс.— Поедете в Кандагар — посмотреть, что там натворил этот поляк...

5

28 декабря Лич выехал в Кандагар.

29 декабря вечером окончился пост рамазана, и пушечные залпы оповестили о том правоверных.

Следующий день был праздничным — ураза. байрам. Эмир устроил у себя обед и пригласил и Бернса, и Виткевича.

Бернса он посадил рядом с собой, Виткевичу было отведено место возле наваба Джаббар-хана. Во время обеда эмир ни с одним словом не обратился к Виткевичу, а Бернсу выказывал знаки внимания, угощал то одним, то другим блюдом... С обеда гости возвращались поздним вечером по морозным улицам, в небе светил узенький серпик новой луны.

Виткевич не был обескуражен поведением эмира, так как разгадал его хитрости. А Бернс шел домой в радужном настроении.

Наутро он писал Макнотену: «Нынешнее положение британского правительства в этой столице являет мне наиболее благодарным доказательством уважения, которым оно пользуется у афганской нации. Россия явилась с предложениями, бесспорно существенными. Персия расточала обещания, и Бухара и другие государства не отставали. И все же при всем том, что произошло

или ежедневно случается, глава Кабула заявляет, что предпочитает симпатии и дружеские услуги Британии всем этим предложениям Персии и императора, как бы они ни казались заманчивы,— что, несомненно, показывает, что он обладает выдающимся здравым смыслом и, по моему скромному суждению, доказывает, что при более раннем внимании к этим странам, мы могли бы целиком избежать этих интриг и уже давно удерживать влияние в Кабуле».

Пусть читатель запомнит эти строки Бернса в письме к Макнотену от 30 декабря 1838 года: спустя год с небольшим Пальмерстон, публикуя Белую книгу о событиях, приведших к войне с Афганистаном, приказал опустить эти абзацы письма Бернса...

31 декабря Виткевич послал Бернсу поздравление с Новым годом и получил столь же вежливый дипломатический ответ. Ян рассчитывал встретить Новый год в одиночестве. Но под вечер генерал Харлан прислал слугу спросить, угодно ли капитану Виткевичу принять его.

— Разумеется, угодно,— отвечал Виткевич.

Часов в одиннадцать вечера Харлан прибыл в сопровождении слуг, которые принесли корзины с фруктами и шампанским.

Так за тысячи и тысячи километров от России и Америки встречали Новый год в сердце Центральной Азии поляк на службе русского императора и американец на службе афганского властителя...

— Я в лучшем положении, чем вы,— сказал Харлан.— Вы никогда еще не видели живого янки, а я знаю поляков. Да, не удивляйтесь, у нас в Филадельфии есть целая колония поляков. А мой дед в войну за независимость служил под началом генерала Костюшки, вашего славного земляка.

Харлан крепко сжал руку Виткевича, и Виткевич ответил ему. тем же... Долговязый, сухощавый американец нравился ему непринужденностью и простотой обращения, живостью взгляда и речи.

— Не пошел я к Бернсу,— продолжал Харлан, в то время как слуга выкладывал на стол содержимое корзиночки.— Не люблю англичан. А вы, капитан?

Виткевич усмехнулся. Харлан шел напролом... Он, очевидно, явился, чтобы разузнать, насколько основа-

тельна миссия русского офицера, чего можно от него ждать.

— Костюшко сражался против англичан за вашу свободу,— сказал Ян,— А Пальмерстон предал нашу свободу!

— Ну вот, мы и нашли общий язык,— воскликнул Харлан.— Я служил в Индии и знаю, что такое господа англичане!

Виткевич пригласил Харлана за стол, на котором рядом с шампанским американца стояла русская водка, Ян привез несколько бутылок на всякий случай.

Водка пришлась по вкусу Харлану. Слегка захмелев, он начал, как говорится, выкладывать карты на стол.

— Эмир — славный парень, не то что магараджа в Лахоре. Он напоминает мне нашего Вашингтона. Да, не удивляйтесь! Я перешел от Ранджита к Досту, потому что Ранджит — старый развратник и обманщик и потому что он в дружбе с британцами...

— Мне Дост Мухаммед очень понравился,— заметил Виткевич.

— О, вы еще мало его знаете! Он умен чертовски, твердо знает, чего хочет, ну и хитер, как полагается на Востоке...

Виткевич взглянул на часы.

— Без пяти двенадцать.

Пробка полетела в потолок, вино пенилось в бокалах.

— Подымаю этот бокал,— сказал Ян,— за то, чтобы чаяния эмира и афганского народа осуществились! За свободу и независимость афганского народа!

— От души благодарю! За вашу свободу! Польша возродится.

Ян осушил бокал и бросил его на пол... Харлан не замедлил сделать то же... Слуга подал новые бокалы, Харлан наполнил их, поднял свой.

— Теперь за нашу Америку!

— За ваш свободолюбивый народ!

Харлан хотел было опять швырнуть бокал на пол, но раздумав, поставил его на стол...

— Теперь мы с вами друзья, и я буду откровенен, дорогой капитан. Что я говорю эмиру? Я советую ему надуть англичан. Но как? Эмир надеется получить с помощью Англии то, что у него украл магараджа. Англия близко, рядом, она может заставить Ранджита

сделать все, что она захочет. Но захочет ли она? Вот этого эмир не знает! Бернс ему обещал. Но Бернса вы сами видели! Фантазер, а не реальный политик. Эмир очень рад, что англичане пойдут навстречу его желаниям. Ну а если нет, тогда...

Харлан замолчал, испытующе глядя на Виткевича.

— Скажите, это правда,— спросил Ян,— когда англичане захватили Филадельфию, тогдашнюю вашу столицу, ваши земляки филиладельфийцы спрятали Колокол свободы, который возвестил о провозглашении независимости американских колоний?

Харлан удивленно кивнул головой:

— Да, они увезли его, а не то был бы теперь Колокол свободы в Лондоне, в Тоуэре...

— Вы, дорогой генерал, рискнули «повесить колокольчик на кошке»— по английской поговорке,— задали мне смелый вопрос: что сделает Россия? Я отвечу вам вопросом: а что сделает эмир, если Англия не примет его сторону в споре с Лахором?

Харлан раскатисто засмеялся:

— Bravo, bravo! Отвечу вам нашей американской поговоркой: иной раз приходится посолить корову, чтобы изловить теленка... То есть добиваться своего окольным путем. Эмир будет действовать "любыми средствами, чтобы достичь своей цели!

6

16 января мирза Абдул Самед-хан дал Виткевичу совет: повидаться с эмиром.

Ответа из Калькутты все не было, и министр эмира, склонявшийся все более и более на сторону России, считал полезным еще раз напомнить Дост Мухаммед-хану о том, что ему протягивается рука помощи из России.

Эмир принял Виткевича вежливо, но сдержанно, сказал, что отослал с курьером в лагерь шаха свой ответ графу Симоничу.

— Я благодарил вашего посла за обещание помощи и много ожидаю от вашего дружественного правительства.

Виткевич, поблагодарив за ответ, сказал, что Россия искренне желает добра и Персии, и Афганистану, что шах, взяв Герат, дальше не пойдет и отдаст его братьям

Баракзаям. Эмиру нечего бояться с этой стороны. А вот Англия попытается натравить Персию на Россию, а что касается Афганистана, то ведь Шуджа уже один раз предпринимал поход на Кабул, и он по-прежнему находится на содержании у англичан.

Эмир промолчал. Виткевич откланялся...

Прошла еще неделя; и наконец, ответ из Лахора прибыл, Бернс немедленно передал его эмиру: Ранджит Синг не согласен отдать Дост Мухаммеду Пешавар, но готов возвратить его брату Султану Мухаммед-хану на условиях ленного владения.

Эмир сказал, что хотя Султан Мухаммед его брат и мусульманин, но он видит угрозу для себя в подчинении Пешавара Лахору.

На это Бернс ответил:

— Если эмир откажется от союза с шахом, Англия уладит его споры с магараджей.

Эмир пообещал подумать, но заявил, что цель у него одна: обеспечить спокойствие и безопасность Афганистана от интриг магараджи.

Из Белой книги документов Пальмерстон изъясил и это сообщение Бернса.

7

21 февраля Бернс получил письма: от Макнотена ему самому и от Окленда эмиру.

Макнотен сообщал Бернсу, что генерал-губернатор не придает большого значения миссии Виткевича, но известит правительство, что прибытие русского агента указывает на давно известное желание России распространить свое влияние до Индии.

«Его светлость весьма удовлетворен вниманием Дост Мухаммед-хана к нашей точке зрения, поскольку он спросил у вас совета об отношении к этому агенту; и его светлость всецело одобряет ваш совет — принять его с необходимой вежливостью. Если он еще не уехал из Кабула, вы будете настаивать перед эмиром, чтобы агент был отпущен с подобающей любезностью, с письмом, выражающим благодарность императору России за обещанную им благосклонность к кабульским купцам. Его миссию следует считать всецело коммерческой и не должно обращать внимания на поручения, которые,

как он может утверждать, на него возложены. Все это рекомендуется вам, если эмир твердо расположен принять наши добрые услуги. Но если он, напротив, удержит русского агента и вступит с ним в какие-либо переговоры, вы должны ему ясно дать понять, что вы будете отозваны, что наше посредничество с сикхами целиком прекратится и что такой его акт будет сочтен как прямой разрыв дружбы с британским правительством. Вам уже ранее неоднократно было сказано, что продолжение наших добрых услуг должно целиком зависеть от прекращения эмиром связей с любой державой к западу от Афганистана».

Полученные директивы опрокинули весь план Бернса, всю его политику!

А Дост Мухаммеду Окленд писал, что Бернс сообщил о его желании получить Пешавар. Желание же Англии — содействовать миру и дружбе всех владетелей в Афганистане. «Что касается Пешавара, истина побуждает меня решительно настаивать на том, чтобы вы оставили мысль о приобретении этой территории». Ранджит Синг согласился по просьбе Англии восстановить мир, если Дост Мухаммед не будет вести себя столь неправильно. Против старого и верного союзника Англии Дост Мухаммед не должен ожидать никакого содействия. И никакая помощь не будет оказана Кабулу, если эмир в какой бы то ни было форме вступит с другими странами в отношения, не санкционированные британским правительством.

«Делайте,— заканчивалось письмо Окленда,— как находите выгодным, будем надеяться, что вы получите пользу и выгоду, но хорошенько подумайте, чтобы потом не пенять на себя».

22 февраля Бернс явился в Бала Гиссар и вручил эмиру письмо Окленда.

Мирза Абдул Самед дважды прочел письмо вслух. Эмир слушал, полузакрыв глаза.

Когда министр положил письмо на стол, Бернс говорил о том, что политика сближения с Персией грозит эмиру тяжелыми потрясениями внутри страны, ибо персы — раскольники-шииты, а афганцы правоверные мусульмане — сунниты. И Ранджит Синг уже был согласен вернуть афганцам Пешавар, но осада Герата шахом побудила генерал-губернатора дать магарадже

совет — удержать Пешавар и оказывать сопротивление планам шаха продвинуться до границ Индии.

Дост Мухаммед в ответ сказал, что остается при своем требовании вернуть ему Пешавар.

Бернс, с трудом сдерживая раздражение, воскликнул:

— Хорошенько подумайте, ваше высочество, прежде чем решитесь упустить возможность обладать сочувствием и поддержкой британского правительства! Всякая попытка ваша войти в политические отношения с другими странами уничтожит дружбу с Англией.

Бернс испросил разрешения удалиться, и эмир отпустил его.

Дома Бернс немедленно взялся за перо. «Неуступчивость эмира,— писал он в Калькутту,— вызвана влиянием Виткевича. Он убедил эмира в могуществе России, в превосходстве ее политической системы над английской, и Дост Мухаммеду, как восточному деспоту, ближе самодержавная власть императора, чем английские парламентские порядки».

Мирза Абдул Самед, вернувшись от эмира, немедленно познакомил Виткевича с письмом Окленда и угрозами Бернса.

— Этого только и можно было ожидать,— сказал Виткевич.— Англия готовит всему Афганистану такую участь, какая постигла Индию. Там англичане проглатывали одно княжество за другим, пока не овладели всей страной.

— Так-то оно так,— ответил мирза,— но вот послушайте, какая у нас есть сказка.

Однажды жил на свете злой-презлой шакал, и другим шакалам житья от него не было. И они думали-думали, как его проучить, и придумали.— Ты силен и могуч, как тигр,— сказали они злому шакалу, и он от гордости стал еще злее. Бежали шакалы и видят: конюшня, а в ней арабские скакуны. Вот они и говорят:— О могучий из могучих! Задери одну из этих глупых лошадей!— Шакал бросился на спину огромному скакуну. А он так поддел спесивого шакала, что тот перелетел через забор и шлепнулся на землю без сознания... Шакалы разбежались, а злой шакал, придя в себя, поплелся восвояси, приговаривая:— Не дай бог, чтобы тому, у кого заблестят глаза, сказали об этом не вовремя!

Виткевичу сказка понравилась.

— Превосходно! Англия — как раз такой шакал. И я знаю, что народ афганский храбр и воинствен. А страна ваша такая, что если все владельцы прекратят раздоры, объединятся, то вы можете противостоять всем силам англичан в Индии!

Эмир срочно вызвал в Кабул сына наваба Акбар-хана и послал гонцов в Кандагар, чтобы сюда прибыли его братья — совместно обсудить и решить, как быть дальше. Об этом мирза Абдул Самед сообщил и Бернсу.

8

Когда Виткевичу стал известен ответ Окленда эмиру, он понял, что наступает решительный момент. Англии можно нанести поражение, и Бернс, посрамленный, покинет Кабул.

Виткевич и Бернс, каждый у себя, жадно ловили доходившие до них известия из дворца эмира.

Тем временем в Кандагаре сардары, невзирая на угрозы Лича, согласились заключить договор с шахом — при условии русской гарантии.

Проект был переслан в Тегеран Симоничу, а он немедленно отослал договор в Петербург.

Копию договора взял с собой в Кабул Мехардил-хан, избранный братьями для совещания с Дост Мухаммедом.

Но еще до его отъезда такую же копию Лич переправил Бернсу.

В Бала Гиссаре происходили непрерывные совещания днем и ночью.

— Нет надежды на соглашение с Англией, — говорят одни; нужно еще раз попытаться найти общий язык, — утверждают другие, — так передавал Массон Бернсу.

1 марта к нему пришел наваб Джаббар-хан и спросил, что будет дальше.

Бернс ответил, что Дост Мухаммеду надо отказаться от притязаний на Пешавар и от каких бы то ни было сношений с Россией и Персией — таковы неперемennые условия Англии.

После ухода наваба прибежал Массон с новостью: у Виткевича имеется письмо к Ранджит Сингу от русского правительства с требованием вернуть Пешавар Афганистану.

Бернс падал духом все более... А Виткевич через мирзу Абдул Самеда подливал масла в огонь: Англия — непримиримый враг Баракзаев, и ничего доброго от нее ждать нельзя.

5 марта наваб Джаббар-хан снова явился к Бернсу и сказал:

— Если Англия наш друг, пусть докажет. Пусть заставит Ранджита вернуть Пешавар и даст гарантию защиты от Персии.

Бернс ответил, что ни то, ни другое неприемлемо и он удивлен: ведь эмир уже знает ответ-лорда Окленда,

Наваб удалился, к Бернс написал Дост Мухаммеду, что присутствие в Кабуле русского агента делает очевидным нежелание эмира жить в дружбе с Англией. Дост Мухаммед ищет помощи у других, а потому Бернс не может оставаться в Кабуле, не роняя достоинства Англии, и просит его отпустить.

Прочтя письма, эмир сказал Абдул Самеду:

— Покажи письмо русскому. Послушаем, что он скажет...

Виткевич, ознакомившись с письмом, понял, что настал час решения: Англия или Россия?

— Что же ответил эмир капитану Бернсу?

— А что скажете вы, достопочтенный друг мой? Виткевич протянул письмо министру и сказал:

— Лев угрожал орлу: «Растерзаю тебя!» Орел рассмеялся: «Раньше поймай меня!»

Абдул Самед улыбнулся. Ян продолжал:

— Генерал-губернатор угрожает... А мой император протягивает его высочеству дружескую руку помощи! Сегодня день весеннего равноденствия, не правда ли?

Абдул Самед утвердительно кивнул головой.

— И завтра уже день будет больше ночи, достопочтенный мирза Абдул Самед. А свет всегда лучше мрака. И то, что обещает Россия, она всегда исполняет.

Министр дословно передал эмиру все, что сказал Виткевич.

— Он назвал меня орлом. Но разве Англия — лев? И еще раз пришел Дост Мухаммед-хан к Бернсу,

чтобы последний раз «постучаться в дверь взаимопонимания».

— Я прочел ваше письмо с тем вниманием, какого

заслуживают слова столб высокой особы, как представитель его светлости генерал-губернатора. Увы! Письмо ваше не перебрасывает моста через разделяющую нас пропасть... Англия не отвечает на мое искреннее желание дружбы и мало ее ценит. Я предпочитаю подчиниться шаху, он магометанин, чем уступать Ранджит Сингу, язычнику. Но я не боюсь ни того, ни другого!

Бернс, едва сдерживая раздражение, сказал:

— Ваше высочество, нам не о чем говорить! Мы не понимаем друг друга!

— Вы отвергаете все мои доводы и желания! Значит, вы ничего не хотите сделать для меня.

Эмир ушел... Однако окончательного решения он все еще не принял, так как ждал прибытия кандагарских братьев.

9

Пальмерстон направил Макнилу указания — добиваться от шаха снятия осады Герата.

С этим требованием Макнил явился в персидский лагерь. Он объявил шаху, что Англия рассматривает осаду Герата как враждебный акт против нее самой. Шах должен заключить мир, и Макнил готов выступить посредником. С разрешения шаха Макнил послал в Герат майора Тоддея якобы для подготовки мирных переговоров. А на деле Тоддей обнадеживал осажденных, заверяя их, что Англия поможет им, и пусть они продолжают обороняться...

Когда Тодд вернулся, в Герат отправился сам Макнил. Поттинджер доложил ему о состоянии обороны Герата. Макнил сказал Камрану, что Англия заставит шаха отступить...

Тут в лагерь шаха прибыл Симонич, чтобы ускорить выдачу русских батальонов. «Он нашел шаха в опасности, войско в нуждах и унынии,— так писал Нессельроде в отчете министерства иностранных дел за 1938 год.— Не успев отвратить предприятия шаха, граф Симонич рассудил, что и достоинство и польза Персии требовали, дабы оно окончено было с успехом и как можно скорее. По этим соображениям он почел себя обязанным тому

содействовать и по настоятельным просьбам самого шаха решился поручить находившемуся при миссии капитану Бларамбергу начертать и привести в исполнение новый план осады».

Макнил, взбешенный, прибежал к шаху... Шах отказался исполнить его требования о снятии осады, и Макнил заявил, что он вынужден покинуть Персию, ибо шах нарушил англо-персидский договор...

10

Мехардил-хан привез в Кабул проект договора с Персией — под гарантией России.

Нужно было принимать окончательное, бесповоротное решение... Мнения приближенных и советников эмира все еще не были единодушны. Дост Мухаммед в такие трудные минуты утрачивал твердость, колебался... И теперь тоже он уступил тем, кто боялся разрыва с Англией и послал к Бернсу Мехардил-хана и Джаббар-хана. Они сказали: эмир согласен отослать Виткевича, прервать отношения с Персией, вступить в переговоры с магараджей. Но взамен Англия должна дать прямую гарантию защиты от Персии и установления дружеских отношений с Пешаваром. Бернс повторил то, что говорил раньше, и уполномоченные эмира удалились.

Виткевича, естественно, удивляли зигзаги поведения эмира. Харлан успокоил его: от Пешавара Дост-Мухаммед никогда не откажется — и тут камень преткновения для Бернса.

Эмир снова созвал своих советников. После длительных и бурных споров было решено поставить последний раз перед Бернсом вопрос: шах персидский предлагает Афганистану Герат и заключение наступательного и оборонительного союза с гарантией России. Готова ли Англия пойти на уступки?

С этим вопросом к Бернсу снова пришли Джаббар-хан и Абдул Самед-хан.

Бернс, попавшийся в ловушку, им самим себе представленную, не мог ответить ничего, кроме нет!

У Дост Мухаммеда больше выбора не было. Абдул Самед-хан принес Виткевичу долгожданную весть: эмир решил порвать с Англией.

21 апреля Виткевич был торжественно провезен по улицам Кабула как посол императора во дворец эмира.

Бернсу не оставалось ничего иного, как «хлопнуть дверью», покидая Кабул.

Он написал эмиру резкое письмо. Пусть эмир хоть немножко подумает над последствиями своей политики, чтобы потом не раскаиваться...

Дост Мухаммед ответил ему: «...до сих пор ни Пешавар нам не возвращен, ни обеспечение от персидской опасности нам не дано... Люди не могут ждать бесконечно, и так как мои надежды рассеялись, я вынужден был обратиться к другим... Вы пишете, что мы будем потом раскаиваться. Но мы возложим упования на аллаха, и он поможет нам... Я многого ждал от вашего превосходительства, но теперь я разочарован, но виню в том не британское правительство, а свою злую судьбу...»

Бернс счел необходимым последнее слово оставить за собой. «Британское правительство,— писал он эмиру,— не обещало вам возвращения Пешавара, но лишь посредничество для восстановления мира с магараджей, почетного для обеих сторон... Но эмира не удовлетворяют добрые услуги Англии. Уповать на бога — долг каждого божьего создания».

25 апреля Бернс был у Дост Мухаммеда с прощальным визитом.

Дост Мухаммед вручил ему письмо Окленду.

«Вам известно, что народ афганский возлагал на Англию большие надежды. Они зародились со дня прибытия к афганскому дворцу Эльфинстоне и заключения договора о взаимобороне. Когда А. Бернс увидел, что народ Афганистана отчаялся в своих ожиданиях, а он не имеет от вас никаких полномочий, чтобы удовлетворить эти чаяния, он решил уехать в Индию, и я его не Удерживал. Когда он прибудет, он точно сообщит вам обо всем, что здесь происходило. До сих пор многие пользовались милостью Англии. И если наши упования оказались напрасными, то дело здесь не в нежелании Англии, а просто такова уж наша злая судьба. И то, что достойно доброго имени Англии, произойдет, я думаю, в будущем».

«Доброго имени Англии» оказалась достойной войной против афганского народа, которую подготовили и

развязали Пальмерстон и Гобгауз, Окленд и Макнотен...

26 апреля Бернс покинул Кабул. Семь месяцев потратил он впустую, потому что с самого начала действовал вразрез с намерениями и планами тех, кто его послал. Бернс сам заблуждался и вводил в заблуждение Дост Мухаммеда, ибо положил в основу соглашения то, что было неприемлемо для Лондона и Калькутты,— возвращение Пешавара афганцам.

— Он покидает Кабул с непристойной поспешностью,— иронически заметил Харлан Виткевичу.

А Дост Мухаммед, отослав Бернсу подарки (четыре лошадей весьма скромной цены), задумчиво промолвил:

— Пожалуй, это ошибка, что я позволил английскому обманщику унести целую свою голову...

Поле дипломатического боя оставалось за Виткевичем.

Эмир сказал ему:

— Теперь я вижу, кто мои истинные друзья! Отныне я связан с Россией и Персией. И мы будем друзьями ваших друзей и врагами ваших врагов.

Виткевич отвечал, что Россия дает гарантию договору о Герате и окажет помощь против сикхов, если магараджа не послушается голоса благоразумия и добровольно не вернет Пешавара.

— Англичане ни перед чем не остановятся, чтобы причинить нам зло!— воскликнул эмир.

— Вы получите деньги, а если потребуется, на помощь придут войска шаха.

Эмир заявил Мехардил-хану, что одобряет договор Кандагара с Персией и просит быстро приступить к его осуществлению.

25 мая Виткевич с Мехардил-ханом и представителем эмира направился в Кандагар. Эмир провожал его с почетом.

Кандагарские сардары встретили Виткевича с еще большим почетом.

В Кандагаре уже был получен от Симонича подписанный им договор. Деша Нессельроде, предлагавшая воздержаться от такого шага, опоздала.

Не задерживаясь в Кандагаре, Виткевич вместе с принцем Мухаммед Омар-ханом направился к Герату.

II

Макнил, хотя и объявил шаху, что покидает пределы Персии, однако остановился в Тебризе, чтобы выждать, пока будет оккупирован принадлежащий Персии остров Каррак в Персидском заливе.

Пальмерстон решил таким способом припугнуть шаха. Британский корабль «Семирамида» 19 июня высадил в Карраке три полка пехоты и морской батальон.

Получив уведомление об этом, Макнил, в соответствии с инструкциями из Лондона, послал в лагерь под Гератом Стоддарта с ультиматумом.

Стоддарт прибыл в начале августа и застал шаха в большой тревоге и растерянности. Два штурма Герата, предпринятые после отъезда Макнила, успеха не имели, хотя ими руководил лично Симонич. Генерал Боровский был убит в бою, персы понесли большие потери. А тут стало известно о высадке англичан в Карраке.

Было и утешительное событие: в лагерь 25 июня через два дня после неудавшегося штурма приехали Виткевич и принц Омар-хан. Они были встречены большим отрядом кавалерии. Шах приказал поставить принцу палатку рядом со своим шатром. Виткевич сообщил, что кандагарские сардары готовят войско на помощь шаху. Шах был обрадован, и Макнил, получивший донесение одного из своих шпионов, писал в Лондон: «Шах видит, что неведомый казачий офицер с берегов Волги или Эмбы, прибывший в Кабул без помпы и свиты, изгнал из Афганистана такого агента генерал-губернатора Индии, как Бернс, который пользуется репутацией в высшей степени способного для выполнения таких заданий офицера».

Симонич был обрадован победой Виткевича и писал в Тифлис генералу Головину, сменившему Розена: Виткевич «возвратился благополучно, исполнив данное ему поручение с отличным успехом».

Ни Симонич, ни шах не знали, что Бернс и Макнотен по указанию Секретного Комитета в Лондоне и по уполномочию Окленда подписали в Лахоре договор между генерал-губернатором, магараджей и Шуджой. Окленд обязался послать в Афганистан британскую армию, чтобы вернуть престол Шудже; Шуджа отказался от

притязаний на Пешавар, и Англия гарантировала взаимную защиту трех участников договора от любого нападения.

Договор означал войну Англии против Дост Мухаммеда.

Чтобы вести ее успешно, надлежало отвратить угрозу от Герата.

Стоддарт вручил шаху ультиматум Макнила: Англия видит в нападении на Герат враждебный акт, и если Герат будет взят, то наступят последствия, о которых пусть скажет шаху занятие Каррака британскими войсками. Отвергнув требования Англии, шах навлечет на Персию грозную опасность.

Шах, прочтя письмо, спросил:

— Если я не оставлю Герата, будет война?

— Да, ваше величество, война! Все зависит от вашего ответа.

Симонич, призванный немедленно к шаху, успокаивал его. Герат доведен до последней крайности и долго не продержится; прибытие принца Омар-хана из Кандагара есть ручательство искреннего союзничества и оказания шаху помощи; в Кабуле все усилия англичан рушились, и эмир тоже вступает в союз с шахом.

Но шах был так напуган угрозами Макнила и Стоддарта, что ничего и слушать не хотел... Он послал за англичанином и объявил, что не желает ссориться с Англией, снимает осаду и возвращается в Персию.

В ответ, к своему удивлению, он услышал, что, невзирая на принятие требований Англии, Макнил со всем составом миссии покидает Персию и дипломатические отношения Англии с нею прерываются.

9 сентября армия шаха после 14 месяцев осады снялась и ушла...

Симонич, конечно, был обескуражен, но все же настаивал на том, чтобы шах выполнял договор с Кандагаром. Послу кандагарскому Алла-Дод-хану были выданы 10.000 туманов. Виткевичу было поручено вновь отправиться в Кандагар, чтобы побуждать сардаров к действиям против Герата. Теперь на них возлагалось исполнить то, что не удалось шаху. Виткевич покинул армию шаха за Гурианом и повернул на юг, чтобы проехать через Феррах в Кандагар.

Посылка Виткевича в Кандагар была последним

мероприятием Симонича как посланника в Персию. Николай назначил на этот пост Дюгамеля, и Симонич, вернувшись с шахом в Тегеран, дождался приезда своего преемника.

12

Дюгамелю Николай дал такие инструкции:

— Я желаю, чтобы вы жили в самом добром согласии с английской миссией. И у нас, и у англичан одни и те же интересы в Персии. И мы, и они желаем сохранить теперешний порядок вещей и укрепить, насколько это будет возможно, правительственную власть для того, чтобы предотвратить распадение Персидской монархии, которое имело бы последствием множество затруднений. Мешайтесь как можно меньше во внутренние дела страны. Экспедиция против Герата была предпринята вовсе не по нашему желанию; но когда нам сказали, что дело идет о наказании мятежников, мы отвечали, что их следует наказать! Англичане воображают совершенно противное; они полагают, что наше влияние сказывается во всем, что происходит на Востоке, и вы должны доказать вашим откровенным образом действий неосновательность этих нелепых поклепов.

Замена Симонича Дюгамелем была уступкой Пальмерстону, и он так это и понял.

«Мы прижали Россию к стене в вопросе о Симониче,— торжествующе сообщил он Макнилу.— Императору не оставалось ничего иного, кроме как отозвать Симонича».

Но и Дюгамелем британский министр не был доволен. «Дюгамель,— писал он тому же Макнилу,— быть может, более опасный человек, так как не в такой степени интриган».

Пальмерстон опасался Дюгамеля, как не интригана — это может показаться странным! Однако удивительного тут ничего не было. Мастер дипломатических не только интриг, но и шантажа, провокаций, авантюр, достопочтенный лорд Пальмерстон не без оснований опасался дипломатов, которые способны вести дело честно.

«Дипломатия не есть наука хитрости и двуличия. Если где-либо необходима добросовестность, то это раньше всего в политических сделках».

Кто произнес эти слова весной 1838 года во Французской Академии?

Талейран, непревзойденный в бесчестности, коварстве, двуличии!

Бернс, очутившийся у разбитого корыта, не понял или не хотел понять, что миссия его была заранее обречена на неудачу теми, кто его послал в Кабул, что он был игрушкой в руках лондонских мастеров интриги.

Стараясь разобраться в том, что произошло, он считал, что виной всему Окленд и правительство. И написал об этом своему другу уже после заключения договора в Лахоре:

«Когда были приняты добрые русские услуги для исключения британских услуг, я спустил свой флаг и вернулся в Индию, говоря: «Получите то, что ваша медлительность наделала». Вы подумаете, что за этим последовала немилость? Ничего подобного — они аплодировали моему мужеству; и теперь — под знаменами двадцать тысяч человек, чтобы сделать то, что раньше могло сделать слово, и два миллиона денег могут быть выброшены на то, что я предлагал сделать за два лака! Как это вышло? Персия была принуждена Россией атаковать Герат и вторгнуться в Индию. Бедный Дост Мухаммед с одной стороны, был напуган сикхами, а с другой — Персией. Россия дала ему гарантии против Персии, и он тогда склонился к ней, а не к нам».

Причине своего поражения в Кабуле Бернс, конечно, давал неверную оценку. Дело было не в медлительности Окленда при исполнении требований Дост Мухаммеда, а в нежелании договориться с Кабулом.

Но как же поступил Бернс, когда не по его вине, а вопреки его настояниям, произошел разрыв переговоров в Кабуле?

Вопреки своим убеждениям он... последовал за теми, кого сам же называл «трусливыми политиками». В решительный момент он поступил не так, как воображаемый «идеальный дипломат» в речи Талейрана, а как ученик и последователь вполне реального Талейрана и столь же реального Пальмерстона.

Бернс был удивлен, что не впал в немилость из-за неудачи в Кабуле, а напротив, был награжден титулом баронета и чином подполковника... Можно только поражаться его наивности! Ведь поражение Бернса в Кабуле было победой Пальмерстона и Гобгауза, Макнотена и Уэйда.

Вот почему Окленд и написал Бернсу: «Симла, 5 ноября 1838. Мой дорогой сэр, я сердечно поздравляю вас со знаками одобрения, которыми вы отмечены на родине. Мое частное письмо говорит в высоких выражениях о ваших действиях в Кабуле. Я доволен, что ваши способности и неутомимое рвение получили достойное признание. Искренне ваш Окленд».

Так Бернс, убежденный сторонник соглашения с Дост Мухаммедом, ревностно помогал затеять разбойничью войну против него, против афганского народа...

13

Николай пошел на компромисс с Пальмерстоном, уступая и отступая в Персии и Афганистане, так как не желал ничем поступиться в Турции.

Пальмерстон, чтобы принудить Николая к полному отступлению на Ближнем Востоке, раздул опасность «завоевания Индии» русскими. Поццо ди Борго без труда разгадал его тактику и прямо говорил ему, что «план завоевания Индии», приписываемый России, есть не что иное, как способ бить в набат и поддерживать в Англии тревогу и страх перед «русской угрозой».

Пальмерстон на это отвечал, прибегая к софистической казуистике:

«Но если хотят взять какую-нибудь крепость, то не начинают осады брешью, а делают рекогносцировки и издали начинают рыть апроши с целью мало-помалу подготовить атаку».

И это русскому послу было заявлено после того, как Окленд обнародовал прокламацию с объявлением войны Дост Мухаммеду! Прокламация эта справедливо вошла в историю британской дипломатии как один из наиболее лживых, лицемерных документов.

Виновником конфликта объявлен был Дост Мухаммед, который якобы «выдвинул неприемлемые требования и предъявил экспансионистские претензии» и вступил в соглашение с шахом, без всякого повода напавшим на Герат и намеренным дойти до Инда. Дост Мухаммед не пользуется симпатиями народа, который любит шаха Шуджу. С помощью английских войск он воссядет на трон своих предков, и будет достигнуто объединение афганского народа.

Так Окленд войну Англии против Афганистана избрал актом дружбы и благодеяния по отношению к афганскому народу.

По указанию Пальмерстона Окленду надлежало «принять участие в междоусобных распрях» в Афганистане и «соединить Кабул и Кандагар в руках одного владельца, способного стать и оставаться верным союзником Великобритании».

В Индии все было готово для войны. Оставалось окончательно «прижать Россию к стене», чтобы оправдать начинаемую войну и припугнуть Николая, добиваясь не только полной капитуляции в Центральной Азии, но и отступления на Ближнем Востоке.

Кларикарду, новому британскому послу в Петербурге, только что вручившему царю свои верительные грамоты, пришлось чуть ли не на следующий день передать Нессельроде грозную ноту Пальмерстона. В ней действия русских агентов в Персии и Афганистане определялись как враждебные Англии и противоречащие всем успокоительным заверениям русского правительства. Нота заканчивалась так:

«Британское правительство охотно признает, что Россия в вопросах, о которых идет речь, вольна преследовать тот политический курс, который кажется Санкт-Петербургскому кабинету наиболее отвечающим интересам России. Великобритания слишком уверена в своей силе и сознает размеры и действительность средств, какими располагает для защиты своих интересов в любой части земного шара, чтобы относиться со сколько-нибудь серьезным беспокойством к действиям, о которых говорится в этой ноте. Но британское правительство считает себя вправе спросить Санкт-Петербургский кабинет, должно ли политику России в отношении Персии и Великобритании выводить из заявлений графа Нессельроде и г. Родофиникина графу Дергему или из действий г. Симонича и г. Виковича?¹».

Нессельроде растерялся... И не столько «громовая» нота ввергла его в испуг, сколько необходимость предстать перед Николаем и дать ему объяснения, почему же так вышло.

Решение Азиатского Комитета, утвержденное Нико-

¹ Виткевича.

лаем, предписывало осторожность и осмотрительность в Афганистане, а инструкция, которую дал Нессельроде Виткевичу, выходила значительно за рамки, предусмотренные в этом решении... Родофиникина, который составил инструкцию, не было уже в живых. Симонич был уже смещен. На кого же взвалить ответственность?

Барон Бруннов, ближайший советник вице-канцлера, тоже был озадачен.

— Карл Васильевич, дело серьезное! Очень серьезное! Я бы даже сказал, что из всех споров, которые мы имеем с Англией, нынешнее разногласие самое опасное!

— Голубчик Филипп Иванович, что же делать? Вам ведомо, что государь нынче озабочен турецкими делами. а тут вот это еще... Подготовьте ответ, я поднесу его государю вместе с нотой.

Бруннова называли «Нестором русской дипломатии». Его перу принадлежали все важные документы министерства иностранных дел, и он умел угадывать мнения Николая и точно выражать их на бумаге. Когда Нессельроде представил царю английскую ноту, Николай был встревожен. Менее всего улыбалось ему столкновение с Англией.

— Надлежит самым энергичным образом опровергнуть сии нелепые обвинения. Нет у нас никаких завоевательных планов касательно Индии! Симонич напутал, и я его заменил, а Виткевича немедленно отозвать...

Нессельроде положил перед царем составленный Брунновым ответ на ноту.

— Это более чем превосходно!— сказал царь.— Посылайте с богом и еще напишите Поццо, чтобы он говорил с Пальмерстоном самым дружеским образом.

Нессельроде, препровождая ответ на ноту, писал Поццо:

«В продолжение разногласий, которые нам приходилось в течение последних лет иметь с Англией, не было ни одного, которое в наших глазах представлялось бы более серьезным, чем только что народившееся. Странная боязнь, заставляющая английское министерство приписывать нам враждебные замыслы против британского владычества над Индией, увлекает его к крайним мерам, которые являются в его глазах мерами предосторожности, имеющими целью предупредить бедствие,

которого оно опасается, но которые на деле именно могут вызвать столкновение, предупредить которое оно желает».

Из этой справедливой оценки действий Пальмерстона не был; однако, сделан должный вывод, и вместо отпора «крайним мерам», могущим вызвать столкновение, российское императорское правительство отступило перед угрозами Лондона, маскируя капитуляцию на деле твердостью на словах...

«Мысль о посягательстве на безопасность великобританских владений в Индии,— говорилось в русском отчете,— никогда не возникала и не возникает в уме нашего августейшего монарха. ... Он не допускает какой бы то ни было комбинации, направленной против английской власти в Индии. Она была бы несправедливой, ибо ничем не вызвана. Она не была бы возможна по причине громадных расстояний, нас отделяющих, жертв, ею вызываемых, трудностей, которые нужно было бы одолеть,— и все это для исполнения плана, который никогда не может быть одобрен здравую и разумную политику. Достаточно бросить взгляд на карту для того, чтобы убедиться, что никакой враждебный в отношении Англии замысел не может руководить политикой нашего кабинета в Азии... Мы откровенно сознаемся перед Англией, что русский офицер был отправлен недавно в Кабул для собирания сведений, относящихся к торговле. Таким образом, факт появления этого агента вполне верен. Но причина и цель отправки, как кажется, была выставлена в глазах английского министерства с толкованием, преувеличение и лживость которого мы считаем нужным вывести наружу. Для этого нам достаточно будет заметить, что отправка г. Виткевича в Кабул была вызвана не чем иным, как прибытием в 1837 году в С.-Петербург от Дост Мухаммед-хана агента с целью завязать торговые отношения с Россией. Чтобы привести в ясность, какие выгоды могло бы доставить нашим торговцам такое предприятие и какие оно представляет обеспечения в стране, с которой Россия не имела до сих пор никаких сношений, наше правительство решилось предварительно послать туда уполномоченного с письмом в ответ на те, с которыми Дост Мухаммед-хан обратился к нам по собственному почину. Эта командировка не имела целью ни заключения торгового трактата, ни ка-

ких-либо политических комбинаций, которые могли бы вызвать со стороны посторонней державы жалобы или подозрения. Восстановив таким образом дело в его настоящем свете, наш кабинет может обратиться к лондонскому кабинету с положительным удостоверением, что ни в командировке г. Виткевича в Кабул, ни в его инструкциях, которыми он был снабжен, не было ничего решительно неприязненного к английскому правительству и не было решительно никакого намерения нарушать спокойствие британских владений в Индии».

Смысл этих разъяснений был сразу понят в Лондоне. Правительство Николая взваливало всю ответственность на Виткевича. Неудобные Англии действия он совершал вопреки инструкциям, в их нарушение.

Потому-то Пальмерстон, ознакомившись с ответом на свою ноту, иронически заметил:

— Желательно, чтобы отныне русские агенты действовали в Средней Азии в соответствии с инструкциями своего правительства.

Отступив в главном пункте, царь для приличия высказал и свои претензии к Англии. Нессельроде писал Поццо:

«Если есть держава, имеющая законное право жаловаться, то это — Россия, ибо английские путешественники и агенты систематически сеют между среднеазиатскими народами семена беспокойства и смут, доходящих до русских границ. Россия желает только права участвовать в свободной конкуренции на арене торговли, которую, напротив, англичане желают «конфисковать в свою исключительную пользу».

Завершалась депеша призывом; «самым тщательным образом сохранить спокойствие в промежуточных странах, отделяющих владения России от владений Великобритании».

Поццо ди Борго вручил копию этой обширной депеши Пальмерстону и премьер-министру Мельбурну, вызвав от имени Нессельроде надежду, что британское правительство «отнесется к этому сообщению с предупредительностью, соответствующей искренне доброжелательным намерениям» императора.

— Все, чего мы желаем, это соглашения с Россией по среднеазиатским делам,— с удовлетворением сказал Мельбурн.

Пальмерстон высказался холоднее, но и он признал петербургский ответ на свою ноту «вполне удовлетворительным».

14

Отослав в Лондон ответ на ноту Пальмерстона, Нессельроде послал в Тегеран предписание отозвать Виткевича из Афганистана и прислать в Петербург.

Дюгамель, прибывший в Тегеран в конце ноября, тут же получил это предписание. Виткевич был в Кандагаре, и Дюгамель ответил Нессельроде, что послал Виткевичу приказ вернуться возможно быстрее. «Я не скрываю от себя,— счел нужным присовокупить новый русский посол,— что этот внезапный отъезд капитана Виткевича произведет очень плохое впечатление в Афганистане и что в будущем мы столкнемся с трудностями при возобновлении отношений с этой страной».

Персидское правительство, прося содействия России в улаживании конфликта с Англией, поставило перед Дюгамелем категорический вопрос: остается ли в силе данная Симоничем гарантия или нет? Вместе с тем Ходжа-Мирза-Агаси заявил, что не считает нужным посылать Дост Мухаммеду помощи ни деньгами, ни людьми.

Дюгамель обратился в Петербург с просьбой возможно скорее ответить на запрос Персии. Свою точку зрения он высказал следующим образом: «Виды Англии на Афганистан обнародованы. Англичане хотят пользоваться там исключительным влиянием, и, если мы допустим это, они достигнут своей цели... Мы не имеем права скрывать от себя, что некоторым образом мы навлекли бурю на головы правителей Кабула и Кандагара. Без посылки Виткевича, без отношений, которые установились между императорской миссией и афганцами, наконец без договора, заключенного между шахом и сардарами Кандагара, договора, которому мой предшественник несколько легкомысленно дал гарантию России, никогда дела бы не пришли к такому пункту, в каком они находятся теперь». И если после всего этого, предупреждал Дюгамель, мы предоставим братьев Баракзаев мести их врагов, «русское имя от этого понесет такой ущерб, которого не сотрут века, потому что во мнении народов Центральной Азии отступление считает-

ся признаком слабости». Поэтому в интересах России и ее чести необходимо защитить сардаров Кабула и Кандагара и привязать их к нам узами благодарности.

Чтобы придать своей точке зрения больше убедительности, Дюгамель в заключение писал: «Как только англичане установят свое влияние постоянного характера в Афганистане, не позволительно ли предположить, что они попытаются распространить «го на восточные и южные берега Каспийского моря, на Хиву, Бухару и племена Туркмении, чтобы создать для нас трудности и возбуждать врагов, как они это теперь делают с горами Кавказа?»

Дюгамель, приехавший в Персию с инструкцией Николая покончить со всем, что предпринимал Симонич, защищал его политику как правильную и необходимую! Ибо, ознакомившись с положением дел на месте, Дюгамель увидел, что не следует поддаваться шантажу Макнила и Пальмерстона.

Не сговариваясь с ним, находясь за тысячи километров от Персии и Афганистана, Поццо ди Борго из Лондона тоже советовал не пугаться лондонских угроз:

«Империя, обнимающая весь известный мир, придирается к всевозможным мелочам. Она нарушает покой слабых и не позволяет им наслаждаться их счастьем; но она останавливается перед сильными или старается им вредить мелочными и темными способами. Ввиду таких жалких приемов делать зло, разум, кажется, советует нам оставаться спокойными, умножать свою силу и укреплять свое положение».

В то же время Бернс писал Макнотену:

«Если наша цель обосноваться в Афганистане и передать Шудже номинальное главенство в Кандагаре и Кабуле, то мы преследуем ошибочный курс: все афганцы недовольны шахом, и все магометане возбуждены и взволнованы тем, что происходит; вождь Кабула — человек способный и достойный, и хотя мы можем легко низложить его в пользу Шуджи при нашем нынешнем способе действий, однако этим мы никогда не выиграем на свою сторону афганский народ».

Таким образом, Бернс со своей английской точки зрения подтверждал то, что высказывал Дюгамель, что говорил Виткевич: позиции Англии в Афганистане слабы.

Виткевич вторично прибыл в Кандагар в конце октября. Он увидел, что внезапное отступление шаха из-под Герата произвело на сардаров тяжелое впечатление и поставило их в весьма затруднительное положение. Они опасались, что не успеют взять Герат до того, как Шуджа и англичане появятся у Кандагара.

Виткевич доказывал им, что это не может произойти ранее февраля, а до тех пор можно овладеть Гератом, который не выдержит новой осады. Бернс был того же мнения и очень опасался решительных действий Виткевича в Кандагаре. Но если бы даже англичане подошли к Кандагару, говорил Виткевич, то сардары успели бы вернуться. Слова Виткевича и, конечно, привезенные им деньги убедили сардаров, и в конце октября Кохендиль и Рахендиль ханы с шестью тысячами человек и двенадцатью орудиями выступили из Кандагара. Мехардил-хану было поручено привести в порядок укрепления Кандагара, собрать необходимый провиант и следить за движением Шуджи.

Сообщая об этом в рапорте от 23 октября (4 ноября), Виткевич просил побудить шаха отправить на помощь Кандагару 5 тысяч человек пехоты.

«Зная,— писал Виткевич,— сколь важно овладение Гератом кандагарцев под влиянием России, я употреблю все возможные убеждения для достижения этой цели, и, хотя очень трудно бороться с медлительностью сардаров, происходящей частью от беспечности, частью от слабости власти и ограниченности средств, коими они располагать могут, но видя искренность убеждений сардаров в пользу тесного их сближения с Россией посредством мнимой зависимости от Персии, я Совершенно уверен в успехе предприятия. Если до прихода в Кандагар Шуджи Герат будет в руках Кохендиль-хана, англичане потеряют надолго надежду восстановить здесь свое влияние, в противном случае мы лишимся возможности сбывать произведения наших фабрик в Средней Азии, не говоря о влиянии англичан на северо-восточные границы Империи».

В заключение Виткевич сообщил, что пробудет в Кандагаре еще месяца полтора и будет собирать сведения о движении Шуджи и англичан и о делах Кабула.

Кохендиль-хан двигался вперед, к Себзевару, и в первых стычках с отрядами Камрана одержал верх над гератцами.

Дост Мухаммед послал гонца с бумагами в Тегеран. Разбойники в пути ограбили и отослали бумаги в Герат. А в них эмир писал, что он намерен послать в Россию старшего сына с просьбой принять Кабул «под совершенное распоряжение российского императора».

Виткевич был очень встревожен, так как бумаги эмира, доставленные в Герат, в конечном итоге попали в руки англичан.

По совету Виткевича Кохендиль-хан послал эмирам Синда копию договора с Персией, советуя им отказаться от предложений, которые им делали Бернс, Массон, Поттинджер.

Из Шикарпура Виткевич получил сведения, что зимой англичане не могут предпринять никаких действий против Афганистана.

24 ноября (5 декабря) Виткевич написал Симоничу (он еще не знал о его замене Дюгамелем):

«Сардары Кандагара, овладев Гератом, предполагают отправить через Тегеран к императорскому дворцу младшего из братьев сардара Мехардил-хана, уполномочить его заключить трактат и признать над собой владычество государя императора и просить назначить в Герат и Кандагар российских резидентов».

В середине декабря Виткевич покинул Кандагар и отправился в Феррах к Кохендиль-хану. Там он получил предписание Дюгамеля и вернулся в Тегеран.

Деятельность Виткевича в Кабуле и Кандагаре навлекла злобу и ненависть англичан, через своих агентов знавших о каждом его шаге. И им удалось добиться от Николая полного отказа от оказания помощи Афганистану в борьбе за независимость и единство.

Виткевич был отозван.

Его врагам этого было мало...

16

Макнил с чинами посольства в Лондон направился через Россию. В Петербург он прибыл в конце февраля.

Маркиз Кланрикард познакомил Макнила с нотой Пальмерстона и русским ответом.

— Великолепно!— воскликнул Макнил.— Лорд Пальмерстон писал мне, что мы прижали Россию к стене. Я вижу, что здорово прижали... И жать, жать, жать!

Рассказывая Кланрикарду о событиях в Персии и Афганистане, Макнил упомянул о Виткевиче.

— Этот поляк — опасный и зловредный противник. Симонич — хвостун, а Викович — человек дела. Он переиграл Бернса в Кабуле, и мы еще будем иметь с ним немало хлопот.

— Нессельроде показал мне депешу Дюгамеля об отзыве этого поляка.

— Что ж из того! Не будет его сегодня в Афганистане — завтра появится еще где-нибудь, чтобы пакостить нам. Нет, повторяю,— он опаснейший враг.

Вице-канцлеру Николай приказал обязательно встретиться с Макнилом.

— ...Замыслам англичан против нас нет меры, хоть мы и сделали все, чтобы не могли придираться к нам... Этот Макнил, видно, тоже большой задира... Так надобно охладить его пыл, чтобы он в Лондоне не подливал масла в огонь.

Разговор этот происходил после того, как Нессельроде передал царю перевод письма Дост Мухаммеда к Симоничу с просьбой о защите и депешу нового русского посла в Тегеране Дюгамеля, в которой он предупреждал, что Россия потерпит большой ущерб, если оставит Дост Мухаммеда на произвол судьбы и допустит Англию завладеть Афганистаном.

Прочтя эти документы, Николай с досадой отбросил их. Он отлично понимал, что Дюгамель прав... Но что же было делать? Чтобы не уступить на берегах Босфора, пришлось уступить в Афганистане.

И он приказал Нессельроде обласкать Макнила.

Вице-канцлер принял британского дипломата с утонченной вежливостью, познакомил его со своими депешами в Лондон, заверяя, что недоразумения — а это только недоразумения, не больше!— окончились, выразил убеждение, что мир и согласие между Россией и Англией выгодны обеим державам.

Макнил на это сказал, что у Англии достаточно средств, чтобы самой отстоять свои интересы.

— Мы как щепку отбросим со своего пути этого

жалкого кабульского эмира! Силы Великобритании безграничны, и не Дост Мухаммедам с нею тягаться...

Вице-канцлер выразил надежду, что британское правительство освободит остров Карак и восстановит дипломатические отношения с Персией, поскольку шах отступил от Герата.

— Герат тут ни при чем,— запальчиво возразил Макнил, к большому удивлению Нессельроде.— Шах, этот тупой, невежественный дикарь, осмелился задержать британского курьера! Покуда не будут принесены должные извинения, мы не простим столь неслыханного оскорбления.

Вице-канцлеру очень хотелось напомнить, что Пальмерстон именно осаду Герата выставляет важнейшей причиной конфликта с Россией, и Персией. Но, памятуя наказ Николая, Нессельроде промолчал.

Макнил счел наиболее подходящим заключить беседу с главой русской дипломатии упоминанием о Виткевиче.

— Я видел этого вашего Виковича в шахском лагере... Итак, он во всем виноват? Я правильно понял вашу депешу лорду Пальмерстону?

Нессельроде не оставалось ничего иного, как утвердительно кивнуть... На том они и расстались...

Перед отъездом из Петербурга Макнил имел беседу с купцом Эшли.

Мистер Эшли выразил радость, что имеет честь пожимать руку доблестному защитнику чести и интересов Великобритании.

— Вы, сэр Джон, поставили Россию на колени! Мы восхищены вами.

— Но я не в восхищении от вас! Какого дьявола вы не известили меня вовремя об отъезде Виковича в Персию? Вы прозевали, а я из-за вас был до последней минуты в неведении...

Эшли забормотал, что послал по следам Виткевича своего человека, но он таинственно пропал.

— Тем хуже для вас,— грубо оборвал Макнил,— если ваши агенты исчезают! Такая работа ни к черту не годится. А Викович нам сильно навредил. Не без вашей помощи, дорогой сэр,— ядовито прибавил Макнил.

Эшли молчал... Макнил сказал многозначительно:

— Викович вызван в Петербург и вскоре будет здесь. Могу ли я сказать в Лондоне, что на этот раз вы не окажетесь простофилей?

ПОСЛЕДНИЙ ВЫСТРЕЛ

I

16/23 февраля 1839 года Виткевич возвратился в Тегеран. Дюгамель немедленно сообщил Нессельроде, что, как только Виткевич отдохнет от длительного и тяжелого путешествия, он будет отправлен в Петербург.

«Этот офицер,— писал Дюгамель,— не получил писем, которые я ему писал со времени моего прибытия в Тегеран; они были посланы на Мешед, а Виткевич направился в Тегеран через Феррах, Большую Соляную пустыню, Тебес и Кошан. Он избег тысячи опасностей, так как эта дорога столь изобилует разбойниками, что ни один караван, из боязни быть ограбленным, не избирает ее. Этот офицер составил в целом очень печальную картину провинций Персии, по которым проехал... В Афганистане еще хуже, там царит общественная дезорганизация, и эта страна сегодня являет картину нравов Европы в средние века».

23 февраля (7 марта) Виткевич закончил в Тегеране подробный отчет о событиях в Афганистане после 24 ноября.

6 декабря 1838 года, писал он, в Кандагар из Кабула вернулся курьер Абдул Вегаб, доставивший эмиру высочайшие подарки. С ним прибыл сандукар эмира с ответом на грамоту императора. Из частных писем стало известно, что в половине ноября Шуджа оставил Лодияну и направился в Синд. Два экземпляра прокламации Окленда подтвердили слухи, что в Шикарпуре англичан не готовятся к походу в Афганистан.

13 декабря Виткевич выехал из Кандагара в Феррах, куда ежедневными письмами звал его Кохендиль-хан. 26 декабря Виткевич с Аллахдад-ханом прибыл в Феррах и застал войска в совершенном расстройстве из-за недостатка провианта и необыкновенной суровости зимы. Убедившись, что кандагарцы не в силах овладеть Гератом и даже удержать Феррах и другие части Гератской провинции, он решил вернуться в Тегеран для по-

лучения инструкций. Мехардил-хан в Кандагаре действовал неискренне, невзирая на все усилия Виткевича, и не выполнял поручений Кохендиль-хана о сборе провианта. Он ничего не делал, чтобы воспрепятствовать переписке британских агентов с Гератом. Из сведений, доставленных курьером, явствовало, что Англия намерена действовать не только из Шикарпура, но и из Пешавара. Англичане послали туда Лорда с сыном Шуджи, и Ранджит Синг разрешил им набрать войско из горцев для вторжения в Кабул. Султан Мухаммед-хан, ранее владевший Пешаваром и ныне состоящий на службе у магараджи возглавит эти войска. Из Пешавара англичане разослали прокламации о том, что Ост-Индская компания поможет Шудже восстановить свою власть в Афганистане.

Дост Мухаммед наказал Мурад-бека Кундузского за грабежи и нападения на караваны из Бухары. Однако в Кундузе остались зимовать 6 тысяч солдат и в их числе единственный батальон регулярной пехоты под командованием американца Алена, что сильно ослабило силы Дост Мухаммеда в Кабуле.

«Дальнейшие меры и значительные издержки,— писал Виткевич,— которые Ост-Индская компания не перестает делать в Афганистане, не позволяют думать, чтобы они без особенной причины оставили намерение отдать сию страну во владение семьи Саддозаев, под именем которой надеются управлять Афганистаном. В отношении Кандагара и всей страны, лежащей между сим городом и Гератом, по настоящему положению дел никто не может остановить успеха англичан... За исключением племени Баракзаев, состоящего из 12 тысяч семейств, прочие жители персидского и афганского происхождения с нетерпением ожидают давно возвещенного письмами и прокламациями англичан прихода Шуджи уль-Мулка, чтобы с ним; соединиться... Дост Мухаммед-хан не будет в состоянии подать помощь кандагарцам. к тому же все предприятие ведется английскими офицерами, знающими хорошо дела Афганистана и имеющими связи со всеми лицами, приобретшими какое-либо влияние на племена, составляющие народонаселение сей страны.

Путь от Шикарпура до Кандагара идет по хорошей дороге, и англичане могут его пройти в 30 дней. Канда-

гар не устоит против правильно веденной атаки. Все усилия сардаров совершенно тщетны, и, как мне кажется, за появлением войск шаха Шуджи они будут искать спасения в бегстве, за исключением Мехардил-хана, который за посредничеством англичан, вероятно, перейдет на сторону Шуджи в надежде занимать при нем значительное место... Со стороны Кабула успехи англичан не могут быть столь легки, хотя я выше упомянул, что отсутствие 6 тысяч лучшего войска значительно ослабило силы эмира, но личные его качества, единство власти, любовь жителей и самое гористое расположение Кабула подают надежду, что он некоторое время будет противостоять усилиям врагов своих. Во всяком случае, недостаток в деньгах не позволит ему держаться слишком долго, тогда он предпочтет удалиться в неприступные ущелья Гиндукуша с приверженцами и родственниками и оттуда набегами и грабежами беспокоить новых обладателей Кабула».

В привезенном Виткевичем письме эмира императору Николаю подробно изложена была история переговоров с Бернсом от его прибытия до отъезда и начала открытых враждебных действий Англии против Афганистана.

Эмир закончил свое обращение к императору так: «Так как весь мир знает теперь, что Афганистан целиком препоручил свое дело в руки России, и если (да сохранит от этого бог!) с ним причинится беда, причиной тому будет его преданность России». Поэтому эмир просит помощи у могущественного повелителя, императора Российского.

2

Дюгамель, ознакомившись с рапортом Виткевича, пригласил его к себе.

— Картина, вами нарисованная, столь грустна, что я не вижу никакого выхода... Без нашей помощи эмир погибнет. Но помочь ему мы не в состоянии... Не так ли?

— Отправляя меня сюда, господин вице-канцлер сказал, что мне поручается выяснить, что можно сделать для эмира. Вы знаете, ваше превосходительство, что га-

рантия России на договоре с шахом вселила в эмира надежду и решимость сопротивляться англичанам. Останется ли сия гарантия в силе?

— Шах чрезвычайно опечален привезенными вами новостями. Он сказал мне, что победа англичан в Афганистане нанесет смертельный удар и его державе и в первую очередь приведет к отпадению Хорасана от Персии. Шах, ваше превосходительство, обязался помочь афганским владетелям. Пусть пошлет немедленно 10 тысяч человек на помощь сардарам.

— Да, дорогой Виткевич, это было бы хорошо. Но у шаха нет ни солдат, ни денег. Сверх того, подобный демарш сорвал бы переговоры в Лондоне об улаживании англо-персидских споров. Англичане все еще на острове Караке.

— Достоинство России требует, чтобы не были оставлены па произвол судьбы те, кто положились на обещание России...

Дюгамель сказал Виткевичу, что немедленно отошлет его рапорт в Петербург с официальной депешей и напашет подробное частное письмо Сенявину.

В официальной депеше Дюгамель написал о Виткевиче:

«В инструкциях, полученных в министерстве, этот офицер имел приказ,— это так,— заверить сардаров, что Россия употребит все свое влияние на Персию, дабы заставить эту державу действовать в их пользу, если обстоятельства того потребуют. Но, с другой стороны, господин граф, ваше превосходительство обязали меня депешей от 23 октября 1838 года № 2670 приостановить все действия за пределами Персии и ничего не предпринимать».

Свое откровенное мнение Дюгамель изложил в личном письме преемнику Родофиникина Сенявину:

«Если бы можно было все переиначить сызнова, я был бы того мнения, что Россия никогда не должна мешаться в дела Афганистана. Эта страна так отдалена от сферы нашего политического влияния, что нам нечего вести с ней постоянные сношения, и мы не можем с успехом поддерживать царствующих в ней монархов. Но, несмотря на эту невозможность, наше собственное достоинство не позволяет оставлять беззащитными тех, кто

просил нашей помощи и положился на наше покровительство.

Граф Симонич был опрометчив и делал ошибки, я этого не отвергаю, но в сущности он держался того направления, которое ему было указано императорским министерством. Помимо того, что покойный Родофиникин передал на словах Виткевичу (он, между прочим, дал ему понять, что наше правительство было расположено ссудить Дост Мухаммед-хану два миллиона наличными деньгами и два миллиона товарами), достаточно пробежать инструкции, данные министерством Виткевичу, чтобы убедиться, что мы в ту пору намеревались принять деятельное участие в афганистанских событиях. Зачем было отправлять офицера в Кабул, если эта миссия не должна была привести ни к каким результатам? Ведь вы согласитесь, что наши торговые интересы только могли служить предлогом, в сущности же они ничтожны и еще долго будут оставаться ничтожными.

Поверьте, мой дорогой Сенявин, что этот вопрос более важен, чем как вам кажется в Петербурге, и что он отзовется на восточных провинциях Империи. Когда англичане упрочат свое влияние в Хиве и в Бухаре, они станут посылать оттуда мулл, чтобы фанатизировать наши мусульманские племена; тогда мы придем, быть может слишком поздно, к сознанию, что было ошибкою позволять англичанам переходить Инд и было ошибкою не поддержать вовремя братьев Баракзаев.

Если бы спросили моего совета, я сказал бы, что прежде всего надо овладеть Хивой. Надо уничтожить это гнездо хищников и обратить его в русский передовой пост. С 13 или 15 тысячами человек такая экспедиция непременно имела бы успех и произвела в Азии громадное впечатление. В то же время я высадив бы в Астрабаде отряд из 6 или 8 тысяч пехоты с соответствующим числом пушек для того, чтобы можно было употреблять эти силы в дело, смотря по обстоятельствам. Эта демонстрация ободрила бы персов и афганцев, а если бы англичане удержали Карак — что они, по-видимому, и намерены сделать,— мы удержали бы Астрабад. Наконец в виде первоначальной помощи можно было бы выдать субсидии сардарам кабульскому и кандагарскому. Вы скажете, что все это тоже, что объявление войны. Я

не того мнения. Напротив того, я думаю, что англичане сделаются более сговорчивыми, когда увидят, что мы приняли такой тон, и что они поспешат очистить Карак и оставят в покое сардаров кабульского и кандагарского, лишь бы только мы с нашей стороны очистили Астр-абад.

Издали Афганистан может казаться очень интересным со своими сардарами, со своим Шуджа уль-Мулком и со своей англо-индийской армией; но вблизи, на том расстоянии, на котором я его вижу, это положение вещей в высшей степени печально, и мне очень бы хотелось знать, чем должен я руководствоваться в наших сношениях с Афганистаном».

В первых числах марта (по ст. ст.) Виткевич покинул Тегеран. Он еще не знал, что 21 февраля (5 марта) Нессельроде поручил Поццо ди Борго передать Пальмерстону, что договор России и Персии с афганскими сардарами не утвержден императором и он, Виткевич, отозван в Россию.

3

Нессельроде по приказанию Николая пошел на полную капитуляцию перед Пальмерстоном не столько потому, что последний не был удовлетворен нотой от 20 октября (1 ноября) — недовольством Пальмерстона Николай умел пренебрегать! — сколько в силу общей политической ситуации.

Николай исходил — и исходил правильно — из того, что Пальмерстон все более убеждается в необходимости выбирать между Россией и Францией. И царь желал обеспечить, чтобы выбор Англии был в пользу России. Уступая в силу таких соображений натиску Пальмерстона в Персии и Афганистане, Николай замыслил отыгаться в сопредельных с Россией странах в Средней Азии.

16 февраля, в тот день, когда Виткевич прибыл в Тегеран, Чернышев передал Нессельроде записку Перовского с планом экспедиции в Хиву. Перовский приехал в столицу в начале февраля и записку привез с собой.

Неделю спустя царь утвердил журнал совещания Чернышева, Нессельроде и Перовского о походе на Хиву.

В журнале было сказано, что важнейшая цель экспедиция «восстановить и утвердить влияние России в Средней Азии, ослабленное долговременной ненаказанностью хивинцев, в особенности тем постоянством, с которым английское правительство во вред нашей промышленности и торговле стремится к распространению своего господства в тех краях».

Вместе с тем, Чернышев, Нессельроде и Перовский сочли «удобнейшим отложить поиск на Хиву до окончания экспедиции, предпринятой генерал-губернатором английских владений в Индии против владетеля Кабула Дост Мухаммед-хана и до обратного выступления войск Ост-Индской компании из Афганистана».

В журнале совещания было указано на необходимость соблюдать в строжайшей тайне приготовления к экспедиции, дабы помешать враждебной деятельности английских агентов, которая могла бы затруднить осуществление похода.

— Пора уничтожить у меня в Оренбурге осиное гнездо британских соглядатаев,— сказал Перовский.— Они уже немало повредили, и я прошу вас, Карл Васильевич, испросить у государя разрешение выдворить из Оренбурга мистера Джеймсона и его коллег...

— Удобно ли теперь?— усомнился Нессельроде.— Мы не хотели больше ссориться с Лондоном.

— Вот потому и нужно прикрыть Евангелическую миссию в Оренбурге! Если угодно, я сам попрошу об этом государя,— возразил Перовский.

Он предложил после захвата Хивы сменить хана Аллакули и заменить его кем-либо из киргизских (казахских) султанов. Чернышев и Нессельроде согласились, и было постановлено: «Мера сия, не противная обычаям азиатцев, совершенно была бы соответственна действиям англичан в настоящей их экспедиции против Дост Мухаммед-хана, объявленная цель коей состоит, между прочим, в низвержении этого властителя...»

— Посадив опять в Кабуле Шуджу,— говорил Перовский,— англичане усилят власть и влияние во всей Средней Азии. Очень прискорбно, что все старания Виткевича пошли прахом. Мы многого могли бы достичь там, если бы не отступили...

Нессельроде с укором посмотрел на Перовского, но он обратился к военному министру Чернышеву.

— Виткевич — мой адъютант, я его высоко ценю и прошу вас, Карл Васильевич, и вас, Александр Иванович, вернуть этого отличного офицера в Оренбург, он очень понадобится мне. Что же касается Афганистана, то мы, повторяю, многого могли бы там достичь... Но теперь дело прошлое, и надлежит нам так ответить англичанам в Хиве, чтобы испортить их успех в Кабуле...

Перед отъездом в Оренбург Перовский получил разрешение закрыть английскую Евангелическую миссию...

Что касается Виткевича, то Чернышев оставил на рассмотрение Нессельроде — отпустить ли Виткевича к Перовскому или удержать при Азиатском департаменте. А Нессельроде заявил Перовскому, что примет решение, когда Виткевич прибудет в Петербург и представит полный отчет о своей миссии.

4

5 марта н. ст. в Лондоне вышла в свет «Синяя книга. Корреспонденция, относящаяся к делам в Персии и Афганистане». Пальмерстон опубликовал ее, чтобы доказать парламенту и публике правильность своей политики в Афганистане и Персии. А для этого он совершил подлог: из депеш Бернса и других документов выкинул все места, где говорилось о расположении эмира к Англии, о его желании договориться с Англией. Все, что Бернс писал о необходимости и возможности удовлетворить справедливые требования Дост Мухаммеда, было изъято; действия эмира были представлены как непоколебимо враждебные Англии, а действия Окленда как единственно правильные и необходимые... Виткевичу были приписаны поступки, которых он не совершал.

Когда «Синяя книга» дошла до Калькутты, где находился Бернс, он с изумлением увидел, что его депеши искажены, и сказал Окленду, что желает в печати исправить грубые ошибки.

— Теперь, когда наша страна вовлечена в важные предприятия,— услышал он в ответ,— было бы не патриотично конфиденциальному агенту правительства сеять сомнения в порядочности и добросовестности правительства. Ведь не думаете же вы, что это сделано преднамеренно? Все хорошо, что хорошо кончается... Потому, дорогой Бернс, не тревожьтесь понапрасну, а

готовьтесь вновь отправиться в Кабул, который вот-вот будет занят нашими войсками.

Бернс подчинился, но все же скопировал свои депеши без искажений и пропусков и отослал в Англию своим друзьям... Когда они прибыли в Лондон, было уже поздно... «Синяя книга» сыграла свою роль. Пальмерстон и Гобгауз не обратили никакого внимания на то, что в Лондоне распространились слухи: в книге с афганской корреспонденцией сделан подлог...

Русский посол, уже ознакомившийся с «Синей книгой» и содержащимися в ней обвинениями против России, обратился к Пальмерстону с письмом, прося немедленного свидания.

Прошел целый день без ответа...

Наутро Поццо ди Борго поехал на Даунинг-стрит в Форин-оффис.

Пальмерстона там не было. Посол поехал к министру на дом. Пальмерстон был дома, но отказался принять посла под предлогом, что он спешит в парламент. А в парламенте и был поднят вопрос о войне в Афганистане. Через камердинера он просил прибыть Борго в Форин-оффис на следующий день, в 4 часа.

В палате лордов оппозиция резко критиковала действия Пальмерстона и требовала приостановить военный поход в Афганистан. Пальмерстону было брошено обвинение в подлоге депеш Бернса.

Когда Поццо ди Борго явился в Форин-оффис в назначенное время, Пальмерстон два часа продержал его в приемной. Наконец открылась дверь кабинета, и Пальмерстон пригласил посла войти.

С трудом сдерживаясь, Поццо ди Борго вручил министру копию депеши Нессельроде от 21 февраля (5 марта).

— Вы отозвали этого Виткевича, не утвердили договора Симонича с эмиром? Прекрасно! Но мы примем меры, чтобы навсегда устранить угрозу Индии и устранить нашего врага из Кабула.

Поццо ди Борго пожал плечами и не вступил в бесполезные пререкания. Покинув Форин-оффис, он написал возмущенное письмо Мельбурну.

Премьер сам приехал в русское посольство и откровенно сказал Поццо, что и по его мнению поход в Аф-

ганистан излишен и даже опасен, но остановить его он не в силах.

— Эти дела в руках Пальмерстона, а вы сами знаете...

Мельбурн развел руками, вздохнул.

Но все же он побудил Пальмерстона еще раз принять Поццо ди Борго и вручить ему ноту, в которой выразилось удовлетворение новыми разъяснениями из Петербурга...

5

Виткевич прибыл в Тифлис в самом конце марта.

2 апреля Ян явился в канцелярию главного начальника в Грузии генерала Головина доложить о своем приезде.

Передавая дежурному адъютанту письмо Дюгамеля Головину, он справился, где найти князя А. Д. Салтыкова, прибывшего в Тифлис несколькими днями ранее.

Не успел Виткевич задать свой вопрос, как в комнату быстро вошел молодой человек, тридцати с небольшим лет, очень подвижной, с веселыми глазами.

— Да вот и князь!— воскликнул дежурный адъютант.— Алексей Дмитриевич, вас спрашивает (адъютант повернулся к Виткевичу) поручик Виткевич.

— Виткевич!— радостно воскликнул Салтыков.— Наконец-то!

Он крепко пожал руку Виткевича.

Дежурный адъютант (а это был В. С. Толстой, сопровождавший Макнила от Тифлиса), тоже с живейшим любопытством поглядел на Виткевича.

— А знаете ли, поручик, от кого о вас впервые услышал?— сказал он,— Угадайте! От сэра Джона Макнила.

— И что же он говорил?— Салтыков раньше Виткевича задал вопрос.

— Ругал вас на чем свет стоит! Большой ваш благодетель.

Виткевич пренебрежительно махнул рукой. Салтыков высунул язык, приставил пальцы к носу, потом дунул.

— Вот и весь Макнил!...

Толстой рассмеялся. Салтыков слыл большим любителем чудачеств, но Виткевичу это было внове. Однако он и виду не подал и протянул Салтыкову пачку писем.

— Едем, поручик, ко мне в духан, где я стою, от туда — в замечательные здешние бани. А вы, Владимир Сергеевич,— обратился Салтыков к Толстому,— приезжайте к нам ввечеру, пообедаем вместе.

Пять дней провел Виткевич в Тифлисе и сдружился с Салтыковым, человеком образованным, примечательным и своими чудачествами прикрывавшим острый, глубокий ум.

Толстой, прикосновенный к декабристам и за то сосланный на Кавказ, тоже коротко сошелся с Виткевичем, в судьбе их было общее: оба они были штрафованные. За обедом в духане, накануне отъезда Виткевича и Салтыкова из Тифлиса, Толстой сказал Яну:

— Вы едете в столицу... Каково вас там встретят, не берусь гадать. Но вот что вы должны знать.

Он рассказал о том, что в Вильно в феврале был публично на площади расстрелян Шимон Конарский, польский патриот и революционер. Он создал в Польше тайные кружки учащихся, чиновников, устроил в лесу тайную типографию, но был выдан шпионом III Отделения.

Виткевича рассказ этот очень взволновал. Вильно... А недалеко Крожи, именье матери и брата...

— Ничего! Обойдется!— обратился к нему Салтыков.— Ничего — великое русское слово. Вот послушайте:— Какова погода сегодня?— Ничего!— Как нравится вам эта книга?— Ничего!— Красива ли эта дама?— Ничего!— Довольны ли вы своим начальником?— Ничего! Не правда ли, исчерпывающе ясно — ничего... И все этим сказано. Не предавайтесь унынию!

Провожаемые Толстым, Виткевич и Салтыков ранним утром выехали из Тифлиса.

Когда они усаживались в коляску Салтыкова, он заметил в руках Виткевича пистолет.

— Против разбойников? Их теперь нет на Военно-грузинской дороге...

Виткевич, кладя пистолет в сумку, тихо, как бы про себя, ответил:

— Так ставят последнюю точку в жизни...

Когда Виткевич еще был в Тифлисе, Нессельроде получил из Лондона от Поццо ноту Пальмерстона от 4 апреля, в которой выражалось удовлетворение объяснениями русского правительства. Но в ней говорилось также, что экспедиция в Афганистан для восстановления власти Шуджи будет осуществлена. На следующий день получена была депеша Дюгамеля от 25 февраля и заключительный рапорт Виткевича, написанный в Тегеране. Тут же прибыли лондонские газеты с отчетом о парламентских прениях касательно Афганистана.

Нессельроде читал их с двойственным чувством. С одной стороны, он был доволен, что оппозиция ругает Пальмерстона за безосновательные действия и отрицает «русскую угрозу» Индии. Но, с другой стороны, весьма неприятно было, что так много говорится о «русском агенте». Правда, Нессельроде уже дезавуировал его, заявив, что Симонич и Виткевич превысили свои полномочия. Но вице-канцлер знал, что на деле этого не было: инструкция от 14 мая 1837 года не выходила у него из ума. И зачем было ее давать?.. Но сделанного не воротишь!

Вот почему, приказывая составить для царя экстракт из депеши Дюгамеля и рапорта Виткевича, он велел опустить слова Дюгамеля: «В инструкциях, полученных Виткевичем в Министерстве иностранных дел, этот офицер имел приказ,— это так,— заверить сардаров, что Россия употребит все свое влияние на Персию, дабы заставить эту державу действовать в их пользу, если обстоятельства потребуют».

Николай прочел внимательно извлечения из депеши и рапорта, еще раз пробежал ноту Пальмерстона.

— Пальмерстон утомился,— сказал царь,— и пусть Они ломают себе шею в этом проклятом Афганистане. Сей офицер верно пишет, что гористое местоположение Кабула много затруднит англичанам их действия против эмира. И из неприступных высот Гиндукуша можно вести партизанскую войну. Англичане там увязнут, и нам то на руку! Будут сговорчивее в Турции и Персии.

Нессельроде молча кивал головой в знак полного согласия.

— Симонич нам навредил,— продолжал царь,— но, слава богу, все обошлось... А этот офицер — поляк?

— Поляк, ваше величество!

— Перовский весьма похвально о нем отзывается. Просит его опять к себе. Где он?

Николай вопросительно взглянул на Нессельроде.

— Поручик Виткевич уже выбыл из Тегерана в Санкт-Петербург.

— Он поручик? Надо наградить за усердие и полезную службу... Ведь он не виноват, он выполнял приказания Симонича.

— Конечно, ваше величество,— немедленно подтвердил Нессельроде. Он был несказанно рад. Дело окончательно принимает такой оборот: министерство ни при чем, Симонич нарушил инструкцию, он во всем повинен...

Николай произвел поручика Виткевича в штабс-ротмистры и приказал представить его, как только прибудет в столицу.

Нессельроде, как ни был доволен, но все же побаивался, что может выйти наружу его проделка с депешей Дюгамеля... Царь вдруг догадается, что Дюгамель во всем винит министерскую инструкцию, потребует ее... Быть большой беде тогда!

Вице-канцлер позвал Сенявина, передал ему беседу с царем.

— Напишите Дюгамелю, поясните ему так, чтобы он раз и навсегда понял и запомнил: мы не давали таких инструкций, на какие Дюгамель ссылается! Симонич все напутал, он за все и в ответе. Государь доволен службой этого Виткевича, и пусть он возвращается к Перовскому.

Сенявин написал Дюгамелю большое письмо: «Я не хочу отправить сегодняшнего курьера, не написав несколько строк в ответ на ваше письмо от 25 февраля. Я должен объявить войну лично вам за то, что вы пишете касательно командировки Виткевича в Афганистан. Если вы дадите себе труд перечитать бумаги, хранящиеся в архиве нашего посольства, вы легко придете к убеждению, что министерство никогда не имело намерения создавать без всякой причины усложнения и затруднения, к сожалению, возникшие против нашего желания. Лишь только этот дьявол Гусейн Али прибыл в Оренбург с просьбой о помощи и покровительстве от имени своего августейшего государя

Дост Мухаммед-хана, мы тотчас обратились к Симоничу за сведениями, что такое Афганистан? Что могли бы мы сделать там для нашей торговли? Какого рода «нравственное» покровительство могли бы оказать, не компрометируя себя перед теми, кто находится под нашим покровительством?

Он отвечал, что мы непременно должны взять на себя гарантию сделок, которые могут быть заключены с афганцами и Персией, что это единственное средство утвердить наше влияние в этой отдаленной стране и т. д. Но в инструкции, которая была дана Симоничу во время командировки Виткевича, положительно сказано, что Афганистан находится так далеко от нас, что мы не можем с успехом вмешиваться в тамошние распри, что поэтому мы не можем обещать нашей гарантии, не обдумавши серьезно такого шага; что мы ограничиваемся советами, которые может давать всякий, что мы вовсе не прочь завязать торговые сношения с этими людьми и т. д.

Стало быть, Виткевич отправился туда скорее с целью познакомиться с местностью, чем с целью все перевернуть вверх дном для осуществления замысла, который не существовал. Сверх того Симоничу было приказано отправить Виткевича только в том случае, если он будет вполне убежден, что это не будет бесполезной попыткой, Я ничего не говорю о решении, которое счел нужным принять Симонич; результаты этого решения у вас перед глазами. Впрочем, извещая нас о том, что он гарантировал исполнение договора, заключенного между персами и кандагарцами, Симонич в той же депеше предупреждал нас, что персы не исполнят условий этого договора, что они не пошлют афганцам денег, потому что они сами без денег, что не пошлют им войск, потому что эти две нации принадлежат к различным религиозным сектам и потому ненавидят одна другую, и что даже не пошлют им военных припасов. Хороша роль гарантирующей державы при таких условиях и на таком огромном расстоянии!

Надеюсь, что после этого вы не будете утверждать, будто Симонич держался того направления, которое было ему указано министерством. Впрочем, дело сделано и, дай бог, чтобы все это кончилось благополучно».

16 апреля Виткевич и Салтыков достигли Владикавказа — два дня спустя после того, как англичане взяли Кандагар и Шуджа торжественно въехал в город, чтобы здесь вновь короноваться шахом Афганистана.

Об этом ничего не было в лондонских газетах за март, их вез в Тегеран курьер из Петербурга, с которым встретились во Владикавказе наши путники. Но в газетах этих были напечатаны отчеты о прениях в парламенте по поводу афганских дел.

Салтыков выпросил у курьера газеты для просмотра, и Виткевич впервые увидел свое имя на страницах печати.

— Теперь вы, Иван Викторович, всесветная знаменитость!— воскликнул Салтыков.— Вас можно за деньги показывать. Благородные лорды перессорились из-за вас — чуть не до драки. Посудите сами. Виконт Эбердин говорит виконту Мельбурну, что он врет, а виконт Мельбурн отвечает виконту Эбердину: — Сами вы врете...

Салтыков любил посмеяться... Но Виткевичу было не до шуток: он, если не понял разумом, то чутьем почувствовал, что ничего приятного ему «лестное внимание», коим его почтили в Лондоне, не сулит.

В Москве Ян получил неожиданное, но веское подтверждение своих предчувствий.

В тот год весна была ранняя. В конце апреля все бульвары пышно зеленели, на улицах продавали много цветов. Небо было ласково-голубое, радостное... .

Виткевич и Салтыков подкатили к «Дрездену» — гостинице напротив дома генерал-губернатора на Тверской.

Помывшись и переодевшись с дороги, путники спустились в большой зал гостиничного ресторана.

Не успели они заказать плотный завтрак, как в зал вошли два человека, громко разговаривая по-английски. Виткевич оглянулся и узнал в одном из вошедших мистера Джеймсона.

Перовский уже исполнил задуманное, и миссионеры были выдворены из Оренбурга. Джеймсон направлялся в Петербург к послу, чтобы жаловаться и требовать восстановления миссии.

«Чего ему тут нужно?»— подумал Виткевич, не знав-

ший об уничтожении шпионского гнезда на берегах Урала.

Джеймсон мельком оглядел немногочисленных посетителей ресторана и увидел Виткевича. Никак не ожидал он встретить в Москве человека, который так много досадил Британии и из-за которого ему, Джеймсон у, немало попало: почему не умел вовремя обезвредить столь опасного противника...

Крупными шагами подойдя к столу, за которым сидел Ян, Джеймсон широко раздвинул рот в улыбке, протянул руку, сказал по-русски:

— Как отрадно на чужой сторонushке найти земляка! Виткевич привстал, пожал руку Джеймсону, сказал

Салтыкову:

— Князь, вот мистер Джеймсон, глава Евангелической миссии в Оренбурге.

— Бывший глава бывшей миссии, сэр,— прервал его англичанин.— Миссию мы закрыли...

— Князь Салтыков, мой приятель,— закончил взаимное представление Виткевич, и Джеймсон в свою очередь представил своего спутника как секретаря миссии Уильямса.

Настала пауза. Приглашать англичан к своему столу не хотелось. Англичане же не отходили.

— Садитесь, пожалуйста, с нами,— разрядил неловкую паузу Салтыков, и Джеймсон проворно опустился на стул, а за ним и не проронивший ни слова секретарь.

Завтракали молча.. Виткевич незаметно вглядывался в Уильямса. Что-то неуловимо знакомое было в его облике... Где-то видел его Ян. Но где он мог ранее встречать этого чопорного, словно аршин проглотившего англичанина; безукоризненный пробор на голове, распущенные шелковистые бакенбарды, длинные усы — нет, все было незнакомо.

Вдруг вспомнились глаза — голубые, холодные, с острым сверлящим взглядом, длинные пальцы, все время в движении, -как щупальца...

И словно вырванный молнией из ночного мрака, возник перед взором Виткевича туркмен в Оренбургской чайхане.

«Не может быть. Таинственный туркмен, старик-погонщик верблюдов и вдруг... чистокровный бритт! Вот разгадка тайны»,— пронеслось в голове Яна...

«Туркмен» почувствовал себя не очень уверенно под взглядом Виткевича, передернул плечами и, наконец, раскрыл рот, чтобы сказать, обращаясь к русским:

— Я восхищен, я потрясен: древняя Москва, священный Кремль... Я здесь в сердце матушки России...

— Ваш соотечественник, капитан Конноли,— сказал Салтыков,— кстати, я с ним знаком, в Лондоне виделись; да, так капитан Конноли, побывавши в Москве, обругал «древнюю священную столицу»...

Джеймсон выдавил на лице кривую улыбку, а Уильямс энергично замотал головой:

— Артур Конноли мой друг, мы вместе учились в Эддискомбе... Он любит Россию, он мне много говорил о ней, о Москве.

Виткевич усмехнулся. Уильямс еще горячее продолжал:

— Россия и Англия! Как много у них общего: ваш Кремль, наш Тоуэр...

После завтрака, вернувшись в свой номер, Виткевич сказал Салтыкову, что этот Уильямс — опаснейший британский тайный агент...

— Мне кажется, он за мной охотился там, в пустынных степях Туркестана. И вот судьба свела нас в Москве. Ну, теперь он от меня не отстанет...

8

В Петербурге Николай читал депешу Поццо ди Борго о «систематической враждебности против России», составляющей сущность политики Пальмерстона. Нессельроде сопроводил депешу своей докладной запиской, в которой доказывал, что Поццо ди Борго видит положение в чрезмерно мрачном свете.

Царь написал на записке;

«Я разделяю ваше мнение, мой любезный друг, но полезно быть осторожным, и если сумасшествие — ибо это так — довело бы Англию до желания вступить в бой с моими войсками в пустынях Персии, я уповаю на бога и на храбрость наших войск, чтобы заставить их в этом раскаяться».

Затем Нессельроде представил Николаю депешу Дюгамеля о прибытии в Тегеран посла из Кабула с письмом Дост Мухаммеда к русскому императору. Это было

то самое письмо, о котором сообщал еще раньше Виткевич и текст которого уже знаком читателю.

Прочтя перевод письма Дост Мухаммеда, царь недовольно его отбросил:

— Вот что натворил этот Симонич! Помогать эмиру мы не можем, и нас назовут предателями на всех базарах в Персии, повсюду будут кричать, что мы обманщики эмира...

Нессельроде вставил, что престиж России и императора высок и ничто ©го не поколеблет, тем более неосторожные действия одного казачьего офицера, к тому же поляка...

Николай только что утвердил приговор о ссылке в Оренбург в рядовые поляка Средняцкого, который вел тайную переписку с польскими эмигрантами в Лондоне. При напоминании, что Виткевич поляк, он поморщился.

— А вы полагаете, что он нарочито так поступил? Нессельроде неопределенно развел руками.

— От поляка всего можно ожидать. Я сам выясню... А что из Парижа слышно?

— Твердого министерства все нет, один кабинет сменяется другим.

— Анархия и не прекратится, если король за ум не возьмется! Да куда ему, он сам из баррикад взшел на тром. Из Лондона курьер был?

— Только что прибыл, привез новость чрезвычайную: правительство пало!

— Давно пора!

Николай встал из-за стола, подошел к окну, выходящему на Неву. Был ранний утренний час, солнце уже золотилось на высоком шпиле Петропавловской крепости. По реке густо двигались барки, торопясь пройти, пока разведены мосты..

— Мы многое уступили Лондону в Персии и Афганистане,— молвил император, глядя в окно,— но теперь, когда у власти будут Веллингтон и Эбердин, мы свое наверстаем в Турции.

Николай вернулся к столу, сел...

— А поляк этот, Виткевич, все-таки молодец! Насолил Пальмерстону...

Надежда Николая на приход к власти торийского кабинета не оправдалась, им не удалось сформировать правительство; и Мельбурн с Пальмерстоном вернулись на

Даунинг-стрит... Петербургскому двору пришлось продолжать политику соглашения с Пальмерстоном против Франции, которую Николай считал своим главным врагом. Французский посол Барант писал своему другу Сент-Олеру в Вену:

«Что касается Англии, то пойдут на низости, чтобы не поссориться с ней».

9

Джеймсон и Уильяме, приехавшие в Петербург с дилижансом 2 мая, остановились в английском пансионе миссис Вильсон на Галерной. О прибытии своем они известили по городской почте Эшли, и он утром 3 мая заехал за ними и пригласил на свою дачу в Павловске. Отправились туда по железной дороге с Царскосельского вокзала.

— Первая железная дорога в России — и единственная,— пояснил Эшли, когда они уселись в вагоне.— Больше строить не хотят; Канкрин, министр финансов, убедил императора, что в России они невыгодны и невозможны.

— В «Северной пчеле» я читал статью,— доказывалось, что в России, стране снегов и морозов, нужны не железные, а деревянные дороги,— сказал с усмешкой Джеймсон.

После завтрака, за сигарами и портвейном, начался разговор.

— Я взял билет до Лондона на пятницу — идет «Сириус»,— сказал Джеймсон,— и мистер Баск заверил, что это — отличный британский пакетбот. Буду настаивать, чтобы правительство требовало восстановить нашу миссию.

— К счастью, Пальмерстон вернулся в Форин-оффис,— заметил Уильямс,— он загнал Россию в угол, и ему не посмеют теперь отказать...

Эшли поднял рюмку, посмотрел: на свету мерцал густой маслянистый портвейн. Отпив немного, он сказал:

— Царь утвердил устав нового акционерного общества судоходства и торговли на Черном море и Ближнем Востоке, председатель правления граф Бенкендорф, а ваш покорный слуга, джентльмены, вице-председатель...

— Шеф жандармов, глава III Отделения,— председатель общества судоходства!— воскликнул Уильямс.

— Вы, мой дорогой, совсем одичали в своих Туркменских степях. Граф Бенкендорф — один из директоров той самой железной дороги, которая доставила нас сюда, он же и президент общества страхования... Отличный человек, джентльмен с головы до ног! Верно говорится: лучше друг в суде, чем золото в суме.

— И вы с ним...— начал Уильямс.

— Совершенно точно, дорогой сэръ! Не более, как три дня назад рядом сидели в заседании правления...

— Что ж, поздравляю...— Уильяме чокнулся с Эшли.— Джеймсон уедет, счастливец, через два дня, а мне придется задержаться — до следующего парохода. «Вульчюр» пойдет через две недели...

— Да, вам надлежит завершить одно дельце, оно за вами числится,— вполголоса произнес Эшли...

10

Утром 4 мая Виткевич и Салтыков в карете князя прибыли в столицу. Салтыков довез Яна до гостиницы «Париж». Выскочивший навстречу швейцар помог Виткевичу выйти из кареты.

— Долгонько изволили отсутствовать!.. Тут уж приходили о вас справляться,— говорил швейцар, внося чемоданы в подъезд.

— Кто же?— удивился Виткевич.

— Артельщик какой-то!

Француженка за конторкой узнала Яна, приветливо улыбаясь, взяла дорожную и сказала:

— Ваш номер, тот, прежний, вчера заняли... Не огорчайтесь, это тоже отличный номер.

Она протянула ключ, и номерной проводил Яна на третий этаж, в отдаленный конец коридора. Комната была большая, с передней, .. альковом, но окнами во двор.

— Тут вам-с будет удобно-с, тихо-с,— сказал номерной, ставя чемоданы...

Приведя себя в порядок после дороги, надевши новый мундир, Виткевич вышел на Невский.

После долгой, суровой зимы весна уже вступила в свои права и в северной столице. В прозрачном, по-ве-

сеннему теплом воздухе мягко разносился стук копыт рысаков по торцам мостовой.

Но, как всегда в Петербурге, было странно тихо на этой широкой, парадной улице. Кареты катились, люди шли, но не было слышно ни криков разносчиков, ни громкого говора. Тишину изредка нарушало «пади-пади» кучера, остерегавшего зевак-прохожих.

Слабый ветерок из-за Невы с островов доносил чуть уловимые ароматы цветов, но на Невском не было цветочниц, так украшающих городские улицы, особенно весной. Николай не терпел беспорядка...

Виткевич дошел до поворота к Арке Главного штаба, прошел под Аркой, на Дворцовую площадь и увидел в безмолвном великолепии Зимний дворец, отстроенный после пожара в конце 1837 года.

«Северная пчела» захлебывалась от восторга, описывая ту чудесную быстроту, с какой огромный дворец был возрожден из руин и пепла.

«Невозможно — не русское слово,— восклицал редактор «Северной пчелы» и агент III Отделения Булгарин.— Россия — и невозможность... Это парадокс! В России все возможно».

Но усердный Булгарин не прибавил, что «чудо» возрождения дворца стоило жизни сотен рабочих: они отделяли дворец в зимнюю стужу, в сырых залах, со стен которых текла вода, и погибали в своих бараках от воспаления легких.

Салтыков дорогой рассказывал Яну, что Клейнмихелю, ведавшему работами в Зимнем, Николай пожаловал графский титул, и новоявленный граф взял девизом: «Усердие превозмогает все». А питерские острословы тут же переименовали: «Усердие превозмогает разум».

— Да, в России все возможно,— подумал Виткевич, глядя на дворец,— но более всего — чтобы усердие превозмогло разум.

Взойдя в приемную министерства иностранных дел, он попросил доложить о себе директору Азиатского департамента.

Тотчас же открылась дверь кабинета, и Сенявин со словами «Наконец-то пожаловали!» пригласил Яна к себе, усадил в кресло возле письменного стола, придвинул ящик с сигарами.

— Ваши рапорты мы прочли с вниманием и интере-

сом, коего заслуживают эти подробные, отчетливые, словом, отличные донесения... Вы будете иметь счастье лично доложить государю. Его величество приказал тотчас по приезде представить вас к нему. Вице-канцлер примет вас,— Сенявин взглянул на календарь,— завтра, в пятницу, и отвезет вас во дворец.

Виткевич встал и поклонился. Сенявин спросил:

— Небось вы ехали с опаской: не опала ли вас ждет? О нет! Мы ценим ваши усилия, и вы не виноваты, что опрометчивость Симонича вовлекла вас в поступки, коих неблагоразумие и неосновательность ныне очевидны и вам!

Виткевичу очень хотелось сказать, что ему это как раз не очевидно, даже наоборот... Но он решил выслушать все, что скажет Сенявин.

— Полагаю, вы понимаете, что Симонич, а по его вине и вы, вышли далеко за пределы инструкций, вам данных министерством год назад?

Виткевич мгновенно понял всю механику поведения Нессельроде: представлять дело так, что министерство поступило правильно, а Симонич — во всем виноват. Понял он и то, что от него требуют принять участие в бесчестной игре...

— Наше влияние в Азии, ваше превосходительство, сильно поколеблено,— сказал Виткевич,— английское же могущество развивается неуклонно — посредством войны, политики, торговли.

— Вы правы, дорогой мой,— прервал Виткевича Сенявин,— и наши усилия теперь надлежит сосредоточить на том, чтобы поправить дело, столь пострадавшее из-за Симонича. Мы приложим все усилия, чтобы Макнил не вернулся в Тегеран. Мы, быть может, зайдем Астрабад, но — и это главное! — мы отстоим свое влияние в Турции. Ункиар-Искелесский договор — вот наш козырь, наша опора.

Сенявин встал из-за стола, подошел к Виткевичу, положил ему руку на плечо и продолжал:

— Не думайте, что мы отступили перед Англией! Отнюдь нет! В Турции мы крепко стоим на своем... Франция поддерживает пашу против султана. Англия его защищает. Но главные защитники мы... Парижский кабинет очень хотел бы действовать с Лондоном сообща, чтобы побольше выторговать для паши и лишить нас

преимущественных прав в Турции. Но Лондон ныне не в дружеских отношениях с Парижем. Не проходит дня, чтобы между ними не возникали какие-нибудь новые неприятности. Расширить эту брешь между Англией и Францией, окончательно разорвать их альянс — вот сокровенная цель императора. И мы к ней приближаемся семимильными шагами!

Сенявин зашагал по кабинету, словно желая показать, каковы шаги русской дипломатии.

Виткевич упорно молчал. Он думал... Какая недалевидная, какая близорукая политика! Ведь Англия, и только Англия — естественный враг императорской России; ее укреплению на Востоке ставит она преграды, и в Турции она своего добьется, царь вынужден будет отказать от Ункиар-Искелесского договора.

Виткевич не ошибся. Через год, в июле 1840 года, британская дипломатия добилась четверного договора России, Англии, Австрии, Пруссии о гарантировании целостности Турции. Николай ценой отказа от Ункиар-Искелесского договора купил исключение Франции из договора, ее изоляцию... Но ведь спустя полтора десятилетия Англия с Францией вступили в войну против России!

А Сенявин все говорил:

— Англия — в затруднительном положении... Волнения внутри страны побуждают королеву издать прокламацию о подавлении вооруженной силой мятежников, и в Ливерпуль и Бирмингам отправлены войска. В Канаде восстание против Англии никак не удастся подавить. С Соединенными Штатами — спор из-за границ Канады, и вот-вот вспыхнет война... А в Афганистане,— Сенявин развернул «Северную пчелу»,— смотрите: движение англо-индийской армии встречает затруднения, эмиры Синда готовятся напасть на нее с тыла, по ту сторону Инда не хватает продовольствия и транспорта... Словом, уладычицы морей дел по горло, руки связаны и...

Тут Виткевич, наконец, заговорил, прервав изливания Сенявина:

— Ваше превосходительство, тем лучше, что англичанам так круто приходится!

— И я говорю тоже: тем лучше для нас в Турции! Вы меня поняли!

— Нет, ваше превосходительство, вы меня не поняли! Ежели Англия так увязла, то зачем же нам было усту-

пять в Афганистане! Пальмерстон погрозил бы, погрозил и притих... А сколь много мы потеряли в глазах народов Азии, кто сочтет! Народ Афганистана свободолюбив, смел, он не смирится — и он был бы навеки нам признателен...

Сенявин с сожалением смотрел на Виткевича: народ, народ... Слова и только слова. Но, однако же, опасные слова. И он сухо сказал:

— Не рекомендую вам повторять только что сказанное вице-канцлеру! А уж государю и подавно...

— Но, ваше превосходительство, господин Дюгамель писал вам, что мы действовали соответственно инструкциям министерства, следственно, министерство придерживалось того взгляда, что выгодно и полезно нам занять прочную позицию в сердце Центральной Азии, идя навстречу просьбам и устремлениям народным!

Сенявин нахмурился. Виткевич снова дотронулся до большого места... Инструкция, злополучная инструкция от 14 мая 1837 года! Неужели этот строптивый поляк так и брякнет государю?

— Я пояснил вам, ротмистр,— да, его величеству благоугодно было произвести вас, и таковая монаршая милость от вас требует еще большего усердия!— итак, я пояснил вам систему политики нашего правительства, и скоро придет время; когда и на нашей улице будет праздник!

II

Сенявин тотчас же подробно изложил Нессельроде свою беседу с Виткевичем и заключил так:

— Он упорствует на том, что действовал в силу инструкций, вами данных, ваше сиятельство!

Нессельроде удивленно поднял глаза. Осмеливается упорствовать!.. Его опасно допускать до государя.

— Завтра я его не приму, Лев Григорьевич, и мы с вами еще раз переговорим.

Из министерства Ян отправился к Салтыкову и дорогой обдумывал все, что услышал от директора Азиатского департамента. Мысли были безрадостные.

Вот и дом князя, крыльцо с навесом и фонарями, швейцар с булавой. Виткевич отдал лакею свою казачью шапку, саблю, поднялся по широкой лестнице.

Войдя в кабинет князя, он невольно остановился. Пе-

ред ним была огромная, залитая мягким светом комната. Пол от двери до бюро, за которым сидел князь, устланный персидскими коврами, ласкал глаз тысячью оттенков...

Мебель красного дерева, обтянутая красным штофом, пламенела в лучах солнца, падающих из широких окон.

Белоснежный мраморный камин и часы на нем, стены, обитые серебристым шелком, старинные портреты в золотых рамах — все светилось, переливалось в прозрачной золотистой дымке...

Два спокойных зеленых кресла около бюро располагали к отдыху и тихой беседе.

Напротив висел портрет удивительной красоты женщины. Виткевич невольно задержал на нем взор, и Салтыков, идя ему навстречу, сказал:

— Моя покойная матушка...

Обедали вдвоем в столь же роскошной столовой, как и кабинет.

Виткевич, обычно почти не пивший, не отказывался ни от одного вина, которое наливали бесшумные лакеи. Сдержанность покинула его, и он горячо рассказывал Салтыкову о беседе с Сенявиным.

— От меня требуют низости, князь! Выгородить Несельроде и все свалить на Симонича. А за это сулят награду... Дюгамель знает, что мы действовали по инструкции, ни в чем ее не нарушив, и он писал о том вице-канцлеру.

Виткевич осушил бокал.

— Они, я уверен, я убежден, скрыли от императора эту депешу!

Виткевич угадал...

— Я действовал и по инструкции и по своему разумению, а и то и другое, князь, совпало с интересами и России, и Афганистана! Вы были сами в Персии теперь, вы лично убедились. Помочь Афганистану против Англии, значит...

— Значит, дорогой мой, вовлечь Россию в столкновение с Англией, а его-то и не хочет государь! Возьмите это в толк и не ересьтесь!

Виткевич вдруг почувствовал смертельную усталость... Все показалось ему противным, ненужным, мерзким. Он замолк и молчал до конца обеда.

Утром 5 мая его разбудил швейцар из министерств

ва. Сенявин прислал записку, что вице-канцлер сегодня его принять не может и откладывает встречу на завтра.

Виткевич облегченно вздохнул. Менее всего ему хотелось притворяться и лгать, и чем позже это произойдет, тем лучше. А всего лучше было бы и вовсе этого избежать...

Весь день 5 мая бесцельно бродил он по Петербургу, ездил на острова, подходил к дому Пушкина на Мойке, где уже жили другие люди, заходил в Казанский собор, и у знамен 12-го года вспомнились посвященные Барклау де Толли горькие стихи Пушкина:

О вождь несчастливый! Суров был жребий твой!
Все в жертву ты принес земле, тебе чужой.
Непроницаемый для взгляда черни дикой,
В молчанье шел один ты с мыслию великой...

Утром шестого, это была суббота, Ян явился в министерство. Сенявин через секретаря передал, что вице-канцлер примет его в понедельник, восьмого числа...

Виткевич понял. Нессельроде стремится выиграть время и любым способом постарается скрыть от царя правду... Но что он сделает, если Виткевич не поддастся ни на уговоры с посулами, ни на угрозы?.. И как поступить ему, Яну Виткевичу, крамольному поляку, сосланному, а затем прощенному к выполнению важной миссии, исполнившему ее с усердием, а ныне принужденному лгать, кривить душой?

Горькие эти мысли преследовали Яна весь день... Он сказался больным, когда Салтыков прислал записку с приглашением отобедать в ресторане Дюме, уехал на Елагин остров, забрался в глушь его, где два года назад жил Гусейн Али, пробродил много часов в тиши и одиночестве. И думал, думал...

Вспомнилась статья во французском журнале о покойном Талейране.

Епископ-расстрига, родовитый князь, примкнувший к революции, величайший циник в политике и в жизни, служивший всем режимам во Франции по очереди и потому всем по очереди изменявший, принц Беневентский Талейран, почувствовав приближение смерти, позвал аббата, покаялся, примирился с церковью и умер — умер так, что по Парижу быстро разнеслось острое слово: «Князь Талейран всю жизнь обманывал бога, а перед самой смертью очень ловко обманул сатану».

...Обман, везде, во всем обман. Жорж Санд, говоря о Талейране, с негодованием восклицала: «Какие же позорные гнусности прикрывает пышный план дипломатии?»

Вот на себе пришлось ему проверить и убедиться — это так! Дипломатия — гнусность... Во всяком случае, та, которую ведут в Париже, Лондоне, Петербурге... И чем Нессельроде лучше Пальмерстрна?..

В воскресенье, 7 мая, Салтыков заехал за Виткевичем, увез его к себе, а вечером повез в Александрийский театр. Давали «Дедушку русского флота» Н. Полевого. Исполненная «патриотизма» и холопской лести, пьеса эта вызывала только отвращение...

В антракте Салтыков и Виткевич пошли в ресторан «Феникс», расположенную напротив задних подъездов театра, чтобы выпить чаю.

— Сюда, сюда, князь!— воскликнул молодой конногвардейский офицер.— Садитесь с нами.

За столом были три офицера гвардии. Салтыков представил им Виткевича. Принесли чай.

— Как нравится вам пьеса?— спросил конногвардеец.

Салтыков неопределенно усмехнулся.

— А знаете ли, господа,— воскликнул преображенец,— что отвечивал Полевой, когда ему вручили награду за пьесу в III Отделении!

— В III Отделении?— искренне изумился Виткевич.— В министерстве народного просвещения, хотите вы сказать?

Гвардеец в свою очередь изумился, а Салтыков пояснил:

— Поручик провел много лет на Востоке, вдали от России и столицы... Ему невдомек некоторые наши порядки. Так что же сказал Полевой?

— Он сказал: «Я написал новую пьесу, в коей еще более верноподданнических чувств. Надеюсь, и вы, ваше превосходительство, будете довольны». У нас, поручик, музами ведают в здании у Синего моста...

Идя обратно в театр, Салтыков вполголоса объяснил Яну, изумленному «вольными мыслями гвардейцев», что эти молодые офицеры принадлежали к кружку, в который входил и автор стихов «На смерть поэта».

Виткевич подумал: «Значит, и в столице империи люди могут мыслить по-своему...»

После театра Ян направился в гостиницу, но не вошел в нее, а прошел дальше, до Невы.

Белая ночь стояла над городом в полную свою силу. А белые петербургские ночи не успокаивают встревоженного человека! Напротив, их призрачный свет подстегивает внутреннее смятение, нервы напрягаются больше...

Ян облокотился о парапет набережной. Позади в белом сиянии вставала громада Зимнего, впереди, за Невой, темнела Петропавловская крепость.

В полосатой будке у Иорданского крыльца Зимнего недвижно замер часовой. Нева в предрассветный час (хотя какой же рассвет в белые ночи, когда солнце ходит по горизонту!) — пустынная Нева тоже была недвижна.

Ян смотрел на застывшую воду, а в душе его бушевала буря...

Пятнадцать лет назад вырван он был из родной семьи, и жестокая рука швырнула его в водоворот жизни... Он не пошел ко дну. А каких усилий это стоило! Какую силу духа открыл он в себе... Выплыл из губительного омута. Шел по крутой каменистой дороге вверх.

Яну вспомнилась такая же белая ночь на берегу Невы два года назад — накануне отъезда в Афганистан. Такая же? Нет, совсем не такая!

Тогда впереди была цель, достойная того, чтобы за нее биться...

А теперь?

Как сказал в Оренбургской чайной старик? «Всадник неутомимо скачет к вершине, а достигнув ее, оборачивается и недоумевает: зачем скакал?»

Зачем? Трудно ответить, если жизнь прожита неверно. Но разве она уже прожита? Тридцать два года — только пролог. Но если из них пятнадцать равны по меньшей мере тридцати, а то и большему? Все равно, жизнь еще впереди...

Ян спустился на лодочную пристань. Легкий ялик чуть заметно покачивался на воде.

— Жизнь впереди... Какая жизнь? Пустой, беспочвенной иллюзией обернулось стремление приносить на Востоке пользу народам отсталым, поработанным. Петербургскому правительству это так же ненадобно, как и лондонскому.

Ян нагнулся, опустил руку в воду. Нева дремала... Небо на востоке медленно алено; белесый свет ночи густел. Ян поднялся на набережную. Зимний дворец был по-прежнему темен и нем... Вон там, на втором этаже, кабинет Николая... Салтыков раньше показал Яну окна кабинета.

— А если сказать императору все, что я думаю? И одним ударом разрубить узел судьбы?

Ян медленно пересек площадь, вступил на Невский.

— Не буду загадывать!— сказал он вслух, и потревоженный будочник высунул голову из своей будки и посмотрел вслед офицеру...

...В номере было холодно, и Виткевич разбудил дежурного коридорного, чтобы затопить камин.

— Ладожский лед прошел, оттого и похолодало-с,— пояснил слуга, разжигая огонь.— Поздненько изволили гулять-с,— прибавил он с почтительной фамильярностью.

— Разбуди меня в восемь ровно,— сказал Виткевич, пристально глядя на пляшущее пламя.— И вычисти парадный мундир, да хорошенько!

Слуга, взяв мундир, сказал понимающе:

— Представляться будете! Министру? Аль повыше? Но Виткевич, погруженный в свои мысли, вопроса не слышал, и слуга, потоптавшись, вышел...

Поутру стук в дверь разбудил спавшего крепко, без снов Яна. Он вскочил, откинул полог алькова, набросил на плечи халат и, подойдя к двери, крякнул:

— Спасибо! Встал...

Потом помешал угли в камине, подбросил немного.

Стук повторился... Ян вышел в переднюю, отпер дверь.

Вошел человек в форме министерского курьера с разносной книжкой под мышкой.

— Из министерства?— спросил Ян, но тут же узнал в курьере Уильямса и невозмутимо сухо сказал:

— Прошу!— и пропустил Уильямса вперед. Уильямс столь же спокойно прошел из передней в номер, аккуратно положил на столик у двери разносную книгу.

— Разрешите сесть?

— Разумеется... В ногах правды нет!

Уильямс взял стул, сел спиной к окну, чтобы лицо его оставалось в тени.

Но Виткевич поставил свой стул так, что Уильямсу пришлось повернуться лицом к свету...

— Итак, мистер Уильямс, вы пожаловали ко мае? Чему я обязан такой честью?

Уильямс помедлил, потом сказал очень мягко, даже сердечно:

— Вы, капитан,— солдат, ученый, политик в одном лице, и вам, человеку высокого духа, мы воздаем должное... Нет, не прерывайте меня, выслушайте все, а потом ответите... Ведь вы хозяин, я гость...

— Непрошенный!

— Да, да, я знаю! Давайте хладнокровно разберем и оценим ваше положение. Вы проявили незаурядное мужество, изворотливость, ловкость и побили сэра Александра Бернса. Да, он награжден титулом... Вы побили нас в Кабуле. Это так. Но чего же вы достигли в конечном счете? Пфф...— Уильямс дунул.— Ваше правительство вас не поддержало, а, напротив, отреклось от вас... Афганцы, ради которых вы так старались, вы сами видели, что они такое... Грязные дикари, которые грызутся между собою и не заслуживают ничего, кроме презрения... Мы наведем там порядок! Англия умеет внушать варварам и страх, и поистине держать их в узде, чтобы они не ринулись на Запад и не сокрушили все на своем пути...

Уильямс остановился, Виткевич, скрестив руки на груди, не спускал с него взгляда своих глубоко сидящих глаз, в которых отражались отблески пламени камина...

— Кому вы служите? Злейшему врагу Польши. Кстати, в субботу прибыло из Вильно сообщение: раскрыто новое тайное общество, семена, брошенные Конарским, прорастают. Генерал-губернатор требует беспощадных мер, в III Отделении составили доклад императору. Ваш брат, кажется, в Вильно?

У Виткевича чуть заметно подергалась левая бровь, больше ничем не выдал он волнения...

— Вы служите правительству, которое является мрачным исключением из обычных правил,— и в то же время оно единственно возможно в дикой обширной стране, как Россия. Но вы-то не русский! Вас наградят, уже дали чин, дадут больше! Все так! Но что, кроме угрызений совести, достанется вам... Афганцам вы не помогли, наоборот, навлекли на них беду... Не угодно ли?

Уильямс раскрыл сигарочницу, Виткевич взял сигару, они закурили.

— Да, вот вам любопытный факт. Знаете ли вы, что император выписал из Берлина двух унтер-офицеров прусской гвардии для массажа спины. «С моими русскими,— написал он королю,— я всегда справлюсь, лишь бы мог смотреть им в лицо... Но со спины, где глаз нет, я предпочел бы не подпускать их...» Хорош анекдот, не правда ли? Только, увы, не анекдот это, а чистая правда!

— Много еще осталось вам сказать?— вежливо остановил Виткевич англичанина.

— Меньше, чем вы уже выслушали... Николай знает: есть страна, которой он должен бояться. Англия — сильнейшая страна в мире. Наш остров мал. Но у нас владения на всех континентах. Известно ли вам, что мы владеем семьдесят одной колонией, и их территория в 40 раз больше Англии, и в них живут и работают на нас 100 миллионов черных, желтых, коричневых обезьян. Николай боится Англии, ибо знает, что война с Англией окончится для него плохо. Его империя распадется... Вот оттого-то он и предал и вас, и Дост Мухаммеда!

Уильямс смолк. Молчал и Виткевич. Уильямс поднялся со стула, приблизился вплотную к Виткевичу, нагнулся к его уху:

— Вы — сильный, опасный противник!.. Соединитесь с нами, и ваш ум, ваша энергия, ваша сила не будут растрчены впустую! Смотрите: Бернс уже подполковник и баронет, у него блестящее будущее, быть может, генерал-губернатора Индии или министра на родине... А у вас?

Виткевич отстранил рукой Уильямса, тоже встал.

— Я выслушал вас терпеливо и внимательно, мистер Уильямс. Вы давно следуете за мной по пятам — в обличье туркмена, потом проводника верблюдов, потом дервиша... Нынче вы в облике британского джентльмена. А подлинно ли вы джентльмен? Сомневаюсь.

Уильямс покраснел, гримаса искажила его лицо.

— Да, вы только прикидываетесь джентльменом, то есть благородным человеком... Ибо нет такой низости, такой подлости, какой бы вы не совершали... Вспомните донос на меня в Оренбурге! А попытку завести нас в пустыню и подставить под ножи нанятых вами разбойни-

ков!.. Да, моя судьба тяжела, мне горько приходится. Но у меня есть то, чего нет у вас. Честь! Честь польского дворянина... Совесть порядочного человека... Что будет со мной дальше, не знаю. Но с вами мне не по дороге...

— Это ваше окончательное, последнее слово?

На лице Уильямса уже не было вежливой маски, он глядел злобно.

— Нет, еще не последнее, мистер Уильямс... Впрочем, я не уверен, Уильямс ли вы... Не последнее. У нас с вами старые счеты. Изобличить вас, передать в руки властей я не могу, да и не хочу... Но если вы джентльмен, есть иной способ за все по квитаться...

— Дуэль? Но она строжайше преследуется в вашей стране!

— А вы слышали об американской дуэли? Очень удобно и безопасно... Кидаем жребий, и кому достанется несчастливый, тот стреляется, оставив записку о самоубийстве...

Уильямс побледнел. Такого исхода беседы он никак не предвидел. Виткевич с презрительной улыбкой ждал ответа.

— Но как же... Здесь... сразу...— забормотал англичанин.

— Я — здесь, если мне выпадет жребий... А вы — у себя. Полагаю, не обманете... Ведь вы джентльмен!

Уильямс опустил голову, потом быстро поднял, отрывисто сказал:

— Идет!

Виткевич подошел к письменному столу, заваленному бумагами, быстро набросал несколько слов.

— На случай несчастливого жребия,— пояснил он. — Как пишется в таких случаях: в смерти моей и так далее. Рекомендую и вам. А впрочем...

Затем он оторвал от бумаги две одинаковые полоски на одной нарисовал минус, на другой плюс, показал их Уильямсу.

— Понятно?

Тот кивнул головой. Виткевич скатал бумажки положил их в узбекскую чашку-пиалу, встряхнул...

— Тяните, мистер Уильямс!
— Прошу вас первым!

Виткевич покачал головой, вынул бумажный шарик. Уильямс не спускал с него глаз.

Ян подошел к окну, стал спиной к Уильямсу, разворачивая шарик... Медленно, медленно...

Уильяме весь напрягся... Вот шарик уже размотан.

Ян вглядывается в него... Уильямс неслышно подошел к Виткевичу сбоку. Раздался негромкий выстрел... Ян, пораженный пулей в висок, рухнул на пол.

— Так-то вернее,— сказал Уильямс, кладя пистолет возле тела. Он быстро, но спокойно поднял выпавший из рук Яна листок, взял из пиалы второй шарик, бросил в огонь принесенную им разносную книгу, бумаги со стола уложил в полотняную сумку, которую вытащил из-под курьерского виц-мундира, оглядел комнату и тихонько вышел, осторожно затворив за собой дверь...

Выстрел, прозвучавший в дальнем конце коридора, не услышали...

В восемь часов номерной постучал, и никто не ответил, затем прибыл настоящий курьер из министерства и тоже не достучался. Поднялась тревога. Послали за полицией...

Явился квартальный надзиратель и приказал открыть дверь...

Потом прибыли жандармы, обыскали комнату, забрали лежавшую на столе записку, пистолет, валявшийся возле тела Виткевича...

Врач, бегло осмотрев труп, долго головы не ломал.

— Выстрел в висок...

— Самоубийство,— сказал полковник, прочтя записку...— А бумаги он сжег..

Полковник указал на обуглившиеся остатки в камине... Второй офицер укоризненно заметил:

— Поляк всегда останется поляком. Черная неблагодарность, измена — вот чем они платят за! милости царские...

Жандармы уехали, приказав квартальному комнату закрыть и ждать распоряжений...

ЭПИЛОГ

I

Смерть его власти окружили непроницаемой завесой секретности.

III Отделение представляло Николаю «Таблицы главнейших в Империи происшествий, составленные из все-

подданнейших донесений, полученных от начальников губерний». Кроме того царю представлялись «Выписки происшествий, не показанных в таблицах оных», и здесь отмечались самоубийства. Так, в «Выписке» с 13 по 20 мая 1839 года указаны самоубийства подпор. Розанова и подпор. Горта. Николай написал на «Выписке»: «Которой бригады?»

И вот ни в «Таблицах», ни в «Выписках» в мае 1839 года о самоубийстве Виткевича не упомянуто!

Царь не мог не знать о таком чрезвычайном происшествии, как самоубийство человека, действия которого породили столь серьезные политические последствия...

Но и в отчете Нессельроде за 1839 год ни слова не сказано о Виткевиче. А в архиве III Отделения, дошедшем до нас, нет дела о самоубийстве Виткевича, хотя оно не могло не подвергнуться специальному расследованию. Несомненно, дело это, как сверхсекретное, было уничтожено. Официальную версию гибели Виткевича изложил Сенявин в письме Дюгамелю:

«Что касается Виткевича, то он лишил себя жизни вовсе не потому, что его имя появилось в газетах, **а из мизантропии, из полонизма и вследствие давно принятого им решения.** Виткевич очень хорошо исполнил данные ему поручения, и он нисколько не виноват в том, что эти приказания были нелепы».

Государственный исторический архив Ленинградской области автору этой книги сообщил, что в архивных фондах петербургского обер-полицмейстера, канцелярии петербургского губернатора, Волковского кладбища сведений об Иване Викторовиче Виткевиче не имеется...

Могилы Виткевича на кладбище нет...

Иван Головин, эмигрировавший из России, в книге «За Russie saus Nicolas I», изданной в Париже в 1845 году, писал: «Труп Виткевича исчез, как труп простого матроса...»

2

В Англии сразу же стало известно о гибели Виткевича, в чем нет ничего удивительного...

Широко распространенный журнал «Quarterly Review» в томе 64 (за август — октябрь 1839 года) в сноске к статье «Россия, Персия и Кабул» отметил: «Мы осведомлены, что вскоре после возвращения в С.-Петер-

бург капитан Виткевич исчез, и о нем более никогда не было слышно».

А другой популярный журнал «Edinburg Review», разбирая книги об Афганистане и Персии, писал: «Несчастный Виткевич был отозван в С.-Петербург, где он умер — было сказано, от собственной руки — немедленно после свидания с гр. Нессельроде».

Майор Роулинсон в книге «England and Russia in the East» поддержал версию о решающей роли Нессельроде в трагическом конце Виткевича. «Министр (Нессельроде) отказался выдать его. Вместо лестного приветствия, несчастный посланец был встречен сокрушительной вестью, что Нессельроде «не знает капитана Виткевича,— помимо авантюриста этого имени, который, как сообщили, был вовлечен в неразрешенные интриги в Кабуле и Кандагаре». Виткевич немедленно уразумел страшное предзнаменование этой вести. Он знал характер своего правительства. Он был осведомлен о недавних упреках Великобритании. И он точно знал, что его принесут в жертву. Он вернулся в свою гостиницу, набросал несколько горьких строк упреков, сжег свои бумаги и застрелился».

Кей в «History of the war in the Afganistan» также утверждал, что Виткевич был принесен в жертву Нессельроде...

Дальше всех пошел Массон. В описании своих путешествий и пребывания в Афганистане и Пенджабе он повторил то, что говорил Бернсу в роковые месяцы 1838 года: Виткевич — самозванец, и привезенные им письма — поддельны.

Пальмерстону было выгодно изображать Виткевича авантюристом, которого дезавуировало само же русское правительство. Такая версия всецело оправдывала грубые и дерзкие действия Англии и в то же время, считали в Лондоне, облегчала Николаю и Нессельроде отступление под натиском Форин-оффис. Поэтому-то Бернс писал из Кабула в конце 1839 года: «Я имею из Лондона письма, разъясняющие смерть Виткевича,— их пишет Нессельроде лорду Пальмерстону. Они вызвали раздражение, поскольку русское правительство обвинило Симонича, а не Виткевича».

В Англии не только сочиняли легенды о Виткевиче, но и злорадствовали.

«Edinburg Review» заявило: «И теперь, и в ближайшем будущем у России нет и не будет желания вступить в столкновения с британской мощью в Центральной Азии».

«Quarterly Review» иронизировало над утверждением, что Симонич и Виткевич превысили свои полномочия и нарушили инструкции Петербурга: «Если мы признаем добросовестность императора и его кабинета, мы должны отрицать их власть и даже влияние; если же мы признаем их власть, мы должны сомневаться в их добросовестности. Но какой бы вывод мы ни приняли, одно следствие неизбежно: из заверений русского правительства мы не можем извлечь никакой гарантии для будущего...»

Пальмерстон хотел из политического поражения Николая в Афганистане и Персии извлечь наибольшие плоды, надолго, если не навсегда, устранить Россию из Центральной Азии и Среднего Востока.

3

Подполковник сэр Александр Бернс писал о Виткевиче в книге «Кабул. Личный рассказ о путешествии и пребывании в этом городе в 1836, 1837 и 1838 годах»: «Образованный и приятный в обращении, он свободно объяснялся по-французски, по-турецки и по-персидски и обыкновенно носил казачий мундир, что было совершенной новостью в Кабуле».

Книгу свою Бернс писал в Кабуле.

В августе 1839 года англичане вошли в Кабул.

Дост Мухаммед, не в силах сопротивляться британскому нашествию, отступил с небольшим отрядом в горы на севере Афганистана.

Королем Афганистана был провозглашен Шуджа уль-Мулк. Важнейшие города были заняты английскими гарнизонами. Макнотен заставил Шуджу подписать договор, в силу которого при короле должен был состоять британский представитель как советник по государственным делам и, в первую очередь, по вопросам внешних сношений Афганистана с другими государствами.

Таким представителем был назначен Макнотен, а при нем состоял Бернс — без определенных полномочий, без власти и ответственности. Этим Александр Бернс был очень недоволен и считал, что к нему проявлена черная

неблагодарность Оклендом, который расточал ему столько нежных слов еще в Лондоне «на кушетке в Бавуде», а затем в Симле. Бернсу предлагали пост резидента в Кандагаре, но он отклонил его, так как и здесь он находился бы на второстепенном положении...

Между тем, в Афганистане зрело всенародное возмущение захватчиками, и их ставленник Шуджа был ненавидим настолько, что его постоянно охраняли английские воинские части.

«Каждому было ясно, что страной правит ненавистный король при помощи иностранных войск, а народ полон страстного желания дать выход своему возмущению».

Дост Мухаммед собирал силы на севере страны и в конце 1840 года нанес англичанам поражение в ущелье Парван Дора.

Но тут произошло нечто совершенно неожиданное. Победивший англичан Дост Мухаммед покинул свои войска, отправился в Кабул и сдался Макнотену. Он не верил в возможность одолеть регулярную британскую армию и боялся измены в своих рядах. Ведь Макнотен и Бернс не жалели денег на подкуп вождей и влиятельных лиц в разных частях страны.

Англичане ликовали... Дост Мухаммед был отправлен в Индию. Казалось, Афганистан прочно находится в их руках. Они горько заблуждались!

Недовольство и гнев народа нарастали. В сентябре 1841 года предводители племен начали готовиться к открытому восстанию. В Кабуле также шла тайная подготовка к вооруженной борьбе против англичан и их шаха.

Англичане об этом знали от своих тайных агентов, но не придавали большого значения. Окленд даже решил отозвать Макнотена в Индию, но не объявил, кто будет преемником.

Бернс имел, как он считал, все права на этот пост, и в тревожные дни всеобщего возбуждения в Кабуле он думал и писал не о надвигающейся угрозе, но о том, будет ли назначен на место Макнотена...

16 октября 1841 года, когда во многих местах Афганистана уже разгорелась вооруженная борьба, Бернс читал «Жизнь Вашингтона» Гизо. В дневник он выписал такие строки: «В людях, которые достойны пред-

назначения управлять, всякая усталость, всякая грусть, хотя бы и законная, есть слабость; их миссия есть тяжелый труд; их вознаграждение — это успех трудов». К этому Бернс прибавил: «Но все же в тяжелом труде. И я буду усталым, если буду назначен. Отважатся ли они после всего, что было обещано, после всего, что я сделал, обойти меня? Я сомневаюсь в этом сильно; но если так, то прошлое не оставит следов на мне, а будущее темно и сомнительно... Я не подхожу для второстепенного места».

Ответ на свои сомнения и тревоги Бернс искал у Тацита. Перечитав XIII и XIV главы истории, он записал в дневнике: «Какие уроки мудрости и знания, как явственно изложены человеческие мысли и страсти!»

В Кабуле обстановка с каждым днем и часом накалялась. Восстание было назначено на священный день 17 рамазана (2 ноября 1841 года).

31 октября Бернс на страницах Дневника размышлял о знаменательной для него дате: двадцатилетии его пребывания в Индии.

«О! что же этот день еще принесет? Годовщина моих двадцати лет в Индии... Он решит мою судьбу, я полагаю. Я узнаю, отправлюсь ли я в Европу или заменю Макнотена».

Бернс все ждал письма от Окленда... Ни в этот день, ни на следующий, 1 ноября, письма не было. Но в Кабуле появились листовки, извещавшие, что восстание назначено на 2 ноября. Улицы заполнялись повстанцами. Мохан Лал принес листовку Бернсу. Он поехал в военный лагерь, чтобы посмотреть, что можно предпринять. По дороге ему всунули письмо: «Настало время для вас покинуть эту страну».

Бернс, как его ни упрашивали, в военном лагере не остался и вернулся домой. Последняя его запись в дневнике гласит; «Я становлюсь все более утомленным от восхвалений и предполагаю, что я еще сильнее утомлюсь от внутреннего порицания»...

Вечером к Бернсу пришли верные англичанам афганцы и предлагали поставить охрану. Бернс отказался.

— Я ничего плохого не сделал афганцам и никого не боюсь. Но настала нам пора покинуть эту страну!

2 ноября повстанцы ринулись к Бала Гиссару, где жили английские представители. Дом Бернса распо-

жен был ниже Бала Гиссара. Повстанцы окружили его. Слуги разбудили Бернса. Он вышел на балкон и обратился с призывом к спокойствию и обещал деньги, если восставшие не тронут его. Это еще больше разъярило афганских патриотов. Они ворвались в сад с криком: «Здесь Сикиндер Бернс».

Бернс приказал стрелять. Повстанцы ответили огнем. Брат Бернса Чарлз напал на восставших и был изрублен в куски. Бернс успел вызвать на помощь полк шахской гвардии, но полк был в пути уничтожен, английский полковник убит, а пушки захвачены повстанцами.

Бернс был растерзан, все находившиеся в доме англичане убиты.

К вечеру город был в руках патриотов.

Шах сидел в Бала Гиссаре, Макнотен — в военном лагере. В течение недели восстание победило во всех важнейших пунктах страны. Его вожди прибыли в Кабул. Макнотен решил вступить с ними в переговоры, чтобы выиграть время. Однако вожди восстания понимали, что Макнотен хитрит, и пригласили его на совещание. Он принял приглашение, рассчитывая вызвать раздоры между афганскими вождями, и 22 декабря прибыл в расположение афганских войск. Совещание происходило по обычаю прямо на земле на шерстяном пледе наваба Акбар-хана. Наваб начал совещание, обвиняя Макнотена в двуличии и обмане. Спустя 15 минут один из руководителей восстания сказал:

— Довольно слов, время идет!

По этому сигналу несколько человек набросились на Макнотена, чтобы заставить его сесть на коня. Он сопротивлялся, и тогда Акбар-хан выстрелом из пистолета в сердце убил Макнотена наповал.

Генерал Элфинстон вынужден был заключить соглашение об уходе британских войск из Афганистана.

«Не успели войска выступить из военного городка, как повалил снег, солдаты испытывали ужасные мучения; после трех дней пути голова колонны вступила в горный проход; тут появился Акбар-хан со своими всадниками; он потребовал выдать ему всех женщин и детей и нескольких офицеров в качестве заложников для гарантии спокойного отступления армии; они были ему выданы. В ущелье местные жители стреляли по «британским собакам» с окружающих утесов, сотни людей

погибли, пока не преодолели прохода; к этому времени в отступающей колонне осталось всего 500—600 истощенных, израненных людей. И этих перебили как баранов во время их мучительного отхода к границе.

13 января 1842 года часовые на стенах Джелалабада увидели человека в английском мундире, висевшем на нем ключьями, верхом на замороженной лошади,— и конь, и всадник были жестоко изранены; это был доктор Брайдон, единственный уцелевший из 15000 человек, за три недели до того выступивших из Кабула. Он умирал от голода».

Англичане освободили Дост Мухаммеда, и после трех лет и восьми месяцев изгнания он вернулся в Кабул и снова стал эмиром.

...Бесславно окончилась авантюра Пальмерстона — Гобгауза — Окленда. Макнотен, Бернс, десятки тысяч английских солдат и офицеров заплатили за нее жизнью.

И нет нигде на земле могилы Бернса, как нет и могилы Виткевича.

СОВСЕМ КОРОТКОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ

Все, что читатель узнал из этой книги, происходило в действительности. Рассказанное в книге основано на документальных материалах архивов, газет и журналов того времени, на мемуарах участников событий и исторических исследованиях русских, английских, французских, немецких авторов.

Выведенные в этом повествовании лица — живые люди: Виткевич и Бернс, Дост Мухаммед и Шуджа, Макнил и Симонич и многие, многие другие.

Автор следовал за историческими событиями и фактами и прибег к вымыслу только в одном: разгадке тайны гибели Виткевича.

Читатель уже знает, что в архивах не сохранилось никаких данных о том, как погиб герой книги, найденный мертвым с пулей в виске.

Предлагаемая читателям разгадка тайны, конечно, может быть заменена и другой, но автору представляется, что эта разгадка наиболее соответствует обстоятельствам событий, вытекает из их сущности.

ОБ АВТОРЕ

Михаил Семенович Гус родился в 1900 г. на Украине, учился в гимназии в Николаеве, в университете в Киеве. В 1919 году начал работать в печати, в начале 1920 г. вступил в Коммунистическую партию. Работал редактором газет, был политработником Красной Армии, преподавал в институте журналистики.

В 1931—1941 гг. выступает как литературный и театральный критик в «Литературной газете», «Советском искусстве», «Красной нови» и других изданиях.

С начала войны работает во Всесоюзном Радиокомитете.

В 1945—1946 гг. руководил специальным Бюро Всесоюзного радио в Нюрнберге на процессе нацистских заправил. Выпустил книги «За кулисами второй мировой войны» (1947 г.) и «Американские империалисты — вдохновители мюнхенской политики» (1951 г.). Книги переведены в нескольких зарубежных странах.

Последние годы много работает как критик и литературовед. Вышли книги «Гоголь и Николаевская Россия», «Искусство и демократия», «Идеи и образы Достоевского», «Литература и эпоха».

СОДЕРЖАНИЕ

Часть I

На пороге жизни.....	3
Первый искус.....	29
Всадник скачет вперед.....	65
Тучи сгущаются.....	93
Бухара, крепость веры и ислама.....	114
Второй искус.....	130
На дальних подступах.....	149
Большая игра.....	164

Часть II

Политический треугольник.....	185
На вершине горы.....	196
Всадник скачет на вершину.....	226
Дуэль в Кабуле.....	249
Последний выстрел.....	292
Эпилог.....	325
Совсем короткое послесловие.....	332
Об авторе.....	333

Гус Михаил Семенович

ДУЭЛЬ В КАБУЛЕ

Роман

Гослитиздат УзССР — 1964 — Ташкент

Отв. за Выпуск *Л. Щербакова*
Художник *Г. Чаганов*
Худ. редактор *И. Ныров*
Техн. редактор *Н. Курилова*
Корректор *М. Тетушкина*

* *

★

Сдано в набор 18/Ш-1964 г. Подписано к печати. 22/ВП-
1964 г. Формат 84 x 108¹/₃₂ Печ. л. 10,5. Усл. л. 17,22.
Уч. -изд. л. 18,3. Индекс: худ. Р10260. Тираж 75000.
Государственное издательство художественной лите-
ратуры УзССР. Ташкент, Навои, 30.
Договор № 76(61)

* *

★

Отпечатано в типографии № 1 с матриц Специализи-
рованной наборной фабрики Государственного коми-
тета Совета Министров Узбекской ССР по печати,
Ташкент, ул. Хамзы, 21. 1964 г. Заказ № 238. Цена 72 к.